

Эльсе Розсдаль

Мир викингов (с иллюстрациями)

(викинги дома и за рубежом)

ВВЕДЕНИЕ

Обаяние эпохи викингов

Эпоха викингов озарена особым отблеском романтики и приключений. На протяжении трех столетий, начиная с периода, непосредственно предшествующего IX веку и почти до самого конца XI века, скандинавы играли доминирующую роль во многих важных, полных драматизма событиях, происходивших на европейском континенте. Они проникали во все регионы, находившиеся в пределах досягаемости их судов, и повсюду следы их пребывания сохранялись еще долгое время, а некоторые из них дошли даже до наших дней. Так, при активном участии викингов возникли самые крупные города Ирландии, в английском языке сохраняются скандинавские заимствования, в Нормандии – географические названия. Викинги были первыми поселенцами в Исландии.

Интерес к романтической эпохе викингов послужил толчком к созданию множества книг, кинофильмов, выставок и музеев, к восстановлению памятников старины. Викингская символика широко представлена в сувенирной индустрии и рекламе. Викинги стали своего рода торговой маркой Скандинавии. Во многих уголках земного шара, например, на Шетландских островах, в Нормандии, США, население хранит память о викингах, отдавая дань своим скандинавским корням. Эпоха викингов в сознании скандинавов – это период великих свершений, которыми их далекие предки прославили себя повсюду в мире. В их глазах эпоха викингов предстает в ореоле славы. И это понятно: период викингов отмечен также бурным развитием самих стран Скандинавии. В этот период закладываются основы скандинавских государств – Дании, Норвегии и Швеции. К северным странам была присоединена Гренландия. В эпоху викингов в Скандинавии было введено христианство, возникли города и еще многое другое, что составляет основу цивилизации нынешних скандинавских стран. В частности, национальная романтика скандинавов сформировалась на почве эпохи викингов.

Вместе с тем, как в Скандинавии, так и за ее пределами, в представлении общества сложился образ викинга, отправлявшегося на своем корабле в чужие земли и с мечом в руке совершавшего там кровавые деяния. Викинги грабили церкви, вымогали дань, убивали местных жителей или уводили их в рабство. Таково традиционное, но вместе с тем весьма одностороннее представление о викингах. Возникло оно, в первую очередь, благодаря современникам викингов, священнослужителям-хронистам, которые оставили свои описания, посвященные драматическим событиям тех далеких лет. Именно их свидетельствами и пользовались в средние века историки, сказители, сочинители саг. Не следует, однако, забывать, что викингам не чужда была и созидательная деятельность. Из их рядов вышли короли, участвовавшие в большой политике, строители мостов и крепостей, а также купцы, которые вели торговлю далеко за пределами родины, на огромных пространствах от Северной Норвегии до Хедебю, торгового центра на южной оконечности Дании, от Руси до торгового города Бирка близ Стокгольма, от Исландии до Дублина. Среди викингов были первопроходцы, заселявшие пустынные территории Северной Атлантики, Фарерские острова, Исландию и Гренландию. Известно, что викинги были первыми европейцами, достигшими берегов Америки (около 1000-го года). В некоторых местах викинги оседали на завоеванных территориях, возделывали землю, налаживали контакты с местными жителями. Так было, например, и в Англии или в Дублине, где викинги основали торговые колонии. Зачастую они составляли здесь правящую политико-экономическую верхушку общества. Так происходило и в некоторых районах Руси. Викинги служили в личной охране императора Византии, были солдатами в его войске. Случалось и так, что предводители викингов, хевдинги, получали в дар от местных властителей территории в устье большой реки, с тем, чтобы создавать заслон проникновению этим путем других викингов. Так, например, в 911 году французский король даровал хевдингу по имени Ролло земли вокруг устья реки Сены в Нормандии. Постепенно Ролло и его наследники распространили свою власть на всю территорию Нормандии. А в 1066 году дальний потомок Ролло, Вильгельм, завоевал английский престол, на котором с тех пор на долгие годы утвердились его потомки.

Походы и активность викингов носили калейдоскопический характер. Часто один и тот же человек в разное время и в разных обстоятельствах выступал в разных ипостасях. Мир викингов был безбрежен, и перед каждым из них открывались неисчислимые возможности. Вместе с тем, простые обитатели Скандинавии жили мирной, спокойной жизнью, и бурные события той эпохи их не касались. В большинстве своем они трудились, чтобы добыть пропитание себе и семье, и лишь время от времени до них доходили захватывающие истории о завоевании Парижа, о походах в Багдад или о кораблекрушениях в Северной Атлантике. Кое-кто время от времени приобретал ту или иную заморскую вещь у тех, кто возвращался в родные места из дальних странствий. Это мог быть жернов для перемалывания зерна или пара жемчужин.

Издrevле скандинавы обладали собственной самобытной культурой, основанной на прочных традициях. Однако в течение столетий эпохи викингов Скандинавия оказалась самыми разными нитями связанной с множеством стран мира и, благодаря этому, испытала на себе влияние многих культур, которые впитала в себя. Исследования условий жизни и

быта внутри Скандинавии показали, что здесь отмечался необычайно высокий уровень технического развития и жизненного уклада, и это в корне изменяет наши представления о том времени. Если прежде бытовало представление, что

Скандинавия в ту эпоху была населена сплошь энергичными, сильными и неустрашимыми людьми, такими варварами, морскими разбойниками, вооруженными боевыми топорами, то теперь эта эпоха видится нам как более сложный и более интересный период. То был период начала социального расслоения общества, бурное время, когда люди самыми различными способами пытались пробить себе дорогу в жизни и проявляли большую активность, не страшась перемен и достигая при этом поразительных результатов.

ЭПОХА ВИКИНГОВ И ИСТОЧНИКИ ЕЕ ИЗУЧЕНИЯ

Изучение эпохи викингов

Такие основополагающие понятия, как «эпоха викингов» и «викинги» часто будут встречаться на страницах этой книги. Хотя они и базируются на традиционных представлениях, следует, очевидно, дать некоторые пояснения. Первое понятие означает определенный исторический период, второе – связано с народами, населявшими Скандинавию. Происхождение слова «викинг» до сих пор нам точно неизвестно и служит предметом многочисленных дискуссий. Мы знаем лишь, что в самом конце эпохи викингов это слово обозначало того, кто сражается на море, морского разбойника или просто разбойника (западно-скандинавское *vikingr*) и, вместе с тем, означало также «военный поход» или «опустошение», «разграбление» (западно-скандинавское *viking*). Таким образом, викингами называли тех скандинавов, кто занимался завоевательными походами, жил за счет добычи, захваченной на море или в других землях. Однако за пределами Скандинавии выходцев из этого региона называли: «язычники», «норманны», «люди с севера», «даны», «русь», «чужеземцы». На Руси их называли «варягами». Случалось и так, что авторы, повествующие о них, подчас не знали, из какой именно скандинавской страны происходили те или иные викинги, и называли их, например, «данами», тем самым привязывая их к определенному географическому региону, хотя на самом деле дружина викингов могла состоять из представителей самых разных местностей Скандинавии.

Наши знания о викингах, их жизни и деятельности дома и за рубежом основываются на обширном материале самого различного свойства. Это, во-первых, письменные источники, (сюда входят, в частности, рунические надписи на памятных камнях, которые обыкновенно воздвигались в эпоху викингов), во-вторых, географические названия, имена собственные, археологические находки в самом широком смысле этого слова (например, продукты

жизнедеятельности человека, фрагменты растений и животных и тому подобное), а так же сведения о климатических условиях, рельефе местности и так далее. Каждая группа источников требует надлежащего осмысления, что вызывает множество проблем. В силу этого для решения подобных задач привлекается целый ряд смежных отраслей науки, таких как история, литературоведение, языкознание, топонимика, археология, нумизматика, зоология, геология и многие другие. Каждая из этих наук в той или иной мере вносит свой вклад в изучение эпохи викингов. Благодаря этому, мы имеем возможность осветить эпоху викингов с самых разных сторон. А для выработки общей концепции чрезвычайно важно сохранять и поддерживать традиции сотрудничества как между представителями различных отраслей науки, так и между учеными разных стран.

В условиях постоянного пополнения знаний об эпохе викингов и обновления проблематики, наши представления о ней постоянно подвергаются переосмыслению. Так, например, начало эпохи викингов больше не относят столь безоговорочно к 793 году, то есть к дате первого письменного свидетельства о грабительском походе викингов в Западную Европу и о разграблении ими монастыря в Линдисфарне (Северо-Восточная Англия). Теперь у нас имеются косвенные доказательства, говорящие о несколько более ранних набегах на Запад. А выходцы из Швеции уже до того проявляли активность на Востоке. И что не менее существенно, было обнаружено достаточно важных признаков того, что структура общества, экономика и новый тип поселений во всей Скандинавии стали складываться уже в 700-е годы. Тем не менее правильнее будет отнести начало эпохи викингов к концу 700-х или началу 800-х годов, потому что именно на этот период приходится активизация викингских походов и расширение экспансии, то есть те факторы, которыми в первую очередь характеризуется эпоха викингов.

Что касается завершения эпохи викингов, то его обычно связывают с ситуацией в Англии, и в частности, с 1042 годом, годом смерти последнего скандинавского короля, правившего в этой стране, то есть короля Хардекнуда. Но ведь со смертью короля все скандинавы не исчезли с английской земли, и во многих местах этого королевства владычество скандинавов продолжалось вплоть до 1100-х годов. Так было, например, в Дублине. А в других регионах и в частности на Оркнейских и Шетландских островах, на Гебридах и острове Мэн власть скандинавов просуществовала еще дольше. Зато в некоторых других регионах, скажем, в Рейнланде, их владычество прекратилось гораздо раньше, чем в Англии. Тем не менее, следует признать, что во второй половине XII века военные акции викингов, предпринимавшиеся с традиционной целью обогащения, прекратились почти полностью, и это дает нам веские основания соотнести рубеж завершения эпохи викингов с этим периодом. Таким образом, хронологические границы эпохи викингов теперь могут быть установлены более точно. С другой стороны, наши представления об уровне техники в эпоху викингов, равно, как и другие наши гипотезы, в последнее время претерпели коренное переосмысление. Так, например, суда викингов на иллюстрациях прошлых столетий (то есть до того, как при раскопках были обнаружены их корабли) изображались похожими на корыта. Авторы этих рисунков исходили из представлений о том, что скандинавы были варварами с чрезвычайно низким уровнем техники. Но в последнее время археологами было обнаружено множество остатков викингских кораблей, которые, судя по всему, выглядели весьма элегантно и обладали превосходными мореходными качествами. При археологических раскопках были обнаружены также города, крепости, мосты, и эти находки равным образом свидетельствовали о весьма высоком уровне техники и производства в эпоху викингов.

Представления о варварском Севере, основанные отчасти на свидетельствах письменных источников, а отчасти на убеждении, что европейская, христианская культура была более высокоразвитой, нынче оказываются несостоятельным. Сегодня мы стремимся понять культуру прошлого в совокупности. Мы изучаем технику, бытовой уклад и общественное устройство народов прошлого, их экономику и их взаимовлияние друг на друга. Говоря об эпохе викингов, мы вынуждены констатировать, что нам более всего

известна жизнь высших классов. Свидетельства об их походах, деяниях и идеалах, как правило, сохранились лучше и изучены более подробно, нежели жизнь простого народа. Появилось понимание того, что обширный скандинавский регион, несмотря на существенные общие черты, все же состоял (и состоит) из различных обособленных районов, во многом отличных друг от друга, и это также способствовало выработке более точных представлений о нем. Существовали как территориальные различия, так и различия в историческом развитии. Следовательно, сведения о жизненном укладе какой-либо отдаленной усадьбы в Северной Норвегии в 800-е годы никак не могут помочь нам уяснить для себя быт людей, погребенных близ Бирки в 900-е годы, так как они испытывали на себе влияние Востока. Необходимо также принимать во внимание условия жизни викингов у себя дома, а иначе их подвиги на чужбине предстанут перед нами малопонятными, разрозненными эпизодами.

Письменные источники, дошедшие до нас

В прежние времена изучение эпохи викингов в первую очередь основывалось на сохранившихся письменных источниках. Была проделана огромная работа по розыску их в архивах и других местах, по их описанию, истолкованию, комментированию и изданию.

Вместе с тем, в обстоятельных исследованиях начала 1900-х годов и более позднего времени постоянно подчеркивается, что многие увлекательные истории, восходящие к эпохе викингов, – это своего рода исторические романы, которые были сочинены спустя долгое время после описываемых в них событий. Часто они создавались с заранее продуманной целью прославить тот или иной род или несколько родов, с тем чтобы подтвердить их права на земельные владения, на корону, на ведение именно такой, а не иной политики.

Это, в частности, относится ко многим исландским сагам (написанным на исландском языке в 1200 – 1400-е годы). Сюда можно также причислить фундаментальный труд Снорри Стурлусона «Хеймскрингла» или «Круг Земной». Он был создан примерно в 1230 году и посвящен истории норвежских королей от древнейших времен до 1177 года. Сюда относится также книга Дудо, написанная по-латыни приблизительно в 1020 году и повествующая о первых скандинавских владетелях Нормандии («De moribus et actis primorum Normanniae Dicum»). Можно также назвать сочинение Саксона о подвигах данов «Gesta Danorum», относящееся приблизительно к 1200 году. События, хронология и летоисчисление, уходящие в глубь веков и передававшиеся из уст в уста, часто при записи приобретали заверченный вид и убедительное истолкование. Случалось и так, что записывающие присочиняли какой-либо эпизод, связанный с хорошо известной исторической личностью. В действительности, мало кто из сочинителей располагал убедительными данными о том, что и как происходило на самом деле. Ведь описываемые события отстояли от времени записи на сто и более лет. К тому же, многие эти истории неоднократно переписывались, что увеличивало риск ошибок и «приукрашиваний» текста первоначальной рукописи.

В силу этого часто даже не представляется возможным установить, что в записанном повествовании является заведомым вымыслом, какое событие приукрашено семейными преданиями или присочинено ради связности рассказа, а что было некогда объективной реальностью. Часто бывает, что в записанной истории вымыслом является абсолютно все, за исключением, быть может, имен главных действующих лиц. Таким образом, существовала опасность, что история викингов могла перейти в область чистой литературы. Да и сами сочинители не всегда знали, что есть правда, и к тому же у них было иное, соответствующее тому времени и не совпадающее с нынешним, представление о правдивости. Они писали для своих современников, и часто их труд был посвящен какой-нибудь знатной личности. Именно в этом контексте следует воспринимать их сочинения, а отнюдь не как попытку воссоздания событий прошлого в соответствии с нашим пониманием истории. Часто эти творения являются выдающимися литературными памятниками, в которых отражено глубокое восхищение эпохой викингов.

Так, например, сага о Йомсвикингах, которая была записана в Исландии около 1200 года, повествует о профессиональных воинах, зимой живших в укрепленном военном лагере Йомсборг на южном побережье Балтийского моря, а летом отправлявшихся в викингские походы. Они подчинялись строгой дисциплине, совершали великие подвиги и принимали активное участие в политической жизни Дании. Но в конце концов они потерпели сокрушительное поражение в битве у залива Йорнунгавог в Норвегии. Хронология и персонажи саги, среди которых были норвежские ярлы и датские короли, отражают действительные события, имевшие место в 900 году. Однако все остальное в этой саге, наверняка, не более, чем «красивая сказка». Подобные истории имели целью создать классическую картину того периода.

Вместе с тем, отнюдь не все сведения о викингах, записанные позднее, следует полностью отвергнуть или подвергнуть сомнению. Так, например, ирландские «Ульстерские анналы», относящиеся к 1400-м годам, являются достоверной версией первоначальных анналов, восходящих к эпохе викингов. В них сообщается немало сведений о походах скандинавов. Представляется также, что многие скальдические стихи, большая часть которых была создана знаменитыми скальдами для возвеличивания прославленных викингских руководителей, донесли до нас правду через поколения, хотя и были записаны после эпохи викингов. Большинство дошедших до нас скальдических стихов относится к 1100-м или 1200-м годам, и они связаны с исландскими сагами.

Многое дошло до нас благодаря труду Снорри Стурлусона «Круг Земной». Он, сам будучи скальдом, предваряет свой труд несколькими вескими аргументами в пользу правдивости изображаемых событий. Он сообщает, что важнейшими источниками для него послужили древние стихи скальдов и исторические труды его соотечественника Ари Торгильссона. Причем он отмечает, что Ари «узнавал все от старых и мудрых людей». Ари «был жаден до знаний и к тому же обладал хорошей памятью». И все-таки наиболее достоверные сведения он почерпнул из стихов скальдов, которые нужно было лишь «правильно понять и истолковать».

Снорри также сообщает, что скальды были еще при короле Харальде Прекрасноволосом (то есть в Норвегии около 900 года) и что «народ и поныне знает их стихи о нем и о других королях, которые правили Норвегией после него». Далее Снорри отмечает: «Наверняка в обычае скальдов было превозносить того, кто находился перед ними, однако никто не дерзнул бы рассказывать человеку о подвигах, которых он на самом деле не совершал. Ведь все слушающие скальда знали бы, что это не более, чем ложь и бахвальство. А такое восхваление больше походило бы на издевку».

Некоторые из стихотворений о богах и героях древности, так называемые эддические стихи, также восходят к эпохе викингов, хотя возраст многих из них до сих пор вызывает споры. Стихи Эдды известны главным образом по рукописи под названием «Codex Regius», переписанной в Исландии в конце 1200-х годов из несколько более ранней рукописи. Это собрание стихотворений часто называют «Эддой Старшей» в отличие от книги Снорри Стурлусона об искусстве стихосложения, которую он сам озаглавил «Эдда» и которую теперь называют «Снорриева Эдда» или «Эдда Младшая».

Многие скандинавские стихотворения, хотя и записанные позднее, дают нам сведения о личностях, событиях и культурно-исторических условиях эпохи викингов, одновременно являясь образцами своеобразной, сложной и увлекательной поэзии скальдов.

В известной степени удачей является то, что многие из сохранившихся скальдических стихов повествуют о событиях, происходивших в Норвегии, поскольку других письменных источников об этой стране, относящихся к тому периоду, почти не сохранилось. Правда, некоторые записанные в средние века законодательные акты содержат уложения, относящиеся к эпохе викингов, или уложения, налагающие запрет на действия, связанные с традициями языческих времен. Зачастую, однако, эти уложения, восходящие к прошлому, невозможно выделить, поскольку законы, относящиеся ко времени записи, а мы впервые знакомимся с ними в этом виде, отражают общественные отношения, возникшие спустя

сотни лет после эпохи викингов, когда многое в обществе претерпело изменения и христианство уже долгое время оказывало свое влияние.

И все же, несмотря на все оговорки относительно правдивости изображения эпохи викингов в более поздней прозаической литературе, споры о возрасте эддической поэзии и о возможностях вычлнить законодательные акты, относящиеся к эпохе викингов, представление об этой эпохе стало бы намного беднее, если бы мы с порога отвергли все эти источники. Это же соображение в равной степени касается и богатейшей древнескандинавской литературы, которая представляет собой удивительный сплав вымысла и реальности при отображении многих знаменательных событий эпохи викингов, а также культуры и истории того времени. В частности, речь идет о борьбе короля Харальда Прекрасноволосого за объединение Норвегии, о колонизации Исландии, о введении христианства в Гренландии, об открытии Америки. Даже если фон, хронология событий и их содержание могут быть переданы неточно или ошибочно, а кое-что добавлено в угоду занимательности, тем не менее, многие саги, если их рассматривать как произведения литературы, каковыми они, в сущности, и являются, безусловно содержат ту меру реальности, которая вообще возможна при реконструкции этой эпохи в наши дни. Саги были близки к происходившим событиям и, к тому же, создавались в то время, когда идеалы и жизненные ценности их создателей были во многом созвучны с эпохой викингов.

Разумеется, наиболее надежными являются источники, восходящие непосредственно к тому периоду. К сожалению, таких источников, касающихся Скандинавии, не так уж много, они неравноценны с точки зрения хронологии и истории. Многие из них к тому же сегодня с трудом поддаются расшифровке. Следует учитывать и то, что в них могут содержаться сведения, вводящие в заблуждение, допущенные автором намеренно или в силу его неосведомленности.

В Скандинавии эпохи викингов существовала система письменности, состоявшая из 16 знаков, рун, которая применялась для написания сообщений на деревянных дощечках (из которых сохранились лишь немногие) и различных предметах, и, что самое важное, для надписей на памятных, или рунических, камнях. В Норвегии сохранилось около 45 рунических камней, относящихся к эпохе викингов и к раннему средневековью. Около 220 рунических камней насчитывается в современной Дании и около 2 500 (включая небольшие фрагменты) в современной Швеции, причем, половина из них приходится на Упланд (область в Средней Швеции). Кроме того, рунические надписи были обнаружены на местах викингских поселений на севере, юге, востоке и западе.

Обычно сведения, содержащиеся в надписях на рунических камнях, менее обработаны, нежели те, которые содержатся в письменных текстах на пергаменте, хранящихся в архивах. Вместе с тем, большая группа рунических камней, обнаруженных в Средней Швеции, также может дать достаточно полное представление о культуре, истории, общественно-политических условиях того времени, как на родине викингов, так и за ее пределами. На большой каменной глыбе близ Рундбю (между Стокгольмом и Упсалой) обнаружена следующая надпись: «Ингрид повелела построить причал и вырезать руны на камне в память о муже своем, Ингемаре, и о своих сыновьях Дане и Банке. Они жили в Рундбю и владели здесь усадьбой. Да поможет Христос их душам. И будет стоять этот камень в память о них доколе люди живут».

В этой надписи речь, вероятно, идет о причале для погрузки и выгрузки судов. Он, судя по всему, был крайне необходим в Рундбю, так как здесь проходил важный водный путь Упланда. В Шусте, в той же местности, был воздвигнут камень с великолепным орнаментом, и надпись на нем повествует о некоем Спьялбуде. Он лишился жизни на Руси, в Новгороде, в церкви, возведенной в честь норвежского короля Олава Святого, погибшего в 1030 году.

Если не считать надписей на рунических камнях, все остальные источники того времени, в которых говорится о викингах, были созданы исключительно чужеземными духовными лицами, причем писали они об этом у себя на родине, и мало кто из них лично бывал в Скандинавии. Почти все эти тексты написаны на латыни. Поводом для их

написания, как правило, служили политические и военные распри на южной границе Дании или усилия по обращению в христианство язычников Севера. Поскольку большая часть христианских миссионеров в ранний период эпохи викингов направлялась в Данию, то в этих письменных источниках преимущественно говорится именно об этой стране. Когда, например, во франкских анналах, относящихся к началу 808 года, упоминается, в частности, о том, что король данов Годфред хотел укрепить южную границу своих владений оборонительным валом от Балтийского до Северного моря, то за этим сообщением стоит тот факт, что король Годфред враждовал с императором Карлом Великим. Кстати, несмотря на интенсивные археологические поиски этого вала, его так и не удалось обнаружить.

В этих же источниках можно встретить сведения и о других скандинавских странах. Так, например, сохранился рассказ хевдинга Оттара, который поведал английскому королю Альфреду о своей жизни в Северной Норвегии, о своих богатствах и о путешествии морем до Хедебю в 890 году. Существует также запись о пребывании Ангария и других христианских миссионеров не только в Дании, но и в Швеции в середине 800-х годов. Эта запись была сделана Римбертом, который стал архиепископом Гамбургско-Бременским после Ангария и оставил нам жизнеописание своего предшественника. Среди его записок, в частности, находится повествование о жизни в большом городе Средней Швеции – Бирке. Дошел до нас также довольно пространственный рассказ о скандинавских странах конца эпохи викингов, написанный немецким священнослужителем Адамом Бременским около 1075 года. Рассказ этот включен в его большой труд по истории гамбургских архиепископов «*Gesta Hammaburgensis Ecclesiae Pontificum*». К числу множества интересных сведений, сообщаемых магистром Адамом, относятся единственные, восходящие к тому времени, описания знаменитой святыни сеев, скандинавского языческого храма в Упсале.

Письменных свидетельств относительно викингских походов на Запад и Восток гораздо больше, чем сведений о жизни викингов у себя на родине. Вместе с тем, получить по этим источникам общее представление о ходе и характере викингской экспансии достаточно сложно. Некоторые достоверные источники дошли до наших дней, в то время как другие безвозвратно потеряны. Немаловажно также то, что письменная традиция существовала лишь в христианских и исламских регионах, то есть в Западной Европе, на Британских островах, в Византии и на Востоке. К тому же, эти письменные источники неоднородны. Если у христиан сведения о Скандинавии и о викингах содержатся в анналах и некоторых исторических трудах, то у мусульман они встречаются в основном в географических трудах. При этом представления о викингах как о варварах характерны и для первой, и для второй группы источников.

В странах Балтии и на Руси христианство утвердилось не ранее 900-х годов. Обширные территории здесь оставались языческими и, следовательно, безмолвствовали вплоть до 1100-х годов или даже до более позднего времени. Но в надписях на некоторых рунических камнях в Швеции, таких, как например, уже упоминавшийся памятный камень из Шусты, мы встречаем сведения о походах викингов в эти края и далее на юг. Кое-какие сведения мы находим у арабов и византийцев. В своих трудах они говорят о встреченных ими в Восточной Европе «людях с Севера» или о дошедших до них слухах об этих людях.

Регионы Северной Атлантики – Фарерские острова, Исландия и Гренландия -стали христианскими приблизительно в 1000-м году. Они находились далеко от владевшей письменностью Европы, и в силу этого не сохранилось почти никаких письменных свидетельств об этих регионах эпохи викингов. Что же касается Шотландии и близлежащих островов, то и о них до нас дошли весьма скудные письменные свидетельства. Кое-что можно почерпнуть в трудах Адама Бременского. Однако в целом при изучении этих, а также многих других регионов, нам приходится опираться на другие группы источников. В частности, речь идет о географических названиях и археологических раскопках. Иногда поиски усложняются и приходится выуживать сведения об эпохе викингов из еще более поздних по времени источников.

Получить объективное представление о викингской экспансии непросто, поскольку

отражение событий той эпохи в различных сочинениях носит весьма односторонний характер. Авторы западноевропейских трудов редко интересуют поселения викингов в заморских краях, их образ жизни, торговля и мирное существование. Зато их внимание привлекают разбойные набеги викингов, грабежи и вымогательства дани, убийства, опустошения, военные и политические союзы. Именно об этом чаще всего повествуют источники того времени. Одним из них является «Хроника Регино». Регино, который был некоторое время аббатом в Прюме, расположенном между реками Маас и Мозель, пишет в своей хронике следующее: «Когда норманны напали на монастырь в Прюме, они опустошили все вокруг. Некоторые монахи были убиты, а с ними вместе и прислужники, остальных же увели в рабство. Покинув эти места, норманны вторглись в Арденны и там осадили и захватили недавно возведенную крепость на вершине горы, где множество народа укрылось в поисках спасения. Перебив всех, они унесли к своим кораблям непомерно большую добычу и, погрузив ее на борт, отплыли в открытое море на тяжело нагруженных судах».

И, наконец, следует упомянуть еще об одной, часто упускаемой из виду проблеме. Она заключается в трудности понимания смысла слов тысячелетней давности, будь то слово из древнеанглийского, латинского или арабского языка. Значение многих слов в корне изменилось, и мы сегодня не можем с уверенностью определить точный смысл того или иного слова. Так, в эпоху викингов люди бесспорно знали, что означает древнескандинавское слово «конунгр» («король»), в чем заключается смысл этого титула. Для нас же бесспорно лишь то, что оно во всяком случае подразумевало выполнение совершенно других функций, нежели те, которые европейский король выполняет сегодня. Мы знаем мало или почти ничего не знаем о том, каковы были права и обязанности короля в эпоху викингов и сколь далеко простиралась его власть. К тому же, и в самой Скандинавии некоторые слова имели разные значения в зависимости от того или иного региона и меняли его с течением времени на всем трехсотлетнем протяжении эпохи викингов.

В заключение следует отметить, что достоверных письменных источников об эпохе викингов сохранилось немало, однако, в большинстве своем они касаются более позднего периода. И все же на сегодняшний день их обнаружено достаточно для того, чтобы можно было представить себе контуры событий и культуру того времени. Эти источники дают нам сведения о знаменитых личностях, равно как и об их деятельности. Кроме того, до нас дошли некоторые зафиксированные впечатления современников той эпохи. Следует к тому же отметить, что письменные источники больше не являются единственными свидетельствами эпохи викингов. В нашем распоряжении имеются и другие группы источников, которые дополняют и корректируют наши знания, и могут дать представление о других, новых сторонах этого периода.

Географические названия

Многие географические названия, возникшие в эпоху викингов, существуют и поныне, как в Скандинавии, так и на местах викингских поселений повсюду в мире.

Типы названий, распространенных на родине викингов, можно установить частично при помощи лингвистического анализа формы и содержания слова, а частично на основе определения статуса и места викингских поселений, носящих разные названия. Наконец, можно провести сравнительный анализ географических названий в Скандинавии и в местах викингских колоний. Во многих районах, после завоевания их викингами и создания там поселений норманнов, рождались новые географические названия. К ним относится, например, название Стирсбу в Северной Англии, где первая часть слова «Стир» происходит от скандинавского имени «Стюрр», а окончание «бу» также характерно для языков Скандинавии. Или, скажем, «Токевиль» в Нормандии, которое состоит из двух частей – скандинавского имени «Токе» и французского окончания «виль». Мы можем даже с известной долей достоверности определить по названию местности, кто преимущественно

находился в этом поселении – датчане или норвежцы.

По названию местности мы также можем представить себе характер поселения. Что касается Скандинавии, то мы получили возможность установить, как распространялись поселения на этой территории. Вдобавок названия поселений дают нам сведения о традициях, в соответствии с которыми давались эти названия (это касается как имен собственных, так и названий, связанных с географическими особенностями местности). Они также помогают нам уяснить особенности языка того времени. До некоторой степени географические названия могут пролить свет и на религиозную ситуацию. Так, географические названия, связанные с именем Одина (например, Оденсе), свидетельствуют о поклонении этому главному языческому божеству, а, сравнивая географические названия, соотношенные с именем того или иного бога, мы можем представить себе, какова была популярность этих дохристианских богов в разных регионах Скандинавии.

Что же касается колоний викингов за рубежом, то здесь характер и количество скандинавских или наполовину скандинавских географических названий в значительной мере обусловлены тем, много ли поселенцев населяло эту иноземную колонию, каков был здесь их статус и какое влияние оказал их язык на диалект местных жителей. Последнее, в свою очередь, зависело от того, насколько близки были языки скандинавов и местных жителей, а также от того, каков был характер поселения норманнов – шла ли речь о мирном сосуществовании с местным населением или о полном его порабощении.

Так, например, датский и английский языки достаточно близки. Вдобавок скандинавы и англичане очень скоро научились мирно сосуществовать на английской земле, в результате чего здесь возник своеобразный смешанный язык. С другой стороны, шведский и славянский языки относятся к совершенно различным языковым группам, и, следовательно, на русской территории такой смешанный язык возникнуть не мог. Скандинавские поселенцы были поставлены перед выбором, и в конце концов они оказались вынужденными освоить местный язык, в котором, правда, появились некоторые скандинавские заимствования. Так, в частности, скандинавское название было дано одному из Днепровских порогов, который многим приходилось миновать на пути в Византию.

На Оркнейских и Шетландских островах развитие пошло по иному пути. Здесь местный язык был полностью вытеснен скандинавским, вследствие чего возник своеобразный диалект под названием «Норн». Он просуществовал почти до нашего времени. Можно сказать, что географические названия здесь по преимуществу скандинавские, хотя часть из них, разумеется, возникла гораздо позднее эпохи викингов. Равным образом далеко не все географические названия в Англии возникли сразу же после завоевания этой страны викингами в 800-х годах. Многие из них, особенно те, которые представляли собой скандинавские заимствования для обозначения ландшафта, например, такие, как «бек» (ручей), или «фьель», «бьерг» (гора), могли возникнуть гораздо позднее.

Археологические находки

Самые крупные достижения последних лет в понимании эпохи викингов связаны с археологическими находками и изучением их представителями различных отраслей науки. Результаты археологических изысканий – плод многолетнего интенсивного труда ученых разных стран. Активное изучение эпохи викингов связано со всеобщим интересом к этой теме. Нередко археологические находки и результаты исследований, ставшие достоянием гласности, причем в популярной форме, в свою очередь вызывают к жизни целый ряд новых вопросов.

В том случае, когда новые находки доходят до нас в хорошей сохранности, они могут рассказать многое даже человеку, не обладающему специальной подготовкой. Например, если глиняный горшок сохранился в целости, он может дать представление о форме и материале, из которого он сделан. Но если на территории Скандинавии обнаружен только обломок глиняного горшка, то лишь специальные знания о керамике того периода помогут

установить, например, что изделие было импортировано из Англии. Точно так же серебряный браслет свидетельствует о моде и эстетике того времени и об уровне достатка людей той эпохи. На основании изучения большого количества серебряных браслетов специалисты сделали вывод, что вес каждого браслета соответствует единице или нескольким единицам системы весов, принятой на Востоке.

Вместе с тем, случаи, когда предмет или строение доходят до наших дней в целости и без изъянов, довольно редки. Большая их часть престаёт перед нами в виде фрагментов и даже «теней» или отпечатков. От ларца может сохраниться лишь ручка, от моста – нижние части несущих опор, а от дома – всего лишь отпечатки на почве полностью сгнивших опор. В некоторых случаях предмет может сохраниться полностью, но материал, из которого он изготовлен, претерпел за столетия такие изменения, что вещь почти утратила свой первоначальный вид. Это, в частности, относится к некоторым изделиям из железа и почти ко всем изделиям из дерева. Такие вещи приходится подвергать специальной обработке для того, чтобы их полностью не разрушила ржавчина или чтобы они не были разрушены как-нибудь иначе.

Для того, чтобы получить достаточно полное представление о том, как выглядели вещи или сооружения первоначально, как они функционировали, какова была техника их изготовления, часто бывает необходимо воссоздать их модель, реконструировать их, причем лучше всего – в натуральную величину и из подлинных материалов, с применением той же техники. Эта экспериментальная археология, воссоздавая корабли и дома, выполняет наряду с научными функциями также задачи популяризации.

В противоположность другим группам источников, число археологических находок непрерывно растет. Можно сказать, что оно множится с каждым днем. Такие находки могут иметь большее или меньшее значение, но время от времени среди них появляются столь сенсационные, что, благодаря им, в корне меняются некоторые традиционные представления. Так было, например, после обнаружения «круглых» крепостей в 30-50-е годы или поразительно богатых находок, восходящих к эпохе викингов в Дублине и Йорке при раскопках 1960-80-х годов.

Вместе с тем, если не считать погребальных даров, положенных в захоронения вместе с умершим, и зарытых в эпоху викингов богатых кладов, большинство обнаруженных предметов представляет собой негодные вещи и отбросы, а на основании таких находок трудно бывает воссоздать картину, скажем, состояния художественных ремесел в том или ином городе. Затруднения встречаются также при сравнении и обобщении материалов, происходящих из разных регионов. Местные условия и время часто накладывают свой отпечаток на характер того, что может быть найдено. Так, например, существуют различия между тем, что клали в погребение вместе с умершим в языческий период и во времена христианства. Кроме того, изучение захоронений в различных регионах проводилось с неодинаковой интенсивностью. Само обнаружение захоронений и степень их сохранности определяются случаем. Впрочем, подобные проблемы возникают всегда при археологических раскопках.

Успехи археологических изысканий последних лет в значительной мере объясняются систематическими исследованиями в отдельных областях, такими, как, например, анализ значения железа в экономике, роли и характера торгового центра Хедебю, изучение монет и других средств оплаты при торговых операциях, исследование поселений скандинавов и саамов на севере Скандинавии, изучение кораблей. Не последнюю роль сыграла также новая методика археологических изысканий и новые технологии естественно-научных анализов. Все это дало возможность ответить на многие, вновь возникающие вопросы.

Говоря о методике археологических раскопок, мы, в первую очередь, имеем в виду использование машин и механизмов, что позволило быстрее и с меньшими затратами вскрывать обширные площади. Именно благодаря этому, появилась возможность полностью раскопать в Дании одно из поселений викингского периода. Речь идет о поселении Ворбассе в средней Ютландии. Прежде, когда основными орудиями труда при раскопках являлись

лишь лопаты и человеческие руки, можно было получить данные не более, чем об одном или двух домах. Последнее новшество – подводная археология. Теперь, благодаря усилиям ныряльщиков, водолазов и подводников, появилась возможность исследовать предметы на значительной глубине. Что касается мелководных участков, то там стало возможным производить традиционные раскопки, после возведения вокруг них заградительных сооружений с последующей откачкой воды. Этот метод применялся, в частности, при исследованиях гавани в Хедебю. Из-за влажности земляных пластов здесь возникали необычайно благоприятные условия для сохранности предметов, благодаря чему были обнаружены доселе неизвестные археологам вещи, такие, как фрагменты одежды.

К числу технических и естественно-научных анализов относится, в частности, определение твердости лезвий топоров и ножей, что помогает получить представление о качестве и эффективности этих орудий. Прежде исследователям приходилось довольствоваться лишь констатацией их формы. Изучения жуков, насекомых, паразитов и остатков растений, обнаруженных внутри домов и вокруг них, дают сведения о гигиене и физических условиях жизни их обитателей, а зоологические и ботанические анализы остатков костей и растений могут многое прояснить касательно наших представлений о том, как люди жили и чем питались. Важные результаты дает изучение природных условий и ландшафта. Так, в обширном приморском районе Средней Швеции, там, где был расположен город Бирка, со времен эпохи викингов уровень суши поднялся примерно на 5 метров. Это имеет решающее значение при определении способов передвижения людей и условий их быта в ту эпоху.

Существенный сдвиг произошел и в естественно-научных методиках датирования, в основном, благодаря дендрохронологии, которая выработала метод датировки археологических остатков, основанный на анализе годовых колец древесины. Путем измерения ширины годовых колец на спиле бревна и сравнения его с шириной годовых колец на спиле бревна, возраст которого известен, можно с точностью установить год порубки первого дерева, при условии, если внешнее годовое кольцо не срезано или не нарушено каким-либо иным образом и если принимаются во внимание другие факторы, такие, как, например, порода дерева и условия его произрастания.

Метод этот используется при исследовании многих викингских регионов и уже дал поистине эпохальные результаты. Неизвестные сооружения, в частности, остатки деревенского частокола, с помощью этого метода, могут быть датированы с точностью до года. Если соотнести их с другими сооружениями соответствующего возраста, имеющимися на обширной территории, появляется возможность сделать вывод о политической ситуации данного региона, подкрепив сведениями из письменных источников. Это касается, например, пограничного защитного вала Даневирке, возраст которого теперь определяется 968 годом. Из письменных источников мы знаем, что это был период царствования короля Харальда Синезубого, и именно в эти годы возник политический кризис в его отношениях с королевством германцев. Обе группы источников дополняют друг друга и дают нам более точное представление о политической ситуации того периода.

СКАНДИНАВИЯ

География, природные условия и культурная общность

Родиной викингов была Скандинавия, то есть Дания, Норвегия и Швеция. Не следует, однако, представлять себе дело таким образом, будто в эпоху викингов эти три государства были четко определившимися политическими образованиями с установленными границами. Вместе с тем, формирование их происходило именно в этот период. Их внутренние границы определились несколько позднее. Впоследствии они неоднократно менялись, но примечательно то, что южная граница Скандинавии у реки Эйдер оставалась неизменной до 1864 года.

Проезжая по Скандинавии, мы и сегодня не перестаем удивляться обширной территории этого региона и его многообразию. Разумеется, его внешний вид со времен викингов претерпел существенные изменения. Так, например, в некоторых местах значительно повысился уровень суши по отношению к уровню моря. В других местах были дренированы и осушены большие водные пространства. Особенно это относится к Дании. Во многих районах территории, прежде покрытые лесами, сегодня используются в земледелии и в других целях. Однако основные природные условия сохраняются до наших дней, а они-то имели решающее значение для условий жизни населения в гораздо большей степени, чем сегодня.

Регион, ныне занимаемый **Норвегией**, насчитывает 1800 километров по прямой линии с юго-запада на северо-восток, причем с большими широтными колебаниями. Здесь встречаются горные районы, где большую часть территории занимают плоские горные плато высотой свыше тысячи метров. Высокогорные районы, куда, в частности, входит и самая высокая гора Северной Европы Гальхепигген (2 469 метров над уровнем моря), покрыты вечными снегами и льдами. Берег представляет собой сильно изрезанное скалистое

побережье со множеством глубоких фьордов. Вместе с тем, оно ограждено от Атлантического океана грядой небольших островков и шхер, которые способствуют безопасному плаванью вдоль берега. Пахотные земли расположены преимущественно вдоль фьордов и в долинах больших рек, впадающих в фьорды. Чаще всего это совсем небольшие участки, но на юге, в районе Осло-фьорда, в береговых районах и в долинах, ведущих к ним, а также в Юго-Западной Норвегии и в Треннелаге вокруг Тронхеймс-фьорда, встречаются обширные площади плодородной земли.

Климат в этой продольно вытянутой стране, разумеется, характеризуется большим разнообразием. Несмотря на северные широты, западные береговые участки, благодаря ветрам с запада и теплomu течению Гольфстрим, отличаются ярко выраженным морским климатом, с довольно холодным летом и настолько мягкой зимой, что гавани открыты для судоходства круглый год. Страна находится в зоне хвойных лесов, но вместе с тем значительная часть ее выходит за пределы этой зоны. В Норвегии по-прежнему сохраняется богатая фауна диких животных – как мясного, так и пушного зверя. Здесь, в частности, обитают дикие северные олени, лоси, медведи, волки, росوماхи, лисы и куницы. Море богато рыбой. Водятся здесь также тюлени и киты, а в Северной Норвегии – моржи. В числе природных ресурсов Норвегии эпохи викингов следует в первую очередь назвать залежи железа и необозримые запасы древесины. Некоторые цифры, хотя и относящиеся к сегодняшнему дню, могут, вероятно, дать дополнительное представление о стране. Пахотная земля составляет 3% территории, леса – 23%. Почти 70% приходится на горные районы, лишенные лесов.

У Норвегии имеется общая граница со Швецией, а в эпоху викингов короткий отрезок ее территории граничил с Данией. В основном же Норвегия как раньше, так и теперь, обращена к Западу. Корабли осуществляли связь между побережьями Норвегии и островами Атлантического океана, Британскими островами и Западной Швецией.

Современная **Швеция** имеет в длину по прямой линии с юго-запада на северо-восток около 1600 километров, а ширина ее – около 500 километров. Территория Швеции неоднородна. С севера, вдоль норвежской границы до Средней Швеции, простирается сильно изрезанный горный массив. Вершины гор покрыты вечными снегами и льдами, и отсюда берут начало многочисленные реки, которые стекают по слегка наклонной плоскости к юго-востоку, где у Ботнического залива раскинулась обширная прибрежная низменность.

В среднешведской равнине вокруг больших озер Меларен, Венерн и Веттерн простираются обширные плодородные поля, в то время как нагорье в Южной Швеции, в области Смоланд, и с примыкающими поблизости Халландом и Блекинге были совершенно неплодородными, а в древности еще и почти непроезжими из-за многочисленных озер и болот и необозримых лесных массивов. В Сконе большая часть территории занята плодородной низменностью. Дания также представляет собой низменность, а в эпоху викингов область Сконе относилась к этому королевству. То же самое можно сказать и о Халланде, а что касается Блекинге, то эта область впервые стала датской, вероятно, несколько позднее. Эти три области были присоединены к Швеции в 1658 году, вместе с норвежским Бохусленом, расположенным севернее Халланда и реки Гета-эльв. Большая часть шведского побережья имеет многочисленные шхеры и острова. Самыми крупными из этих островов являются Эланд и Готланд в Балтийском море.

Климат Швеции представляет собой нечто среднее между морским климатом Западной Норвегии и континентальным климатом Восточной Европы. Для Южной Швеции характерен типично морской климат, но зимние температуры здесь резко падают к северу, и в Северной Швеции бывают очень холодные зимы, с большим количеством снега и льда. Около 57% территории Швеции сегодня покрыты лесами, преимущественно хвойными, однако в области Сконе и вдоль остальных прибрежных районов Южной Швеции встречаются лиственные леса. В целом ряде мест имелись богатые залежи железа и большое количество древесины. Кроме того, в Швеции, и в особенности в северной ее части, в эпоху викингов имелись богатые возможности для охоты на мясного и пушного зверя, а в море водилось

много рыбы.

Основная часть Швеции была, как и теперь, обращена на восток и испытывала на себе влияние этого региона. Впрочем, со стороны Балтийского моря у нее были связи также с Западом, а плодородная область Вестергетланд, которая, благодаря протекающей через нее реке Гета-эльв, имела выход к морю в том месте, где сейчас находится город Гетеборг, была особенно тесно связана с Западом и с Данией. Малонаселенные северные районы Швеции и Норвегии поддерживали контакты с финскими и саамскими племенами.

Дания, в сравнении с Норвегией и Швецией, маленькая страна. Ее длина по прямой линии от Скагена на севере до относящейся к периоду викингов южной границы у Эйзера составляет около 375 километров. Дания – страна сугубо равнинная, самая высокая ее точка поднимается на 173 метра над уровнем моря. В эпоху викингов в датское королевство входили Ютландия и острова, а также, как уже упоминалось, области Сконе и Халланд, ныне принадлежащие Швеции. Так же, как и в Швеции, климат в Дании колеблется между морским и континентальным. Дания находится в зоне лиственных лесов, но уже в эпоху викингов население здесь занималось главным образом земледелием, в то время как охота имела второстепенное значение. Как и повсюду в Скандинавии, море у берегов Дании было богато рыбой. А вот запасы доброкачественной древесины отнюдь не были неисчерпаемы. В эпоху викингов интенсивное потребление древесины дуба привело к оскудению лесных массивов.

Во времена викингов Дания, как и теперь, являлась воротами Скандинавии, а соседями ее были саксы, фризы и славяне. Связи по суше осуществлялись через Ютландию. Благодаря местоположению Дании, ее политические и культурные связи с южными соседями были гораздо интенсивнее, чем связи Норвегии и Швеции, и европейские влияния проникали в нее именно с юга. Что касается морских связей, то Дания, с одной стороны, являлась воротами в Балтийское море, а с другой, – у нее был выход к Западной Европе и к Британским островам.

Обширные просторы и природное разнообразие Скандинавии обуславливали различия в средствах добычи пропитания, а также многих других условий. Вследствие этого развитие каждого из регионов шло своим особым путем. Так, в частности, в разных местах не всегда поклонялись одним и тем же богам, погребальные ритуалы были неодинаковы, и вещи при захоронении клали в могилу умершего различные. Можно также сомневаться в том, что законодательные акты, о которых мы читаем в надписях на рунических камнях, находящихся в Средней Швеции, действовали в Дании или в Западной Норвегии. Различия между тремя скандинавскими странами могли усугубляться еще и тем обстоятельством, что они в культурном и военно-политическом отношении были, так сказать, ориентированы в разных направлениях.

И все же Скандинавия, несмотря на многие различия, в значительной степени являлась обособленным культурным регионом, что можно объяснить, главным образом, ее географическим положением и природными богатствами. Скандинавия была самым северным регионом Западной Европы, и народы, жившие еще севернее или восточнее, не оказывали на нее существенного влияния. Отсюда было одинаково далеко до политических и культурных центров, находившихся на юге. Следует учитывать также то обстоятельство, что Скандинавия почти полностью окружена водой. С запада ее омывают Атлантический океан и Северное море, с востока – Балтийское море с Ботническим заливом. Добраться до самых крупных населенных областей легко было морем на кораблях. Можно было также плыть вдоль западного побережья Норвегии, которое, как уже говорилось, ограждено от океана барьером из островов и шхер. Таким образом, в судоходные сезоны можно было без особого труда осуществлять связь с дальними регионами с помощью судов, обладавших отличными мореходными качествами. В зимние периоды сообщение с помощью саней по установившемуся ледовому и снежному покрову оказывалось еще более легким. Была также возможность пересечь скандинавский полуостров, держа путь через обширные долины.

В целом Скандинавия обладает почти всеми наиболее важными природными ресурсами, что способствовало сближению ее с другими народами. Оживленный обмен

товарами осуществлялся с самыми дальними регионами. Кроме того, сохранились многочисленные данные о политических и военных контактах, как мирных, так и враждебных. Языки в Скандинавии обладали большим сходством, и это давало возможность ее народам понять религию, обряды, архитектуру друг друга, хотя, разумеется, у каждого региона были свои особенности. Характерным для Скандинавии являлось также то, что предметы быта, украшения, моды на женские одежды, письменность и поэзия, орнаментика, декор и многое другое были общими для одного и того же социального слоя населения. Представитель знати, наверняка, легко мог отличить, скажем, торговца из Бирки от его сотоварищей, прибывших, допустим, из Западной Норвегии или Хедебю. Вместе с тем, скандинавы с легкостью понимали язык друг друга. Одинаковыми были у них и культура, и образ жизни. Для народов Европейского континента различия между скандинавами были неощутимы, и вплоть до второй половины 900-х годов или даже позднее они воспринимались как единое целое. Все они были для европейцев просто язычниками или дикарями с Севера.

Люди

Эддическое стихотворение «Ригстула», которое, по мнению многих исследователей, восходит к 900-м годам, но впервые стало известно из рукописи, созданной на 400 лет позднее, обрисовывает три различных класса общества: рабов, свободных людей – бондов и военную знать. В этом стихотворении отчетливо отражено классовое сознание общества той эпохи. Рабы в нем описаны с презрением и даже с некоторым отвращением, а представители двух других классов – с почтением и восхищением. Независимо от времени создания этого стихотворения, оно ярко иллюстрирует социальные различия, характерные для эпохи викингов.

В «Ригстуле» рассказывается о том, как Риг – в действительности бог Хеймдал – во время своих странствий сначала попадает к супружеской паре, обитателям бедной хижины. Сын, который появился в семье в результате этого визита, получил имя Трэль, то есть раб.

«Он был высокого роста, кожа на руках у него была, точно чешуя, пальцы короткие и скрюченные, ногти загнутые, лицо отвратное, спина сутулая, а ступни ног громадные». Он женился на девушке по имени Ти (другое слово для обозначения «раба»). Она явилась в дом «с грязью на подошвах, с дочерна загорелыми руками, с длинным крючковатым носом». У них родилось много детей, которым всю жизнь пришлось тяжело трудиться. В следующий раз Риг посетил другую супружескую пару. Муж и жена, нарядные и ухоженные, весело хлопотали в красиво убранной горнице. Спустя девять месяцев у них родился сын, которому дали имя Карл (то есть бонд, свободный человек). «Щеки у него были румяные, а глаза живые и смышленные». «У него был прирученный вол, на котором он пахал землю». Он выстроил себе дом и амбар, смастерил плуг и повозку. Его невеста приехала в усадьбу в одежде из козьих шкур. При ней были ключи (знак достоинства хозяйки дома), и звали ее Снер, то есть «жена сына или невестка». У них родилось много детей, и все они были наречены красивыми именами.

Последними Риг посетил нарядно одетых супругов, живших в богатом доме, где ему подали изысканное угощение. «Они пили, ели и беседовали весь день». Сын, который затем появился на свет, был назван Ярлом. «У него была белая кожа, белокурые волосы, а глаза были зоркие, как у молодого змия». Он стал великим воином. Он владел обширными землями, скакал верхом, охотился, плавал и щедро раздавал дары.

«И была белокожая девушка с тонкими пальцами, высокая, умная, и звали ее Эрна. Ее привезли в дом Ярла, и она стала его невестой». У них родилось много детей, нареченных красивыми именами. Последнего сына звали Конгунгр (то есть конунг или король). Он был наделен многими достоинствами.

Внешность, гигиена и здоровье

Представления о внешности и образе жизни людей в эпоху викингов может быть получено путем изучения самых разных источников.

В среднем рост викингов был несколько меньше, чем рост человека в наши дни. Рост мужчин составлял 172 см, а рост женщин 158-160 см. Показатели эти были получены на основании исследований целого ряда скелетов из захоронений, найденных в разных районах Скандинавии. Наиболее интенсивные антропологические изыскания проводятся в Дании. Ниже мы приводим показатели, зафиксированные в этих исследованиях. Впрочем, данные по другим районам не столь уж резко отличаются от них.

В Дании рост мужчин в те времена достигал 172,6 см (в 1984 году рост датчан призывного возраста составлял 180 см), а рост женщин - 158,1 см. Разумеется, отдельные индивиды могли быть значительно выше. Встречаются останки людей, рост которых достигал 184,8 см. Длина конечностей скелетов в наиболее богатых захоронениях, принадлежавших представителям наиболее благополучных слоев населения, была гораздо больше средней. Причина, несомненно, заключается в более благоприятных условиях жизни данной группы людей. Любопытно, что в парном захоронении, найденном на Лангеланде, меньшим ростом обладал тот, кто был обезглавлен, а перед этим, по всей вероятности, связан. Второй умерший был положен в могилу вместе со своим копьем. Здесь, бесспорно, мы имеем дело со скелетом раба (171 см), который не по своей воле должен был последовать в могилу за своим господином, скелет которого достигал в длину 177 см.

Ревматизм в эпоху викингов был весьма распространенным заболеванием, как, впрочем, и во все другие времена. Кроме того, у многих были проблемы с зубами: люди постепенно лишались зубов из-за твердой, грубой пищи. Вместе с тем, кариесом страдали лишь немногие, в отличие от того, что мы наблюдаем сейчас. Разумеется, существовали и другие болезни, как врожденные, так и приобретенные позднее. Детская смертность была, несомненно, очень велика. В некоторых случаях встречаются скелеты со следами ударов топором или мечом, а также с другими признаками насильственной смерти, наступившей в ходе сражений или побоищ. Стихи скальдов, надписи на рунических камнях, а также другие письменные источники повествуют о кровавых драмах и доносят до нас скорбь родителей по своим убитым сыновьям. В местах захоронений обычно находятся те, кто умер естественной смертью в мирное время. Средний возраст взрослых на удивление высок – как мужчин, так и женщин, по крайней мере, в Дании. Этому способствовали достаточно хороший уровень жизни и мирное существование. Так, среди 240 обследованных останков умерших взрослых людей 140 человек достигли возрастной группы «maturus» (около 35-55 лет), а к возрастной группе «adultus» (около 20-35 лет) относятся 100 индивидов. Вместе с тем, возраст свыше 55 лет является, вероятно, все же редкостью. Было обнаружено всего 2 человека, переступивших эту возрастную границу.

На основании изучения большого количества скелетов мы можем сделать вывод, что внешность людей эпохи викингов была весьма многообразной. Норвежский антрополог Берит Селеволл так описывает «средних» мужчину и женщину того времени: «Сложены были и мужчины, и женщины пропорционально. Средние соотношения ширины и высоты черепа соответствовали аналогичным соотношениям размеров глазниц и ноздрей.

В среднем левая бедренная и берцовая кости несколько длиннее, чем правые (что характерно и для нынешнего времени). Что касается рук, то здесь отмечается некоторое различие между конечностями у мужчин и у женщин. У мужчин правое предплечье немного длиннее, чем левое, а у женщин они приблизительно одинаковы. Этот факт можно объяснить тем, что мужчины чаще пользовались правой рукой, чем левой, а женщины пользовались обеими руками приблизительно одинаково». Берит Селеволл в заключение отмечает: «Что касается внешнего вида, то люди эпохи викингов едва ли сильно отличались от нынешнего населения Скандинавии, если не считать несколько меньшего роста и несколько лучшего состояния зубов, а также, разумеется, одежды, украшений и причесок».

Рисованных изображений людей того времени сохранилось не так уж много, и лишь в некоторых из них отсутствует стилизация, и они приближены к реальности. I [а настенном тканном ковре, обнаруженном в богатом Усебергском захоронении (Южная Норвегия), и на некоторых рисованных памятных камнях из Готланда представители обоих полов изображены в самых разных жизненных ситуациях. Кроме того, в Швеции были найдены небольшие серебряные и бронзовые фигурки статных и нарядных женщин в платьях со шлейфом и с волосами, убранными в красивый пучок на затылке и покрытыми, вероятно, волосной сеткой или платком. Некоторые из них держат в протянутых руках рог или кубок для питья, очевидно, приветствуя прибывшего гостя.

Встречаются также изображения мужских голов, выполненные весьма детально, с волосами и бородами. Можно сослаться, например, на деревянную декоративную резьбу на повозке из Усебергского захоронения, изображающую треугольные мужские головы. На этих головах аккуратная прическа, элегантные, длинные, до ушей, затейливо заплетенные усы и клинообразные бороды, закрывающие нижнюю часть лица, но оставляющие открытыми щеки. Археологические находки туалетных принадлежностей подтверждают впечатление аккуратности и ухоженности. Очень часто встречаются красивые, узорчатые гребни. Судя по всему, они использовались широкими слоями населения, а не только представителями знати, которые, скорее всего, служили моделями для большинства изображений. Среди предметов, найденных при раскопках, встречаются ногтечистки, пинцеты, красивые тазы для умывания, а следы потертостей на зубах свидетельствуют о том, что в ходу были также зубочистки.

Более того, некий испанский араб по имени Ат-Тартучи, который посещал Хедебю в 900-х годах, свидетельствовал, что там мужчины и женщины подкрашивали себе глаза. Автор английской хроники, который, несомненно, жил после эпохи викингов и знакомился с нею по древним письменным источникам, сообщает, что успех викингов у английских дам объяснялся тем, что они мылись по субботам, содержали в порядке волосы и были нарядно одеты. Анонимное английское письмо, в котором содержатся поучения некоего человека, обращенные к его брату Эдварду, создает впечатление, что скандинавы той поры были щеголями и законодателями моды. Автор письма увещевает своего брата придерживаться обычаев своих англосаксонских предков, а не следовать «датской моде, не брить шею и не ослеплять глаза». Последнее, вероятно, означает, что у датчан были длинные челки, подающие на лоб и на глаза, а первое говорит о том, что они брили себе затылки.

Именно такую прическу норманнов можно видеть на ковре из Байе, относящемся к 1070-м годам. Вместе с тем, несомненно также то, что люди, принадлежавшие к низшим социальным слоям – рабы и земледельцы – выглядели иначе. Они, согласно описанию в «Ригстуге», были изнурены тяжелым трудом и, вероятно, плохо питались. Они не имели возможности носить модное платье, модные прически и соблюдать особую чистоту. Во время походов и дальних торговых поездок викинги наверняка не всегда выглядели чистооплотными и опрятными. Арабский посланник Ибн Фадлан, который в 920-е годы повстречался с группой викингов близ Волги, нашел их невероятно грязными. Он писал: «Это самые нечистооплотные люди из всех созданий Аллаха. Они не моются, справив большую или малую нужду и после совокупления с женщиной, и не моют руки после еды. Поистине, это заблудшие ослы...»

Как известно, все зависит от точки зрения, а у правоверного мусульманина, который, согласно своей религии, должен был совершать омовение перед каждой из пяти ежедневных молитв, эти манеры викингов должны были вызывать отвращение. Правда, дальше он

говорит о том, что все они моются по утрам, но и это вызывает его неодобрение, поскольку мытье это совершается в одной и той же воде. Археологические раскопки, проводившиеся в Йорке (Англия), показывают, что в городах того времени люди жили в условиях, которые по современным стандартам не могут считаться гигиеничными. Впрочем, это, несомненно, было характерным для того периода и даже позднее. Если же посмотреть на это с точки зрения европейца того времени, то представление о викингах, как о грязных, неухоженных варварах, будет далеким от справедливости. Отнюдь не таким выглядит датско-английский король Кнуд Великий на английском рисунке 1030-х годов. Он изображен здесь во весь рост – стройный, причесанный, элегантно одетый, в узких штанах, башмаках и обтягивающих ноги чулках. На нем поверх рубахи надета туника до колен, с широкой окантовкой, а на плечо наброшен плащ с нарядным бантом.

Одежда

Будучи датчанином по происхождению, король Кнуд, тем не менее, большую часть жизни провел в Англии. Впрочем, основные характерные особенности мужской одежды высшей знати были, вероятно, одинаково присущи как европейцам, так и скандинавам. Мужчины обычно носили башмаки или сапожки, штаны и чулки, тунику до колен или чуть короче, рубаху с вырезом у шеи и плащ. Так что, в те годы, когда Кнуд жил в Дании, его одежда едва ли выглядела иначе, чем это изображено на упоминавшемся выше рисунке.

Образцы одежды в целом виде не сохранились, но обувь была обнаружена в большом количестве, особенно при раскопках на месте бывших городов. Это прежде всего башмаки и сапожки до щиколотки или выше. Верх обуви, как правило, был изготовлен из козьей шкуры, а подошва пришивалась отдельно. Обувь выполнена профессионально – ремесло башмачников было весьма распространенным в городах. Покрой остается схожим в самых разных регионах. Обычно имеется ременная шнуровка, окантовка у горловины, а верх украшен декоративным швом, иногда цветным. Такова была обычная повседневная обувь. Что же касается нарядной обуви, которую знать носила с парадным платьем, подобной той, которую мы видим на рисунке, изображающем короля Кнуда, то о ней нам почти ничего неизвестно. В отношении одежды все наоборот. Мы знаем об одежде знати гораздо больше, чем о повседневном платье для бедняков. Оно скорее всего было очень простым. А вот о детских нарядах мы практически ничего не знаем.

Основные сведения об одежде дают нам фрагменты, найденные в захоронениях. Речь идет о погребениях знати близ Бирки и о столь же богатой мужской могиле в Маммене (Средняя Ютландия). Важным дополнением к этим сведениям явилось обнаружение большого количества фрагментов одежды при раскопках на месте гавани Хедебю в 1987-88 годах. Это была одежда, испачканная во время смолокурных работ, а затем выброшенная в

воду. Потому она и сохранилась.

Сюда можно также причислить рубаху из Виборга и фибулы (застежки) для одежды, о функциональном применении которых можно догадаться по их расположению на останках... Наконец, как уже отмечалось выше, некоторые представления о платье в эпоху викингов можно получить из рисунков того времени. Одежда, как правило, сшита из шерсти или льна, причем ткани отличаются по фактуре и плотности. Часть нарядов наверняка была откуда-то привезена. Так, например, были найдены платья из шелка, который всегда был предметом импорта.

Люди в ту эпоху часто использовали меха для подбивки плащей и оторочки одежды. Письменные источники сообщают нам, что иноземцы с завистью относились к изобилию в Скандинавии этого редкого товара, пользовавшегося большим спросом. Многие ткани представляли собою имитацию меха. Вязаных изделий в тот период не существовало, но в ходу были теплые одежды из пряжи, части которой «сшивались» в полотно по мере прядения. Имелись также элегантные рельефные ткани типа открытого плетения.

Помимо отделки мехом или его имитации одежда часто украшалась аппликациями, вышивкой, шитьем из металлических нитей или лентами. Вплетали для украшения также золотые или серебряные нити. Часто встречаются окрашенные ткани. Большое количество ореховой скорлупы, найденной в гавани Хедебю (а орехи, несомненно, были предметом импорта), говорит отнюдь не о любви жителей к орехам, а о потребности в коричневой краске для тканей, которую получали из ореховой скорлупы. Известны нам и другие способы окраски тканей в самые различные цвета, применявшиеся в эпоху викингов.

Разумеется, покрой и украшения мужской одежды имели разные варианты. Штаны могли быть облегающими и доходить до щиколоток, но на рисунках мы можем наблюдать и трубчатой формы штанины, которые покрывают бедра и расширяются книзу, и громадных размеров брюки типа гольф, которые подвязываются у колен. Образец таких штанов был найден в гавани Хедебю, а изготовлены они были из тончайшего крепа. Штаны такого покроя, естественно, предусматривали ношение чулок. Если в ходу были чулки, то они были длинные, и придерживались с помощью ленты, прикрепленной к поясу на талии, а возможно, длинная лента обматывалась вокруг ноги. Завязки эти также были найдены в гавани Хедебю.

Мужские туники или рубахи (возможно, туника надевалась поверх рубахи), могли, судя по изображениям, быть и облегающими, и широкими. Их могли носить с поясом или без него. Найдены были фрагменты тканей из тонкой шерсти и льна, части красивой окантовки, пояса с нарядными пряжками. Плащи делались из ткани поплотнее. Они были квадратного покроя и присборены у правого плеча, с тем чтобы рука, держащая меч, была свободна. На плече плащ скреплялся большой застежкой-фибулой или бантом. Складки плаща ниспадали спереди и сзади. В захоронении Маммен были обнаружены остатки украшенной вышивкой шерстяной ткани. По всей вероятности, это были фрагменты плаща, но при расчистке ткань распалась на куски. В той же могиле были найдены обшлага из шелка, видимо, служившие окантовкой облегающих рукавов туники. Нечто подобное мы видим на рисунке, изображающем короля Кнуда. Костюм мог дополняться шерстяной остроконечной или круглой шапочкой или налобной лентой.

В погребениях богатых и знатных людей, которые были найдены близ Бирки, сохранились фрагменты кафтанов из тонкой шерсти или льна, наглухо застегивавшихся на пуговицы или с косым вырезом и богато украшенным поясом. Они были окантованы

шелком, плетением из золотых и серебряных нитей и расшиты золотом. Все это напоминает одежду, которую носили на Востоке. Судя по всему, это был костюм, поскольку украшения на различных его частях гармонируют друг с другом. Несомненно, здесь мы имеем дело с обычными традициями костюма, а не со случайно вывезенными обновками из Восточной Европы или Азии. Регионы Скандинавии, обращенные к востоку, испытывали на себе идущее оттуда влияние.

Распространено мнение, будто все скандинавские женщины носили стандартную одежду со стандартными украшениями, то есть это был своего рода национальный наряд. Речь идет об одежде высшей знати и представителей зажиточных средних классов. Не исключено, что такая одежда предназначалась для празднеств. Между тем одежда женщин была далеко не столь однообразной и однотипной. Разумеется, наиболее характерным и важным элементом одежды скандинавских женщин был сарафан на бретельках. О его покрое нам мало что известно, поскольку в захоронениях Бирки и на месте гавани Хедебю сохранились лишь фрагменты этого вида одежды. Судя по всему, это мог быть облегающий сарафан из шерсти или льна, украшенный окантовкой и лентами. Окантовка шла по верху и по низу. Сверху она спускалась до подмышек, а снизу доходила примерно до середины бедра. Поддерживали сарафан бретельки, которые спереди были короче, а сзади длиннее. Спереди бретельки скреплялись у каждого плеча большими овальными фибулами. Между фибулами могло свисать ожерелье из разноцветных бусин, а на цепочке, свисавшей с одной из фибул, иногда могли находиться разные вещицы, которые полезно было всегда иметь под рукой: ножичек, игольник, ножницы, ключ.

Овальные фибулы были найдены в захоронениях зажиточных женщин повсюду, за исключением Готланда, где в ходу были стилизованные фибулы в форме головы зверя. Такие фибулы были найдены и на местах других викингских поселений, но в конце 900-х годов они, по всей вероятности, вышли из моды. Эти фибулы были своего рода признаком социального статуса погребенных женщин, и возможно, именно поэтому их имена сохранились в «Ригстуге». Так, относительно женщины, которая стала матерью бонда Карла, при описании ее одежды сказано, что у нее были «карлики у плеч». Здесь наверняка речь идет именно о таких фибулах. В данном случае обозначена функция фибулы как скрепляющей застежки, поскольку в других случаях в те времена слово «карлик» применялось для обозначения предметов, скрепляющих нечто крупное, например, детали строительных сооружений. Что касается одежды женщины, то здесь, в частности, «карликами» скрепляется сарафан на уровне плеч.

Под сарафаном женщины обычно носили длинную рубаху, которая могла быть гладкой или плиссированной. Так, в Бирке 900-х годов чаще всего находили плиссированные рубахи. В различных регионах была мода скреплять ворот рубахи небольшой круглой фибулой. В погребениях Бирки были найдены останки знатных женщин, одетых в закрытую тунику, украшенную окантовкой или лентой снизу. Поверх сарафана, вероятно, надевался кафтан из тонкой кожи или еще какая-нибудь одежда. Найденные в захоронении остатки ткани с красивыми лентами, очевидно, имеют отношение к тунике. Мода надевать поверх туники кафтан, присущая как мужчинам, так и женщинам, очевидно, восходит к Востоку.

Вместе с тем, многие скандинавские женщины обычно набрасывали поверх сарафана плащ или накидку, застегивая их спереди красивыми фибулами из золота, серебра или бронзы. Чаще всего такие фибулы имели продолговатую или округлую форму, либо форму

трилистника. Круглые фибулы были в моде особенно в 900-х годах. На Готланде на протяжении всей эпохи викингов фибулы имели форму круглых коробочек, а в Норвегии 800-х годов некоторые застежки для накидок и плащей были изготовлены из наконечников поясов и других изделий, привезенных с Британских островов, в то время как овальные фибулы для сарафанов неизменно изготавливались из бронзы. Орнамент овальных фибул, как правило, стереотипен, поскольку большинство из них является предметом серийного производства по какому-нибудь единому образцу. Следует также отметить, что женщины в холодном северном климате скорее всего носили чулки. Что касается нижнего белья, как мужского, так и женского, то о нем до нас никаких сведений не дошло.

В целом, в отношении одежды обоих полов можно сказать, что высшая знать Бирки в 900-е годы заимствовала моду из Восточной Европы и стран Востока, а в Хедебю и, вероятно, в Дании, те же социальные слои придерживались моды, дошедшей сюда из стран Западной Европы. В отношении моды, принятой там, нам не так уж много известно, однако в источниках, описывавших эпоху викингов, упоминается о том, что датские короли, хевдинги и их жены нередко получали одежду в дар от западных владетелей. Различия, характерные для Запада и для Востока проявляются в деталях. Так, золотые нити, которыми украшались парадные одежды в Бирке и в Дании, можно различить по способу их изготовления, в зависимости от преобладания связей либо с Западом, либо с Востоком. Таким образом, различия в одежде в эпоху викингов обуславливались половой принадлежностью, социальным статусом и изменениями в моде. Именно это было продемонстрировано в «Ригстуде». Одежде уделялось большое внимание, на нее тратились немалые средства, если, разумеется, таковые были. Так что, платье в ту эпоху могло быть весьма нарядным.

Украшения

Тяга к прекрасному нашла также свое отражение в фибулах и других украшениях. С их помощью можно было не только приукрасить себя, но и выставить напоказ свое богатство. Вместе с тем, украшений, не имевших функционального назначения, было не так уж много. Это – браслеты, ожерелья, шейные обручи и разнообразные подвески на цепочках. Подобные подвески в основном представляли собою христианские или языческие символы, такие, как крестик или миниатюрный молот Тора. Перстни носили редко, а височные кольца были совершенно чужды скандинавской традиции. Это был чисто славянский феномен.

Приобретение украшений, таких, как браслеты, шейные обручи из драгоценного металла, являлось также способом накопления богатства, как это бытовало повсюду в мире.

Украшения, как правило, имели простую форму, а многие из них были к тому же соотнесены с определенной весовой системой, так что их стоимость можно было установить без особого труда. Таким образом, как женщины, так и мужчины могли носить свое богатство на себе и похвалиться им. Об этом обстоятельстве сообщает в своих записках араб Ибн Фадлан, который, как уже говорилось, повстречался с викингами в районе Волги в 920-х годах. Впрочем, достоверность его утверждений не доказана. По поводу женщин он писал следующее: «На шее у них были украшения из золота и серебра, потому что если супруг располагал десятками тысячами дирхемов (арабские серебряные монеты), то он должен был украсить свою жену драгоценной шейной цепью. Если же его богатство состояло из двадцати тысяч дирхемов, то он должен был повесить на шею жены два украшения и прибавлять по одному всякий раз, когда у него появлялось еще десять тысяч дирхемов. Так что часто на шее женщины бывает довольно много украшений».

Большая часть дошедших до нас скандинавских украшений изготовлена из серебра, а некоторые из них – из арабских серебряных монет, которые в больших количествах поступали на Север. Поскольку при торговых сделках в основном расплачивались серебром, причем по весу (в тех случаях, когда речь не шла о меновой торговле, то подобное украшение являлось очень удобным способом хранения ценностей. Если плата бывала ниже стоимости шейного украшения, то от него можно было попросту отрубить кусок или

разрубить его пополам.

В украшениях использовалось и золото. Самое большое золотое украшение эпохи викингов (шейный обруч) было найдено близ озера Тиссе, на острове Зеландия. Во время весеннего сева его обнаружили накрученным на колесную ось сеялки. Шейный обруч был сплетен из четырех толстых золотых нитей самой высокой, 960‰, пробы, и вес его при обнаружении оказался 1830 граммов. Первоначальный его вес был, очевидно, 1900 граммов, но небольшая его часть отсутствует. Несомненно, это украшение предназначалось для статуи какого-нибудь божества или для крупного человека с очень широкой выпуклой грудной клеткой. До нас дошло множество украшений и фибул, относящихся к эпохе викингов. Их находят главным образом в зарытых в землюкладах и захоронениях. Примечательно, что происхождение их по преимуществу скандинавское и отражает сугубо скандинавские вкусы. Все металлы, за исключением железа, должны были привозиться извне. В других странах фибулы и украшения тоже, разумеется, были в ходу, но, как уже отмечалось выше, овальные фибулы, скрепляющие бретельки сарафана, были явлением исконно скандинавским. На них, так же как и на многих других предметах, встречается самая разная орнаментика.

Вместе с тем, некоторые из фибул представляли собою скандинавский вариант, навеянный чужеземными украшениями. Например, женские фибулы для накидок и плащей в форме трилистника являются вариацией трехгранных украшений для перевязей мечей, распространенных во Франции.

Другим примечательным заимствованием являлись подковообразные фибулы, которые мужчины, особенно в Норвегии и в среде викингов на Британских островах, носили на правом плече как застежку для плаща. Они происходят от шотландских или ирландских застежек для одежды, а форма их была создана викингами на Британских островах. Многие фибулы изготавливались из серебра и могли достигать довольно крупных размеров, и это свидетельствует о том, что они, наряду с браслетами и шейными обручами, являлись одним из способов хранения ценностей. Снорри Стурлусон в первой половине 1200-х годов описывает случай, который произошел в Исландии за 250 лет до этого. Исландцы, в благодарность за прекрасное стихотворение, сложенное в честь исландского народа, преподнесли его автору, скальду, наплечную фибулу из серебра весом около 25 фунтов (примерно 750 грамм). А он разрубил ее пополам (она, вероятно, была подковообразной) и за половину фибулы купил себе усадьбу. Если история эта правдива, то из нее можно заключить, что такая фибула, которую невозможно было практически носить на одежде, была своего рода наградным знаком. Самые крупные подковообразные фибулы скандинавского образца, известные и поныне, могут весить до килограмма, но такую фибулу носить на одежде было бы затруднительно. Булавка для подобной фибулы могла быть длиной до полуметра, а вес ее говорит о том, что ею должны были застегивать очень большой плащ, возможно, из меха.

Известны также вещи иноземного происхождения, например, наконечники поясов, которые переделывались в женские украшения путем прикрепления к ним сзади булавок. Это также относится к вещам британского происхождения в Норвегии. Повсюду в

Скандинавии принято было украшать шейные обручи разноцветными стеклянными бусинами и всякими заморскими вещами, например, монетами, колечками или миниатюрными накладками. Другие украшения использовались по своему первоначальному назначению. Так, гривны – шейные украшения русского происхождения, имевшие стандартный вес и относящиеся к раннему периоду эпохи викингов, все еще применялись как средство оплаты, но одновременно их закручивали в спирали и носили как браслеты. В мужских богатых захоронениях, найденных в Бирке, имелись нарядные пояса и кафтаны восточного покроя.

Бытует представление, будто викинги любили украшать себя всевозможными предметами, привезенными из заморских стран. Но было бы неправильно представлять себе знатных и именитых викингов похожими на увешанную побрякушками рождественскую елку. Заморские украшения употреблялись весьма умеренно, чаще всего в ходу были исконно скандинавские. Складывается впечатление, что большая часть заморских украшений, найденных, в частности, в захоронениях Бирки, имеет восточное происхождение и отражает пристрастия, характерные для культуры Востока, в то время как украшения, обнаруженные при раскопках в Хедебю, были привезены из Западной Европы. Что же касается украшений, найденных в Норвегии, то их происхождение – Британские острова.

Находки, сделанные на территории Скандинавии, обычно принято рассматривать как единое целое. Но даже если речь идет об исконно скандинавских украшениях, то те или иные виды их отнюдь не были модными повсюду. К тому же, мода с течением времени менялась. Немалую роль играли также экономические возможности населения. Не каждый мог позволить себе приобрести ту или иную уникальную золотую фибулу, изготовленную знаменитым мастером. Многие были вынуждены довольствоваться серийной продукцией, позолоченными имитациями, бронзой или вообще не имели средств приобрести себе фибулу.

Таким образом, судя по фибулам, равно, как и по другим деталям одежды и украшений, внешний вид людей зависел от их географической и культурной принадлежности, их экономического положения и их места в обществе, – точно так же, как это бытует у всех народов во все времена.

Жилища и празднества

Непосредственным местом обитания людей было жилище – большое или маленькое, богатое или бедное, в зависимости от экономического положения и социального статуса его обитателей. Как станет ясно из дальнейшего, между внешним видом и размерами городских домов и домов в сельской местности существовали различия, однако и те, и другие располагались на четко ограниченном участке, огороженном изгородью или забором, в окружении надворных построек того или иного назначения. Это видно по многим археологическим раскопкам.

Строительные материалы (дерево, глина, камень, дерн или их сочетания), а также техника строительства варьировались в зависимости от местных ресурсов, однако каменные строения появились не ранее 1000-го года, и это были чаще всего церковные здания. Конструкции домов постоянно претерпевали изменения, и со временем внутренние опорные столбы, подпиравшие кровлю домов, исчезли, а остальные столбы перестали зарывать в землю. Их помещали на каменные основания, чтобы избежать гниения древесины. Главный жилой дом в большой богатой усадьбе в поздний период эпохи викингов чаще всего представлял собою обособленное строение без конюшенной пристройки, во всяком случае, в южных районах Скандинавии. В основном же устройство и оборудование жилищ мало изменилось, это касается как городских, так и сельских домов.

Дома определенной конструкции строились из определенных материалов. Небольшие, углубленные в грунт землянки напоминали куполообразные возвышения, сложенные из земли и дерна. Жилища высшей знати выделялись своими размерами, формой и мастерством постройки. Дома часто украшались великолепной резьбой и были покрыты яркой краской.

Наиболее полное представление об этом можно получить благодаря сохранившимся остаткам древних церквей, в особенности церкви Урнес в Западной Норвегии, церкви Хемсе на Готланде и Хернинг в Северо-Восточной Ютландии. Не отставали от них, по всей видимости, и мирские дома.

Входные двери, как правило, отличались простотой, но, вместе с тем, они могли быть украшены резьбой или окованы железом. Как в жилых домах, так и в других постройках в ходу были дверные замки. Часто они делались из дерева, но иногда также из железа. Замок был символом неприкосновенности чужой собственности; воровство из запертого на замок дома считалось особо тяжким преступлением и в соответствии с этим влекло за собой суровое наказание. На лицо, хранившее при себе ключи от замков, а как правило, это была женщина, налагалась особая ответственность, и она наделялась особым статусом.

Внутри дом обычно состоял из нескольких помещений, в которых царила полутьма, поскольку слуховые окна были малы, их было немного, и они почти не пропускали света. Их, очевидно, закрывали ставнями. Немного света давали и отверстия в крыше, через которые выходил дым от очагов и печей. Огонь очага также освещал внутренность дома. Если света требовалось побольше, например, при выполнении какой-нибудь ручной работы, то, вероятно, зажигались масляные лампы. Кроме того, в ходу были восковые свечи, которые стоили дорого, а также более дешевые сальные свечи. Очаг обычно находился в центре общей жилой комнаты. Он располагался на чуть приподнятой над полом четырехугольной площадке и служил, главным образом, для приготовления пищи и обогрева помещения. В некоторых домах, помимо открытого очага, у стены находилась небольшая, округлой формы печь, служившая для тех же целей. Иногда она заменяла очаг. Дым от очага и от печи, прежде чем выйти наружу через отверстие в крыше, распространялся по жилью, и в зимние периоды, когда люди большую часть времени находились внутри дома, они постоянно страдали от легкого отравления.

Пол был земляной, хорошо утрамбованный и, вероятно, покрытый соломой. Вдоль стен шли выступающие земляные возвышения, обложенные деревом. В небольших домах ширина их не превышала ширины обычной скамьи, а в больших богатых домах могла достигать до полутора метров. На этих возвышениях обитатели обычно проводили большую часть времени, а пол использовался лишь для прохода по нему. Такие возвышения уберегали от холода и сквозняков. Это стало очевидно после экспериментальных попыток пожить в реконструированных жилищах эпохи викингов. Стены некоторых домов были покрыты деревянными плахами с резьбой. Они описаны в скальдическом стихе «Хюсдрапа», созданном в Исландии в конце 900-х годов. Действие этого произведения происходит во вновь отстроенном доме, принадлежащем хевдингу.

Возможно, эти плахи выглядели как те, что были найдены в Исландии, в Флататунга, и скорее всего, находились в церкви.

Основное убранство дома состояло из тканей и шкур (настенные ковры, покрывала, подушки), а также ларцов и сундуков с висячими замками. Они были единственной меблировкой дома в те времена, и в них хранились вещи. Наверняка имелись еще и низкие лавки, а что касается другой мебели, то ее, можно сказать, почти не было, так что и фрагментов ее сохранилось немного. Как и поныне во многих уголках мира, люди обычно сидели на корточках или скрестив под собой ноги. В такой позе они вели беседы, принимали пищу, развлекались. Спальные места находились в альковах или небольших каморках, а иногда просто на возвышениях у стен, где на ночь расстилали постель. В доме часто имелся ткацкий станок, а на полках расставлялась домашняя утварь. Несмотря на то, что в это время уже существовали водяные мельницы, во многих домах, во всяком случае в Дании, имелись также ручные мельницы для помола зерна. Вероятно, на эту работу уходило немало времени, равно как и на добычу и заготовку лестных припасов, которые обычно занимали в усадьбе много места.

На основе раскопок богатых захоронений, а также из некоторых скальдических стихов мы получаем известное представление о том, как выглядело внутреннее убранство богатых

домов в эпоху викингов. Поражает качество и количество вещей в могиле знатной женщины в Усебергском кургане в Южной Норвегии, относящемся к 834 году. Большая часть вещей здесь – из дерева. Они украшены искусной резьбой, а некоторые из них снабжены рисунками или отделаны металлом. Здесь же найдены ткани и металлические изделия. Все это дает представление о том, какие вещи можно было увидеть в усадьбе короля или хевдинга. Это внутреннее убранство дома, посуда для приготовления пищи, приспособления для ручной работы, выполняемой знатной женщиной, а также средства передвижения: корабль, повозки, сани. Имеются здесь и орудия труда, необходимые в усадьбе. Найден также окантованный настенный ковер, на котором изображены различные сценки (так называемый Усебергский ковер). Откопан также стул. Стол не обнаружен (хотя женщина, возможно, имела обыкновение сидеть за столом), но найдено множество сундуков, не менее пяти кроватей (которые, вероятно, использовались при поездках, так как это складные кровати), перины (набитые пухом и пером), высокие масляные лампы, ткани, красивая утварь, котлы, сковороды, ведра, бочки, лохани, корыта, ковши, ножи, половики и многое другое, не считая съестных припасов.

Подобные вещи, хотя и не собранные все вместе, как в Усебергском захоронении, были найдены при раскопках других могил, а также городов и усадеб. Стулья изображены, кроме того, на картинах и миниатюрах, которые носились в качестве амулетов. Были найдены низкие скамеечки, наподобие доильных, а в женском погребении в Хернинге близ Рандерса был обнаружен уникальный маленький столик, на котором стояла чаша для умывания. Такие чаши скорее всего использовались знатными людьми для омовения рук перед едой и после нее. Чаши для омовения часто встречаются в могилах знатных людей, поскольку в то время в Скандинавии ели с помощью рук и ножей, как, впрочем, и повсюду в Европе, а суп обычно пили из кубков и чаш. Вилки еще не было, а ложки, небольшие по размеру, являлись редкостью.

Во время празднеств пирующие сидели за столом, а ритуал празднества едва ли сильно отличался от того же ритуала в разных регионах Скандинавии и Западной Европы. Однако у викингов пир, возможно, протекал более буйно и необузданно, особенно в тех случаях, когда на нем не присутствовали представители церкви. Так, например, пир в одном из датских королевских замков около 980 года, очевидно, происходил в пирушественном зале длиной в 18-19 метров. Здесь, у продольных стен на возвышениях расставлены были скамьи, а в центре одной из стен имелось особое сиденье для короля или его представителя. Места распределялись согласно рангу и знатности, были также места для особо именитых гостей. На скамьях лежали подушки, а на стенах висели ковры с изображениями сцен из жизни богов и героев. Перед скамьями стояли длинные, богато уставленные яствами столы, а слуги вносили все новые блюда либо из соседнего помещения, либо из другого дома усадьбы. Посреди зала пылал огонь в очаге, вдобавок к нему зал освещался со всех сторон масляными лампами, восковыми свечами или факелами. По углам лежали охотничьи псы и домашние болонки. Люди были одеты в праздничную одежду и увешаны драгоценностями. Оружие, без сомнения, в зал не вносилось. Подавались алкогольные напитки, пиво, мед (смесь меда и воды), вино или «бьорр» (перебродившее фруктовое вино), а также разнообразные мясные блюда. Мясо могло подаваться свежее (вареное или жаренное на вертеле), вяленое, соленое, печеное или сквашенное. В то время было уже известно влияние кастрации скота на качество мяса. Подавались также рыба, хлеб, каша, молочные блюда, овощи, фрукты, ягоды и орехи. Блюда сдабривались солью и пряностями. Например, в Усебергском захоронении были обнаружены тмин, перец и горчица. Скальды произносили стихи, за столом рассказывались истории, возможно, музыканты играли на лире или флейте. Кроме того, гостей развлекали представлениями акробатов или шутов. Пир в доме знатного человека, призванный еще больше упрочить его славу, мог длиться несколько дней. Пир был средоточием многих важных событий. На нем заключались договоры, завязывались дружеские отношения, вспыхивала вражда, планировались будущие брачные союзы.

Адам Бременский отмечал, что, когда архиепископ Гамбургско-Бременский около 1050

года посетил с целью ведения переговоров короля Шлезвига Свена Эстридсена, то в конце его визита, как это принято у варваров, для заключения союза был устроен грандиозный пир, который длился по очереди то у одной, то у другой стороны восемь дней подряд. Здесь шли переговоры о замирении с христианами и об обращении язычников в христианскую веру. Архиепископ с легким сердцем вернулся домой и уговорил императора «пригласить короля данов в Саксонию, дабы они могли поклясться друг другу в вечной дружбе».

В промежутках трезвости между сериями пиршеств люди, вероятно, проводили время традиционным способом. Они вели глубокомысленные беседы, осушали кубки, совещались между собой, сплетничали, играли в настольные игры и уделяли внимание противоположному полу. Мужчины помимо этого отправлялись верхом на охоту, с охотничьими псами и ловчими птицами, или устраивали поединки. А женщины тем временем занимались рукоделием или какой-нибудь другой ручной работой.

Язык, письменность, имена собственные

Выражение «датский язык» в течение всей эпохи викингов и несколько столетий после нее являлось общим обозначением для всех скандинавских языков. Высказывается предположение, что это обозначение возникло за рубежом, а затем было принято скандинавами. Это показывает, насколько невелики были различия между скандинавскими языками в тот период. Они были гораздо меньше, чем теперь. И к тому же, эти языки в эпоху викингов явно отличались от остальных европейских языков германской группы. За несколько столетий до эпохи викингов языки скандинавских народов претерпели существенные изменения, благодаря чему различия между ними и теми языками, на которых изъяснялись соседние народы на юге и в англосаксонской Англии все увеличивались, и эта тенденция продолжалась на протяжении всей эпохи викингов.

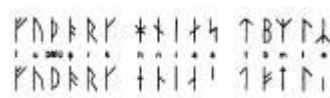
Нам почти ничего не известно о том, как звучал в древности датский язык. Говорившие на нем давно ушли в небытие, а свидетельств современников на этот счет сохранилось крайне мало. Вместе с тем, кое-какие сведения можно почерпнуть из скальдической поэзии, из норвежских заимствований, сохранившихся в других языках, из надписей на монетах и т.п. Впрочем, рунические надписи, например, мало что могут прояснить, поскольку орфография их не всегда последовательна, а сам язык часто звучит излишне торжественно и архаично. В любом случае, 16 письменных знаков, рун, не могут передать все речевое богатство устной речи. В то же время, становится ясно, что в эпоху викингов имелись определенные различия, особенно в звучании, между языками западно-скандинавским и восточно-скандинавским. А если говорить конкретнее, то на западно-скандинавском языке изъяснялись в Норвегии, а на восточно-скандинавском – в Дании и Швеции.

Далее, по мере развития языков, на исходе эпохи викингов, все больше стало проявляться различие между датским и шведскими языками. Углубляющиеся различия между скандинавскими языками способствовали тому, что люди все яростнее ощущали свою принадлежность к определенной стране, а это, в свою очередь, являлось стимулом для интенсификации процесса создания трех скандинавских государств. Впрочем, не исключено и обратное влияние, в силу которого процесс образования Норвегии, Швеции и Дании все больше способствовал дифференциации трех языков.

Вместе с тем, различия между скандинавскими языками были и остаются не столь уж значительными, и скандинавы могут понять многие слова из рунических надписей даже без предварительной подготовки, после истолкования рунических знаков. Руны эпохи викингов представляют собою чисто скандинавскую письменность, хотя происхождение ее связано с той рунической письменностью, которая возникла у германских народов через несколько столетий после Рождества Христова. Самые древние, известные нам рунические надписи на территории Скандинавии относятся, примерно, к 200 году после Рождества Христова. Руническая письменность насчитывает 24 знака, конфигурация которых представляет собою

сочетание вертикальных прямых и косых линий, которые было особенно удобно вырезать на деревянной поверхности. Приходилось при этом избегать горизонтальных линий, которые могли совпадать с волокнами древесины и из-за этого становиться неотчетливыми.

Примерно с началом эпохи викингов в скандинавской письменности происходят коренные изменения, и число рун сокращается до 16 знаков. При этом претерпевает изменения и графика некоторых рун. Они упрощаются, и теперь становится легче наносить эти руны на различные поверхности. Но, с другой стороны, чтение их усложняется, поскольку многие знаки имеют теперь несколько значений, так как один и тот же знак должен сочетать в себе несколько звуков. Так, например, руна «и» одновременно обозначает звуки; «у, о, и, э, в». Руна «к» может читаться, как: «к, г, нк, нг». В то же время была разработана система особых знаков для разделения друг от друга слов и целых фраз. Сегодня многие рунические надписи прочесть затруднительно или даже невозможно. Рунический алфавит приводится на рисунке.

Этот более поздний рунический алфавит называется «futhorc» – по первым шести знакам. Он имеется в двух вариантах. Это «нормальные» (или датские) руны и, так называемые, «короткосучковые», или шведско-норвежские руны. Последний вариант отличается тем, что некоторые знаки имеют меньше ответвлений на прямых линиях. Иногда, если «ветки» вырезаны на дереве, они могут представлять собою лишь короткое углубление, сделанное кончиком ножа, а несколько знаков представляют собою лишь часть нормальных рун.

По мнению некоторых исследователей, эти два варианта позднего рунического алфавита являются его локальными разновидностями. Но после обнаружения большого количества образцов этого алфавита стало ясно, что оба варианта одновременно использовались в разных регионах, но при этом «нормальные» руны преимущественно (хотя и не исключительно) применялись для воспроизведения торжественных надписей на памятных камнях, в то время как «коротковветвистые» руны, легче поддающиеся написанию, были предпочтительны в среде торговцев, а также в повседневной жизни.

Причина, обусловившая появление нового рунического алфавита из 16 знаков, нам неизвестна, однако часто высказывается предположение, что подобное коренное изменение системы письменности могло быть лишь результатом насаждения его сверху, но никак не результатом «естественного развития». Как бы то ни было, это изменение совпало с периодом многих других глубоких преобразований в обществе, исходивших также от центральной власти.

Судя по всему, в кругах знати руны могли читать многие. Ведь многочисленные рунические надписи на памятных камнях были рассчитаны на то, чтобы на них смотрели и их читали. Следует напомнить, что руны можно найти на самых разных предметах. Их, например, вырезали на бортах кораблей, на обшивках, упряжи, на ткацких станках и гребнях, однако, чаще всего на предметах из дерева и кости. Иногда это было всего лишь имя владельца вещи, а иногда какое-нибудь изречение. Некоторые надписи могли представлять собою магические письмена (правда, с течением времени, к числу магических были причислены многие надписи только из-за того, что их невозможно было истолковать). Одной из наиболее примечательных является надпись на обломке человеческого черепа, найденного на месте торгового центра Рибе и относящегося к 700-м годам. Здесь можно различить, в частности, имя верховного языческого божества Одина. Иногда надпись всего-навсего обозначает название вещи, на которой она вырезана. Так некий человек некогда удовлетворился тем, что вырезал на гребне слово «kabr», что значит «гребень». Встречаются также различные формы посланий, например, надпись «поцелуй меня» на обломке кости. Более важны сообщения, вырезанные на деревянных дощечках. Такое «письмо» было

обнаружено на месте раскопок в Хедебю. Оно относится, скорее всего, к 800-м годам и предназначено человеку по имени Оддульв, которому предлагается сделать что-то. К сожалению, сегодня мы не можем понять, что именно.

Именно на месте городов и торговых центров встречаются большинство рунических надписей эпохи викингов, сделанных на других предметах помимо памятных камней. Наверняка, кроме кругов высшей знати в городах существовала и другая среда, представители которой могли читать и писать и направлять свои послания людям, живущим в другом месте. Подобное сообщение цитируется в труде Римберта, относящемся к 800-м годам и описывающем жизнь миссионера Ангария. Здесь рассказывается, что когда Ангарий в 831 году отбыл из Бирки, то в доказательство своих успехов он привез франкскому императору Людовику Благочестивому послание от короля Бьерна, как отмечает Римберт, «писанное его собственной рукой принятыми у них буквами». Здесь, вне всякого сомнения, речь идет о рунах.

В позднем руническом алфавите знаки имели определенную последовательность, отличную от той, которая была характерна для латинского алфавита. К тому же, рунические письмена обычно не располагались горизонтальной цепочкой. Например, надписи на камнях расположены вертикальной строкой. На многих камнях позднего периода эпохи викингов рунические надписи нанесены на извивающиеся тела драконов или змей, обрамлявшие рисунок. Они могли также служить орнаментом, подчеркивавшим форму рунического камня. В противоположность латинскому алфавиту, рунические знаки были предназначены для вырезания их на дереве, камне или кости. Они не годились для написания писем и книг на пергаменте. Для этой цели больше был пригоден латинский алфавит, которым пользовались церковнослужители и европейские властные структуры.

После введения в Скандинавии христианства в 900-1000-е годы, с усилением аппарата власти и ростом европеизации здесь также начинает использоваться латинский алфавит. Интересно отметить, что уже самые древние надписи на скандинавских монетах 900-х годов были сделаны латинскими буквами, а самый древний из известных нам письменных документов Скандинавии – дарственное письмо от короля Кнуда Святого церкви Св. Лаврентия в Лунде, относящееся к 1085 году, было написано пером и чернилами на пергаменте, как это было принято в Европе, и притом латинскими буквами.

Однако для коротких повседневных сообщений руны оказались более практичны, и ими продолжали пользоваться вплоть до позднего Средневековья. Для подобного послания требовался всего лишь нож и кость от недавней трапезы или сук с ближайшего дерева. Все это доставалось даром, не в пример перу, чернильнице и дорогостоящему пергаменту.

Имена в эпоху викингов были также сугубо скандинавские и многие из них присущи были только этому региону. Поэтому связанные со Скандинавией географические названия в колониях викингов, в которые имена собственные входят как составная часть, легко можно отличить от всех других названий.

Сведения об именах собственных, которые были распространены в Скандинавии, можно почерпнуть, в основном, из надписей на рунических камнях. Кое-какие сведения можно также извлечь из иноземных письменных источников, повествующих о викингах. Однако там они, как правило, присутствуют в латинизированной форме. Как уже отмечалось, важным источником могут служить также географические названия в местах викингских поселений, но в связи со спецификой этого источника здесь мы больше узнаем о мужских именах и гораздо меньше об именах женских.

Ниже приводятся имена в модернизированном виде. Большинство имен собственных было распространено на всей территории Скандинавии, например, такие имена, как Торстен, Ульф и Грим, но некоторые были характерны только для определенных регионов. В числе западно-скандинавских имен можно назвать такие, как Эйульф и Одкетиль, между тем как среди восточно-скандинавских имен мы находим такие, как Манне, Токе и Асвед. То обстоятельство, что не все имена были общескандинавскими, помогает нам установить, из какого региона Скандинавии происходили поселенцы в той или иной колонии. Так,

географические названия в Нормандии показывают, что поселенцами из Скандинавии здесь были преимущественно датчане. Например, датское имя Оге (Аки) является составной частью географического названия Окевиль.

Обычай наделять людей теми или иными именами коренится в глубокой древности, но в эпоху викингов появляются некоторые новые имена и, в частности, те, в которые составной частью входят имена языческого бога Тора (Токе, Торстейн, Торкиль и многие другие). Несмотря на свое происхождение, связанное с именем языческого божества, имена эти не утратили своей популярности и после введения христианства. Популярны были также присвоения людям имен животных. Иногда они употреблялись как самостоятельное имя, например: Урм (Змея), Ульф (Волк), Бьерн (Медведь), а иногда входили в имя составной частью, например, Горм, Гунульф, Ульфбьерн, Стигбьерн. В том или ином роду детям предпочитали давать некоторые традиционные имена. Так, имена Харальд, Свен и Кнуд давались новорожденным в датском королевском роду в конце эпохи викингов и в начале раннего Средневековья, а имена Харальд и Улав (Олав) были характерны для семейной традиции норвежских королей. Иных людей наделяли дополнительными именами или прозвищами. Они могли подчеркивать родственные отношения (сын того-то или дочь того-то) или местность, откуда человек происходил (например, «Хьельд Норвежец» – о человеке, который жил теперь в Дании). Имена могли отражать какие-либо особые черты, присущие данному человеку или подчеркивали нечто, находившееся в его владении. Например, «Асгот с Красным Щитом» или «Асгот Клапа». (прозвище, видимо, означает «Растяпа»). Несомненно, авторы, повествовавшие о героях древности, также были изобретательны в отношении прозвищ. Вот какие прозвища выдающихся личностей эпохи викингов дошли до нас благодаря более поздним источникам: Сигрид Великий Правитель, Харальд Прекрасноволосый, Ивар Безногий, Рагнар Кожаные Штаны, Харальд Синезубый и многие другие. В источниках, относящихся к эпохе викингов, эти люди, в тех случаях, когда о них упоминается, названы без прозвищ, и, следовательно, можно сомневаться, что прозвища, данные этим героям много лет спустя, существовали при их жизни.

Многие имена собственные, восходящие к эпохе викингов, продолжают существовать и поныне. Это, например, такие мужские имена, как Ивар и Рагнар, Токе и Торстен, Ульф, Бьерн и Кольбьерн, Аслак, Рольф и Хьельд, Свен, Кнуд, Харальд, Олав, Хокон и Эрик. В числе женских имен можно, к примеру, назвать такие, как Сигрид, Тора, Ингрид, Рагнхильд, Гунхильд, Гудрун, Туве и Осе.

Однако с введением христианства в поздний период эпохи викингов мало-помалу в обиход входят многие библейские имена, равно как и имена святых. Впрочем, они характерны уже для Средневековья. В сфере имен собственных сказывается также влияние связей с другими странами. Так, например, имя Магнус впервые пришло в Скандинавию из Ирландии 900-х годов. Но очень скоро оно стало особенно популярным среди скандинавской знати. Этим именем часто наделялись отпрыски норвежских королевских семей, и первым из них был Магнус Добрый (1035-1047). Позднее это имя носили также короли Швеции. Возможно, это было связано с тем, что могущественный император Карл Великий по-латыни назывался Каролус Магнус. Так, во всяком случае, предполагают исландские историки.

Общество

Источники, рассказывающие об эпохе викингов, не дают нам ясной картины общества того времени. Мы располагаем лишь отрывочными сведениями, на основании которых нам приходится выработать более или менее цельное впечатление. Речь идет об отдельных фразах, которые можно прочесть на рунических камнях, а также о данных, полученных по археологическим раскопкам. Что же касается письменных источников более позднего времени, например, таких, как законодательные акты, то они не являются абсолютно достоверными, хотя в них всячески подчеркивается их древность, поскольку это придает им больше авторитета. Однако целиком полагаться на эти акты нельзя, поскольку они зависят от

местных условий, и к тому же видоизменялись с течением времени.

Несомненно лишь то, что в эпоху викингов в обществе существовали значительные экономические и социальные различия. В ту эпоху людей порой хоронили в богато оснащенных могилах, в высоких курганах. Но в то же время мы часто обнаруживаем просто засыпанные землей скелеты, и между этими двумя крайними способами погребения умерших встречается еще множество других разновидностей захоронений. Мы имеем возможность читать в разнообразных источниках о королях и хевдингах, о свободных людях – бондах или о рабах, а также о самых разных социальных слоях, находившихся в промежутке между упомянутыми группами. И как раз об этих социальных группах, между королями и рабами, о взаимосвязях между ними, об их положении в обществе, нам известно менее всего. Например, в обществе наверняка существовали бедняки, которые не являлись рабами. С другой стороны, до нас дошли сведения о людях, которые по своему социальному положению находились между бондами и высшей военной кастой. Их называли «хаулдр», «тегн», «ландман» и т.д. Точное значение этих и многих других дефиниций вызывает споры. Часто мы не знаем, означает ли такое определение должность внутри централизованной правящей военной верхушки (например, «тегн» в Дании) или общественное положение в том или ином локальном сообществе, а, возможно, и даже скорее, это признак классовой принадлежности.

Рабы

В Скандинавии в эпоху викингов, несомненно, было много рабов. Они были бесправны и бедны, не оказывали никакого политического или экономического влияния на общественную жизнь и практически не оставили в ней никакого следа.

Рабов можно было приобрести путем покупки, их можно было добыть как пленных. Кроме того, людей, совершивших определенные преступления, в виде наказания также превращали в рабов. К детям, у которых мать и отец были рабами, статус родителей переходил по наследству. Целью многих викингских походов наверняка была возможность добыть себе рабов, либо для собственного пользования, либо для продажи. За раба можно было также получить выкуп от его богатых родственников или от миссионеров церкви. Церковь принципиально не могла допустить, чтобы христиане пребывали в рабстве у язычников, и при описаниях деятельности миссионеров в Скандинавии часто рассказывается о выкупе ими из рабства пленных христиан.

Благодаря своим прекрасным кораблям, скандинавы легко добирались до чужих земель, где они пленяли местных жителей, которых можно было увезти домой на тех же кораблях. Авторы христианских хроник часто с ужасом и скорбью рассказывают об увезенных в рабство людях. Так, в анналах Ксанта, монастыря на Рейне, повествуется о событиях, происшедших в 837 году. Упоминаемая в рассказе комета была знаменитой кометой Галлея: «Поднялся вихрь, и люди увидели на востоке комету, а следом за ней – яркий свет. На глаз она была около трех локтей. И язычники напали на Вальхерен (остров в устье реки Шельды в Южной Голландии) и увели оттуда с собой в плен много женщин и унесли бесчисленно много всякого добра».

О торговле рабами говорится в источниках, повествующих как о Скандинавии, так и о Восточной и Западной Европе. Многие указывают на то, что для викингов люди были одним из основных предметов торговли. Около 1075 года священнослужитель Адам Бременский сообщал о том, что происходило на Зеландии: «Морские разбойники, которые называют себя викингскими и которых мы называем аскаманны, платят королю данов пошлину за право вести меновую торговлю с варварами, во множестве живущими по берегам этого моря. Случается, что они употребляют во зло данное им право и нападают на своих же соплеменников. Они столь коварны и жестокосерды по отношению друг к другу, что когда берут в плен своего ближнего, то тут же продают его в рабство своему собрату по оружию или варвару».

Рабы были во власти своего господина, но отношение к ним регламентировалось

некоторыми правилами. Они выполняли работу по дому и в поле, и не исключено, что именно они были частью той рабочей силы, которая использовалась в интенсивном строительстве в эпоху викингов. Из рассказов Ибн Фадлана, встречавшего викингов на Волге, явствует, что в походы викинги брали с собою рабынь, выполнявших разную работу и, во всяком случае, при таких торговых поездках удовлетворявших их сексуальные потребности. Однако в усадьбах высокородные пленницы, взятые в рабство, и в особенности красивые, работающие девушки, могли жить в хороших условиях и пользоваться большим почетом. То же можно сказать и в отношении рабов мужчин, обладавших каким-либо редким умением или ремеслом, и в отношении старых домашних рабов, преданных своим господам.

Иногда раб сопровождал своего умершего хозяина в могилу. Подобные парные могилы, относящиеся к эпохе викингов, где все снаряжение предназначено для одного человека, а другой захоронен с явными признаками насильственной смерти, были найдены в Скандинавии в большом количестве. В частности, таким является уже упоминавшееся захоронение на Лангеланде. Подобная же могила была найдена на британском острове Мэн, который находился под властью викингов. В таких захоронениях могла находиться женщина в сопровождении мужчины, либо мужчина с рабыней, либо двое мужчин, либо две женщины. Ибн Фадлан описывает, как происходило такое погребение на Волге, и сообщает о многих, связанных с ним, драматических ритуалах. Именно в таких случаях рабы имели возможность оказаться в богатой могиле и быть захороненными подобно знатным людям. Это было для них своего рода посмертное вознаграждение. Во всех остальных случаях их попросту закапывали в землю.

Как уже говорилось, рабы могли быть выкуплены на волю. Их могли также отпускать на свободу, например, в награду за усердный труд. Но могло смениться не одно поколение, прежде чем рабы, наконец, обретали статус свободных людей. Многие получившие свободу рабы, вероятно, переходили в группу безземельных свободных людей и вынуждены были наниматься в услужение. Возможно, такие освобожденные рабы находились в числе переселенцев в другие регионы. Рунический камень из Хернинга в Ютландии, кстати, единственный, где упомянуто о рабстве, повествует об освобожденном рабе, судьба которого, по всей видимости, сложилась удачно. «Токе, ремесленник, воздвиг этот камень в память о Троеле, сыне Гудмунда, который наградил его золотом и отпустил на волю».

О социальном статусе ремесленников нам мало что известно, за исключением того, что кузнецы, кораблестроители и резчики рун, а также скальды пользовались большим почетом и, благодаря своему мастерству, жили в достатке.

Свободные люди

Основу общества составляли свободные люди. Это была большая и разнообразная группа, в которую помимо знати входили также бонды, крупные землевладельцы, арендаторы, охотники, сельскохозяйственные и другие наемные работники, некоторые группы ремесленников. К этой же категории свободных людей можно причислить торговцев и наемных воинов. Свободные люди имели право быть заслушанными на народном собрании – тинге, носить оружие и находиться под защитой закона. Однако на деле понятие свободы, скорее всего, было обусловлено благосостоянием. Были, вероятно, и другие различия в статусе свободного человека, которые зависели от его родovitости и богатства, от формы землепользования (то есть от того, были ли его земельные владения наследственными), а также от его должности на службе у короля. Судя по всему, подобные различия, в частности, давали себя знать в неодинаковых размерах штрафов, которые выплачивались виновной стороной в случае нанесения увечья или убийства жертве или ее родичам. У каждого человека была своя цена. Общественный статус личности также определял, разумеется, его роль и влияние при решении вопросов общественного характера.

Большая часть свободных людей была занята в сельском хозяйстве, которое, пожалуй, почти повсеместно являлось основным источником пропитания. Многие владели

собственной усадьбой, и большинство усадеб управлялось самим владельцем. Однако были и владельцы обширных земельных угодий, разделенных на усадьбы, которые сдавались в аренду. Одним из таких землевладельцев был Ярлабанке, живший во второй половине 1000-х годов и еще при жизни позаботившийся о своей посмертной славе. Он воздвиг в честь самого себя множество памятных камней в Упланде, шесть из которых сохранились до наших дней. Надписи на этих камнях, в частности, сообщают, что Ярлабанке владеет землями в Тэбю и по всей округе и что он построил мост и оборудовал площадь для тинга.

Земля давала статус и вселяла чувство веры в себя. Многие рунические камни в других местах также повествуют о людях, сосредоточивших в своих руках большие богатства. Основу могущества королевских родов и знати в значительной мере составляли обширные земельные угодья, которыми они владели. В надписях на рунических камнях встречаются упоминания и об арендаторах. Географические названия и археологические находки говорят о том, что богатства и усадьбы были неодинаковы по своим размерам. К тому же и внутри самой сельской общины ситуация могла кардинально изменяться. Это можно, в частности, наблюдать на примере поселения Ворбассе в Ютландии. Прежде сельское общество в эпоху викингов рассматривалось как демократическое и статичное, но, как показывают новейшие исследования, ни то, ни другое не соответствует действительности.

Вероятно, для тех, кто решался покинуть родные места, существовало много возможностей изменить свой социальный статус. Добыть богатство на стороне можно было по-разному. Например, посредством морского разбоя и викингских походов в дальние страны. Можно было также наняться в услужение к королю или хевдингу, заняться торговлей, переселиться в колонии, чтобы возделывать там землю. В эти столетия, отмеченные существованием викингов, огромные богатства стекались в Скандинавию и с востока, и с запада и нередко переходили из рук в руки. Многие разбогатели в этот период, и это наложило свой отпечаток на отношение скандинавов к золоту и серебру. Уважение к богатствам и к выдающимся подвигам было здесь необычайно велико. Добытое богатство и слава влекли за собой приобретение земельных угодий и нового общественного статуса.

Поскольку обычай воздвигать памятные рунические камни был особенно распространен в Средней Швеции 1000-х годов, то именно здесь в значительной степени отражена картина заморских походов. Но это касается и многих других районов Скандинавии. Надписи на рунических камнях упоминают о заморских походах почти во все уголки известного в ту пору мира, хотя все же больше всего упоминаний о походах на Запад. В них неоднократно повествуется о том богатстве, которое было добыто в дальних походах или которое там попытались добыть. Многочисленные рунические камни в Упланде были воздвигнуты сословием богатых бондов, которых шведский историк Эрик Леннрот называет «разбогатевшими бондами-бахвалами». В противоположность древней аристократии, представителей которой погребали в родовых курганах, с кораблями, с богатым снаряжением (например, в Венделе, Вальсгерде и Туне), новоявленные богачи ощущали потребность похвалиться своим богатством и славой с помощью надписей на воздвигнутых ими памятных камнях. В противоположность представителям старой аристократии эти «бонды-бахвалы» были христианами, так же как и король, и в связи с этим весьма

убедительной является гипотеза о том, что король, рассчитывая укрепить свою власть, опирался именно на этих амбициозных, новоявленных богачей. Взамен «бонды-бахвалы» получали возможность проникнуть в аппарат королевской власти и получить особые привилегии.

Бытует представление, будто решающее значение имела древность рода, насчитывающего несколько поколений, и что такой род представлял собой большую сплоченную группу и продолжался исключительно по мужской линии. Едва ли это было так на самом деле. Рунические надписи и множество других данных указывают на то, что род складывался из поколений, как по отцовской, так и по материнской линии. Таким образом, в него входили лишь самые близкие родственники, и семейная группа составляла гораздо более узкий круг. Главными были, как правило, связи супружеские, связи между братьями и сестрами, родителями и детьми, то есть наиболее тесные семейные связи. Именно они играли решающую роль в человеческой судьбе, и лишь близкие члены семьи сохраняли обязанность друг перед другом. Только в королевском роду имели значение и более дальние родственные связи. В то же время обязанность выплачивать пеню за убийство, совершенное членом рода, налагалась также и на более дальние ветви семьи.

Помимо семьи, имелись и другие сообщества, как в военной, так и в гражданской среде и, следовательно, у человека могли быть обязанности не только перед своими родичами. Такое сообщество называлось «фелаг», а входивший в него человек – «фелаги», то есть «собратом» или «сотоварищем». Сообщество имело разные формы. Это могли быть, к примеру, общее владение кораблем, или торговое сообщество, или воинское сообщество, подчинявшееся единому военачальнику или предводителю, и каждый сотоварищ обязывался хранить ему верность. Рунический камень, находящийся в Орхусе, рассказывает о некоем Ассере Саксе, который, по всей вероятности, входил одновременно в два сообщества – в военное, как член дружины, и гражданское, как один из владельцев корабля. Подобно многим другим, этот рунический камень был возведен его сотоварищами, которые, в данном случае, могли выступать в роли его семьи. Надпись на камне гласит: «Тосте и Хуве вместе с Фребьерном возвели этот камень в память об Ассере Саксе, их сотоварище и достойном воине. Он умер и был самым честным среди мужчин. Он владел кораблем вместе с Арне».

Были, разумеется, и другие сообщества, имевшие также более широкое понятие, чем семья. Например, в городах и сельских поселениях, где люди жили бок о бок, необходимо было соблюдать определенные правила общежития. Были сообщества, связанные с воинской повинностью, с религией и правовой системой. Существовали тинги, где все решения общественного характера должны были приниматься свободными людьми, для того чтобы они формально вошли в силу.

Женщины, роли полов и дети

Многое из того, что мы знаем о викингх, свидетельствует: женщины жили в достаточно благоприятных условиях, и большинство из них пользовалось авторитетом и уважением внутри их социальной группы. Не исключено, что в эпоху викингов их статус даже повысился. Поскольку мужчины в большинстве своем проводили время в викингских походах или торговых поездках, то все домашние дела, равно как и управление усадьбой, возлагались на женщин.

Немало рунических камней, найденных в Скандинавии, было возведено женщинами или было воздвигнуто в память о женщинах. Мужчины в этом отношении отнюдь не обладают монополией, хотя они, разумеется, преобладают. В то же время и памятные камни, и другие, дошедшие до нас источники, говорят о том, что существовало значительное различие между миром мужчины и миром женщины. Если женщина могла снискать славу и почет, то это происходило не благодаря заморским походам и военной добыче, а благодаря рачительному ведению хозяйства и другим, чисто женским занятиям и умению. Задачи и обязанности женщин были связаны, прежде всего, с теми сферами деятельности, которые

имели немаловажное значение в крестьянской семье. И, разумеется, первым делом женщин было рождение и воспитание детей. Вот какими словами характеризует некую Одиндису из Вестманланда (Швеция) ее муж в надписи на камне, воздвигнутом в память о ней: «В Хассмюре не было хозяйки, которая лучше нее управлялась бы с делами в усадьбе». А вот что сообщил Гунвор о своей юной дочери Астрид в надписи на камне из Дюнна (Южная Норвегия): «Она была самой умелой девушкой в Хаделанде».

Как уже упоминалось, в семейный круг входили: отец, мать и их семейство, а также супруги и их дети. Поэтому весьма логично, что самые великолепные рунические камни были поставлены в память о женщинах. Так, знаменитые памятные камни в Йеллинге были воздвигнуты королем Гормом в память о его жене – королеве Тюре, а тем их сыном, королем Харальдом Синезубым, в память о родителях. Памятный монумент был воздвигнут двумя сыновьями в память об их матери Виборг, а монументы из Главендрупа и Трюггевельде были воздвигнуты некоей Рагнхильд в память о своих двух мужьях. Она была замужем сначала в Фюне, а затем на Зеландии.

Мужчина мог считаться законным отпрыском королевского рода, если королевские предки у него были только со стороны матери. Так, датский король Свен Эстридсен (который находился на престоле с 1047 по 1074 годы) стал законным наследником короны (хотя ему и пришлось за это воевать), благодаря своей матери Эстрид, дочери короля Свена Виллобородого и сестры короля Кнуда Великого, сын которого, Хардекнуд, умер бездетным в 1042 году. Согласно надписям на Упландских рунических камнях 1000-х годов, женщины также могли наследовать землю после своих детей, умерших без наследников, и, вполне вероятно, что женщины в некоторых местах получали после родителей наследство наряду с братьями. Приданое, предназначавшееся дочерям, могло являться причиной того, что сыновья не получали полной доли наследства.

Захоронения эпохи викингов свидетельствуют о том же. Могилы женщин снаряжены столь же богато, как и могилы мужских представителей той же социальной группы. Так, Усебергское захоронение в Вестфолле (Южная Норвегия) – самое богатое из всех, известных нам захоронений эпохи викингов, – было женской могилой. В языческие времена женщинам клали в могилу не меньше вещей, чем мужчинам, но с учетом женской сферы деятельности. В новую загробную жизнь женщин сопровождали не инструменты, оружие или охотничьи псы, но предметы домашнего обихода, ткацкие станки, украшения и комнатные собачки. В кругах военной аристократии различия роли полов были особенно глубоки, и считалось даже, что у мужчин и женщин имеются отдельные царства мертвых.

Основные различия между функциями мужчин и женщин, скорее всего, проявлялись в сфере семьи и дома. Прежде всего, женщины, насколько можно судить, не входили в другие сообщества, например, в «фелаг». Они не занимались ни торговлей, ни ремеслами. Впрочем, до нас дошли сведения об одной женщине-скальде и об одной-единственной резчице рун по имени Гунборга из Хельсингланда (Северная Швеция).

Средневековые ирландские историки, в своем стремлении драматизировать деяния викингов на острове, сообщают ряд захватывающих историй о неистовых женщинах-воительницах, поскольку подобные истории всегда увлекательны. Но на самом деле те женщины, которые, как нам известно из различных источников эпохи викингов, находились в большом викингском войске, вторгшемся в Англию около 890 года, были женами воинов, и их во время сражений старались укрыть вместе с детьми в безопасном месте. Эти женщины сопровождали мужей в походе, поскольку войско находилось в Западной Европе много лет, и воины искали новые земли, на которых могли бы поселиться вместе с семьей. Если женщины-викинги и существовали на самом деле, то едва ли их было так уж много. С введением христианства возникают новые сообщества, религиозные общины, и к ним, вероятно, особый интерес в большой степени проявляли женщины. Женщины, владевшие земельными угодьями, давали свои имена новым поселениям, как в Скандинавии, так и за рубежом, однако подавляющее большинство географических названий того времени было все же связано с мужскими именами.

Брак представлял собою союз равных, а также союз двух семейств. Женщина, наверно, приносила приданое, муж также выделял известную сумму, и эти две части составляли в семье собственность женщины. Как сообщают арабские посланники, которые наблюдали жизнь викингского сообщества в Хедебю около 970 года, а также, вероятно, в Ирландии или на Зеландии в середине 800-х годов, женщины норманнов в браке пользовались большой свободой. Один из них отмечает, что «правом развода обладает женщина. Она разводится с мужем, только когда сама того захочет». Тем не менее, распутство каралось весьма сурово. Адам Бременский около 1075 года записывает, что мужчины за прелюбодеяние караются смертью, а женщины подвергаются различным наказаниям. Смертью карается также насилие над девушкой.

Тот же Адам Бременский с негодованием писал о том, как плохо обращаются скандинавские мужчины с женщинами. Говоря о шведах, он замечал, что «каждый мужчина в соответствии со своим достатком имеет двух, а то и трех, и более жен. Богатые и знатные имеют жен несчетно, а родившиеся от них сыновья считаются законными». Здесь, скорее всего, речь идет не о женах, а о наложницах или, возможно, рабынях. Впрочем, тяга скандинавских мужчин к женщинам, или, вернее говоря, к свободным связям, вообще производила большое впечатление как на западе, так и на востоке.

У детей, вероятно, был свой образ жизни до периода взросления. Нежеланных детей в языческие времена могли унести куда-нибудь с глаз долой и предоставить их собственной судьбе. Христиане резко протестовали против этого, и после введения христианства детей, за исключением врожденных уродов, выбрасывать было запрещено. Особое представление о жизни и смерти, бытовавшее в те времена, отражалось и на судьбе детей. Этим, очевидно, можно объяснить то обстоятельство, что детских могил, относящихся ко временам язычества, почти не встречается. Что происходило с детьми, умиравшими в то время естественной смертью, нам неизвестно. Однако после введения христианства детей хоронили в погребениях взрослых, во всяком случае, в Дании. Рунические камни, которые были бы воздвигнуты в память о детях, нам неизвестны, как неизвестны и представления о царстве мертвых для детей.

Но у тех детей, которые выживали, детство, вероятно, было таким же, как и у остальных детей во все времена и у всех народов. Им рассказывали истории, для них пели песни. Были у них и игрушки, которые, по мере того как дети становились старше, все больше отображали мир взрослых. Это были игрушечные корабли, лошадки, инструменты и предметы домашнего обихода в миниатюре. Но детство и отрочество в те времена длилось недолго. Дети быстро приобщались к домашним делам, и на них возлагались определенные обязанности. Королевский сын Кнуд, впоследствии король Кнуд Великий, был лишь подростком, когда он сопровождал своего отца в походе 1013 года, во время которого была завоевана вся Англия. Годом позже, после смерти отца, он стал предводителем войска, и, скорее всего, не только номинально, а еще через два года сделался властелином всей Англии.

Житейские правила

Все общество той эпохи придерживалось определенных традиций и жило в соответствии со строгим моральным кодексом, который нашел свое отражение в стихах и надписях на рунических камнях. Нарушение норм поведения навлекало на человека бесчестье, вызывало осуждение общества и делало его изгоем. От человека требовалась лояльность по отношению к членам своей семьи и сотоварищам по «фелагу». Традиций следовало придерживаться и в отношениях между господином и подвластными ему людьми, в отношениях с друзьями, домочадцами и слугами. Существовали нормы гостеприимства и подношения даров, чрезвычайно важно было держать данное кому-либо слово, хотя этого правила не придерживались те, кто отправлялся в чужие земли с целью заключения мира. Месть полагалась за несправедливость и агрессию и за многое другое. Личная честь подкреплялась личными качествами, особенно такими, которые высоко ценились-доблестью,

физической силой, ловкостью, великодушием, щедростью, (а также хлебосольством), красноречием, мудростью, воздержанием, самообладанием, чувством товарищества. Славились деяния на пользу людей; так, во времена христианства, человек мог прославить себя строительством моста или церкви. Значение слова «честь» истолковывается в эддическом стихотворении «Речь великих», «Havamal», относящемся к эпохе викингов. Честь, добрая слава – это единственное, что живет вечно:

Род умирает,
Человек умирает,
Исчезнут богатство и злато.
Но слава человека,
Заслуженная добрыми делами,
Не умрет никогда.
Род умирает,
Человек умирает,
Исчезнут богатство и злато.
Но я знаю одно,
Что не умрет никогда -
Суд о человеке,
Когда завершатся его дни.

В этом стихотворении приводятся многие житейские правила и даются практические советы. Мир ненадежен. И называются здесь совсем иные жизненные ценности, нежели в воинственных стихах, прославляющих властителей. Вероятно, в ту эпоху господствовал фаталистический взгляд на самые важные события в жизни, и бытовало убеждение, что все предопределено судьбой. Такой взгляд на вещи был весьма практичен в то суровое время, когда человек в значительной мере зависел от прихотей стихии.

Каждый, кто отворяет входную дверь,
Должен быть начеку и смотреть в оба,
Потому что никто не может знать,
Не притаились ли в чужом доме враги.

Никто не готов к тому часу,
Когда здоровье изменит нам,
Иные находят утеху в сыновьях,
Иные – в крепкой семье, Иные – в большом богатстве,
А иные – в добрых делах.

Нет для человека лучше бремени,
Чем опыт и знание людей.
Нет для него заблуждения горше,
Чем опьянение пивом и вином.

От среднего ума урона меньше,
Не след человеку все понимать.
Судьба должна быть сокрыта от всех,
И тогда будет меньше скорби и боли.

Сдерживай резвых коней.
 Пастырь пасет стадо без рук.
 Слепота лучше смерти.
 От мертвого мало толку.

Короли и государства

Нам известно, что государства существовали в Скандинавии и до эпохи викингов, но мы не знаем, как велики были территории, находившиеся под властью того или иного короля или хевдинга, каковы были их властные полномочия и как они практически осуществляли свое правление. Нет достоверных сведений об этом и в отношении эпохи викингов. В истории возникновения каждого из трех ныне существующих скандинавских стран также много неясного. И все же есть возможность обозначить некоторые основные направления, и о них будет сказано ниже. Почти вся современная Дания, а также ныне относящиеся к Швеции области Сконе и Халланд еще до 800 года, вероятно, находились под властью датского короля. Норвегия, или вернее, большинство тех ее районов, которые прилегали к морскому побережью и фьордам, была впервые объединена под властью одного короля в конце 800-х годов. Когда появился первый король в Швеции, нам неизвестно. Можно лишь предполагать, что Швеция, как единое государство, возникла не ранее 1100-х годов.

Впрочем, едва ли следует представлять себе дело так, будто в тот период где бы то ни было существовала единая, стабильная, централизованная королевская власть. В отдельных регионах население придерживалось собственных традиций и законов и всячески оберегало свою независимость. Старинная местная аристократия все еще обладала большой властью в своем крае, хотя влияние ее ослабевало по мере укрепления аппарата королевской власти.

Развитие военных структур королевства отнюдь не было равномерным. Власть короля все еще зависела от соотношения между его собственным могуществом и могуществом местных хевдингов, а также от ряда внешнеполитических факторов. В эпоху викингов нередко случалось, что то или иное государство вновь утрачивало обретенную целостность; те или иные короли на какое-то время лишались поддержки знати, а затем изгонялись из страны или даже лишались жизни. Бывали также случаи, когда какое-либо государство, или часть его, на определенный период попадало под власть иноземцев.

Предпосылкой для того, чтобы все земли государства объединились под властью одного короля, чтобы население признало его верховенство и согласилось его содержать, должно было быть желание наиболее влиятельных кругов в стране добиться для нее мира и процветания. Побывав в Европе, Византии и арабских странах, многие поняли преимущества сильного аппарата власти. Накануне эпохи викингов и на протяжении ее в Скандинавии возникла потребность в политическом объединении. Экономика и структура общества все больше усложнялись. Росло производство товаров, отмечался небывалый рост торговли и ремесел. В руках многих скапливались огромные ценности, возникали торговые центры и города, оживился товарооборот и расширились связи Скандинавии с другими регионами.

Появилась необходимость перевозить товары и ценности на большие расстояния, а вместе с этим возросла опасность разбойничьих набегов. С развитием судоходства морские грабители могли появляться повсюду. И только король, наделенный властью, способен был оградить людей от этих грабежей и обеспечить им спокойствие и охрану на большой территории, получая в уплату соответствующие налоги и пошлины. Стало ясно, что именно в централизованной королевской власти коренятся предпосылки для стабильности и процветания общества.

Все больше ощущалась потребность в аппарате власти, глава которой имел бы возможность в кратчайший срок собрать большую военную силу в определенном месте,

дабы противостоять опасности, исходившей от воинственных соседей или больших организованных разбойничьих полчищ. Далее, наделенная властными полномочиями личность могла служить связующим звеном между населением и богами, а также между ним и иноземными государственными образованиями. Во власти богов было обеспечить мир и процветание обществу, но немалое значение приобретали все растущие связи с иными государствами, например, заключение союза между двумя странами. Наконец, королевская власть могла способствовать укреплению единства между правителем и народом, созданию государства с определенными географическими границами и наличием представителей королевства за его пределами. Новые возможности открывались как для отпрысков древних аристократических родов, так и для энергичных, деятельных представителей других слоев общества.

Легитимация личной власти

В Скандинавии легитимность власти короля обуславливалась тем, что он должен был быть отпрыском королевского рода по отцовской или материнской линии. Это была основа легитимности, которая затем подкреплялась утверждением, что дальними предками короля были боги и герои древности. Обычно трон после смерти короля занимал его сын. Но твердо установленного закона о престолонаследии не существовало. Король мог также избираться, и в этом случае могла возникнуть борьба за трон между членами семьи, причем каждый претендент заручался поддержкой своей стороны. В конце концов, в этой борьбе побеждал кто-нибудь один, а иногда проблема разрешалась таким образом, что на троне оказывалось сразу несколько королей.

Во французских анналах мы находим сведения о полной драматизма смене королей на датском троне в начале 800-х годов. После убийства короля Годфреда в 810 году королем стал его племянник Хемминг, а его собственные сыновья вынуждены были отправиться в изгнание. Два года спустя Хемминг умер, и борьбу за трон повели два рода. Во главе одного из них стоял Сигфред (другой племянник Годфреда), а второй возглавил Ануло (племянник прежнего короля, Харальда). В этой борьбе оба претендента на престол погибли, но победил род Ануло. В конце концов, трон заняли два брата Ануло, однако, уже через год, в 813 году, они были изгнаны с престола сыновьями короля Годфреда. Теперь королями стали они, и эта ветвь рода удерживала власть на протяжении многих лет.

Случалось и так, что королевская власть разделялась несколькими представителями одной семьи, например, отцом и сыном или братьями, но женщины никогда не участвовали в этом. Письменные источники свидетельствуют также о том, что титул короля не всегда означал власть над каким-либо определенным географическим регионом. Викинские походы в Европу возглавлялись военачальниками, которые носили титул короля, несмотря на то, что у себя на родине они не обладали никакой властью, и там уже сидел на троне могущественный король. Случалось также, что на троне укреплялась новая династия. Так произошло в Дании в конце 800-х годов, а затем незадолго до середины следующего столетия, когда на политической арене неожиданно возник король Горм Старый. Возможно, его сомнительная легитимность подкреплялась дальним родством с королевской семьей через внебрачные связи, как это уже не однажды бывало в других регионах. Во всяком случае, можно предположить, что власть нередко завоевывалась с мечом в руке или добывалась с помощью больших количеств серебра. Так было, когда незадолго до 1000-го года королем Норвегии стал Олав Трюггвессон. Его воцарение на норвежском троне произошло не без помощи огромных запасов серебра, добытых им во время грабительских набегов в Англию.

По сути дела, могущество короля или хевдинга, базировалось на его славе и богатстве, владении землей, скотом и ценностями. Реальная власть зависела также от способности короля сплотить вокруг себя приверженцев, вести их за собой, добиваться побед и щедро платить своим людям за службу. Суммируя все это, можно сказать, что престиж и запасы

серебра являлись верным средством для того, чтобы заручиться необходимой поддержкой. Именно поэтому погоня за славой и богатством ставилась во главу угла на протяжении всей эпохи викингов. Короли викингов окружали себя блеском и роскошью, а идеалы знати коренились исключительно в военной сфере. Скальды, складывавшие хвалебные песни в честь своих властителей, воспевали победы в сражениях, мечи и корабли, богатую добычу, дальние походы, мужество и верность, а также щедрое вознаграждение, которое люди короля или викинга получали за свою службу. Неудивительно, что оружие непременно присутствует во всех погребениях знати языческих времен, а раем для погибших воинов называли Валгаллу – чертоги бога войны Одина. Здесь время проходило в пирах и состязаниях и в общении благородных героев с равными себе. В жизни, как короли, так и хевдинги имели при себе дружину, или «фелаг», где каждый был лично связан со своим господином взаимной верностью и дружбой. Воины дружины являлись его личной стражей, они сопровождали своего господина в походах и других поездках, помогая ему и советом, и делом.

Желание представителей новой династии подчеркнуть свою власть на территории, оказавшейся в их владении, проявилось в создании великолепных викингских монументов. Так, в Йеллинге сын короля Горма, король Харальд Синезубый, возвел самый грандиозный монумент эпохи викингов. В него входят два памятных камня с руническими письменами, два громадных кургана, королевское погребение и церковь. Все это создано в память о родителях Харальда и призвано утвердить неоспоримую власть их рода над большой территорией, а также увековечить подвиги самого Харальда и подчеркнуть его приверженность к христианской вере. Надпись на одном из этих больших памятных камней имеет явный религиозно-политический смысл. Она гласит: «Король Харальд повелел воздвигнуть эти памятники в память о Горме, своем отце и о Тюре, своей матери. Харальд завладел всей Данией и Норвегией и сделал данов христианами».

Соответственно, некоторые большие могильные курганы в Вестфолле (Южная Норвегия) наверняка подчеркивают власть на этой земле королевского рода Инглингов. К роду Инглингов принадлежал и король Харальд Прекрасноволосый, объединивший Норвегию в единое королевство. Некоторые из этих курганов – Усебергский, Гокстадский и, один из самых великолепных, курган в Борре, – были исследованы в прошлом столетии. В них были обнаружены большие корабли и множество прекрасных вещей 800-х годов, несомненно, принадлежавших королям и королевам.

Род Инглингов, вероятно, происходит из Норвегии, и один из скальдов, Тьодольф, воспевающий его в своем большом стихотворении «Инглингаталь» («Песнь в честь рода Инглингов»), прослеживает тридцать поколений этого рода вплоть до легендарного прародителя славных Упсальских королей по имени Ингве. Вместе с тем, Тьодольф связывает этот род с местностью Борре. Однако, мы не знаем, кто из этого рода был погребен в имеющихся здесь погребальных курганах, равно, как и в других курганах Вестфолла.

Большие курганы имеются также в сердце государства свеев, Старой Упсале. Три кургана отличаются здесь особенно грандиозными размерами. По крайней мере, два из них, те, что были раскопаны, относятся к 400-500-м годам. К сожалению, неясно, каковы были родственные отношения между погребенными в них людьми и шведскими королями эпохи викингов и были ли эти люди связаны с Упсалой. Нам доподлинно известно лишь, что около 1075 года здесь находилось главное языческое капище с культовым языческим храмом.

Королевская власть

Сведений о конкретных территориях, подвластных тем или иным королям, о могуществе этих королей и способах управления сохранилось неожиданно много как во франкских, так и в германских письменных источниках. Однако большинство этих сведений приурочено к позднему периоду эпохи викингов, и к тому же они разрозненны и неравноценны. С течением времени взгляды на упомянутые выше проблемы существенно

менялись. Традиционным являлось представление о слабости королевской власти. Считалось, что король был военачальником в периоды войн и являлся главой культа верховного божества; его экономические полномочия были крайне ограничены, аппарата власти практически не существовало, и все важные государственные решения принимались на тинге. Предпосылкой для таких воззрений было общепринятое представление о том, что Скандинавия была примитивным, варварским регионом.

Но если внимательно ознакомиться с данными письменных источников, нумизматики и археологии и сопоставить их с данными из гораздо лучше известного нам европейского региона, то картина во многих отношениях представляется иной и, уж во всяком случае, более сложной. К тому же, условия во всех трех скандинавских странах не были ни единообразными, ни статичными. Бесспорно, король был, в первую очередь, военачальником и возможно также главой религиозного культа. Но одновременно его обязанностью было поддержание порядка в королевстве, или, выражаясь современным языком, он обладал монополией на применение силы. К тому же, он выполнял функции главы государства в отношениях с другими странами. С другой стороны, наиболее важные государственные решения, за исключением воинского призыва в случае агрессии извне, принимались на тинге свободными людьми. Однако реальное влияние на ход вещей в государстве со стороны свободных людей, несомненно, было различным в разных местах и в разное время, в зависимости от взаимопонимания между королем и знатью.

Так, в повествовании о миссии Ансгария в Скандинавии 800-х годов ничего не говорится о предварительном решении на тинге относительно строительства церкви в стране, хотя датский король Хорик дал на это свое «добро». Что касается Бирки в Швеции, то здесь условия были несколько иными, хотя едва ли это различие было существенным. Когда Ансгарий отправился туда, чтобы проповедовать Евангелие, он обратился к королю по имени Олаф. Тот счел, однако, необходимым сначала бросить жребий, чтобы узнать волю богов, а затем выслушать мнение народа на тинге. «Ибо так повелось в этой стране, что всякое решение касательно общественных дел больше зависит от единогласного решения народа, нежели от воли короля».

Это высказывание обычно проводится в пользу доказательства слабости королевской власти в эпоху викингов, однако, рассказ о том, как в этом случае развивались события дальше, не подтверждает такого впечатления.

Легкообъяснимое стремление короля Олафа к точному соблюдению формальностей, вероятно, было к тому же осторожной реакцией недавнего язычника на давние попытки расширения христианской миссионерской деятельности в стране. Сам Олаф, скорее всего, был настроен положительно. Рассказывается, что он сперва собрал своих хевдингов, чтобы обсудить с ними предложение Ансгария. Затем они все вместе отправились в поле, бросили жребий и убедились, что боги знают об их решении принять христианскую веру. В день тинга при стечении народа герольд провозгласил обращение короля. Вначале королевское предложение вызвало ропот, но, после того как один из его приближенных объяснил преимущества христианского бога, способного защитить их во время опасных морских странствий и поездок в большой фризский торговый центр Дорестада, тинг постановил принять предложение короля. Таким образом, результат был тот же, что и в Дании. Слово короля решило исход дела.

Из рассказа о миссии Ансгария, равно как и из других письменных источников, относящихся к тому времени, мы узнаем о существовании особого круга приближенных короля из числа знати. Он держит с ними совет и считается с их решениями. Они могут также выступать от имени короля на официальных церемониях. Так было, например, во время торжественного подписания мирного договора между императором франков Карлом Великим и датским королем Хеммингом в 811 году. Мир был скреплен клятвой, принесенной двенадцатью представителями знати от каждого королевства. По всей вероятности, это были наиболее могущественные в стране люди, которые периодически или постоянно находились при дворе короля. Людьми, приближенными к королю, выполнялись

также многие дипломатические миссии в других странах. Были у короля свои представители и внутри страны. Они выполняли его поручения, блюли его интересы и обеспечивали поступления в казну. Людьюми короля осуществлялась также охрана береговых границ в периоды междоусобиц. Такой порядок существовал и в Западной Европе. Письменные источники, относящиеся к 817 году, донесли до нас сведения о человеке по имени Глум, на котором лежала ответственность за охрану южной сухопутной границы Дании. Королевские посланцы имелись также в городах и торговых центрах, где им надлежало обеспечивать мир и порядок и взимать за это денежные взносы.

Во многих письменных источниках упоминается о целом ряде титулов, которые носили приближенные короля. Точное значение их нам не всегда понятно. Возможно, что именно люди королевского круга были захоронены в курганах, в которых вместе с умершими находят лошадей и оружие. Представители местной знати, жившие в собственных владениях, получали от короля новые титулы и наделялись новыми обязанностями. Но были и такие, кто обитал в обширных, разбросанных повсюду владениях короля.

В поздний период эпохи викингов название Хюсебю присваивалось целому ряду королевских центров, наделенных административными функциями. Это название встречается во многих районах Скандинавии, но чаще всего – в Средней Швеции.

Некоторые из самых могущественных королевских приближенных, под началом которых находилась та или иная территория, носили титулы ярлов. Но ярлами назывались также и отдельные независимые владельцы, управлявшие не столь обширной территорией, так что значение этого титула не совсем ясно. Не исключено, что первоначально его присваивали просто людям, чем-то отличившимся. Вероятно, этот титул был распространен повсюду в Скандинавии, но чаще всего он встречается в Норвегии и на Оркнейских островах. Местом пребывания самых могущественных норвежских ярлов был Ладе, близ Тронхейма, и в их владении находилась территория, начинавшаяся от Треннелага и продолжающаяся далеко на север. На протяжении более столетия титул ярлов Ладе переходил из поколения в поколение, и представители этого рода принадлежали к числу самых знатных и богатых людей королевства. Титул и богатство Оркнейских ярлов также передавались по наследству. Они пользовались большой независимостью, однако при этом признавали верховенство над собой норвежского короля. Насколько нам известно, в ту пору у королей не было постоянных резиденций. У них была сеть королевских усадеб, которые они посещали во время своих поездок по стране. Время от времени, в зависимости от ситуации, то одна, то другая усадьба оказывалась наиболее предпочтительной для пребывания в ней короля. Королевские усадьбы в Борре и Йеллинге, очевидно, приобретали особое значение, соответственно в 800-е годы и в середине 900-х годов. Часто короли находились в торговых центрах, таких, как Хедебю, Бирка и Тронхейм. Они также поддерживали связи и с религиозными центрами, например, с Упсалой в Швеции и тем же Тронхеймом в Норвегии. В Лейре при раскопках было обнаружено колоссальное сооружение – зал королевских размеров, длиной в 48 метров и шириной в 11 метров. Но как выглядела в целом королевская усадьба тех лет, мы пока еще не знаем. Датские «круглые» крепости, относящиеся, примерно, к 980-м годам, были, бесспорно, королевскими, но это были, прежде всего, поенные лагеря.

Права викингских королей, их экономическое положение, а также их возможность налагать на своих подданных те или иные общественные обязанности, были, по всей вероятности, весьма различны. У наиболее могущественных королей возможностей было больше, а у королей послабее – поменьше. Впрочем, с течением времени эти возможности все более возрастали.

Основной и главной обязанностью жителей была защита страны. Они должны были вступать в войско под начало короля для обороны страны от нападения, а в поздний период эпохи викингов в Норвегии и Дании существовала система воинской повинности. Систематически должны были поставляться люди в ополчение, корабли и оружие. Поставки эти зависели, надо думать, от размеров земельной собственности. Возведение крепостных

валов и других защитных сооружений также, очевидно, возлагалось на общество, а иначе как бы мог быть создан многокилометровый защитный вал Даневирке? Некоторые из величественных грандиозных монументов, такие, как, например, викингские памятники в Йеллинге, относящиеся к середине 900-х годов, также, по всей вероятности, возводились путем привлечения общественной рабочей силы.

Экономическую основу королевской власти составляли земельные владения и получаемые от них доходы. Чем больше земли было в личном владении короля, тем больше было у него доходов. К этому можно присовокупить пошлины, получаемые от городов, торговые пошлины и таможенные сборы, взимавшиеся за проезд по стране. Доходы могли также поступать от торговой деятельности самого короля, от чеканки монет и от выдачи лицензий на особый вид морского пиратства. Последнее было распространено в Дании, во всяком случае, в период около 1070 года. Особо важное место занимали всякого рода отступные, получаемые от королевских подданных. Король мог за плату восстановить в правах человека, объявленного вне закона, можно было также откупиться от призыва в ополчение, когда оно объявлялось. Нам доподлинно известно, что такой порядок существовал в поздний период эпохи викингов. Известно о выплатах королю на поездки по стране для него и его приближенных. Помимо этого, существовала обязанность предоставлять во время таких поездок кров королю и его свите. При смутах и волнениях земельные владения короля, равно как и его доходы, могли увеличиться за счет конфискации имущества и земель смутьянов.

Имелись возможности получения доходов за пределами страны. Сюда следует причислить дань и пошлины, которые периодически взимались либо с населения покоренных земель, либо с отдельных лиц, которые по доброй воле платили дань королю или хевдингу в обмен на обещание защиты и мирной жизни. Казна короля могла пополняться за счет регулярных набегов и грабежей, равно как и выплачиваемого побежденным или запуганным неприятелем выкупа в обмен на обещание покинуть его территорию.

Богатство и слава были главными условиями существования, и викингские короли постоянно участвовали в сражениях во главе своего войска, либо предводительствовали в викингских походах. Немудрено, что многие из них погибали, не дожив до старости. Король Норвегии Магнус Босоногий был убит во время похода на Ирландию в 1103 году. Ему было около тридцати лет. В одной из саг приводятся его слова: «Королям уготована слава, но не суждена долгая жизнь».

Дания, Норвегия, Швеция

Благодаря тому, что Дания находилась в близком соседстве с христианскими странами, обладавшими уже в тот период высокоразвитой письменностью, до нас дошло много письменных источников, содержащих сведения о датских королях. Однако в этих источниках ничего не говорится о том, когда и каким образом было создано датское государство. По всей видимости, это произошло задолго до того, как иностранные источники стали проявлять интерес к Дании. Нет этих сведений и в более поздних отечественных и зарубежных исторических трудах. Что касается возникновения Норвегии, то ее историю можно проследить по скальдическим песням и королевским сагам, где повествуется о династиях королей и ярлов. На основании этих источников можно сделать вывод, что процесс создания норвежского государства был длительным, сложным и кровавым. Сохранилось крайне мало источников, в которых содержатся сведения о создании Швеции и о династиях шведских королей.

Ниже приводится краткий хронологический обзор основных направлений внутренней политики этих стран и соотношение сил внутри каждой из них.

Дания – название страны происходит от названия народности данов. Однако значение

окончания «марк» в слове «Данмарк» (так звучит название страны по-датски) является все еще предметом дискуссии. Наличие грандиозных сооружений, таких, как защитный вал Даневирке, построенный в 737 году, канал Канхаве на острове Сомсе, относящийся к 762 году, и создание около 700 года торгового центра Рибе, наряду с данными дошедших до нас письменных источников, свидетельствуют о том, что уже в 700-х годах на территории Дании, во всяком случае, в Ютландии, существовала сильная централизованная власть. Не исключено, что еще до 800 года страна была объединена под властью одного короля, разумеется, на том географическом пространстве, которое она занимала в средние века. Однако в периоды, относящиеся к 800-м годам и началу 900-х годов, в письменных источниках мы находим больше всего сведений, касающихся Южной Ютландии, возможно потому, что именно там имели место многочисленные пограничные конфликты, а они-то как раз и интересовали франкских и германских авторов в первую очередь. До нас также дошли сведения об отдельных королях. Среди них упоминается король Годфред, который около 800 года угрожал Карлу Великому. Сообщается также о двух королях, Харальде и Регинфреде, которые в 813 году совместно правили в области Вестфолл, (Южная Норвегия). Далее, нам известно о королях Горики Старшем и Горики Младшем, которые приблизительно в 850 году дали Ансгарию разрешение на строительство церкви. Много говорится в письменных источниках и о датских интересах в славянских регионах и о политических союзах со славянскими племенами.

Подлинная преемственность королевской власти начинается лишь незадолго до середины 900-х годов, и она берет начало от Горма Старого и Харальда Синезубого. С этого времени вырисовываются некоторые общие тенденции в политическом развитии страны, а после того, как Харальд Синезубый сообщил в надписи на руническом монументе о том, когда возникло государство данов, на этот счет не может быть больше никаких сомнений. На протяжении долгого периода царствования Харальда Синезубого происходило много важных событий – пограничные конфликты с германским королевством, завоевание власти в Норвегии, введение в Дании христианства, возведение крупных сооружений. Можно предположить, что Харальд Синезубый не без успеха пытался расширить полномочия королевской власти. Однако около 987 года он был свергнут и изгнан из страны своим сыном, Свеном Вилобородым. Некоторое время король Свен властвовал и над всей Норвегией. В период его царствования возобновились викингские походы на Англию, и в 1013 году король Свен распространил свою власть на все Британские острова. Но в 1014 году он умер, и в Дании ему наследовал его сын Харальд. После смерти Харальда в 1018 году на датском троне оказался его брат Кнуд Великий, который уже с 1016 года был единовластным королем Англии. Некоторое время он был королем Норвегии, а также, возможно, некоторой части Швеции. В послании к английскому народу, датированном 1027 годом, он именует себя: «Кнуд, король всей Англии и Дании, а также норвежцев и части свеев». Кнуд Великий умер в 1035 году, и ему в Дании наследовал его сын Хардекнуд, который в 1040 году стал также королем Англии. После смерти бездетного Хардекнуда в 1042 году его наследником в Дании стал норвежский король Магнус Добрый, умерший в 1047 году. Около середины 1000-х годов славянское племя вендов часто совершало набеги на Данию. Какое-то время дядя Магнуса, Харальд Суровый Правитель, был, вероятно, королем и части Дании. А племяннику Кнуда Великого, Свену Эстридсену, занимавшему престол с 1047 по 1074 годы, удалось захватить власть над всей страной. Ему наследовали по очереди пять сыновей. В их числе был Кнуд, который погиб во время смуты в 1086 году. Последовавшие после этого неурожайные годы были расценены народом как божья кара, так в Дании появился первый король-святой.

Норвегия – слово это означает «северный путь» («Нордвегр») и связано с судоходством вдоль вытянутого западного побережья страны. Впервые страна была объединена в одно королевство в 880-е годы или чуть позднее королем Вестфолла Харальдом Прекрасноволосым, который одержал победу в сражении при Хафс-фьорде (в

районе Ставангера). На самом деле объединение коснулось лишь территорий «северного пути», вдоль побережья фьордов, да и то не до конечного пункта на севере. Харальд умер, по всей вероятности, около 930 года, когда на троне вместе с ним находился его сын Эрик Кровавая Секира. Этот последний, однако, вскоре после смерти отца был свергнут по причине непомерной жестокости своего правления и отправился в викингские походы на Запад. Дважды он становился королем Йорка, но был изгнан, а в 954 году убит, после чего Северная Англия была возвращена английской короне. В Норвегии ему наследовал его брат Хокон, Воспитанник Адальстейна. Прозвище это связано с тем, что он был воспитан при дворе английского короля Ательстана. Хокон был окрещен, но позволил норвежцам исповедовать их прежнюю веру. Он вообще придерживался умеренной политики и сохранял добрые отношения с могущественным треннелагским ярлом Сигурдом из Ладе, близ Тронхейма. Около 960 года король Хокон был убит в междоусобной борьбе, затеянной против него сыновьями Эрика Кровавая Секира в союзе с датчанами.

В последующее десятилетие страной правил сын Эрика, Харальд Гроффелль. Наиболее прочным его положение было в Южной Норвегии, за исключением краткого периода Треннелаг был для него недостижим, равно как и невозможен был контроль над весьма прибыльной торговлей товарами, привозимыми с севера. В 960-х годах ярл Сигурд был убит королем Харальдом, и за это его стал преследовать сын Сигурда, ярл Хокон. Около 970 года король Харальд погиб в сражении с объединенным войском датчан и верных ярлу Хокону тронхеймцев.

После этого ярл Хокон стал самым могущественным человеком в Норвегии, хотя вначале он все же признавал верховную власть короля Харальда Синезубого. Около 995 года ярл Хокон был убит своим рабом. К этому времени в Норвегию вернулся Олав Трюггвессон. Он привез с собою много серебра после успешных викингских походов в Англию. Теперь он стал королем Норвегии. Его опорной базой стал Треннелаг, а спустя несколько лет он распространил свою власть на все норвежское побережье с юга на север, до самого Холугаланда. Будучи христианином, он начал вести систематическую миссионерскую деятельность. Но в самом начале 1000-го года, возвращаясь домой с южного побережья Балтики, он был убит в сражении при Сволде (местоположение не установлено). Победу в этом сражении над ним одержала коалиция, куда входили сын Хокона, ярл Эрик, датский король Свен Вилобородый и шведский король Олаф Шетконунг. После этого властелином Норвегии стал король Свен Вилобородый, а два сына ярла Хокона, Эрик и Свен, были ярлами, лояльными по отношению к нему. При этом король Швеции Олаф Шетконунг все же получил в свое владение Ранрике, область на восточном побережье Осло-фьорда. Единство страны было снова утрачено, а каков был тогда реальный расклад политических сил, нам неизвестно. С 1014 года ярл Эрик принимал участие в завоевании Англии. А с 1017 года он стал ярлом Нортумбрии при короле Кнуде Великом.

Между тем в 1015 году в Норвегию возвратился Олав, сын Харальда, который и стал королем этой страны. За плечами его было много лет викингских походов. Снова возобновился процесс объединения страны и введения в ней христианства с применением силы. Олав присоединил к своим владениям континентальные районы страны и активизировал завоевание Оркнейских и Шетландских островов. В 1020 году для богатых и независимых северо-норвежских хевдингов настали трудные времена, поскольку король Кнуд Великий потребовал признать его власть над страной. В 1028 году он самолично прибыл в Норвегию во главе большой флотилии. С другой стороны, королю Олаву грозило войско тронхеймцев, предводительствуемое сыном Эрика, ярлом Хоконом, так что ему пришлось бежать через Швецию на Русь, в Киев, к князю Ярославу. Хокон стал ярлом Норвегии при короле Кнуде, но вскоре он утонул в «английском море». И 1030 году Олав вернулся обратно в Норвегию, но летом, вероятно, 29 июля, он был убит в битве с норвежским войском при Стиклстаде, близ Тронхейма. Вскоре его причислили к лику святых и стали называть Олавом Святым.

Как раз в это время власть в стране перешла в руки внебрачного сына Кнуда Великого,

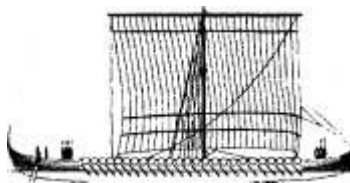
Свена, и его английской матери Альфивы (или Эльфгифу). Они, однако, не пользовались в стране популярностью, и взоры норвежцев обратились на юного сына Олава Святого, Магнуса, которого, приблизительно в 1035 году, привезли из Руси, где он с 1028 года воспитывался при княжеском дворе Ярослава Мудрого. Сын Альфивы, Свен, бежал в Данию, и вскоре после этого умер. Во время царствования короля Магнуса, королевская власть в Норвегии укрепилась, а в 1042 году Магнус стал одновременно и королем Дании. В середине 1040-х годов сводный брат отца Магнуса, Харальд Суровый Правитель, потребовал от короля поделить с ним властью и добился своего. Он побывал на Руси и в Византии и привез оттуда огромное богатство. После смерти в 1047 году короля Магнуса, не оставившего после себя наследника, Харальд Суровый Правитель стал единовластно править в Норвегии. Однако от Дании ему пришлось отказаться. Харальд Суровый Правитель был убит королем Харольдом, сыном Годвина, в битве при Стамфорд Бридж, когда он попытался в 1066 году захватить Англию.

Швеция – название страны (Сверье, Свеаланд) произошло от названия племени свеев, обитавших в Средней Швеции, являвшейся ядром страны. Из письменных источников мы узнаем, что на протяжении 800-х годов в Бирке было несколько королей, и в частности, Бьерн и Олаф, которые принимали у себя Ансгария и дали ему разрешение на ведение миссионерской деятельности. Однако нам ничего не известно о том, сколько времени продлилась их власть. Вообще нужно отметить, что политическая ситуация в Швеции эпохи викингов освещена весьма скупо. Тем не менее, есть сведения, что около 890 года свеям принадлежали Блекинге и береговые районы до самого севера, а также острова Готланд и Эланд. Это известно из описания одного из морских путешествий на Балтике (естественно, интерес здесь концентрировался лишь на прилегающих к Балтике прибрежных районах). Первыми из известных нам королей Швеции был Олаф Шетконунг (годы правления около 995-1020). Он был королем свеев и гетов. Впрочем, до него могли быть другие. К тому же, правление Олафа Шетконунга не означает, что Швеция в тот период была единым государством. Сам Олаф был христианином, однако многие его подданные, в особенности среди свеев, продолжали придерживаться прежней веры. После бунта против него он, по всей вероятности, сохранил власть только в Вестергетланде. Ему наследовал его сын Анунд Якоб, который также был христианином. В своем послании 1027 года Кнуд Великий назвал себя властелином части свеев, но что это означает, нам неизвестно. Анунд Якоб умер в 1056 году. После него на троне находились сначала его сводный брат Эмунд Злой, а затем Стенкиль.

Способы передвижения и корабли

Развитие стран Скандинавии и викингская экспансия в значительной степени зависели от достаточной эффективности средств передвижения и проложенных маршрутов. В первую очередь, это относится к морским маршрутам и средствам передвижения по ним; иными словами, большую роль играли корабли, хотя немалое значение имели и средства передвижения по суше.

Поездки совершались часто, и на дальние расстояния. Внутри страны люди ездили на тинга и религиозные праздники. Ездили также к торговым центрам и посещали друг друга во время семейных торжеств. Не следует забывать и о военных походах, миграции населения, миссионерских, дипломатических и административно-политических поездках, о путешествии в чужие земли. Рассказы о драматических событиях, случившихся во время таких поездок, были излюбленным времяпрепровождением. Путешествия в дальние страны покрывали славой тех, кто их совершал. Их воспевали скальды, о них сообщали на рунических камнях. Красавцы-корабли эпохи викингов, их превосходные качества обретали бессмертие, будучи запечатленными в поэзии, на рисованных памятных камнях и на монетах. Их форму придавали монументам и украшениям, они служили излюбленным мотивом для художников того времени. Вместе с тем, многие надписи на рунических камнях позднего периода эпохи викингов прославляют также и тех, кто строил мосты и дороги.

Адам Бременский около 1075 года отмечает, какова была длительность поездок, и их маршруты по суше и по воде. Он пишет о том, что если отправиться из Сконе до Сигтуны морем, то можно проделать этот путь за пятнадцать дней, в то время как поездка по суше, маршрут которой проходит через земли гетов, Скара и Седертелье, занимает месяц. Если человек намеревается поехать в Тронхейм, то он может за один день доплыть от Северной Ютландии до Южной Норвегии, оттуда, если плыть налево вдоль берегов Норвегии, можно за пятнадцать дней добраться до Тронхейма. До Тронхейма можно было доехать из Сконе и по суше, но, как пишет Адам Бременский, «путь этот будет более долг по причине гористой местности. К тому же, этот путь полон опасностей, и потому путники его избегают». Из района Осло-фьорда маршрут проходил через большие долины, ведущие в глубь Норвегии.

Были проложены, разумеется, и многие другие маршруты, и в частности, через весь Скандинавский полуостров и через Ютландию. В отношении этого последнего маршрута Адам Бременский сообщает, что путь от Шлезвига на юге Ютландии до Ольборга на севере занимает 5-7 дней. Что касается поездок по Норвегии и Швеции, то о них у нас имеются свидетельства Свена Эстридсена. Он сообщает, что через всю Норвегию можно без труда проехать за один месяц, а вот через Швецию не проедешь и за два. В последнем случае речь, несомненно, идет о поездке по суше, маршрут которой проходит через дремучие леса и бесчисленные озера, а на отдельных участках нужно было пересекать гористую местность. Что касается Норвегии, то здесь путь пролегал через безлесные высокогорные плато.

Сухопутные поездки

По суше можно было передвигаться пешком, верхом, а в зимнее время – на санях, лыжах или коньках. На ровной местности путь пролегал по широкой, накатанной колесами колее. В этом случае путники двигались «по закону сухих ног», то есть, насколько возможно, избегали водных преград. Сухопутный тракт в Ютландии, впоследствии известный под характерными названиями «Войсковая дорога» и «Воловья дорога», проходил по горному хребту и по водоразделу. В Средней Швеции, где водных преград было множество, приходилось идти по каменистым склонам. Такая же ситуация была и в Южной Норвегии, в Вестфолле. И все же полностью избежать водных преград не удавалось. Путники вынуждены были перебираться через реки или озера вброд.

Еще со времен каменного века люди, пытаясь облегчить переход через воду, оборудовали броды, с тем чтобы ездоки и пешеходы не застревают в вязком дне посередине или у берегов, а также, чтобы они могли обойти стороной неровности дна. Мосты появились

в Скандинавии лишь в эпоху викингов, и только с их появлением переход через реки мог осуществляться вне контакта с водой. Наиболее древние мосты встречаются в Дании, и все они были построены перед концом 900-х годов. Возможно, строителей вдохновлял пример славянских народов, живших к югу от Балтийского моря, где давно уже практиковалось строительство мостов.

Самым большим, а, возможно, и самым древним мостом в Дании является восьмисотметровый мост через долину реки Вейле, в Равнинг Энге, близ Йеллинга (Ютландия). Дендрохронологический анализ показал, что мост этот относится приблизительно к 980 году. Ширина его составляла 5,5 метров, а проезжая площадь была около 35000 кв. метров. На его строительство ушло огромное количество дубовых бревен. Но пользовались этим мостом всего лишь несколько лет, судя по тому, что его ни разу не ремонтировали, между тем как опыт показывает, что в более позднее время, когда деревянные мосты стали распространенным явлением, им требовался ремонт через каждые 10-15 лет. Строился мост в Дании, скорее всего, по приказу короля Харальда Синезубого, который в тот же период повелел возводить по всей стране большие оборонительные крепости. Мост этот существенно облегчал переход через широкую долину реки Вейле, и в те периоды, когда мост функционировал, по нему, вероятно, проходил Войсковой тракт. Разумеется, не исключено, что король взимал пошлину за передвижение по этому мосту. Но материальная выгода была, видимо, не главным, что побудило короля затеять это крупномасштабное строительство. Возведение моста было делом престижным и почетным для христианина, оно умножало славу датского короля. К тому же, мост облегчал доступ в Йеллинг, родовую усадьбу короля, для тех, кто подъезжал к ней с юга. Он также упрощал проход войска к южным границам, где в те времена было неспокойно.

В других регионах Скандинавии в этот период также стремились, насколько возможно, улучшать условия передвижения по сухопутью. Наиболее явной причиной этого была, скорее всего, потребность в расширении торговых и иных связей, в том числе, и паломничество христиан. Были обнаружены многочисленные остатки мостов и проезжих трактов, построенных в поздний период эпохи викингов. Как уже отмечалось, упоминание о строительстве бродов, дорог и мостов встречаются в надписях на рунических камнях, часто возведенных христианами. Слово «мост» в надписи на камне может означать в равной степени мост в современном значении этого слова, а также настил или брод. Наиболее известным является настил через топкую низину, длиной около 150 метров и шириной в 6,5 метров, возведенный в Тэбю (Средняя Швеция) в конце 1000-х годов неким Ярлабанке. В начале и в конце настила воздвигнуты два рунических камня с одной и той же надписью: «Ярлабанке велел при жизни воздвигнуть в свою честь этот камень. Он построил этот мост ради спасения своей души. Он владел всем Тэбю. Да поможет Господь его душе».

Прочные мосты и специально оборудованные броды были сделаны для удобства пеших и конных путников, но, в первую очередь, они предназначались для тех, кто ездил в повозках. Естественно, повозки в Скандинавии обычно использовались там, где местность позволяла совершать такие переезды. Мы встречаем следы колес и сами оси, кузова повозок (они служили в качестве гробов в женских захоронениях), сиденья, упряжь. Повозки часто бывают изображены на камнях и тканях, а в письменных источниках встречается их описание. В Усебергском женском захоронении встретила такая повозка, относящаяся к 800-м годам. Сохранились нижняя часть с колесами, две оглобли, кузов с прямыми бортами, украшенными красивой резьбой. К сожалению, нижняя часть повозки не дает достоверного представления о том, какова была конструкция обычной, не погребальной повозки. Конструкция же этой повозки такова, что колеса не могли свободно вращаться, и их обода остались неизношенными. Все эти детали говорят о том, что повозка, найденная в Усебергском захоронении, была предназначена специально для погребения, и поэтому мастеров, изготавливавших ее, не особенно заботила ее функциональная пригодность. Это же можно сказать и об остальных вещах, обнаруженных в данном кургане.

Как личное средство передвижения, повозки чаще всего использовались женщинами.

Однако были также повозки, предназначавшиеся для выполнения различных работ. В них обычно запрягались волы и лошади, но эти последние все-таки чаще всего использовались для поездок. Нередко применялась нагрудная упряжь, которая увеличивала тяговую силу. Возможно, она, как и многое другое, появилась впервые в эпоху викингов.

В горных и других труднопроходимых местностях люди ехали верхом или шли пешком, а поклажу везли на вьючных животных. На более или менее ровной поверхности с твердым грунтом использовались также особые повозки на полозьях для транспортировки тяжелого груза, например, громадных камней. А при переносе на короткие расстояния не слишком тяжелого груза или строительных материалов, использовались ручные носилки, которые несли два человека. Они состояли из нескольких, сбитых вместе, досок с приделанными к ним рукоятками.

В дальние путешествия отправлялись не только морем, но и по суше. Когда поклажа бывала невелика, мужчины пускались в путь верхом, если позволяли средства иметь лошадь, а рельеф местности был для этого пригоден. В противном случае приходилось шагать пешком. В ту эпоху лошади были несколько менее крупными по сравнению с нынешними, но упряжь не слишком отличалась от сегодняшней. Уздечки, седла, стремяна и шпоры, принадлежавшие богатым людям, были нарядными. Медь и серебро украшались красивым орнаментом, поводья часто бывали позолоченные. В районе монастыря Вэрне, на восточном берегу Осло-фьорда, были найдены остатки упряжи, состоящей целиком из золота, а шпоры были украшены звериным и плетеным орнаментом с богатой филигранью.

Часто бывало богато украшенным и снаряжение некоторых путников. Так, было найдено несколько дорожных посохов с затейливой резьбой. Самое яркое описание путешествия в эпоху викингов относится к долгому странствию, проделанному частично пешком около 1020 года скальдом Сигвальдом и другими посланцами короля Норвегии Олава Харальдссона (Святого) к ярлу Рангвальду, вероятно, в Вестергетланд. По возвращении домой скальд Сигвальд сочинил «Песнь о путешествии на восток», в которой повествуется об избитых в кровь ногах и бессонных ночах, о том, как они промокли насквозь, переплывая реку в прохудившейся лодке и как трудно им было отыскать ночлег, а также об их встрече с язычниками на жертвенном празднике и о том, как они уносились вскачь с похищенными женщинами на крупе коня.

Зимний транспорт

На многих участках Скандинавского полуострова, таких, как, например, горная местность или Средняя Швеция, где было множество озер, гораздо более полноводных, нежели сегодня, быстрее и легче можно было передвигаться в зимние месяцы, когда озера и почва были скованы льдом и покрыты снегом. Можно было свободно ехать по замерзшей глади озера, а неровности рельефа сглаживались снежным покровом. В зимнее время наиболее распространенными средствами передвижения становились сани, лыжи, снегоступы и коньки. Сани и коньки были также в ходу и в южных районах Скандинавии.

В археологических раскопах и на рисунках встречаются сани и лыжи. В скальдических стихах воспеваются лыжные переходы. Особенно нарядно украшенные сани были найдены в Усебергском женском погребении. Здесь находилось трое саней для парадного выезда, украшенных затейливой резьбой, и небольшие рабочие санки, похожие на современные салазки. В большие сани впрягались лошади, а чтобы обеспечить животным устойчивость на скользком льду, на копыта подбивались шипы. Коньки, или, вернее, ледоступы, были найдены в большом количестве. Стоили они недорого, и смастерить их не составляло большого труда. Ледоступ представлял собой лошадиную кость со сточенной внизу

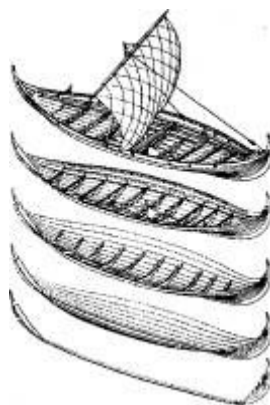
поверхностью, которая привязывалась к ноге ремнем. Палка с железным наконечником помогала передвигаться по гладкому льду с большой скоростью. Современные эксперименты подтвердили эффективность такого способа передвижения, который доставил немало удовольствия тем, кто его опробовал.

Корабли и плавание по морю

Корабль под парусом можно с полным основанием считать символом эпохи викингов. С течением времени было обнаружено достаточно много кораблей викингской эпохи или их остатков, и теперь появилась возможность дать конкретную характеристику основных типов судов, равно как и их спецификацию. Те же основные типы судов были и в Англии, и в славянских землях к югу от Балтийского моря. И там, и тут они возникли не без влияния скандинавов, и там, и тут они имеют местные разновидности. К подобному типу судов относятся и корабли флотилии потомка викингов Вильгельма Завоевателя, созданной им перед вторжением в Англию в 1066 году.

Находки к тому же показывают, что скандинавские суда, естественно, имели свои особенности, так как они были приспособлены к местным природным условиям. Отмечены были также изменения, происходившие с течением времени. Парус на этих судах впервые появился, вероятно, за столетие до эпохи викингов. Хотя к этому времени парусными судами в Западной Европе пользовались уже многие сотни лет, паруса в Скандинавии быстро видоизменялись и постепенно были доведены до совершенства, что явилось огромным шагом вперед в те времена. Без парусных судов походы викингов на столь дальние расстояния были бы немыслимы.

Лучше всего сохранились самые знаменитые викингские суда – великолепные погребальные корабли из норвежских курганов Усеберг и Гокстад в Вестфолле, обнаруженные при раскопках, соответственно, в 1904 и 1880 годах. Дендрохронологический анализ показал, что захоронения эти относятся, соответственно, к 834 и приблизительно к 900-905 годам.

Впрочем, необходимо отметить, что корабли были найдены и в других погребальных курганах королей, хевдингов и знатных женщин. Кроме того, были найдены и вышедшие из употребления корабли, использовавшиеся для других целей, как, например, те пять очень несхожих между собою судов, относящихся к 1000-м годам, которые были опущены на дно близ Скульделев для того, чтобы загородить проход в Роскилле-фьорд. Остатки этих кораблей были обнаружены в 1962 году в разной степени сохранности. Остатки помечены номерами 1, 2, 3, 4, 5 и 6 (остатки под номером 4 оказались относящимися к № 2). Сюда же можно причислить остатки кораблей, затопленных на местах якорных стоянок и в гаванях. Характерной особенностью всех этих скандинавских кораблей, а также целого ряда других небольших судов является то, что корпус их состоит из перекрывающих друг друга досок, скрепленных железными заклепками и законопаченных звериным волосом. Корпус имеет

киль и остроконечные штевни, и равномерный изгиб линий между килем и поручнями, килем и штевнями, а также между штевнями. Доски обшивки корпуса укреплены изнутри рядом симметрично размещенных шпангоутов, положенных поперек по отношению к нижней части киля. Поверх каждого шпангоута проложен поперечный брус, изогнутый коленом с каждой стороны для закрепления бортов корабля. Следует отметить, что на некоторых изображениях форма кораблей под одним или обоими штевнями бывает треугольной или остроконечной. Не исключено, что такие корабли и существовали, но найти их не удалось. Возможно также, что на некоторых рисунках изображены фризские суда, конструкция и форма которых отличались от конструкции и формы скандинавских судов. А может быть, эти суда просто были построены по типу фризских.

В целом, суммируя, можно отметить, что в Скандинавии стремились строить суда, которые сочетали бы в себе легкость, прочность и упругость.

Достигались эти качества благодаря тому, что к строительству кораблей привлекались самые искусные мастера, а строились они из специально подобранной древесины. Важно было отобрать такую древесину, у которой направление волокон по возможности соответствовало бы конфигурации готового изделия. Так, шпангоуты вырезались из свилеватой древесины, а бортовые доски отрубались радиально из стволов дерева, а затем соответственно обрубались. Они не выпиливались. При этом оптимально использовалась гибкость и прочность древесины, так что можно было производить небольшие детали. При этом соединения между корпусом и шпангоутом были эластичными, а для скрепления их применяли нагели, то есть деревянные гвозди.

Управлялись корабли большим и таким же упругим рулевым веслом, находящимся около ахтерштевня, у правого борта по ходу корабля, который и сегодня именуется правым бортом. На корабле имелся четырехугольный парус, который, разумеется, можно было «зарифить», то есть уменьшить или увеличить его площадь в зависимости от силы ветра. Помимо этого, некоторые суда были снабжены также веслами, чтобы можно было двигаться и в безветренную погоду. Были также якоря. В частности, найдены железные якоря, очень схожие с нынешними.

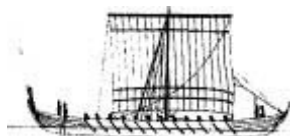
В письменных источниках мы встречаем самые разные обозначения судов и их типов, но теперь их зачастую трудно бывает идентифицировать с теми судами, которые дошли до нас из эпохи викингов. Обозначения в позднейших сагах относятся к кораблям того времени, но многие обозначения судов в скальдический поэзии – это синонимы, применявшиеся в целях художественной выразительности. Вместе с тем, обилие поэтических синонимов еще раз подчеркивает, сколь большое значение в ту эпоху придавалось высокому качеству судов и их прекрасной плавучести. В основном описывались военные суда, и идеалом были длинные, узкие, гибкие суда, способные развивать большую скорость.

По конструктивным характеристикам и по функциональной принадлежности дошедшие до нас скандинавские суда эпохи викингов можно разделить на две основные группы – боевые корабли и корабли для путешествий, с одной стороны, и торговые суда – с другой. Подобные суда относятся к 900-м годам, или, возможно даже к более раннему времени. Помимо этого, имелись также суда помельче, предназначенные для других целей, – например, для переправы или рыбной ловли. До нас дошло также несколько гребных лодок из выдолбленных стволов деревьев и одна плоскодонная баржа, относящаяся приблизительно к 1100 году.

Военные корабли и суда для путешествий составляли отдельную, особую группу. Корабли, предназначавшиеся для военных целей, обладали низкой осадкой и были вытянутыми в длину. Как свидетельствуют в своих стихах скальды, некоторые из них были особенно длинные, узкие и изящные. Место от кормы до носа занимала палуба. По всей длине бортов, на равном расстоянии друг от друга, находились отверстия для весел. Гребцы сидели на скамьях попарно, и по количеству отверстий можно было определить число членов команды. На некоторых кораблях, в те моменты, когда весла не использовались,

отверстия для весел могли закрываться заслонками. Мачта могла опускаться и вновь подниматься благодаря особому устройству. В необходимых случаях, например, во время маневрирования в ходе сражения и при внезапном нападении, а также в периоды гребли целесообразнее было не поднимать мачту. Комбинация парусного и гребного двигателей создавала наиболее благоприятные условия для маневрирования. Корабли могли использоваться для плавания и по морям, и по рекам, а также могли проходить под низкими мостами. Кроме того, можно было не бояться штиля и преодолевать трудности, связанные со штормовым ветром и течением. Что касается внешнего вида корабля, то на его наружных бортах, на верхней бортовой балке, имелся особый брус для щитов, так называемый щитовой брус, на котором вдоль бортов крепились в ряд щиты. В тех случаях, когда строительный материал судна поддавался определению, было установлено, что строились корабли в основном из дуба. Другую группу составляют суда для путешествий и «королевские суда», которые отличаются явно большим, чем военные корабли, размером. Сюда относятся также суда из Усебергского и Гокстадского курганов. Их ширина больше при той же длине, и поэтому они более вместительны, чем военные корабли. К тому же, они украшены особо искусной резьбой. Корабль из Усебергского захоронения сбит неплотно, а его штевни также украшены великолепной резьбой. Судя по всему, оба эти корабля, впрочем, непохожие друг на друга по внутреннему устройству, предназначались для представительских и иных поездок погребенных в этих курганах знатных особ, соответственно, мужчин и женщин, а также их семей. Во всяком случае, они не относятся к разряду обычных судов викингов.

Но чаще мы находим суда более распространенного типа, как военные корабли, так и суда для путешествий. К ним можно причислить, например, суда № 2 и № 5 из находки у Скульделева. Это узкие, быстроходные суда, предназначенные для эффективной перевозки большого количества людей. Именно такого типа суда использовались для викингских походов на север, в районы Балтики и в Западную Европу в последний период эпохи викингов.

Лишь один, сильно вытянутый в длину корабль в 20 метров, относящийся к эпохе викингов, остатки которого были найдены в гавани Хедебю, по совершенству исполнения можно было бы причислить к типу «королевских судов». Скорее всего, это был некогда корабль для путешествий, принадлежавший знатному лицу, подобно тем судам, которые в первой половине 900-х годов были погребены вместе с хевдингами и королями в Ландбю, в Фюне и в гавани Хедебю, но от которых сегодня остались лишь отпечатки на почве и железные заклепки.

Усебергский корабль имеет длину 21,4 метра и 5,1 метра на самом широком участке. Высота от основания киля до поручней посреди судна составляет 1,58 метра. На каждой стороне имеется по 15 бортовых досок. Штевни задраны высоко и закручены в красивые спирали, а заостренные концы штевней и верхние бортовые доски украшены звериной орнаментикой. В них имеется по 15 отверстий для весел с каждой стороны. Брус для щитов очень узкий. В этом корабле, построенном в 815-820-е годы, имеется 30 весел и много разного другого снаряжения. Это самый древний из парусных кораблей, известных сегодня в Скандинавии.

Корабль Скульделев 5 был построен около 1030-1040-х годов и имел в длину 17,4 метра, а ширина его посередине судна составляла 2,6 метра. У каждого борта имелось по 7 бортовых досок, и на самых верхних из них – по 12 отверстий для весел с каждой стороны. Верхние бортовые доски были взяты с какого-то другого корабля. На наружной стороне бортов имеется щитовой брус. Корабль Скульделев 2 сохранился плохо, но, тем не менее, можно установить, что длина его была 28-29 метров, а ширина – около 4 метров. На каждой

стороне было более семи бортовых досок, однако верхней доски недостает. Число отверстий для весел, по всей вероятности, составляло 20-25 с каждой стороны. Таким образом, команда судна насчитывала, по меньшей мере, 40-50 человек. Дендрохронологический анализ показал, что судно было построено в Ирландии во второй половине 1000-х годов.

Несколько железных полос, закрученных в спирали, которые остались на корабле из Ладбю и от корабля в викингском захоронении в Иль де Круа (Британия), очевидно, являлись изогнутыми шеями голов драконов на штевне. Это все, что осталось от кораблей. Большинство внешних украшений кораблей до нас не дошло. Однако позолоченные флюгера на штевнях (впоследствии они использовались в качестве ветровых флюгеров на церковных храмах), резные украшения Усебергского, разукрашенные щиты Гокстадского судов, а также изображения других кораблей и судов и их описание в скальдической поэзии дают представление о былом блеске, красоте и величии военных флотилий викингов. Ниже приводится описание, сделанное, очевидно, не без художественных преувеличений, флотилии короля Свена Вилобородого, которая в 1030 году выступила из Дании, чтобы завоевать Английское королевство. Автором этого описания был сведущий монах из монастыря св. Омера во Фландрии. Его описание относится, примерно, к 1040 году, и в нем он, изображая флотилию скандинавов, использовал обороты, заимствованные из римской классики, и, в частности, из поэмы Вергилия «Энеида». Результат получился блестящий. Он пишет: «Наконец, они все собрались и взошли на борт кораблей. На отделанных железом форштевнях зрители могли различить фигуры предводителей войска. Здесь на штевнях можно было видеть отлитых в золоте львов, а на верхушках мачт – золоченых птиц, которые, поворачиваясь, указывали направление ветра. Видны были и пестроцветные драконы, яростно извергавшие огонь из ноздрей. Зрители видели также массивные человеческие фигуры из золота или серебра, сверкавшие в красноватых отблесках и почти неотличимые от живых людей. А в другом месте можно было видеть туров с вытянутыми вперед шеями и конечностями, так что казалось, будто они режут на бегу. Видны были дельфины, отлитые в бронзе и кентавры из того же металла, которые напоминали о преданиях древности. Я мог бы назвать тебе и многие другие корабельные украшения, столь же превосходно выполненные, однако названия чудищ, отлитых в металле, мне неизвестны. А теперь, почему бы мне не поведать тебе о бортах кораблей? Они были не только разрисованы яркими красками, на них были повсюду набиты всякие изображения из золота и серебра. И, наконец, королевский корабль, который превосходил всех других своим великолепием. А на нем, горделивый и величественный, стоял в окружении своих воинов сам король. Но лучше мне умолкнуть, чем сказать обо всем этом великолепии меньше, чем следует.

Сколь прекрасной была флотилия, которой они доверяли свою судьбу! И по данному знаку все они вышли в море под восторженные клики и выстроились так, как было приказано. Часть их плыла справа от королевского судна, а часть – слева, однако все форштевни были на одной линии. И можно было видеть, как бурлит и пенится вокруг них синее море, подстегиваемое ударами множества весел. И солнце озаряло их своими лучами, отражавшимися в сверкающем металле. Нужны ли тут еще слова?»

Скандинавская поэзия, с присущими ей особыми формами выразительности, также содержит немало восторженных описаний кораблей и флотилий. Так, например, скальд Арнорр в песне, посвященной королю Магнусу Доброму (умершему в 1047 году) говорит, что, когда повелитель (то есть Магнус) выводит свои корабли в море, то кажется, будто сонмы небесных ангелов короля несутся по гребням волн.

Торговые суда – имели совершенно иную конструкцию. Они были высокие и в ширину большие, чем в длину. У них имелся квартердек и посредине палубы высвобождалось место для груза. Мачта была крепко укреплена в гнезде и ее невозможно было с легкостью поднимать и опускать. Отверстий для весел было немного. Они находились над квартердеком. Весла обычно использовались лишь при плавании на небольшие расстояния и при необходимости в дополнительном маневрировании. Все

торговые суда были парусными. Среди обнаруженных торговых судов эпохи викингов можно назвать корабль «Клостад», найденный близ торгового центра Каупанг в Вестфолле, и корабль «Эскечерр», найденный у истока реки Гета-эльв. Длина их достигала 16-20 метров, и исследования показали, что их возраст – около 900 лет. Но лучше всего были изучены наиболее хорошо сохранившиеся суда из Скульделева (№ 1 и № 3), причем было установлено, что последнее было построено приблизительно в 1030 году. Несколько позднее было, вероятно, построено очень большое судно, которое, так же, как и упоминавшиеся выше корабли, закончило свой путь на дне гавани Хедебю. Оно еще пока недостаточно полно исследовано. Длина его достигала предположительно 22-25 метров.

Для торговых судов самым важным было, разумеется, количество груза, которое они могли принять на борт. Для многих кораблей количество груза определялось, в частности, по древнему правилу «большого пальца». Высота надводного борта должна была составлять две трети высоты средней части судна для того, чтобы корабль можно было полностью загрузить для плавания в море под парусом. Эти показатели наиболее подходят для двух кораблей из Скульделева, поскольку они базируются на экспериментах, проведенных с копиями этих судов, исполненных в натуральную величину. Речь идет о кораблях «Сага Сиглар» и, в особенности, «Роар Эге», где точность соблюдена во всех деталях. Здесь была возможность, в частности, определить осадку судна, готового к выходу в море в загруженном состоянии, а также необходимое число членов команды. В результате опытов с копиями было установлено, что грузоподъемность судна часто могла быть на удивление большой, настолько, чтобы суда вмещали не только товар, предназначенный для торговли, но и груз, необходимый для повседневного обихода. Мы можем установить, чем торговали в эпоху викингов и если каждый член команды мог являться владельцем столь же большой части груза, что и на многих других кораблях, то в целом получалось довольно много. С большими оговорками можно предположить, что грузоподъемность судов «Клостад», «Эскечерр», а также торгового судна из Хедебю составляла соответственно 13, 18-20 и 38 тонн. Что касается судов из Скульделев, то здесь грузоподъемность определяется с возможной погрешностью в 10 процентов, таким образом, судно № 1, предназначенное для плавания в открытом море, имело грузоподъемность 24 тонны, а судно № 3, приспособленное для прибрежного плавания – 4,6 тонны.

Разумеется, суда, подобные вышеперечисленным, не были предназначены для плавания по рекам. Для речного судоходства требовались суда, снабженные веслами. Причем, при плавании по некоторым рекам, таким, как например, Гета-эльв в Швеции, а также некоторым рекам в Восточной Европе, в Польше и на Руси, суда иногда приходилось на некоторые расстояния тащить волоком по суше. Следовательно, они не должны были быть чересчур большими и тяжелыми. Между тем один лишь корпус в копии корабля № 3 из Скульделев, «Роар Эге», весил около 2 тонн. Скорее всего, для плаваний по рекам использовались

местные ладьи или суда, подобные тому, остатки которого были найдены на дне озера Тингсгеде на Готланде. Это судно имело в длину около 8 метров и в ширину 2 метра. На основе устройства славянских судов, найденных на южном побережье Балтики, а также множества парусных судов, изображенных на памятных рисованных камнях Готланда, была построена копия викингского судна «Крампмаккен», которое с командой в 10 человек и с грузом железа сумело пройти по рекам и волокам Восточной Европы, и, прежде всего, по Висле, и дойти до самого Стамбула.

Как видно из вышесказанного, создание качественных копий викингских судов и пробные плавания на них могут дать более ясное представление об использовании судов данной конкретной конструкции для тех или иных целей. Не исключено, что тот корабль, на котором хевдинг Оттар из Холугаланда (Северная Норвегия) плывал во время своих долгих путешествий, относился к тому же типу, что и очень большой корабль Скульделев 1, а этот корабль, в свою очередь, принадлежал к тому типу судов, на которых викинги плыли в Исландию и Гренландию. Копия судна «Сага Сиглар» успешно выдержала плавание по Северной Атлантике. А для плавания через Каттегат и по Балтийскому морю, вероятно, использовался корабль типа Скульделев 3. Это полностью подтвердил опыт с кораблем «Роар Эге».

Попытки плавания на этих и других копиях кораблей, а также на реконструированных ладьях с веслами и под парусом показали, что при хорошем ветре суда могут развивать среднюю скорость в 6-8 узлов (1 узел соответствует 1 морской миле в час или 1,852 км/ч). Вместе с тем, «Сага Сиглар» шел с скоростью в 10 узлов в течение 6 часов при сильном ветре в Северном море. Наибольшая скорость корабля «Роар Эге» при бортовом ветре составила около 9 узлов. Таким образом, при благоприятном ветре можно было быстро преодолевать большие расстояния. Но, само собой разумеется, что ветер не всегда был благоприятным, и поэтому важно было, чтобы торговые суда в эпоху викингов, применяясь к направлению ветра, могли успешно маневрировать с тем, чтобы ветер попеременно дул то с левого, то с правого борта. Это давало возможность идти близко к нужному курсу. Вероятно, они могли идти и против ветра под углом около 60 градусов и развивать при этом скорость до 1,5-2 узлов.

Обычно плавание шло вдоль побережья, и путники старались не упускать из виду сушу, а на ночь высаживались на берег. Так поступал Оттар во время своего путешествия из Холугаланда до Скирингесхил в Южной Норвегии, и доплыл он туда за один месяц. Однако до нас дошли рассказы и о безостановочном плавании в течение многих дней. Так, например, путешествовал купец по имени Вульстан во время своего плавания по Балтийскому морю от Хедебю до Трузо в Данцигской бухте. Он плыл семь дней и ночей и ориентировался по курсу, в частности, с помощью измерений глубины лотом.

Однако нет сомнения в том, что во время плавания в открытом море, например, из Норвегии в Исландию или из Дании в Англию прямым путем, ни близость суши, ни лот помочь не могли. Мы мало что знаем конкретно о навигации в эпоху викингов. Скорее всего, мореплавателям существенно помогало точное ощущение времени и скорости, а также наблюдение за морскими птицами, за конфигурацией волн и ориентирование по солнцу и звездам, точно так же, как это имеет место и поныне в некоторых регионах Тихого океана. Следя за тем, как высоко стоит в небе солнце, викинги, вероятно, могли определять градус широты. К тому же, при нормальных условиях мореплавателям не приходилось находиться слишком долго вне зоны видимости суши. Путь от западного побережья Дании до восточного побережья Англии, например, от устья Лим-фьорда до устья реки Тайн можно было при благоприятных условиях проделать за 1,5 суток. А во время плавания от Норвегии до Исландии можно было наблюдать как Шетландские, так и Фарерские острова. Хитроумные навигационные приборы, которые многими приписываются викингам без достаточных к тому оснований, были им, по сути дела, не нужны во время их морских переходов.

Вдоль побережья Скандинавии имеется немало удобных природных гаваней, а осадка

большинства судов была настолько низкой, что их без труда можно было затаскивать на сушу, а потом стаскивать обратно в море. Это относится также к узким военным кораблям с немногочисленной командой. Что же касается больших торговых судов, наподобие Скульделев 1, то их приходилось нагружать и разгружать при помощи небольших лодок в тех местах, где не было соответствующих портовых сооружений. Однако в наиболее крупных торговых центрах того времени таких, как Хедебю, Бирка и Каупанг, были сооружены специальные причалы.

Суда сохранялись и другими способами. В зимнее время их во многих местах ставили в специальные помещения, которые во множестве были обнаружены в Норвегии. Было также много мест для ремонта судов. Следы подобного рода мастерских были найдены в Хедебю и в торговом центре Павикен на Готланде. При раскопках в Фальстере была обнаружена настоящая судоверфь, относящаяся к позднему периоду эпохи викингов. Здесь были повсюду разбросаны детали для строительства судов, такие, которые имелись в корабле Скульделев 5.

Доселе еще уникальным сооружением является канал Канхаве, длиной около 500 метров и шириной в И метров, окантованный деревом. Он был обнаружен на острове Самсе. Благодаря ему, суда с осадкой менее 1,25 метров могли проходить из глубоко врезавшегося в сушу Ставнс-фьорда прямо в море к западу от острова. Методом Дендрохронологического анализа канал был датирован 726 годом. По всей вероятности, он был построен с военной целью, для обеспечения безопасности центрального датского фарватера, который можно было наблюдать с высокой точки острова в Ставне-фьорде. Возможно, каналы были и в других местах, где узкая полоска земли создавала неудобства для мореплавания.

Условия жизни и поселения

В конце эпохи викингов, около 1075 года, священнослужитель Адам Бременский описал условия жизни в Скандинавии в своем сочинении об истории гамбургских архиепископов. В частности, он подробно рассказал о том, как скандинавы добывали себе пропитание, а также сообщил подробности их быта. Резюмировать его описания можно следующим образом: Ютландия – край неплодородный и суровый, землю тут нигде не возделывают за исключением приречных районов. (Вероятно, имеются в виду районы пограничной реки Эйдер). Почва здесь не приносит богатых урожаев. Можно даже сказать, что эти места не приспособлены для обитания. Вместе с тем, там, где море проникает в глубь суши, расположены большие города. Из Шлезвига корабли направляются в славянские земли (на южном побережье Балтийского моря) и даже в «Грецию» (то есть в Византийскую империю со столицей Византии, нынешним Стамбулом), От Риббе корабли идут до Фрисландии, Англии и Саксонии, а из Орхуса – до Фюна, Зеландии и Сконе и доходят даже до Норвегии. Из Ольборга тоже можно доплыть до Норвегии. Самый большой город Фюна – Оденсе. На многочисленных небольших островках вокруг Фюна земля дает богатые урожаи. Роскилле – самый большой город Зеландии и резиденция короля данов. Остров прославился мужеством его жителей и известен своими богатыми урожаями. Здесь сосредоточены несметные запасы золота, привезенного из грабительских морских походов. Торгуют жители Зеландии и рабами, которые зачастую принадлежат к числу их одноземельцев. Самый красивый край Дании – Сконе. Население здесь многочисленное, земля родит богатые урожаи, ведется оживленная торговля всяческим товаром. Борнхольм – самая посещаемая гавань Дании, здесь стоят на якоре те корабли, которые затем берут курс на земли варваров (то есть в нехристианские страны) и в «Грецию».

Швеция, лежащая в окружении необычайно высоких гор, – очень плодородный край. Земля дает богатые урожаи, а ульи – много меда. Скотоводство здесь развито больше, чем во всех других странах. Тут много рек и лесов, и каждая местность имеет в изобилии заморские товары. «Все то, что потворствует пустому тщеславию, то есть золото, серебро, скакуны

благородных кровей, бобровые и куньи меха, словом, то, что лишает людей дара речи от восторга, для них ничего не значит». Большой город гетов – Скара (в Вестергетланде), а близ Балтийского моря расположен большой город сеев – Сиггуна. Упоминается также Седертелье. Много раз назван город Бирка близ Сиггуны (хотя в те времена, когда Адам писал свое сочинение, город был уже покинут его жителями). К востоку раскинулись обширные пустоши и снега, но доступ туда «преграждают чудища в человеческом облике». Норвегия – «самая дальняя из стран на земле». Там безлюдные горы и лютая стужа, и потому это самая бесплодная из всех земель. Она приспособлена лишь для разведения скота, молоко которого употребляют в пищу, а из шкур делают одежду. Стада пасутся высоко в горах, на пустошах (то есть на высокогорных пастбищах). Повсюду в Норвегии и Швеции знатные люди владеют большими стадами и кормятся трудом рук своих. Норвегия воспитывает храбрых воинов, закаченных суровой жизнью на неплодородной земле. По причине своей бедности – а датчане так же бедны, как и они – норвежцы странствуют по свету, отправляются в викингские походы и грабят другие народы, чтобы помочь своей родине в нужде. Однако, приняв христианство, они научились безропотно терпеть бедность. Самый большой город у них-Тронхейм и народ стекается туда, прослышав про чудеса, что творятся на могиле короля Олава Святого.

Далеко на севере, на побережье океана, живут язычники, сведущие в колдовстве. Говорят, что там и у женщин растут бороды, а мужчины их живут в лесах. Одеваются они в шкуры диких зверей и говорят на непонятном языке. В покрытых снегом горных местностях живет иной народ. Там, в горах, водится много дикого зверья, и жители кормятся охотой. Как и в Швеции, тут водятся лоси и другие крупные звери. А черные лисы и зайцы, а также белые куницы и белые медведи водятся только в Норвегии.

Из описаний европейца Адама явствует, что он воспринимает Норвегию и все северные районы Скандинавского полуострова как очень отдаленные, суровые края, а живущих там людей он считает настолько экзотичными, что европейцу их и понять невозможно. О Ютландском полуострове он также не говорит ничего хорошего, и отзывается положительно лишь о Восточной Дании и Швеции. Адам пишет, что все эти сведения он в основном получил от датского короля Свена Эстридсена, который в течение 12 лет находился на службе у короля сеев. Судя по всему, Адам сам никогда не бывал в Норвегии и Швеции, да и в Дании, вероятно, пробыл недолго. Сведения его ограничены, он явно упрощает и обобщает, и морализирует в интересах христианского вероучения. И тем не менее, рассказ его представляет интерес, поскольку это свидетельство современника, и оно, по всей вероятности, в известной степени отражает воззрения самого Свена Эстридсена. Но, разумеется, условия жизни на протяжении трех столетий эпохи викингов были более сложными и многообразными, так что в некоторых случаях картина, изображенная Адамом, может даже ввести в заблуждение.

Теперь посмотрим, какой представляется картина жизни викингов, если взглянуть на нее нашими глазами, на основании других скандинавских источников.

Безусловно, способ пропитания был тесно связан с природными условиями, которые, как уже неоднократно подчеркивалось, были неодинаковы в различных регионах обширной территории, на которой жили скандинавы. Как правило, пропитание давало земледелие, но датский крестьянин добывал средства к жизни иначе, нежели крестьянин из северных регионов Скандинавии, где выращивание злаков имело второстепенное значение, и большую роль играли рыболовство и охота на лис, лосей, пушного зверя и птицу. В некоторых регионах распространен был промысел на крупных морских животных. Добывалась руда и горные породы, из которых изготавливались посуда, оселки и мельничные жернова.

Обширный опыт земледелия в разных природных условиях и всего, что было с ним связано, приводили к тому, что скандинавские крестьяне с одинаковым успехом могли колонизовать самые разные регионы, такие, как, например, утопающая в зелени Нормандия или гористые Фарерские острова в Атлантике. Перед эпохой викингов, а также на всем ее протяжении, осваивались регионы Севера. Об этом можно судить по археологическим

находкам и географическим названиям, особенно распространенным в тот период, и, в частности, названиям с окончаниями: «бю», «торп», «тофт», «твед», «сетр», связанным с характером земельной собственности. Осваивались новые, пустующие земли, находящиеся между уже существующими поселениями, расчищались леса и каменистые пустоши. Люди заселяли высокогорные районы, менее благоприятные для жизни, а также места, где можно было использовать новые природные ресурсы.

Вместе с тем, заселение самых северных прибрежных участков Скандинавского полуострова началось гораздо раньше, во всяком случае, в Норвегии. Произошло это, благодаря теплomu течению Гольфстрим. В эпоху викингов люди селились здесь отдельными хуторами, так же, как и в Европе. Поселения простирались до самого Тромсе, города, находящегося в пределах 70 градусов северной широты. При раскопках здесь, далеко на севере, были найдены остатки усадеб. Не исключено, однако, что это были временные поселения, которые использовались при поездках на север из постоянно обитаемых регионов.

Кроме того, севернее полярного круга жили саамские племена, и условия их существования были несколько иные. Они жили в глубине материка, кормились охотой и рыболовством. Лишь гораздо позднее, саамы начали разводить большие стада одомашненных оленей. У нас есть многочисленные доказательства того, что саамы общались с другими жителями Скандинавии, несмотря на несомненный языковой барьер. Не исключено, что саамские племена населяли и более южные территории. И, наконец, следует упомянуть о том, что культура Аландских островов близ устья Ботнического залива имела в основном скандинавские, а не финские черты, как в эпоху викингов, так и до нее, и после нее.

Дания

Представление о том, как возникли поселения в Дании, полностью изменилось в связи с обширными археологическими раскопками, которые велись после 1970-х годов. Соответственно были получены новые конкретные знания как в отношении расположения поселений, так и их внешнего вида и структуры в эпоху викингов. Стали доступны также важные данные об их экономике.

Несмотря на наличие некоторого числа хуторов, выяснилось, что на большей территории страны преобладающей формой поселений были деревни. Стало ясно и то, что в Ютландии было много деревень. Такой вывод был сделан на основании изучения географических названий, и он противоречит утверждениям Адама Бременского. Наиболее полные сведения о датской деревне эпохи викингов были получены при раскопках деревни Ворбассе в Средней Ютландии. Раскопки здесь производились на обширной площади и, кроме того, здесь лучше, чем в других местах, сохранились обнаруженные строения. Столь грандиозные раскопки (вскрыто около 260 000 кв. метров) стали возможны, благодаря использованию машин. Раскопки производились на расстоянии около полукилометра от нынешней деревни Ворбассе. Здесь были обнаружены многочисленные следы предшествующих поселений, возраст которых восходит примерно к началу первого века до нашей эры. В разные периоды структура поселения была различна, и оно, по всей вероятности, меняло свое месторасположение в пределах небольших территорий несколько раз до тех пор, пока в конце эпохи викингов или, быть может, несколько позднее, поселение не обрело свое нынешнее местоположение.

Нам неизвестна причина этих изменений в структуре и местоположении поселений. Возможно, это происходило по решению какого-либо крупного землевладельца, но не ясно, на основании чего оно принималось. Можно лишь догадываться, что это было связано с проблемами земледелия. Истощенная земля могла явиться вполне пригодным местом для застройки, в то время как почва на месте обитаемой деревни постепенно могла превратиться в хорошо удобренную и плодородную в связи с множеством отходов и отбросов, в

результате чего ее становилось выгодно возделывать. Срок существования домов, сооруженных из вкопанных в землю бревен, в датском климате не слишком продолжителен (реконструкция показала, что уже через 20-30 лет такие строения требуют коренной реставрации), и это могло послужить основанием для решения о периодическом переносе деревни на истощенную почву. Одновременно это давало возможность перестраивать дома в соответствии с новыми требованиями.

Возникает между тем другой вопрос. Почему люди, в конце концов, переселялись на довольно большое расстояние от прежних жилищ и впоследствии оставались там навсегда? На этот вопрос также нет однозначного ответа. Ясно лишь то, что, как правило, за небольшими исключениями, местоположение современной деревни можно проследить в глубь веков до 1000-х или 1100-х годов. Вместе с тем, во многих местах и, в частности, в Ворбассе, современная деревня находится на участке, более пригодном для земледелия, нежели тот, на котором находилась ее предшественница и который более пригоден для скотоводства.

Одна из причин перенесения места обитания в Ворбассе и в других местах могла корениться, в частности, в увеличении роли земледелия. Могли также сказаться перемены в технике обработки земли – появление плуга и удобрений. Однако впоследствии перемещения прекратились, и деревни стали оставаться на прежних местах. Это могло быть обусловлено тем, что неудобства их переноса в позднем средневековье преобладали над его преимуществами. Общество и условия землевладения все больше регламентировались, и теперь пользование землей облагалось целой системой податей и выплат, которые следовало отдавать королю и церкви. В документе, относящемся к 1085 году, ставится вопрос о землепользовании и воинских повинностях. Определяются обязанности землевладельцев по отношению к королю.

Уже с начала 1100-х годов датчане выплачивали церковную десятину, а земля была поделена на приходы, в большинстве которых, на протяжении столетия, стали появляться каменные церкви. Таким образом, в период позднего Средневековья переселения сельских жителей стали затруднительны. При этом, однако, деревня Ворбассе в первой половине 700-х годов переместилась на другое место и изменила свою структуру. Она была перенесена на несколько сотен метров к югу и поделена на семь усадеб, располагавшихся к северу и к югу от главной улицы. Устройство усадеб было одинаковым. Большие квадратные участки земли, парцеллы, были огорожены изгородью. Широкие ворота вели на улицу, которая, по всей вероятности, являлась общей территорией. Приблизительно в центре усадьбы находился большой главный дом, в одной стороне которого были жилые помещения, а на другой – хлев. Вблизи изгороди обычно находилось несколько строений поменьше. Помимо этого имелся амбар и небольшие, врытые в землю постройки, так называемые землянки. Они часто располагались неподалеку от ворот. Обнаруженные на их месте находки свидетельствуют о том, что в них размещались ткацкие мастерские. В некоторых усадьбах имелся колодец, а в одной из них, крайней на южной стороне, находилась кузня. Ее обычно ставили в самом дальнем конце усадьбы из-за опасности пожара.

Следы сохранились лишь от врытых в землю частей строений. На светлой подпочве можно видеть отпечатки столбов и темные пятна от землянок. Поэтому у нас имеется больше сведений об основаниях строений, чем о их наземных частях. Люди здесь жили около трех столетий, и за это время постройки и изгороди передвигались неоднократно. Иногда менялось месторасположение дома или несколько передвигалась изгородь. Если обозначить на одном плане остатки построек различных периодов, то картина кажется весьма путаной. Вместе с тем, необычайно хорошая сохранность следов изгородей дает возможность представить себе, как выглядела деревня в данный отрезок времени. Деревня Ворбассе – единственное, полностью раскопанное поселение эпохи викингов, и это делает ее на сегодняшний день уникальной. Но, разумеется, в период своего существования это было обычное поселение.

Главный дом усадьбы имел наклонные продольные стены и изогнутый конек крыши.

Длина дома, очевидно, составляла около 30 метров, а в хлеву было место для 20-30 голов скота. Это количество было определено по отпечаткам перегородок между стойлами. Несущую часть дома составляли толстые столбы, части стен в некоторых местах были дощатыми, а в других – плетеными, скрепленными глиной. Крыша наверняка была покрыта соломой или тростником.

Не всегда можно с точностью определить функции имеющихся в усадьбе строений, за исключением уже упоминавшейся кузни, а также амбара, который можно распознать по четырем столбам, расположенным по углам. Остальные строения были, скорее всего, жильем для прислуги и рабов, мастерскими, клетями для хранения припасов и зимнего корма для скота. Имелся также хлев для тех домашних животных, которые не содержались в стойлах. Все строения обычно возводились тем же способом, что и главный жилой дом усадьбы.

Землянки были обычным типом строений для большинства районов Северной Европы (но не там, естественно, где почва была влажной или где скальные породы выходили на поверхность). Такие землянки существовали, начиная, примерно, от 400 года, и в течение всей эпохи викингов. Они были всегда очень большими и наполовину крытыми в землю, а стены, или, во всяком случае, определенная их часть, были земляные. Крыша подпиралась двумя столбами, причем каждый находился в центре поперечной стены землянки.

Распространенность этого типа строений объяснялась тем, что их было легко строить, они были надежно изолированы землей, вырытой во время их возведения, и у них была низкая крыша. Летом их остужала прохлада земли, а зимой согревало ее тепло. Оборудовать их было не так уж трудно. В Ворбассе почти все землянки были квадратными, шириной около 2,5-3 метров и длиной в 3-4 метра. Как уже говорилось, в них помещались ткацкие мастерские. Ткачество было важным занятием для каждой усадьбы. В других местах землянки могли иметь иные размеры и форму и употребляться для иных целей. В них могли помещаться не только мастерские, они могли служить жильем для работников или складским помещением для хранения всевозможных вещей.

Экономика деревни Ворбассе, вероятно, базировалась на скотоводстве. Там находились просторные помещения для скота, расположенные поблизости от сеновалов и кормохранилищ. Вместе с тем, здесь занимались и земледелием, поскольку были найдены следы возделывания пашен. Несомненно, усадьбы обеспечивали себя всеми необходимыми продуктами питания и, видимо, у их хозяев скапливались излишки для обмена или торговли, так что они могли покупать товары извне и даже из далеких заморских стран. Были найдены черепки от глиняных горшков и оселки местного скандинавского производства, рейнская керамика и рейнские ручные мельницы, а также множество всяких других вещей повседневного употребления. То же самое было обнаружено и в других деревнях, из чего можно сделать вывод, что заморские товары из дальних стран доходили не только до городов и торговых центров. Строительная древесина также была, по всей вероятности, привезена из других мест, поскольку в данной местности деревья таких пород не произрастали.

Приблизительно в 1000-му году в деревне Ворбассе вновь произошли изменения. Территория ее расширилась к западу, где были построены еще три усадьбы, причем одна из них была вдвое больше остальных. Оставшиеся на прежней территории усадьбы стали обширнее, а общей улицы больше не существовало. На этом участке количество дворов, вероятно, осталось неизменным. Впрочем, трудно представить себе полную картину деревни этого периода, поскольку от нее остались лишь немногочисленные следы изгородей.

На этом этапе в большинстве дворов жилой дом и хлев стали отдельными строениями, а землянки исчезли. Жилые дома становятся более просторными, поскольку столбы, подпирающие крышу, выносятся за пределы помещения и теперь представляют собою скошенные подпорки, повторяющие форму наклонных продольных стен и защищающие их от давления крыши. Тип строений, а также разделение их внутри на две боковые комнаты и втрое большее помещение в центре дома напоминают помещения в больших королевских крепостях, относящихся приблизительно к 980 году. В одной из обширных усадеб на западе

деревни, которая, судя по всему, была расширена на каком-то этапе своего существования и в которой насчитывалось множество построек, ремесленники работали с бронзой и железом, а хлев стал гораздо просторнее и теперь вмещал намного больше скота, может быть, даже до ста голов одновременно. Это была усадьба зажиточного бонда, и, хотя в ней, несомненно, кормилось немало народа, здесь, скорее всего, оставался еще значительный излишек сельскохозяйственной продукции на продажу. Таким образом, данная усадьба, равно как и другие усадьбы в Ворбассе, да и те, что были найдены при раскопках в других местах, дают нам представление, чем именно торговали в Дании. Это были сельскохозяйственные продукты и продукты животноводства.

Самое древнее упоминание о сельскохозяйственной продукции, поступающей отсюда за рубеж, относится к последнему периоду существования этой большой усадьбы или вскоре после того, как деревня Ворбассе переместилась на свое теперешнее место. Речь идет о масле, которое датский епископ Ассер в 1120 году отослал, в числе других даров, епископу Бамбергскому Отто.

Нам ничего неизвестно насчет того, были ли в эпоху викингов излишки зерна в стране. Но из единичных исследований явствует, что более или менее обширные наделы земли обычно засеивались зерном. Самыми распространенными злаками были ячмень, рожь и овес, а также выращивались горох, бобы и капуста. Есть данные о том, что была известна пшеница и, возможно, лен. Земля обрабатывалась лопатами и заступами из дерева, а также деревянными мотыгами с железными наконечниками, а кроме того, бородами, сохами и плугами. Сохи не имели лемеха и, взрыхляя землю, не переворачивали пласт, как плуг.

Когда именно в Дании в обиход вошел плуг, неизвестно. Самые ранние следы его относятся к 1000-м годам, но на территории, находящейся в нескольких сотнях километров к югу, плуг стал использоваться вскоре после Рождества Христова. Ни соха, ни плуг, использовавшиеся в те времена в Скандинавии, не сохранились, и как они в точности выглядели, нам неизвестно.

А вот инвентарь для сбора урожая сохранился в большом количестве. Это серпы, короткие косы и ножи для обрезания листвы. На возвышенности Линдхольм (близ Нэрресундбю) был обнаружен участок пашни. Он сохранился, благодаря покрывавшему его толстому слою песка, оставленному песчаной бурей некогда в начале 1000-х годов. После того, как этот верхний слой песка был удален, обнажилась возделанная земля, представшая такой, какой она была до песчаной бури, с вмятинами от ног людей и копыт животных, оставленными во время последней вспашки, и со следами колес. Сохранившийся участок пашни имел в длину до 30 метров, а в ширину свыше 40 метров. Он состоял из множества длинных, параллельных и легко взрыхляемых грядок, разделенных неглубокими канавами. Ширина грядок была 50-100 сантиметров, а высота их – около 10 сантиметров. Они были уже вспаханы, но что именно там выращивали, установить оказалось невозможным. Однако функционально такая пашня годилась для культур, требующих прополки. Канавы предназначались для хождения вдоль гряд и, кроме того, по ним стекала вода после сильных ливней. Из домашних животных в датской усадьбе обычно были лошади, свиньи, овцы, крупный рогатый скот. Разводили также кур, гусей и уток.

Замеры костей показали, что домашние животные были значительно мельче, чем теперь. Молоко крупного рогатого скота шло на производство молочных продуктов. Скот был также тягловой силой, мясо его употреблялось в пищу, а из шкур производились, в частности, ремни, ножны для мечей, обувь. Телячья кожа шла на производство пергамента, который требовался в больших количествах центрам обучения в Западной Европе. Лошади также служили тягловой силой и использовались при поездках. Мясо их шло в пищу (во всяком случае, в языческие времена), использовалась и шкура. Овцы давали молоко, шерсть для ткачества, мясо, теплые шкуры и кожу, из которой изготовлялась обувь. Коз доили и употребляли в пищу. Из козьих шкур выделяли обувь, их, возможно, также продавали за границу, поскольку выяснилось, что большая часть пергамента была произведена не из телячьей, а из козьей кожи. Домашняя птица давала яйца и мясо. А пух и перо шли на

подушки и перины. Из некоторых, пригодных для этого костей изготавливались коньки, рукоятки, веретена, дудки или иглы. Из рогов – сосуды для питья и другие вещи. Наконец, следует упомянуть и о том, что в усадьбе находились кошки и собаки разных пород.

Охота в Дании не имела значения как способ добывания пищи и хлеба насущного. Но она являлась излюбленным видом спорта, важным подспорьем в питании на побережье, а также повсюду, где поблизости от фьордов и озер было рыболовство. Не исключено, что часть рыбной продукции могла также идти на продажу. Однако в Дании рыболовство не служило главным средством пропитания. Там, где это было возможно, стол разнообразили устрицы и ракушки, а также множество дикорастущих ягод и орехов. Возможно, существовали и сады, хотя они не были найдены ни в одном регионе Скандинавии. Во всяком случае, в Хедебю имелись сливовые деревья и некоторое количество персиковых деревьев.

Пчеловодство, несомненно, играло важную роль в целом ряде районов Скандинавии. Мед имел большое значение, поскольку он был единственным из числа сладостей и был пригоден для консервирования, а также являлся важным ингредиентом в производстве алкогольных напитков. А воск был необходим при некоторых видах литья и являлся наиболее пригодным материалом для изготовления свечей. Свидетельств того, что в эпоху викингов скандинавы занимались пчеловодством, в документах того времени не сохранилось, однако об этом упоминается в более поздних письменных источниках. Очень много собиралось хмеля для пивоварения.

Скандинавский полуостров

На равнинных плодородных участках Вестергетланда и, возможно, в южной части Норвегии, а также в наиболее плодородных долинах формой поселений, так же, как и в Дании, были преимущественно деревни и отдельные хутора. Но установить это затруднительно без обширных археологических раскопок, а они производились далеко не везде. Высказываются предположения, что в плодородном, но ограниченном районе озера Меларен люди первоначально селились хуторами, но к концу эпохи викингов впервые появились деревни. Основанием для подобного предположения явились результаты изучения могильников, которые, по мнению исследователей, сохранились почти полностью, поскольку они, как правило, находились на каменистых и скалистых участках земли, непригодной для возделывания. Расстояние между захоронениями, установленное количество могил на каждом кладбище и различные другие факторы вполне соответствуют тому количеству людей, которые в течение всего долгого периода существования могильника могли жить на одном хуторе. Способом пропитания, несомненно, являлось по преимуществу скотоводство, а также до некоторой степени земледелие, что и подтверждается рассказом Адама Бременского.

Вместе с тем, в некоторых регионах Скандинавского полуострова сельскохозяйственные ресурсы были столь малы, а рельеф местности таков, что единственной возможной формой поселения могли быть хутора или, в крайнем случае, группы хуторов. Один из исследованных хуторов находился в Западной Норвегии, в Иттре Муа, неподалеку от Согне-фьорда, протяженность которого составляет двести километров.

Поселение относится к 800 – 900-м годам и состоит из ряда совсем небольших квадратных строений с внутренними деревянными стенами и наружными стенами из камня, которые защищали от холодов и дождей. Строения эти, наверняка, имели различные функции. Среди них – жилой дом, хлев, амбар, сеновал, поварня (для выпечки хлеба, пивоварения, мытья посуды, для приготовления пищи в больших количествах, например, во время пиршеств и в периоды забоя скота).

Экономика западно-норвежских хозяйств в основном базировалась на сочетании скотоводства (коровы, быки, свиньи, овцы и козы), рыболовства, выращивания зерна и, до некоторой степени, охоты в горах. Но поскольку ландшафт, климат и возможности для

охоты были неодинаковы даже на участках, находившихся друг от друга не слишком далеко, то значение той или иной отрасли хозяйства могло изменяться. В прибрежных районах было выгодно заниматься скотоводством, поскольку коровы и овцы в мягком климате могли круглый год пастись на воле, самостоятельно отыскивая корм. Если корма хватало (а в пищу скоту годился даже вереск), то можно было разводить большие стада. В других прибрежных районах и на островах главным занятием было рыболовство, а разведение скота и земледелие играли второстепенную роль. В районах фьордов летом использовались высокогорные пастбища, сэтеры. Имелись определенные участки для выпаса скота и для заготовки сена на зиму.

Исследования, проводившиеся во многих горных районах Норвегии, показали, что хозяйствование здесь было многосторонним. Погребения и археологические находки показали, что в горах Южной Норвегии были также круглогодичные поселения, где люди жили охотой, рыболовством и меновой торговлей. Они поставляли крестьянам и торговцам в основном шкуры и меха.

Один из наиболее обстоятельно исследованных районов в Норвегии находится близ озера Мьеса в Телемарке; здесь в эпоху викингов была широко распространена добыча железа из болотной руды. В Швеции центрами добычи железа были Далекарлия и Нурланд. Возможно, железо из болотной руды добывалось также в Смоланде и других районах. В Дании следы добычи железа в эпоху викингов пока не найдены. Большая часть этого необходимого металла, а, может быть, и весь он, наверняка привозилась с Севера.

Разрабатывались также залежи стеатита, мягкой зеленовато-серой каменистой породы, встречающиеся в различных местах Норвегии и современной юго-западной Швеции. Стеатит настолько мягок, что его можно резать ножом, и он годился для изготовления сосудов. Вырубался он прямо из скал, тут же на месте обрабатывался. Изделия из него продавались внутри страны и вывозились за ее пределы. Еще более широкое применение получил сланец, добываемый в горах Скандинавии. Из него делались точильные оселки. В основном, сланец (его характерная светлая разновидность) происходит, скорее всего, из района Эйдсборга в Телемарке. В горах можно было добыть материал для мельничных жерновов, горный хрусталь для украшений, оленьи и лосиные рога для изготовления гребней, а также, разумеется, ягоды, мясо, меха и шерсть.

Природные ресурсы гор составляли важную основу экономики во многих усадьбах и, в частности, в уже упоминавшейся выше усадьбе из Иттре Муа. А для некоторых слоев населения, во всяком случае, для саамов, горы давали все основные средства к существованию.

Оттар из Холугаланда

Интенсивное использование ресурсов гор и моря получило свое развитие в эпоху викингов и явилось основой для расширения торговли как внутри региона, так и за его пределами. Убедительное представление об этом можно получить из рассказа Оттара о его жизни. Это единственное свидетельство такого рода, восходящее к эпохе викингов в Норвегии. Около 890 года Оттар оказался при дворе английского короля Альфреда Великого. Король записал его рассказ и включил его в свой несколько расширенный перевод всемирной истории, автором которого являлся испанец Оросиус. В то время это сочинение считалось классическим, хотя написано оно было за 400 лет до этого. Из написанного явствует, что англичанам его образ жизни, естественно, казался чуждым.

Оттар рассказал, что живет он в Холугаланде, гораздо севернее тех мест, где живут норвежцы. Там, на севере, обитают лишь саамы. Хотя Оттар был в числе самых могущественных людей у себя в стране, в его хозяйстве было всего лишь 20 коров, 20 овец и 20 свиней. Земли он возделывал немного и обрабатывал свой надел с помощью лошадей. Богатство ему приносили «дикие животные». У Оттара было 600 одомашненных оленей, и в их числе — 6 оленей-манков. Такие олени очень ценились саамами, поскольку их

использовали для того, чтобы приманивать во время охоты диких оленей. Но главные его доходы составляла дань, получаемая от саамов в виде оленьих шкур, птичьего пера, китовой кости (или моржового зуба), а также канатов. Размеры дани определялись сообразно богатству каждого саама-данника. Самые зажиточные отдавали ему 15 кунных шкурок, 5 оленьих шкур, одну медвежью шкуру, 10 мерок пера, одну куртку из меха медведя или выдры, 60 локтей каната, одну тюленью и одну моржовую шкуру. Рыба в этом перечне не упоминается. Возможно потому, что это разумелось само собою как для Оттара, так и для англичан. Еще он сообщил, что в его краях имеется хорошая охота на китов. В компании с пятью другими охотниками он за два дня убил 60 штук, причем длина каждого кита достигала 48-50 локтей.

Однажды Оттар отправился на север, чтобы посмотреть, сколь далеко простирается там земля, и какой народ там живет. Ходил он и на восток, и к Белому морю. Целью его поездок была также охота на моржей, потому что зубы у них из благородной кости, а шкура годится для производства канатов.

Поведал Оттар и о своем путешествии на юг, вдоль побережья Норвегии. Он достиг торгового поселения Скирингесхил. (Вероятно, речь идет о торговом центре Каупанг в Вестфолле.) Если плыть туда с ночевками, то и за месяц не доедешь, даже при попутном ветре. От Скирингесхила он за пять дней добрался до Хедебю.

Каупанг был центром международной торговли, а Хедебю был крупнейшим торговым центром Скандинавии. Целью поездок Оттара было, несомненно, стремление сбыть товары из Северной Скандинавии именно там, где они считались предметами роскоши и за них можно было получить хорошую цену, а сам он мог бы там приобрести нужные ему товары, которых не было у него на родине. Обрато к себе домой Оттар мог везти ткани, красивую керамическую посуду, благородные металлы и стекло, украшения, вещи, необходимые в быту, и еще многое другое.

Такие поездки на кораблях, нагруженных мехами, шкурами, птичьим пером, моржовым зубом и канатами наверняка совершались и Оттаром, и другими через определенные промежутки времени. Моржовый зуб в то время заменял слоновую кость и использовался для разных художественных поделок. Некоторые из этих вещей Оттар привез в дар королю Альфреду. Качество мехов из Северной Скандинавии могло быть, как и качество русских и гренландских мехов, очень высоким, поскольку звери здесь жили в условиях суровой зимней стужи. И моржовый зуб, и прекрасные меха, и шкуры считались предметами роскоши на юге Скандинавии и в Западной Европе. Спрос на них был так велик, что даже через сто лет после поездок Оттара этот промысел являлся основой для экономики скандинавских поселений в Гренландии. Меха и шкуры, даже и не столь высокого качества, являлись наиболее надежной защитой от зимних холодов, и поэтому товарооборот мог достигать очень больших размеров.

Оттар жил, вероятно, где-то поблизости от нынешнего города Тромсе, возможно, на острове Бьерке, южнее Сеньи. Во всяком случае, именно здесь имеется самое северное поселение, так называемое «тунанлег», то есть поселение особого типа, в котором дома расположены полукругом или овалом вокруг открытого пространства. В Северной Норвегии такие поселения, вероятно, являлись резиденциями хевдингов. Поселение на острове Бьерке, вероятно, еще существовало во времена Оттара, но и позднее оно могло являться резиденцией хевдинга на этом острове.

Оттар был далеко не единственным также и в других областях Норвегии, находившихся за полярным кругом, чьи доходы в значительной мере состояли из дани, выплачиваемой местным населением, в данном случае, саамами. Так, в Бorge, на одном из островов Лофотенского архипелага Вествогой, были найдены следы усадьбы хевдинга, относящейся к началу эпохи викингов. Усадьба с главным домом длиной 83 метра была реконструирована в полную величину. Она была расположена высоко на холме, откуда открывался великолепный вид на окрестности, с удобными и надежными причалами. У живших здесь людей в ходу были предметы из золота и серебра, они пили напитки из стеклянных кубков и кувшинов, привезенных из Западной Европы. Неподалеку от усадьбы

находились поселение типа «тунанлег» и отдельно большое помещение, где хранились лодки. Норвежские королевские саги, которые, без сомнения, создавались позднее эпохи викингов, рассказывают о многих могущественных хевдингах, живших в тех краях. Во времена Олава Святого, в начале 1000-х годов, хевдинга острова Бьерке звали Туре Хунд. Он, так же как и Оттар, отправился к Белому морю. Но это не были путешествия первооткрывателя. Он ездил туда, чтобы торговать с местным населением, а попутно и грабить его.

Широкое использование многих природных ресурсов как внутри Скандинавии, так и за ее пределами, явилось предпосылкой благосостояния этого региона в эпоху викингов и накопления колоссальных богатств, представление о которых наиболее убедительно дают нам раскопки захоронений и обнаружение зарытых кладов, в том числе, и в Норвегии. Адам Бременский делает весьма односторонний вывод, когда говорит, что скандинавы стали викингами по причине своей бедности.

Разумеется, экономические предпосылки не исключают тот факт, что многие люди жили очень бедно, и малейшее ухудшение их положения могло иметь катастрофические последствия. Вдобавок, изоляция отдельных групп населения приводила к тому, что они были вынуждены использовать ресурсы только своей местности, вплоть до их истощения. Кроме того, даже состоятельные люди могли голодать в периоды неурожая, падежа скота или в результате плохого улова рыбы. В целом, для многих людей жизнь была повседневной суровой борьбой за выживание – своего и семьи.

Торговый оборот, серебро и товары

Ко многим новым явлениям эпохи викингов в Скандинавии следует отнести возникновение систем, позволивших производить в больших масштабах многообразные торговые операции, как на далеких расстояниях, так и на локальном уровне. Речь идет не только о предметах роскоши, но и о многих товарах повседневного быта, и это было совершенно новым явлением. В товарообороте появились как крупные, объемные предметы, так и мелочи, и все это стало, уже начиная с 700-х годов, доступно каждому городу, каждой отдаленной усадьбе. Торговые отношения приобретали самые разнообразные формы, часто сочетавшиеся друг с другом. Предпосылкой торговли частично были грабежи и дань, получаемая от многих, подвластных викингам наро-ц «ж. Но, как уже отмечалось выше, местные политические и экономические условия также могли способствовать развитию торговли.

Начала развиваться не только торговля, но и ремесла. Обычным явлением стала меновая торговля, вместе с тем, развитие получали и денежные отношения. Скандинавия была переполнена чужими товарами, и многие стали обладателями украшений, равно как и необходимых в быту товаров, произведенных чужими руками.

Практически побуждением эффективного товарообмена являлись хорошие транспортные возможности. Что же касается политических и социальных предпосылок, то к ним можно причислить укрепление верховной власти, которая могла обеспечить относительную безопасность и надлежащие формы торговых операций. Сюда же можно отнести наличие излишков продукции, все растущую специализацию в сфере добывания средств пропитания, появление многих торговых центров, а также новую форму поселений, каковой явились города, где все большую роль стали играть торговля и ремесла.

Одновременно возникла потребность в стандартизации ценностей. К числу таких ценностей в эпоху викингов относилось серебро. Его стали определять по весу, а в некоторых регионах начали постепенно появляться серебряные монеты установленной ценности. Однако серебро одновременно являлось и товаром, который существовал сам по себе в виде украшений и символа социального статуса его владельца.

Формы товарооборота

Не всегда имеется возможность определить, каким образом те или иные товары и конкретные средства оплаты переходили из рук в руки, и как появлялись в Скандинавии иноземные товары. Такие понятия, как внешняя и внутренняя торговля, неуместны в применении к эпохе викингов, когда связи между государствами были ослаблены. Формой перехода товаров из рук в руки не всегда являлась традиционная торговля между двумя регионами.

Важной формой товарооборота являлось вручение различных даров как внутри Скандинавии, так и вне ее. Короли и хевдинги расплачивались за услуги подарками. Так, к примеру, удачная хвалебная песнь приносила сочинившему ее скальду золотое кольцо. Посещения и переговоры также сопровождались вручением даров. Сообщается, что брат датского короля Сигфреда Халфдан привез в дар королю Людвигу Немецкому меч с золотой рукоятью, посетив его в 873 году с дипломатической миссией. А миссионер Ансгарий, когда он в 830 году отправился в Бирку к королю Бьерну, вез с собою богатые дары от императора. Но по дороге дары были захвачены морскими грабителями, вместе с 40 книгами, молитвенниками для богослужений. Не исключено также, что некоторые предметы роскоши, найденные при археологических раскопках и, в частности, павлин, останки которого были обнаружены в захоронении норвежского хевдинга в Гокстаде, являлись дарами, которыми обменивались между собою знатные люди. Вероятно, и в среде простых людей также было принято обмениваться подарками, хотя и гораздо более скромными. Одной из форм товарооборота являлись дары, которыми сопровождалось заключение браков. Тем не менее, обмен подарками все же не мог иметь определяющего значения для экономики.

Более важными факторами товарооборота были налоги и подати, грабежи и торговля. Об этом можно судить по рассказу северонорвежского хевдинга Оттара английскому королю Альфреду про то, что наиболее существенную часть его доходов составляла дань, которую ему выплачивали саамы. Платили ее натурой, и подобная форма оплаты существовала на протяжении всего Средневековья. Большая часть податей крупным земельным магнатам также выплачивалась в виде товаров. Это же, по всей вероятности, относится и к дани, взимаемой с покоренных народов, например, той, которую платили славянское племя ободритов (бодричей) и норвежцы в период владычества над ними датского короля. Возможно, часть норвежской дани выплачивалась мехами, моржовым зубом, стеатитом, точильным камнем. Значительная часть получаемых королями и хевдингами доходов распределялась среди их людей или складывалась в сокровищницы, а остальное, скорее всего, шло на продажу.

Так, видимо, поступал и Оттар. Добыча рядовых викингов, получаемая от их заморских и местных походов, несомненно, также продавалась в значительных количествах или выменивалась, а в том случае, когда она состояла из драгоценных металлов и монет, на нее покупались разные товары либо еще что-то. Например, предводители войска викингов, находившегося во Франции в 873 году, заплатили королю франков за возможность временно поселиться на одном из островов реки Луары, чтобы вести здесь торговлю. Дары, предназначенные для короля Бьерна, а также множество книг, отнятых у Ансгария во время ограбления его морскими пиратами, вероятно, также принесли грабителям немалый доход. А большое количество серебра, которое Ульф из Иттергерде добыл в Англии около 1000 года, дало ему возможность вести у себя дома крупную торговлю.

Серебро и монеты

Колоссальное количество серебра и золота, которое викинги добывали во время своих походов в Западную и Восточную Европу, а затем привозили домой, должно было значительно увеличить покупательную способность и тем самым существенно расширить товарооборот как в Скандинавии, так и во всех местах появления викингов, начиная от Дублина на Западе, и до берегов реки Волги на Востоке. Письменные источники сообщают, что одни лишь предводители франков и их подданные в 800-е годы выплатили викингам не менее 4 400 фунтов драгоценных металлов. Сюда можно причислить выплаты, размеры которых источники не называют, а иногда и вовсе не упоминают. Существовали также богатства и драгоценные металлы, которые викинги попросту отнимали у поработанного населения. Официально викинги в Англии лишь с 991 по 1014 годы получили в качестве «Данегельд» (то есть датских денег) свыше 150 000 фунтов серебра, что соответствует, по меньшей мере, 36 миллионам монет того времени.

Что касается Восточной Европы, то в отношении нее в письменных источниках не приводится никаких цифр. В то же время на сегодняшний день нам известно свыше 1000 кладов, обнаруженных в Скандинавии и относящихся к эпохе викингов. Это говорит само за себя и указывает на то, сколь огромны были количества серебра, привозимого с востока и запада. Для удобства классификации кладом обычно считается намеренное сокрытие в земле двух или трех предметов из драгоценного металла. В погребения предметы из серебра и золота клали редко, очевидно, дабы избежать разграбления могилы. Клады могли состоять из монет, украшений, драгоценных слитков, металлической сбрауи и тому подобного, а также изделий из них или фрагментов. Содержание кладов может быть самым разным. Размеры кладов также бывают различны. В Скандинавии они могут состоять из двух-трех предметов или содержать до 8-9 килограмм серебра. Самый большой из известных нам на сегодняшний день кладов викингов был найден в Англии, в Куэрдейле. Он содержал около 40 килограмм серебра.

Очень мало викингских кладов, которые содержат золото. Обычно они состоят преимущественно из серебра, с двумя-тремя предметами из золота. Так, например, один из наиболее крупных из известных нам кладов серебра, найденных в Норвегии, – клад из долины Слеммедал в Тенсберге, содержал 2,116 кг серебра. Здесь были 8 шейных обручей, 7 браслетов, 3 больших обломка от подковообразной фибулы, 4 позолоченных франкских перевязи для мечей (на оборотной стороне двух из них имеются рунические надписи) плюс одно навершие и 5 монет: 4 арабских и 1 англосаксонская. Вес обнаруженного здесь золота составляет 291 грамм, сюда входят 4 браслета, 1 кольцо, 1 медальон, 1 крестовидная подвеска и 2 небольших кусочка золота. Судя по монетам, клад был зарыт, вероятно, после 918 года.

Монеты дают нам ключ к пониманию того, откуда поступало в Скандинавию столь большое количество серебра. Многие монеты нам знакомы, и большинство из них имеют надписи, свидетельствующие о том, где и когда производилась их чеканка. Разумеется, форма и декор могут также помочь в определении места и времени изготовления некоторых иноземных украшений, таких, как, например, перевязь меча из клада долины Слеммедал. Впрочем, большинство украшений было в свое время расплавлено и пошло на изготовление других украшений, более соответствующих местным вкусам. Вместе с тем, в эпоху викингов считалось практичным хранить некоторое количество заморских монет для торговых сделок, поскольку за товар обычно расплачивались серебром по весу. Эти монеты весят от 0,5 до 3 грамм, в зависимости от того, где и когда их чеканили, и их легко бывает идентифицировать. Самыми тяжелыми были арабские или «куфические» монеты, дирхемы (название «куфические» происходит из надписи на них, поскольку место их чеканки – город Куфа в Ираке).

Нам известно свыше 200 000 монет, найденных в Скандинавии и относящихся к эпохе викингов. Большинство из них было найдено в Швеции, причем, две трети из них – на острове Готланд. Франкских монет, относящихся к 800-м годам, найдено немного, несмотря на то, что в письменных источниках суммы выплат называются немалые. То же самое можно сказать и об англосаксонских монетах. С другой стороны, обнаружено много браслетов русского происхождения, а также большое количество арабских монет. Монеты, относящиеся к 900-970-м годам, преимущественно арабские. В Скандинавии таких монет найдено свыше 85 000 штук. Многие из них изготовлялись в восточной части Халифата, на месте современных городов Ташкента и Самарканда, где чеканилось колоссальное количество монет, и можно утверждать, что, несмотря на большое количество восточного серебра, имевшегося у викингов, в их руки попала лишь малая его часть. Доставалось оно им, главным образом, на территории Восточной Европы. Но, примерно с 970-х годов, скандинавам пришлось утолять свою потребность в серебре в Западной Европе, поскольку восточные источники стали быстро иссякать. Примерно в это время начали разрабатываться германские серебряные рудники в Гарце, и германские монеты стали поступать в Скандинавию. Всего их известно около 70 000. Сюда же можно причислить свыше 40 000 англосаксонских монет, также относящихся ко второй половине 900-х и к 1000-м годам. Здесь их было найдено больше, чем в Англии. Вероятно, основная их часть состояла из выплаты Англии скандинавам «данегельд».

Содержание кладов и сравнение различных украшений, монет, кусочков серебра, обнаруженных в Скандинавии во многих местах, указывают на новшества в торговых операциях. С помощью небольших складных весов и находящегося при них набора стандартных гирь, свободно умещавшихся в небольшом ящичке, можно было без труда взвесить определенную меру серебра в уплату за товар, а если серебра не доставало, то можно было отрубить кусочек его от украшения, например, от браслета или шейного обруча. Как уже упоминалось, подобные украшения были наиболее практичным способом хранения ценностей. Именно поэтому у них нередко был определенный стандартный вес и твердая стоимость. Это были своего рода «деньги-украшения». Поскольку некоторые виды монет также имели определенный установленный вес, то их можно было использовать при несложных подсчетах, не прибегая к помощи весов.

Обнаруженные клады показали также, что расчленения украшений и тому подобных предметов из драгоценных металлов практиковались в особенности на юге Скандинавии (в Дании и в Сконе) в конце 900-х – начале 1000-х годов, и найденные обрубки украшений часто соответствовали весу монеты – арабской или европейской. Точно так же половинки или четвертинки монет наверняка использовались при мелкой торговле, и оплачивать их можно было, не прибегая к взвешиванию, благодаря чему монеты можно было экономить. С другой стороны, в Северной Норвегии, например, обрубки серебра не встречаются. Причиной может являться то, что здесь все еще была в ходу преимущественно меновая торговля.

Обнаружение многочисленных и необычайно богатых кладов на Готланде вызывает ряд вопросов, на которых пока еще нет ответа. Долгое время бытовало мнение, что в основе

этого лежит весьма оживленная торговля на самом острове и за его пределами, и что огромное количество найденного здесь серебра— это доходы от торговли, которую жители Готланда вели на Руси. Но, хотя известно, что викинги действительно вели там торговлю, считать этот факт бесспорным объяснением нельзя. Не исключено, что источником богатых кладов на Готланде являются грабительские походы викингов в чужие земли и вымогательство дани у местного населения. Едва ли можно предположить, что люди, ведущие обширную торговлю, стали бы зарывать серебро у себя в усадьбе, а именно такие случаи особенно распространены на Готланде. Думается, что купцы в основном пускали свое серебро в оборот. В кладах на Готланде обнаружено не так уж много арабских монет. А вот в торговом центре Павикен обнаружены очень мелкие кусочки серебра, и это свидетельствует о том, что торговля на острове, тем не менее, велась.

В тех случаях, когда в том или ином кладе обнаруживаются монеты, по ним обычно можно точно установить время, когда он был зарыт в землю. Причины сокрытия кладов могли быть самые разные. Это могли быть смутные времена, отъезд или какие-либо другие экстремальные обстоятельства. На Готланде, судя по всему, было принято закапывать клад на территории своей усадьбы. Тот факт, что клад так и оставался зарытым в землю, может иметь довольно простое объяснение. Их владелец мог покинуть этот мир либо у себя дома, либо в викингском походе и унести с собой в могилу тайну местонахождения клада. Эти и другие обстоятельства говорят о том, что размеры и количество кладов не могут быть показателем благосостояния или уровня экономического развития того или иного региона.

Первым регионом Скандинавии, где началась чеканка монет, была Дания. Уже в 700-е годы в торговом поселении Рибе в обороте были монеты, поскольку здесь их обнаружили в больших количествах. Речь идет о фризских (или, возможно, датских) монетах, так называемых «скеаттас». В начале 800-х годов началась чеканка монет в Хедебю. При их изготовлении брались за образец монеты императора Карла Великого, чеканившиеся во фризском городе Дорестад, но были в ходу и монеты иного типа, которые в той или иной мере использовали каролинские образцы. Вместе с тем, производство было не слишком обширным. Оно прекратилось во второй половине столетия, чтобы затем возобновиться около 900 года. Но лишь, примерно, в 975 году, при короле Харальде Синезубом, началась чеканка подлинных датских монет. Мест, где производилась чеканка, было много, и монеты изготавливались по византийскому образцу. Вероятно, чеканка монет производилась под эгидой короля, как и повсюду в Европе, но, поскольку самые первые датские монеты не имели никаких надписей, установить этот факт не представляется возможным.

Перед самым наступлением 1000-го года началась новая эра чеканки монет. Она длилась недолго, и чеканка производилась в ограниченных масштабах, но она имела место во всех трех скандинавских странах, и за образец брались англосаксонские монеты, поскольку это был период получения викингами в Англии выплаты «данегельд». На надписях, имеющихся на монетах, можно прочесть имя короля Свена Вилобородого в Дании, Олава (Трюгвессона) в Норвегии и Олафа (Шетконунга) в Швеции. После Олафа на шведском престоле находился Анунд Якоб, и он тоже некоторое время чеканил монеты. Около 1030 года на монетах, чеканившихся в Сигтуне, появляется имя Кнуда Великого. Затем в чеканке шведских монет наступает столетний перерыв. В Норвегии чеканка монет возобновилась при короле Олаве Святом (1015-1030), но стабильная чеканка норвежских монет началась лишь при короле Харальде Суровом Правителе (1047-1066), и тогда же стали указывать место чеканки. Отныне монеты начинают играть главенствующую роль в экономике страны, и с этого периода в смешанных кладах серебра больше не встречаются кусочки украшений и монет. В Дании чеканка монет продолжилась, вероятно, при Свене

Вилобордом и Харальде Свенссоне, и особенно широкий размах она приобрела в царствование Кнуда Великого (1018-1035) и его наследников. Здесь монеты также чеканились по образцу англосаксонских, их часто изготавливали английские мастера, и теперь на монетах мы находим названия самых разных мест их чеканки. Вскоре датчане настолько привыкли пользоваться монетами, что украшения и кусочки серебра почти полностью исчезают из содержимого кладов. А после того, как в производстве монет, примерно в 1070 году, произошла большая реформа, исчезают в значительной мере и заморские монеты. Отныне подобно тому, как это уже давно имело место в Англии и других регионах Западной Европы, законное право хождения получают лишь монеты данной страны. В результате длительного процесса развития возникает экономика, базирующаяся на национальных монетах, и это благоприятствует развитию торговли и способствует росту доходов короля.

Товары

Письменные источники сообщают о некоторых видах товаров, имевших хождение в Скандинавии, а также о торговле рабами и мехами. Но более полные сведения об этом дают нам археологические раскопки и естественно-научные исследования. Вместе с тем, едва ли возможно дать полный перечень ассортимента товаров того периода. Часто бывает трудно определить, произведен ли товар внутри страны, а также место, где он был произведен, и кем. Некоторые разновидности товаров не сохранились, либо сохранились частично. Это, в первую очередь, относится к продуктам питания, которые, естественно, полностью потреблялись, а также к тканям, истлевшим с течением времени. Но нет сомнения, что и то, и другое играло не последнюю роль в товарообороте. С другой стороны, поддаются определению некоторые иноземные товары. Это, в частности, относится к тем товарам, для производства которых на данной территории не было сырьевой базы. Речь идет, к примеру, о шелках и изделиях из некоторых пород камней и металлов. Если в поселениях мы находим лишь кости домашних животных, остающиеся обычно при потреблении мяса, и не находим костей, которые отчлениются при забое скота, то это свидетельствует о том, что мясо было не местным, а привозным. Иногда мы можем определить, произведен ли какой-либо предмет, например, украшения, из привозного сырья местным мастером, или привезен издалека, или, возможно, он был произведен в этой местности, но заморским мастером. Главным критерием для такого анализа является внешний вид изделия, техника изготовления и, возможно, следы производственного процесса. Так, для того, чтобы определить, изготовлено ли изделие для повседневного употребления, допустим, обувь, домашним способом или специалистом-ремесленником, необходимо исследовать степень сложности производственного процесса и степень стандартизации в покрое и технике изготовления обуви, которые обнаруживаются во многих местах. В целом следует отметить, что профессиональное производство рыночных товаров, в том числе, предметов повседневного пользования в 900-е годы достигло особенно большого размаха.

Это, несомненно, происходило наряду с неуклонным ростом товаров. Но, разумеется, речь не может идти об одинаково большом обороте для всех видов товаров по всей Скандинавии и для всех социальных групп населения. Большую роль в этом играли, в частности, местные ресурсы, установившиеся культурные контакты и экономические возможности. Вместе с тем, у большого числа людей имелось много всяких товаров, как произведенных профессионалами-ремесленниками, так и привезенных издалека, или из тех мест, где было в наличии сырье для их изготовления. Люди обеспечивали себя самым необходимым, но одновременно им требовались другие товары, и возможность их приобрести существовала в каждой, самой обычной усадьбе. Соотношение между тем, что производилось в домашних условиях, и тем, что изготовлялось профессиональными ремесленниками, едва ли сильно отличалось от обычной практики сельского поселения до индустриализации.

Ниже дается представление о тех видах товаров, которые были в ходу в Скандинавии. Этот перечень не претендует на полноту, здесь названы лишь товары, которые известны нам по немногочисленным находкам, и те, которые часто упоминаются в письменных источниках, свидетельствуя о том, что здесь речь идет о систематическом обмене товарами повседневного спроса. Наряду с этим, встречается достаточно много отдельных экзотических предметов. Это, к примеру, сувениры, награбленные вещи или дары, полученные за рубежом или от приезжих чужеземцев.

В Скандинавию из-за моря привозили обычно предметы роскоши и, в частности, металлы, за исключением железа. Вероятно, именно в этот период началась добыча меди в Фалуне, в Далеркалии (Швеция).

Множество превосходных мечей и доспехов поступало из Франции, однако известно, что там неоднократно налагался запрет на продажу викингам оружия и военных доспехов. Оттуда же поступала высококачественная соль, а из Рейнской области привозились красивые ткани, ореховая скорлупа для окраски тканей местного производства, жернова из Майнцского базальта, богатые сервизы из стекла и керамики, а также другие изделия из стекла и вино.

Из стран Востока, Руси и других регионов Восточной Европы в Скандинавию поступали шелк и другие тонкие ткани, пряности, изделия из стекла, красивые сервизы, бусы из полудрагоценных камней, таких как сердолик и горный хрусталь, а, возможно также, янтарь и пушнина.

Рабов привозили отовсюду, откуда только было возможно, и их экономическое значение как товара и рабочей силы было, очевидно, велико. Серебро, служившее и средством оплаты, и украшением и являвшееся символом благосостояния, поступало в больших количествах как с Востока, так и с Запада. Но, как уже отмечалось, количество его в разные периоды эпохи викингов неоднократно колебалось.

Разумеется, в чужих землях повсеместно сбывались и чисто скандинавские товары: рабы, шкуры, пушнина, моржовый зуб, железо, точильные камни, посуда из стеатита и, наверняка, многое другое. Эти же товары распространялись в самой Скандинавии, добавим только еще продукты рыболовства и земледелия и, возможно, также древесину. Сюда можно причислить также изделия ремесел, например, кожаную обувь, гребни из оленьих или лосиных рогов, кованые изделия из железа, бронзовые украшения и многое другое.

Скандинавские товары, конечно, были не столь экзотичны, как предметы роскоши, поставлявшиеся с Запада и Востока. Но торговля часто велась на большие расстояния, товары поступали из множества мест, и этот вид деятельности имел большое экономическое и социальное значение. Торговля была связующим звеном между странами Скандинавии, равно, как и между другими странами. Она создавала предпосылки для импорта товаров, а наряду с этим, благодаря местной торговле, возникали многочисленные торговища, торговые центры и города.

Торговля и города

Лишь в последние годы в результате новых исследований стало ясно, сколь велики были ресурсы Скандинавии и насколько масштабными были торговля и товарооборот внутри скандинавских стран. Прежде у нас не было полного представления о богатствах Скандинавии. Считалось, что торговля в основном ограничивалась тем, что викинги привозили из-за моря предметы роскоши. Из далекого Востока путь шел по русским рекам до Балтики. Привозились предметы роскоши также из Западной Европы. Прямой путь был закрыт после того, как арабы проникли в район Средиземного моря. Существовала гипотеза о том, что прибыли Скандинавии были связаны с тем, что она стала транзитной территорией, а сами скандинавы выполняли посредническую роль. Однако гипотеза эта нуждается в пересмотре.

Безусловно, скандинавы перевозили некоторые западноевропейские товары, например, предметы роскоши на север Восточной Европы, а часть товаров привозили оттуда. В частности, на территорию Киевской Руси, а также в Западную Европу они везли пушнину. Но едва ли речь может идти о масштабной транзитной торговле, поскольку существовали прямые связи между Востоком и Западом, например, через Европу, из Майнца в Киев. Так что, скорее всего предметы роскоши, поступавшие в Скандинавию из Восточной Европы, Востока и Западной Европы, предназначались для внутреннего потребления. Как уже упоминалось выше, покупательная способность скандинавов была велика. Разумеется, и серебро, и другие товары скандинавы могли добывать не только посредством покупки. Торговля процветала, а экспансия викингов в Северную Атлантику, в Западную Европу, на Британские острова, Балтику и Русь приводила к созданию викингских колоний, торговых центров и, в целом, к дальнейшему расширению рынков сбыта.

В настоящее время считается общепризнанным, что скандинавы сами играли важную роль в торговле у себя дома и весьма существенную роль – на территории других регионов. Когда-то главенствующая роль в торговле отводилась фризам. Но наряду с фризами в Скандинавию прибывали и другие заморские купцы – саксонские, славянские и восточноевропейские. Это проявилось, в частности, в ритуалах погребения на обширных могильниках Хедебю и Бирки. Приезжали сюда и англичане. Как известно, в Хедебю побывал также испано-арабский купец Ат-Тартучи. По его представлениям, «Хедебю находится на самом краю мирового океана».

Большое количество превосходных товаров и серебра, находившихся в обороте, привлекали к себе жадные взоры морских и прочих грабителей, и это, как уже было отмечено, вызывало потребность оградить торговлю от опасностей. Торговища и города нуждались в гарантии мира и безопасности, а иначе купцы предпочитали бы держаться подальше от этих мест. Гарантом обычно должен был выступать король или местный хевдинг, который получал за это различные отчисления, а, возможно также и определенные привилегии при покупках товаров. Короли были заинтересованы в расширении торговли, поскольку в их ведении была чеканка монет, а, кроме того, с 800 года они имели своих представителей и являлись владельцами земель в крупных городах и торговых центрах, таких, как Хедебю, Рибе и Бирка. Часто сами короли имели резиденции в этих городах и, вероятно, принимали активное участие в их основании, застройке и благоустройстве.

В дальние поездки купцы отправлялись в сопровождении многочисленных спутников, однако только могущественный король или хевдинг мог предоставить твердую гарантию безопасного проезда через свои земли, как своим подданным, так и иноземцам. В последнем случае за это наверняка взималась определенная плата или пошлина.

Известны многие случаи, когда в Европе два короля заключали между собой соглашение, в соответствии с которым их подданным обеспечивался безопасный проезд через территорию договаривающихся стран. Вероятно, это была обычная процедура. Один из наиболее известных договоров, касающихся Скандинавии, приводится в Фулдских анналах, относящихся к 873 году. Здесь говорится, что посланцы короля данов Сигфреда прибыли в

Вормс заключить договор с королем Людвигом Немецким о том, «чтобы обеспечить мир на границе между ним и саксами, дабы купцы, проезжая туда и обратно через эти королевства со своими товарами, могли мирно вести куплю и продажу. И король (то есть Людвиг Немецкий) со своей стороны обещает, что так оно и будет».

Можно также вспомнить, что хевдинг Оттар прервал свое путешествие на север к Белому морю, добравшись до страны бьярмов. Он не решился ехать дальше по причине «немирья». Слово это не означает «войну» в современном понимании этого слова. Оно означает отсутствие договора о безопасности, который позволил бы Оттару безбоязненно находиться в стране бьярмов и вести с ними торговлю.

Велась торговля, в основном, в те времена года, когда условия для путешествий были наиболее благоприятными. В большинстве регионов наиболее благоприятным для поездок было летнее время или более теплая половина года. Именно в этот период предпринимались также и поездки в чужие земли. Во многих местах создавались постоянные торговые подворья, где зачастую приходилось оставаться на зиму. Но в Средней Швеции, в районе больших озер, где в феврале всегда устанавливался прочный лед под снежным покровом, устраивались большие зимние торги. В остальном зимняя торговля ограничивалась, в основном, местной куплей-продажей предметов первой необходимости.

Существовало много разных способов торговли, но источников, в которых они описаны, не так много, и детали нам неизвестны. В больших торговых городах, например, в Бирке и Хедебю, вероятно, имелась группа купцов, для которых торговля была основным занятием. Однако было много и таких скандинавских торговцев, главным средством существования для которых были земледелие, рыболовство и охота, а в торговые поездки они отправлялись лишь время от времени, в компании себе подобных. Такие торговые ватаги назывались «фелаг». Другие были, подобно Оттару, хевдингами или крупными землевладельцами, у них было много ценных товаров, и они могли загружать ими целые суда. Многие ремесленники наверняка продавали свои товары прямо в мастерских или сами отвозили их на торговища. Безусловно, некоторые ремесленники выполняли также роль корабельников и ездили со своим товаром от усадьбы к усадьбе. Торговали главным образом в городах, а также на рынках и в торговых поселениях, которые в эпоху викингов вырастали, как грибы, и существовали более или менее долгое время. О некоторых из них упоминают письменные источники, и большое их количество было обнаружено при археологических раскопках. Как правило, они находились в природно-защищенных бухтах и гаванях на побережье или вблизи фьордов, посредством которых осуществлялась связь с морем. По мере роста торговли к концу эпохи викингов на побережье и на материке возникло множество городов. О существовании торговых центров в малонаселенных северных районах Норвегии и Швеции нам ничего не известно, но это, бесспорно, объясняется тем, что они еще не найдены. Что касается наличия городов в этих районах, то их могло на самом деле не быть. Их не было и в средние века. Самым северным городом был Тронхейм в богатой области Треннелаг.

Города определяются как крупные, густонаселенные, круглогодичные места обитания с наличием централизованной власти на обширной территории, и, в первую очередь, являются местом расположения рынков. Помимо этого, город являлся религиозным центром, местом созыва тингов, административным центром определенной территории и местом чеканки монеты. Поэтому занятия населения в городах были иными, то есть оно не занималось ни земледелием, ни рыболовством, ни охотой. Многие жители городов занимались торговлей и ремеслами. Товары здесь производились и сбывались, их использовали и в самом городе, и за его пределами. В городах могли быть редкие вещи и сырье, а также специалисты для выполнения уникальных работ. Самые крупные города являлись звеньями в разветвленной торговой сети, соединяя воедино местные и дальние ветви торговли.

Из ближайших окрестностей города получали некоторые продукты питания, например, мясо, зерно, а также топливо и древесину. Из дальних мест сюда же шло сырье и, в частности, железо и другие металлы, рога, шкуры или кожи животных, товары

повседневного потребления, которые не производились на месте, и предметы роскоши. При покупках товары могли оплачиваться натурой, предметами первой необходимости, такими, как ножи, изделия из бронзы, гребни, обувь, стеклянные бусы, или предметами роскоши, серебром. Города представляли собой сложные экономические и общественные образования. Они принадлежат к числу новых форм поселения в Скандинавии в эпоху викингов.

Хедебю

Хедебю был самым южным городом Скандинавии. Он находился у восточной оконечности Ютландии (к югу от Шлезвига), близ старой границы с фризями, саксами и славянами, и тесно примыкал к большому пограничному валу Даневирке. Здесь пролегал самый короткий сухопутный путь через Ютландию, поскольку от долины продолговатого, узкого Слиен-фьорда было всего несколько километров до небольших речушек, связанных с рекой Эйдер и Северным морем. Вблизи Хедебю проходила также на юг важная дорожная артерия Ютландии, позднее известная под названиями Войсковой тракт и Воловий тракт. Город имел все предпосылки стать центром международной торговли.

Самое древнее поселение, располагавшееся южнее будущего Полукруглого вала, относится к 700-м годам. Большинство из обнаруженных здесь построек – это небольшие, наполовину углубленные в грунт землянки. Здесь были найдены следы деятельности ремесленников. Год 804 фиксируется как год возникновения Хедебю на исторической арене. Франкские анналы сообщают, что датский король Годфред явился сюда с войском. В тех же анналах говорится, что спустя четыре года Годфред разрушил славянское торговое поселение Рерик и захватил богатую добычу. После этого он переселил купцов в Хедебю и решил укрепить свою южную границу защитным валом.

Начиная с этого времени и до конца эпохи викингов Хедебю постоянно упоминается в письменных источниках, как иноземных, так и скандинавских. Упоминания об этом поселении можно найти и на рунических камнях, и в поэзии скальдов. Правда, город этот значится под различными названиями (Шлиесторп, Слиасвич, Шлесвиг, Хэтум, Хайта бю). Из этих сообщений явствует, что это город, наделенный функциями центра, тесно связанный с королем и поддерживавший самые разные контакты с другими странами. Этот богатый город был не раз осажден и захвачен, и именно здесь миссионер Ансгарий около 850 года получил от короля Хорика разрешение на постройку первой в Дании церкви.

Со времен эпохи викингов уровень воды в Хедебю поднялся приблизительно на 120 сантиметров. Условия сохранности дерева и других органических материалов во влажной почве были необычайно благоприятны. Здесь производились обширные раскопки, как на месте центра поселения внутри Полукруглого вала (тем не менее, было исследовано лишь 5 процентов из площади в 24 гектара), так и на месте гавани (около 0,5 процентов), а также на местах захоронений. Ни об одном из скандинавских городов эпохи викингов мы не знаем столь много, как о Хедебю.

Город планомерно строился вдоль ручья, пересекавшего территорию Хедебю с запада на восток, и от него сразу же отведены были каналы. Улицы, покрытые дощатыми настилами, располагались под прямым углом к ручью или параллельно ему, и на них находились незначительные, огороженные земельные участки, внутри которых стояли сравнительно небольшие четырехугольные дома. Именно такие дома, по всей вероятности, были типичны для поселений городского типа. На некоторых участках имелись мелкие надворные постройки и часто – колодец. Размеры участков почти всегда одинаковы. Особенно хорошо сохранился один дом размером 5 на 12 метров (что несколько больше, чем обычно), и теперь он реконструирован в полную величину. Возраст множества фрагментов древесины определен Дендрохронологическим методом. Самый древний датируется 811, а самый поздний 1020 годами. Таким образом, это близко к 808 году, когда король Годфред переселил купцов из Рерика и построил пограничный вал. Возможно, одновременно он предпринял шаги к реконструкции старого поселения, чтобы превратить его в отвечающий

требованиям времени международный торговый центр. Как уже упоминалось, в этот период стали чеканить самые первые в Скандинавии монеты.

В гавани, защищенной полукруглым свайным сооружением, были найдены остатки причальных мостков, расположенных под прямым углом к берегу, а в воде обнаружено множество различных предметов, в том числе товаров и всяких отбросов. Были также найдены остатки судов и, в частности, одно большое торговое судно и один необычайно элегантный боевой корабль. Полукруглый вал, сегодня являющийся главной достопримечательностью Хедебю, имеет в длину 1300 метров, а в некоторых местах его высота достигает 10-11 метров. Он был возведен в беспокойные времена в середине 900-х годов, но территория, которую он окружает, никогда не была застроена полностью. Еще одним валом, построенном несколько позднее, он соединен с валом Даневирке. Он несколько раз укреплялся и был снабжен еще одним передним валом и системой рвов на юге. Таким образом, Хедебю превратился в сильно укрепленную крепость. В прежние времена, в моменты опасности, люди наверняка укрывались на укрепленном холме Хохбург, находившемся в окрестностях города на севере.

Многочисленные предметы древности, встречающиеся здесь (их свыше 340 000 единиц), равно как ботанические и остеологические остатки, дают возможность получить представление о жизни общества той эпохи, о том, чем питались люди, чем торговали, а также об их повседневных нуждах. Здесь можно обнаружить предметы из всех стран мира. Дополнением к этим находкам служат письменные источники.

Очевидным является тот факт, что связи с регионом Балтийского моря были гораздо более оживленными, нежели с Западной Европой. Мы находим здесь также следы занятий самыми разными ремеслами. Производились кожаная обувь и стеклянные бусы, а также гребни, иголки, дудки, игральные доски и многое другое. Материалом служили рог и кость. Украшения создавались посредствомковки и литья; моржовая кость, янтарь и гагат (черный янтарь) превращались в предметы украшений. Много было изделий из железа. Мастера производили разного рода ремонт, в том числе и судов. В целом процесс специализации ремесел в 900-е годы заметно продвинулся вперед. Вместе с тем очевидно, что ни земледелие, ни скотоводство здесь не играли заметной роли, и это вполне согласуется с функцией города как центра.

В районе археологических раскопок не было обнаружено следов королевской усадьбы или усадьбы знатного хевдинга. Однако могильники Хедебю свидетельствуют о наличии существенного социального расслоения среди погребенных там людей. Большинство могил отличается простотой, они вполне могли принадлежать обитателям небольших городских домов. Но одновременно здесь были найдены богатые погребальные камеры, относящиеся к 900-м годам. Была обнаружена одна просторная могила знатного человека. Здесь находились мечи, упряжь, кубки для питья; причем вместе с умершим были погребены еще двое. Они находились в погребальной камере под двадцатиметровым торговым кораблем, перекрытым большим курганом.

Согласно письменным источникам, Хедебю в середине 1000-х годов был несколько раз разрушен, а археологические раскопки показывают, что население его покинуло. С упадком Хедебю значительно вырастает роль Шлезвига. Вероятно, на протяжении 1000-х годов эти города какой-то период существовали одновременно, причем, резиденция короля и его представителей находилась сначала в Шлезвиге, а уже затем в Хедебю. Шлезвиг расположен на западной стороне Слиена, а Хедебю находится несколько в глубине, у южного разветвления. Вероятно, одной из причин того, что Шлезвиг стал предпочтительнее Хедебю, было появление кораблей, имевших более глубокую осадку.

Бирка

Бирка был самым большим городом Швеции. Город был расположен на небольшом острове Бьерке, на озере Меларен (в 30 километрах от Стокгольма). В эпоху викингов, когда уровень суши был на 5 метров ниже, чем сегодня, суда могли выходить отсюда к Балтийскому морю через исток у Седертелье. С северной стороны он был связан с Упсалой, древним центром государства свеев.

Район озера Меларен был очень богатый. Приблизительно с 400 года здесь был расположен торгово-ремесленный центр Хельге. Он находился в 12 километрах к востоку и, возможно, был связан с какой-то большой усадьбой. В этих местах было обнаружено множество богатых захоронений, что свидетельствует о том, что люди здесь издавна жили в большом достатке. В таких погребениях, как Вендель и Валсгерде, было захоронено несколько поколений хевдингов. Они захоронены с большой пышностью в кораблях и ладьях. Богатство здешних обитателей, по всей вероятности, базировалось на торговле железом, пушниной и шкурами, поступавшими сюда с севера. Так было и в Бирке.

Город Бирка был, судя по всему, основан в 700-х годах. Уже тогда, когда о нем впервые было упомянуто в связи с миссией Ансгария около 830 года, это был процветающий город. В книге Римберта о житии Ансгария, написанной около 875 года, содержится подробное описание этого города, который посещали многие миссионеры и оставались в нем на более или менее продолжительное время. Сам Ансгарий приехал сюда снова в 852 году.

Бирка, как и Хедебю, был наделен многими функциями центра. Упоминается, например, о пребывании здесь короля и королевских наместников, о том, что здесь проходил тинг и торжественные богослужения, здесь велась международная торговля, благодаря связям с крупным фризским торговым центром Дорестадам. Здесь устраивались большие зимние торги, где, в частности, шла купля-продажа огромных количеств прекрасных, теплых мехов. Здесь же была построена первая в Швеции церковь.

Частичные раскопки поселения были произведены в 1800-е годы. Затем были исследованы крепостные сооружения и причалы, а в 1990-е годы были начаты новые, большие раскопки этого поселения. При этом были найдены дома, а также множество предметов, в том числе, заморского происхождения. Были обнаружены и следы деятельности мастеров-ремесленников. Находки здесь в значительной степени сопоставимы с находками, обнаруженными в Хедебю.

Город находился на северо-восточной стороне острова, а в 900-е годы он был, так же, как и Хедебю, огорожен со стороны суши полукруглым крепостным валом. На севере он выходил к побережью, а на юге, вероятно, примыкал к небольшому, укрепленному валом скалистому плато, вероятно служившему в случае надобности оборонительным сооружением. В этом случае полукруглый вал охватывал площадь около семи гектар, а поверх отверстий, которые были расположены в крепостном валу с равными промежутками, очевидно, возвышались деревянные башни. Посреди поселения («Черная земля» – по черному культурному слою, характерному для данной территории и поныне) расположена небольшая бухта, куда могли заходить суда с неглубокой осадкой. Здесь были найдены причалы, а остатки свай в воде свидетельствуют о том, что гавань была укреплена.

На северной оконечности поселения имеется другая бухта, которая называется Куггхамн, и традиционно считается, что она была предназначена для судов с более глубокой осадкой. Если название относится к периоду существования Бирки, то это означает, что Куггхамн, в частности, использовался для прохода судов фризского типа, которые назывались «когги». К востоку имеются еще две бухты – Хорсамн и Салвикен, которые носят характер гаваней. Обширные могильники окружают город, и по количеству могил была сделана попытка подсчитать среднюю численность населения Бирки. Результаты колеблются от 500-600 и до 700-1000 человек, однако при всех обстоятельствах это немало. Могилы свидетельствуют также о большом социальном расслоении жителей поселения. Около 1100 могил было раскопано в 1871-1895-е годы, а обнаруженный в них материал был

досконально изучен и описан.

Самые богатые могилы, которые содержали восточные ткани и сохранившиеся полностью одежды восточного покроя, блюда британского происхождения, фризские кубки, саамские украшения, свидетельствуют о широком использовании предметов роскоши и о наличии связей, особенно с Востоком. Эти могилы, характеризующиеся особыми традициями захоронения, свидетельствуют о космополитизме высших социальных слоев Бирки, о калейдоскопическом обороте товаров и о множестве иноземцев, посещавших этот город. Многие языки и наречия звучали в Бирке, и множеству разных богов молились здесь.

Примерно в 975 году жители покинули Бирку, и с этого времени исчезают всякие признаки существования здесь города. Но зато появляются сведения о Сигтуне. Этот город находился несколько севернее Бирки, на пути в Упсалу, и был тесно связан с королем. Около 1000-го года здесь чеканились монеты, и на них даже было выгравировано место чеканки. Причина упадка Бирки неизвестна, возможно, это было связано с поднятием суши, что сразу же преградило доступ к морю у Седертелье, а может быть, это было обусловлено изменением в экономике данного региона, поскольку как раз в этот период прекращается приток арабских монет с Востока.

Каупанг

Каупанг находился в Вестфолле, в бухте по левую сторону от устья Осло-фьорда, поблизости от нынешнего города Ларвик. Здесь также имело место поднятие суши после эпохи викингов, так что водные коммуникации в ту эпоху были гораздо лучше, чем ныне.

Вестфолл – самый плодородный и богатый край Норвегии. С воцарения Харальда Прекрасноволосого берет начало королевский род Инглингов. Здесь же находятся наиболее выдающиеся памятники Норвегии эпохи викингов, а также самые знаменитые находки, относящиеся к той эпохе. Речь идет о захоронениях хевдингов и королей в Борре, в курганах Гокстад и Усеберг. Эта территория была предметом раздоров, поскольку из франкских анналов мы узнаем, что в начале 800-х годов власть здесь принадлежала датским королям.

Каупанг, возникновение которого относится, вероятно, к 700-м годам, никогда не был городом с постоянным населением и никогда не был укреплен. Это был международный торговый центр, возможно, с устройством больших сезонных торгов. Само название «каупанг» означает «торговое место». Было раскопано около 1400 кв. метров из общей площади в 40 000 кв. метров, и в близлежащих могилах здесь было найдено большое количество заморских вещей, что свидетельствует о контактах, и в первую очередь, с Западной Европой и Данией. Так, здесь была, например, обнаружена керамика из Рейнской области, бронзовые накладки с Британских островов, керамика из Дании. Были найдены также следы деятельности ремесленников и причал, а пять из шести обнаруженных здесь строений, вероятно, были не жилыми домами, а мастерскими.

В некоторых захоронениях находились, в частности, сельскохозяйственные орудия. Большинство погребенных здесь людей, скорее всего, были крестьянами, жившими поблизости и время от времени занимавшимися торговлей. Другие, возможно, были настоящими торговцами. Основу экономики Каупанга, вероятно, составляла доставка сюда товаров высокого качества на продажу, в числе которых были точильные камни, железо, охотничья добыча, стеатитовая посуда местного производства, а также, вероятно, товары, поступавшие с севера Скандинавии. Характер и местоположение этого города свидетельствуют о том, что это вполне мог быть тот самый Скирингесхил, который Оттар из Холугаланда посетил около 800-го года во время своего долгого путешествия, когда он побывал в Хедебю. Местонахождение города, возникшего на смену Каупангу, нам неизвестно, но около 1000 года в этом регионе вырос город Шиен. Основой экономики этого города явились железоделательное производство, производство точильных камней и охотничий промысел в лесах Телемарка. Все эти товары легко могли перевозиться водным путем в Шиен, а оттуда переправляться дальше.

Другие торговые поселения и города

На сегодняшний день у нас нет сведений о других международных торговых центрах Норвегии, относящихся к 800-900-м годам. Впрочем, не исключено, что это дело случая, поскольку у многих здешних городов имелись все предпосылки для того, чтобы стать важными торговыми центрами, и в частности, в районе Тронхейма и Осло-фьорда. Возможно, что эти города и возникли из крупных, но пока что не выявленных торговых центров. Археологические раскопки подтвердили сведения, почерпнутые из саг, что город Тронхейм был основан королем Олавом Трюгвессоном незадолго до 1000-го года, а город Осло возник несколько позднее.

Тронхейм стал королевской резиденцией и был наделен особыми функциями как центр культа короля Олава Святого, объявленного святым вскоре после его гибели в 1030 году. Здесь, а также в Хамаре, находящемся на юге Норвегии, приблизительно в 1050 году чеканились монеты.

Некоторые современные города Дании и Швеции также возникли в конце 900-х годов, в первой половине или середине 1000-х годов (В Дании большинство городов возникло в средние века). Помимо Шлезвига и Сигтуны можно, в частности, назвать Выборг, Оденсе, Роскилле, Лунд, Скара, Ледесе, Седертелье и Висбю. Однако иногда мы не знаем, какого рода поселения находились на месте нынешних городов. В то же время очевидно, что на первый план выдвигаются функции религиозных (христианских) центров. Если не считать трех последних из вышеперечисленных городов, то все они до 1060 года были резиденциями епископов. А помимо четырех последних, во всех остальных (и еще в нескольких датских) в тот период чеканились монеты.

Корни древних городов на сегодняшний день обнаружены лишь на месте двух городов Скандинавии. Это Рибе и Орхус. В Рибе, близ фризской территории, при раскопках были найдены следы многочисленных ремесленных мастерских, относящихся к 700-м годам. Под мастерские, судя по всему, выделялись участки-парцеллы, и они были специально оборудованы для ремесел, в частности, для производства бус, шлифовки янтаря, изготовления гребней и бронзового литья. Продукция была, по всей вероятности, рассчитана на скандинавских потребителей. Но были также найдены многочисленные привозные товары из Рейнского региона, а также монеты «скеатта». Рибе был крупным, хорошо организованным сезонным торговым центром, созданным около 705-710-х годов, где периодически, в определенные месяцы года, собиралось множество народа. Возможно, здесь происходила торговля скотом, потому что были найдены толстые слои коровьего навоза. Находок, относящихся к последующим столетиям, было сделано не так уж много, хотя нам известно, что в 860 году сюда прибыл Ансгарий и построил здесь церковь, что город этот являлся епископской резиденцией с 948 года и что с начала 1000-го года здесь чеканились монеты. В середине 900-х годов Рибе был укреплен, а в 1100-е годы город переместился на другой берег реки.

Орхус был основан около середины 900-х годов и с самого своего возникновения или вскоре после него был окружен мощным полукруглым валом, который возник почти одновременно с валами, окружавшими Хедебю и Бирку. На укрепленной территории площадью в 4-5 га были обнаружены следы ремесленной деятельности. Но из строений того времени до нас дошли только землянки, причем на ограниченном участке. Возможно, одной из первоначальных функций древнего Орхуса была функция крепости, и лишь немного позднее он превратился в город с большим количеством постоянных жителей. В 948, 965 и 988 годах город упоминается как епископская резиденция, незадолго до 1050 года здесь начинают чеканить монеты, а приблизительно с 1060 года город становится постоянной и общепризнанной епископской резиденцией.

Нам доподлинно известна лишь малая часть многочисленных международных и местных торговых центров и рынков эпохи викингов. Каждый из них соответствовал

экономическим, политическим и топографическим условиям своего места и своего времени. Эти торговые центры не были постоянными поселениями. Время от времени они либо переносились на другие места, либо вообще прекращали свое существование. Риге, однако, почти не менял местоположения и это, вероятно, было связано с особыми топографическими условиями региона. В 1000-е годы наверняка было еще много торговых городов, кроме Сигтуны и Шлезвига. Так, результаты новых раскопок дают нам основание предполагать, что готландское торговое поселение Павикен у Вестергарна, которое процветало в 900-е годы, стало предшественником города Висбю, единственного торгового центра на Готланде и, возможно, самого важного торгового поселения в средневековой Скандинавии. Упоминания о Висбю прослеживаются с момента исчезновения упоминаний о Павикене.

В 1000-е годы для многих городов Скандинавии начинается новая эра. Появляются новые стабилизирующие факторы, в том числе, церковь и все более укрепляющаяся централизованная власть. Но значение централизованной власти было различным в разных местах. И торговые поселения продолжали возникать и исчезать, подобно Чепингсвику на Эланде, который пережил пору расцвета в 1000 – 1100-е годы, но так и не превратился в город.

Крепости, оружие и сражения

Как известно, укрепления возводятся в беспокойные времена, и большие фортификационные сооружения предусматривают организацию общества на региональной или государственной основе. Но если не считать вала Даневирке («Датского вала»), который был возведен в 808 году, в правление короля Годфреда, мы не встречаем никаких письменных сведений о том, кто возводил укрепления в Скандинавии, откуда поступала рабочая сила и строительные материалы. Не исключено, что укрепления возводились на основе общественной повинности, связанной с обороной страны или, возможно, периодически воинская повинность сменялась обязанностью участвовать в строительстве фортификаций и поставке материалов для их строительства. Несомненно также то, что строительство многих крупных защитных сооружений производилось по инициативе короля, поскольку именно он являлся предводителем войска.

Благодаря наличию огромного количества различных укреплений, которые возводились в Скандинавии или перестраивались из старых укреплений, викинги имели немалый опыт в этом деле и, находясь в чужих землях, прекрасно разбирались в имевшихся там оборонительных сооружениях. Это проявлялось и при штурме крепостей, и в способности организовать оборону в полевых условиях, равно как и в умении подобрать защитные сооружения для зимнего постоя или постоянных баз. Многие скандинавские фортификации представляли собой сложные инженерные сооружения, однако отнюдь не все они были сугубо скандинавского происхождения. Некоторые из них, несомненно, были построены не без влияния иноземных укреплений.

Городские валы, крепости и морские заградительные сооружения

К середине 900-х годов походы викингов в Западную Европу больше не приносили столь большой добычи, поскольку жители тех земель научились возводить многочисленные оборонительные сооружения. Из-за этого незащищенные торговые центры в самой Скандинавии с наличием в них огромного количества товаров становились еще более притягательными для грабежей. В связи с этим в трех крупнейших торговых поселениях Хедебю, Риге и Бирке были возведены защитные валы наподобие зарубежных. Что касается Хедебю и Риге, то в возведении валов здесь могла сыграть свою роль еще и конфронтация между данами и германцами. Орхус, вероятно, сразу возник как крепость, а вокруг Хедебю постепенно была создана сложная оборонительная система, связанная с валом Даневирке. К

эпохе викингов относится также вал Вестергарнволд близ Павикена на Готланде.

Городские валы имели полукруглую форму и были обращены к суше. В Хедебю, а, возможно, и в Бирке территория гавани, где не было валов, защищалась свайными сооружениями в воде. Нечто подобное могло быть и в Орхусе. Но здесь следы такого рода сооружений могли быть скрыты или уничтожены при сооружении современной гавани. На сооружение вала, как правило, шла земля, вынутая при рытье внешнего рва, а также, возможно, камни, облицованные дерном или деревом. По верху валов, по всей вероятности, шел деревянный частокол. Не исключено, что на валах были деревянные башни, а в Хедебю были обнаружены следы ворот, окантованных деревом.

Разумеется, и в Хедебю, и в Бирке существовали способы защиты и до возведения валов. Как уже упоминалось, эти поселения были защищены естественными холмами непосредственно за чертой города. Близ Хедебю находился холм Хохбург, а близ Бирки – Борг. Это, вероятно, были холмы, на которых при нападениях находили укрытие люди, скот и все имущество, которое можно было унести с собой. Такой вид убежищ был известен с древних времен. Возраст и период функционирования Хохбурга не установлены, но археологические находки показали, что холм Борг использовали в эпоху викингов, а в «Жизнеописании Ансгария» рассказывается, что население Бирки укрывалось здесь во время вражеского нападения в 800-е годы. Город был тогда захвачен, а его военный гарнизон (если таковой существовал) также укрывался на Борге. Другие укрепления при скандинавских торговых центрах нам неизвестны, поскольку не установлено, относится ли вал в Лэддерчепинге, в Сконе, к эпохе викингов.

Но и в других местах население также нуждалось в убежищах в периоды междоусобиц и там, где рельеф местности не создавал естественных укрытий, возможно, сооружались специальные крепости для спасения населения. Письменные источники сообщают, что береговая охрана всегда была начеку, и при возникновении опасности посылалась вест об угрозе нападения с помощью костров, разжигаемых на высоких точках рельефа, откуда можно было увидеть огонь и дым с большого расстояния, и население знало, что пришло время укрыться на холме или в крепости.

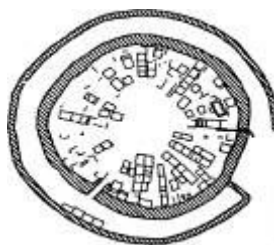
Однако многочисленные защитные сооружения, существовавшие в древние времена в Скандинавии, сегодня почти полностью сошли на нет, а из того, что от них осталось, лишь немного было обстоятельно изучено, так что об укрытиях в Скандинавии в эпоху викингов нам известно крайне мало. Но, несомненно, можно было использовать древние укрепления или перестраивать их, когда после мирного периода вновь возникала потребность в укрепленном убежище. А войска викингов в походах также использовали в чужих землях в качестве укрепленных крепостей уже имевшиеся там оборонительные сооружения.

Самым большим укрепленным убежищем, которое использовалось в Скандинавии времен викингов, является Торсбург, на восточной стороне острова Готланд, в глубине суши. Оно находится на скалистом плато и занимает площадь 112,5 га. Там, где не было естественной преграды, плато окружала каменная стена, протяженностью около двух километров. Постоянного населения в Торсбурге не было. С помощью естественно-научных методов датирования установлено, что Торсбург был возведен в период поздне римского железного века, то есть за много сотен лет до эпохи викингов. Незадолго до эпохи викингов это укрепление было перестроено и снова стало использоваться по назначению. Функция этого укрепленного участка не установлена, но ясно, что здесь было достаточно места для того, чтобы в нем могло укрыться все население Готланда со скотом и кормом для него. Это было определено посредством подсчета количества обитателей Готланда в тот период. Если двигаться достаточно быстро, то до него можно было добраться за один день с любой точки острова. А сторожевой пост мог своевременно сообщить о приближении неприятеля со стороны моря. С моря укрепление было почти недоступно, и здесь можно было выдержать примерно двухнедельную осаду, а при достаточном числе воинов в гарнизоне можно было также совершать тактические вылазки, нападая на неприятеля.

На Готланде имеется и другая большая крепость, Бульверкет, посреди самого большого

озера на острове, Тингстеде. Это четырехугольное деревянное сооружение на сваях, площадью 170 на 170 метров, с открытым пространством в центре. Оно относится к позднему периоду эпохи викингов. Нам неизвестно, построено ли оно жителями Готланда (хотя на это, казалось бы, указывают как местонахождение, так и конструкция сооружения) или людьми, прибывшими сюда из-за моря. Во всяком случае, это самое уникальное оборонительное сооружение, обнаруженное в Скандинавии до настоящего времени.

На другом острове, расположенном несколько южнее, продолговатом, узком и пологом острове Эланд в Балтийском море, также была раскопана крепость, функционировавшая в поздний период эпохи викингов. Так же, как Торсбург, Экеторп относится к поздне-римскому периоду железного века, то есть приблизительно к 300-400-м годам нашей эры. Около 400 года она была расширена и укреплена, а затем в течение трех столетий являлась постоянным поселением. После этого Экеторп, вероятно, использовался периодически, но был заброшен около 1000-го года, когда на этом месте возникло поселение. Древняя кольцевая стена позднее была восстановлена и защищена наружной стеной. Строительным материалом, как и прежде, послужил легко поддающийся обработке местный известняк, уложенный без связующего раствора...

Стены образовывали круг, причем внутренняя стена окружала площадь диаметром приблизительно в 80 метров. За исключением пространства посередине, крепость была тесно застроена продолговатыми, радиально расположенными домами, предназначенными для обитания людей и содержания скота. Эта третья и последняя фаза существования Экеторпа продлилась до 1200-х годов и, вероятно, здесь находился военный гарнизон. Во всяком случае, это не было только местом убежища. Причиной для возведения подобной крепости могла быть сложившаяся к тому времени ситуация в районе Балтийского моря, связанная с морскими грабежами и нападениями славянских племен, а также с нестабильностью и смутой в самой Дании, особенно после смерти Хардекнуда в 1042 году. Возможно, на Эланде были и другие крепости такого типа, поскольку природных мест для укрытия от неприятеля здесь было не так уж много, а находки показывают, что несколько большая крепость Гроборг, которая была перестроена в средние века, использовалась уже в эпоху викингов.

Поскольку во многих местах Скандинавии риск нападения с моря был велик, здесь часто строились особые сооружения, чтобы защитить местность от внезапной высадки неприятеля на берег. Уже говорилось о заграждениях из рядов свай перед гаванями Бирка и Хедебю. Подобные преграды обычно возводились в бухтах и фьордах. Они могли быть самыми разными, но главной задачей их всех было преградить доступ с моря к отдельному поселению или к целому району с помощью вбитых свай, камней или даже затопленных кораблей (как, например, пять широко известных кораблей, обнаруженных в Скульделеве). И лишь посвященные могли отыскать узкий проход через эти заграждения.

Морские заграждения сооружались во все времена. Имелись они и за пределами Скандинавии. Так, например, часто делались попытки преградить проникновение викингов по европейским рекам с помощью каких-либо преград. В Южной Скандинавии были исследованы некоторые заграждения, в том числе, построенные в эпоху викингов и относящиеся к 1000 – 1100-м годам, когда, как уже отмечалось, времена здесь были неспокойные. Часто сооружения достигали очень больших размеров. Для их строительства требовались значительные средства, а также ресурсы в виде строительных материалов и

рабочей силы. Адам Бременский сообщает, что такие сооружения не всегда были безопасными для местного населения. «В этом месте расположена бухта того моря, которое называют Балтийским или Варварским. Она обращена на север и образует гавань, полезную для варварских народов, живущих в районе этого моря. Но она крайне опасна для тех, кто не поостережется или кто незнаком с особенностями этого места. Жители Бирки часто подвергаются нападениям морских разбойников, которых тут несметно много, и когда они не могут защититься от них силой оружия, то им приходится прибегать к хитроумным выдумкам. Они преграждают вход в морскую бухту, куда часто наведываются разбойники, на расстоянии 100 или более стадий (один стадий равен около 200 м), а то и больше нагромождениями камней, скрытых под водой, и тем самым проход через бухту становится равно опасен, как для морских разбойников, так и для них самих».

Даневирке

Вал Даневирке ограждал южную границу Дании и являлся одним из самых больших оборонительных сооружений в Северной Европе того времени. Оборонительный комплекс состоит из длинных валов, относящихся к различным периодам времени, поскольку отдельные части их много раз ремонтировались или перестраивались, дабы приспособить их к потребностям обороны или уровню военной техники соответствующего периода. Время его функционирования, очевидно, от 600-х и вплоть до 1200-х годов, но он был вновь был перестроен в 1864 году, а затем в годы Второй мировой войны, когда Германия сооружала здесь танковые рвы.

Причинами создания этого оборонительного вала были условия рельефа, близость границы и конфликты с народами и государствами, находившимися южнее. Вал, все участки которого в сумме имеют длину около 30 километров, простирается от района Хедебю у долины Слиен-фьорда на востоке до рек Рейде и Треене на западе. Вал является эффективной преградой доступа в страну, поскольку дальше на востоке на пути появляются естественные препятствия в виде рек и широких, топких речных долин. Главный тракт Ютландии, идущий с севера на юг, так называемый Войсковый тракт или Воловий тракт, проходит через ворота в валу Даневирке близ Хедебю. Обширная территория площадью до 20 кв. километров от крепостного вала до пограничной реки Эйдер покрыта безлюдными лесными массивами. К югу отсюда жили саксы, к западу – фризы, а к востоку – славяне.

Археологические раскопки дали много свидетельств внешнего вида вала Даневирке, а с помощью Дендрохронологического анализа теперь можно точно датировать время строительства некоторых его участков. Письменные источники сообщают сведения о причинах возведения этого оборонительного комплекса, отражающих политическую ситуацию того времени. Три больших участка вала возводились один за другим и сохранялись в течение более или менее длительного времени. Однако сложная история вала Даневирке все еще находится в процессе изучения и постоянно пересматривается.

Даневирке, самый древний вал из всех известных нам, был возведен около 737 года. Об этом свидетельствуют срубленные и сразу использованные на его строительстве деревья. Оборонительный вал длиной около 7 километров, шириной в 10 метров и высотой в 2 метра был сооружен из земли и облицован бревнами по фронтальной части. Он включал Северный вал (имеющий лишь одну фазу строительства и идущий прямо на север от Хедебю), а также древнейшую часть Главного вала, который возводился в несколько этапов. Там, где вал проходил через участки с влажной почвой, возводился специальный фундамент для его укрепления, а через болотистую местность прокладывалась гать, дававшая проход вдоль оборонительной линии. Там же, где почва была твердой и сухой, выкапывался предвальный ров.

Ни один из имеющихся письменных источников ничего не говорит о военно-политической ситуации, обусловившей возведение этого грандиозного оборонительного сооружения, включавшего еще один ответвленный участок, Восточный

вал. Известно, однако, что приблизительно в это время данами правил надменный король по имени Онгендус, который решительно отверг предложение быть окрещенным прибывшим из Франции миссионером по имени Виллиброрд (умер в 739 году). Поскольку наличие пограничного вала подобных размеров предполагает существование верховной власти, то строительство могло осуществляться под руководством Онгендуса, и вал Даневирке мог быть сооружен для того, чтобы обороняться против саксов или славян. Вместе с тем, не исключено, что вал был возведен из-за политической напряженности, приведшей к военному походу против саксов в 738 году, предпринятому могущественным повелителем франков Карлом Мартеллом.

После того, как император Карл Великий завоевал Саксонию, франки и даны стали соседями, и это обстоятельство привело в начале 800-х годов к усилению конфронтации в пограничном районе. Одновременно даны стали отправляться в викингские походы в прибрежные земли франков и вымогать у них дань. Франкские анналы, в частности, сообщают о разных союзах между славянскими племенами, франками и данами; о надменном короле данов Годфреде и о его большой морской флотилии, которая высадилась у Хедебю; о пограничном оборонительном вале, который этот король решил построить от Балтийского до Северного моря и о том, что этот вал должен был иметь только одни ворота. Вскоре после этого, по повелению Карла Великого, к северу от Элбена была построена крепость, а славянское племя ободритов возвело крепость в Старом Любеке. Что касается пограничных стычек, с заключением разных союзов, то они продолжались еще несколько лет.

Таким образом, вал короля Годфреда явился звеном в сложном переплетении политических противоречий, но пока что нам неизвестно, о каком участке вала Даневирке идет речь. Ни один из участков вала или этапов его строительства, относящихся к этому времени, на сегодняшний день еще не датирован. Возможно, строительство на самом деле было всего лишь восстановлением прежнего вала, существовавшего с 737 года. Не исключено, что речь идет о так называемой «стене боевых камней». А возможно, имеется в виду длинный, прямой, как стрела, вал Ковирке, длиной в 6,5 километров, который является лишь этапом в строительстве и возраст которого не установлен. Возведен он был из земли, с обкладкой из бревен по фронтальной части, и с рвом перед ним. Ковирке проходил южнее Хедебю. Средняя часть вала Даневирке имела длину в 14 километров и пролегла в форме гигантского зигзага через всю проезжую территорию. Она вмещала более древнюю часть Главного вала и посредством связующего вала в Хедебю, вероятно, соединялась с более древним Полукруглым валом, и его предшественником на юге всего комплекса валов. К западу на значительное расстояние простирался Изогнутый вал. Все это обширное сооружение из валов было 12-13 метров шириной, а высота его достигала 3 метров. Сооружение было из земли, с крутым фронтоном, облицованным дерном, и, возможно, увенчивалось бревенчатым полисадом.

Возведение самого начального этапа Связующего вала Дендрохронологическим анализом датируется примерно 968 годом. Именно в это время, то есть в период царствования Харальда Синезубого, была, вероятно, возведена преобладающая часть этого ответвления вала.

Письменные источники свидетельствуют о распрях данов с королевством германцев как раз в это время и, видимо, здесь кроется причина возведения столь грандиозного пограничного оборонительного вала. Однако открытое столкновение произошло лишь в 974 году, и, несмотря на то, что Харальд Синезубый, будучи одновременно королем Норвегии, получил в помощь войско Ярла Хокона из Треннелага, вал Даневирке не устоял. На пограничной территории утвердилось войско германцев, но затем эта земля была вновь отвоевана у них в 983 году, несомненно, при участии воинов из недавно возведенной королем круглой крепости.

Затем вал Даневирке был восстановлен, а со времен короля Вальдемара Великого (годы правления 1157-1182) у вала появилась фронтальная часть, выложенная камнем. Несколько

раз здесь разыгрывались сражения (в 1000-е годы угроза исходила главным образом от славянских племен), и несколько раз пограничный вал оказывался в руках неприятеля. Тем не менее в течение более половины тысячелетия вал являлся реальной границей и часто весьма эффективной защитой южной политической и культурной границы Дании, а значит, и всей Скандинавии.

Королевские крепости

Источники свидетельствуют, что в эпоху викингов в Скандинавии короткий отрезок времени существовали лишь королевские крепости, и все они были датскими. На сегодняшний день нам известно несколько таких крепостей, возведенных в датском королевстве. Это Треллеборг на Зеландии, Фюркат в Северо-Восточной Ютландии, Аггерсборг в Северной Ютландии близ Лим-фьорда и Ноннебаккен в Оденсе, на острове Фюн (следы этой последней крепости почти полностью уничтожены при постройке здесь средневекового монастыря во время позднейших поселений, а также из-за обширных археологических раскопок, которые велись здесь на рубеже веков). Эти крепости были построены незадолго до 980 года, и все они в плане имеют одинаковые, строго геометрические очертания (время возведения крепостей Треллеборг и Фюркат точно определено методом дендрохронологии). Существовали ли другие крепости, нам неизвестно, во всяком случае, в письменных источниках упоминаний о них нет. Их поразительная схожесть, равно, как и их своеобразная форма, говорят о том, что они были построены по повелению одной и той же личности, и этим человеком мог быть лишь тот, кто олицетворял собою центральную власть, то есть король. А королем Дании в этот период был Харальд Синезубый.

Самые важные общие особенности этих крепостей таковы: все они окружены кольцевым валом, возведенным из земли и дерна, с бревенчатыми внутренними конструкциями и деревянной обкладкой и наклонными фронтальными частями. На четыре стороны света выходили крытые ворота, возможно, увенчанные башнями. Внутри крепости эти ворота соединялись по двое деревянными настилами – улицами. Такие же проходы шли вдоль внутренней стены вала. Ров, имевший V-образное сечение, был таким же круглым, как и вал, но отделен от него узкой полосой земли. В каждом секторе крепости стояли большие, одинаковые бревенчатые строения продолговатой прямоугольной формы. Однако крепости эти не были идентичными. Особенно поражают различия в их размерах (приводятся в метрах), что наглядно видно из таблицы:

Крепость - Аггерсборг

Диаметр территории – 240

Ширина вала – 11

Ширина рва – 4

Длина домов – 32,0

Крепость – Треллеборг

Диаметр территории – 136

Ширина вала – 19

Ширина рва – 18

Длина домов – 29,4

Крепость – Фюркат

Диаметр территории – 120

Ширина вала – 13

Ширина рва – 7

Длина домов – 28,5

Крепость – Ноннебаккен

Диаметр территории – 120

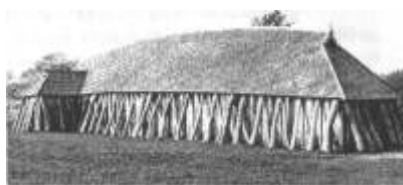
Ширина вала – 17?

Ширина рва – 7?

Длина домов – ?

В крепостях Треллеборг и Фюркат сразу же за круглым валом обнаружены захоронения. А в Треллеборге и Аггерсборге на этом месте были деревни, снесенные ради строительства крепостей. Причем при возведении первой из них это было проделано с особой жестокостью, поскольку при раскопках здесь были найдены заброшенные колодцы, в которых находились трупы детей. Примечательно и другое. Возведение крепостей Треллеборг и Фюркат потребовало обширных подготовительных земляных работ, дабы расширить узкое пространство мысов. Но, несмотря на то, что на строительство крепостей потребовались огромные средства, много рабочей силы, строительных материалов и усилия инженерной мысли, они через несколько лет оказались заброшенными. Хотя и бревенчатые дома, и обшитые деревом валы в скором времени должны были нуждаться в обновлении, никаких следов восстановительных работ обнаружено не было. А вал крепости Фюркат разрушился еще быстрее, поскольку он представлял собой просто земляную насыпь. Впервые крепости этого типа, которые можно назвать «геометрическими» или просто круглыми, стали известны благодаря раскопкам, производившимся в тридцатые годы нашего столетия и позднее.

Вопросы о том, что послужило образцом для подобных крепостей, их возраст и функции и то, как первоначально выглядели большие дома внутри крепостей, на сегодняшний день являются предметом дискуссий. Единственными признаками этих домов в настоящее время являются темные отпечатки столбов и досок, которые когда-то находились в земле, а также немногие места очагов. Сама древесина почти не сохранилась. Поэтому, для того чтобы представить себе, как выглядели эти большие дома, за основу берется, прежде всего, их планировка, а также изучение фрагментов столбов и досок в дополнение к тем сведениям, которые имеются у нас относительно общих традиций строительства домов в ту эпоху. Наиболее полное представление дает нам реконструкция в полную величину дома, находившегося сразу же за крепостью Фюркат. Дом подобного типа соответствует жилищам эпохи викингов или последующего периода. Такие дома имелись в больших усадьбах, например, в деревне Ворбассе. Но в крепости они представляли собой целую группу строений, и не всегда это были жилые дома. Это могли быть кузни или мастерские, где мастера работали с серебром или железом. А возможно, это были конюшни, амбары или складские помещения. Можно представить себе, что некоторые из них были украшены богатой резьбой и выкрашены в яркие цвета.

Подобные крепости не были найдены нигде в других регионах, хотя поиски их велись как в Европе, так и на Востоке. Вместе с тем, ряд крепостей «геометрической» формы имеется на побережье Голландии и Бельгии, и у них выявлены сходные черты. Крепость Соубург на острове Вальхерен в устье Шельды имеет и строго кольцевой вал с воротами на четыре стороны света, и настилы, соединяющие противоположные ворота. Однако крепость Соубург, относящаяся, вероятно, к 800-м годам, имеет ряд элементов, отличающих ее от датских крепостей, например, дома здесь иного типа. Почти круглая крепость в городе Треллеборг в Сконе также имеет свои отличительные особенности, и точный возраст ее

неизвестен. Даже если эти крепости были возведены по какому-либо общему образцу, то в Дании, во всяком случае, речь может идти лишь об очень вольном подражании, поскольку здесь и строительные материалы, и типы домов чисто скандинавские. Некоторые элементы, такие, как, например, «геометрическая» форма крепостей и продолговатые прямоугольные строения внутри них могли быть навеяны каролинской или оттоманской монументальной архитектурой. Датские крепости тоже относятся к монументальной архитектуре. Они, скорее всего, выполняли политические функции. Подобные центры имелись во многих местах Европы И Востока. Эти идеи были не чужды и викингам.

Тот факт, что возведение крепостей относятся примерно к 980 году, а также очень короткий период их функционирования, вызвали к жизни гипотезу о том, что они выполняли роль казарм и тренировочных лагерей для викингов, которые во времена правления Свена Вилобородого и Кнуда Великого совершали грабительские набеги на Англию, а затем и завоевали ее. Однако эти события произошли несколько позднее. С другой стороны, нет сомнений в том, что крепости эти не были чисто военными укреплениями, хотя воины в них могли быть. Здесь обитали и женщины, и дети, и ремесленники. Притом их местоположение прежде всего было приспособлено к тому, чтобы государство могло осуществлять над ними контроль. Ни одна из этих крепостей не находилась вблизи морского побережья, а стояла у важных дорожных перекрестков. Крепость Аггерсборг, несомненно, была обращена в сторону Норвегии. Она находилась неподалеку от не существующего ныне тракта, который шел от Лим-фьорда и на север к проливу Скагеррак.

Если рассмотреть политическую и экономическую ситуацию в Дании около 980 года, то можно предположить, что в это время в стране возникло много проблем. В частности, после того, как приблизительно в 970 году прекратился поток арабского серебра в Скандинавию с Востока, ощущалась острая нехватка серебра,] Сюда можно добавить и поражение, которое германский император нанес данам в 974 году у оборонительного вала Даневирке, и утрату власти над Норвегией, вследствие чего эта страна прекратила выплату дани. За годы своего царствования Харальд Синезубый сумел возвести необычайно много грандиозных сооружений. Их возведение наверняка сопровождалось строительной повинностью, налагаемой на население страны, и, как сообщают некоторые источники, это послужило поводом для недовольства и волнений.

В связи с этим становится ясно, что король Харальд в этот период, то есть в 980-е годы, нуждался в консолидации власти, стремился отвоевать утерянные земли и восстановить свой пошатнувшийся авторитет. Вполне уместно предположить, что все эти крепости в первую очередь выполняли функцию устрашения. Это были региональные центры королевской власти, призванные держать в узде население, и отсюда можно было постоянно осуществлять властные функции короля и его двора. Потенциал крепостей можно было быстро задействовать в тех случаях, когда стране угрожало нападение или когда король сам готовил нападение на чужие земли. Здесь можно было накапливать богатство и золото для короля посредством грабежей и даней за пределами страны. Более древние крепости находились, как уже сказано, в Хедебю, Риббе и Орхусе, а своеобразная круглая форма крепостей могла быть обусловлена соображениями престижа.

Можно полагать, что на самую большую крепость Аггерсборг возлагались особые функции. Отсюда была легко достижима Норвегия, средоточие жизненно важных интересов короля Харальда. Далее, из Аггерсборга можно было контролировать поступление пошлин как на тракте, пересекавшем Ютландию с севера на юг и представлявшем, собою важный перевалочный пункт, так и на морском пути через Лим-фьорд, который, вероятно, являлся самым надежным маршрутом для кораблей, курсировавших между Западной Европой и Балтикой.

Большой мост через Равнинг Энге, который также был возведен около 980 года, являлся, вероятно, звеном общего плана, и, как уже упоминалось, в 983 году утраченные Данией земли были вновь отвоеваны. Но, тем не менее, около 986 года все же вспыхнуло восстание против Харальда Синезубого. Он был изгнан в конце 987 года. Вполне вероятно,

что после того, как власть в стране захватил его мятежный сын Свен Вилобородый, построенные в годы правления Харальда Синезубого круглые крепости были заброшены именно потому, что они являлись олицетворением ошибочной политики этого короля. Вскоре крепости превратились в руины, были покинуты, забыты, и их существование стало лишь одним из эпизодов в истории эпохи викингов.

Оружие и сражения

В предыдущих разделах уже упоминалось о том, что у королей и хевдингов имелись личные дружины «лид», существовала воинская повинность в тех регионах, которые признавали верховную власть короля, и имелось войско для походов, подчинявшееся королю. К этому следует добавить всеобщую воинскую повинность для всех мужчин, владевших оружием, которые должны были быть готовы мгновенно встать на защиту родной земли, после того, как по округе рассылся особый знак или давался особый сигнал. Обо всех этих разнообразных формах военной организации известно не так уж много, однако можно предполагать, что постоянное войско короля едва ли могло использоваться для нападения на чужие земли. Викинские войска, которые систематически отправлялись в походы для завоевания других стран, создавались, вероятно, на добровольной основе, равно, как и боевые дружины «лид». Вдобавок к этому существовали более или менее многочисленные боевые отряды, которые время от времени занимались пиратством, как внутри страны, так и за ее пределами.

Во время археологических раскопок обнаруживается огромное количество воинского снаряжения и оружия, поскольку во многих местах в периоды язычества у викингов существовал обычай хоронить воинов при полном военном снаряжении и с оружием. На дне болот и озер также обнаруживается много оружия, возможно, это следы жертвоприношений. Сведения о военных действиях и военной технике эпохи викингов мы находим также в целом ряде письменных источников. Некоторые описания встречаются в иноземных источниках. В этой связи следует упомянуть о стихотворении священника Аббо, посвященном нападению викингов на Париж в 885-886-х годах, о различных западноевропейских анналах, об «Англосаксонской хронике» и об англосаксонских героических стихах, посвященных битве при Малдоне между англосаксами и викингами в 991 году.

Свободные люди обладали правом и даже обязаны были иметь при себе оружие, а оружие викингов состояло из мечей, боевых топоров, дротиков и копий ближнего боя (колющих копий), луков и стрел. Использовались также пращи для метания камней. Для собственной защиты викингам служили щиты, шлемы и различные доспехи, в частности, кольчуги. При осаде часто использовались камнеметы. Иногда в сторону неприятеля направлялись горящие суда. Во многих источниках при описании военных действий викингов говорилось, что они умели возводить крепостные сооружения в полевых условиях. При войске, осаждавшем Париж в 885 году, имелось несколько мастеров, которые смонтировали большие осадные машины. Возможно, речь идет о таранах.

Самым престижным и дорогим оружием воинов были мечи. Имелись одноручные боевые мечи с широкими, массивными клинками длиной до 75-80 сантиметров и рукоятью, предназначенной для крепкой руки. Обычно длина всего меча достигала 90 сантиметров. К более раннему периоду эпохи викингов относятся мечи с одним лезвием и углублением посередине клинка, призванным уменьшать его тяжесть и увеличивать гибкость. Легкость, гибкость, длина мечей, а также прочность и острота лезвия достигались искусной техникойковки и особой обработкой клинка, на который часто наносился какой-нибудь узор. Этот узор выполнял декоративную функцию. Материалы, из которых был изготовлен меч, его декоративная отделка, призваны были подчеркнуть высокое качество этого оружия и статус его владельца. В ходу были самые разные мечи, начиная от простых, с рукояткой из оленьего рога и кончая мечами с рукоятками из золота и серебра.

Как правило, рукоятки изготавливались в Скандинавии, но, как уже упоминалось, многие мечи с прекрасными клинками, снабженными надписями, были изготовлены во Франции. Изучение техникиковки, а также инструментов дляковки и кузнечных мастерских показало, что в Скандинавии изготавливалось высококачественное оружие и выполнялась художественнаяковка. Мечи носили в ножнах из дерева и кожи, с отделкой из шерсти или какой-либо ткани. Они висели у левого бедра на ремне, перекинутом через правое плечо. Ножны также могли быть богато изукрашены, как и находившиеся в них мечи, к тому же меч являлся символом статуса его владельца. Богатые мечи получали в дар от предводителя или они переходили в наследство из поколения в поколение. Достоинства и внешний вид меча воспевались в хвалебных песнях, посвященных сильному мира сего, а некоторые мечи имели имена, например, такие, как «Сокрушитель брони» или «Золотая рукоять». Имена давались в тех случаях, когда мечи отличались особо редкими достоинствами, привлекали внимание своим внешним видом, принадлежали какой-либо выдающейся личности или использовались в знаменитых сражениях.

Представление о том, что боевые топоры были главным оружием викингов, укоренилось в сознании многих. Это эффективное оружие для рубки в битве, действительно, использовалось очень часто. Вместе с тем, находки в захоронениях, а также данные норвежских законодательных актов говорят о том, что боевые топоры, во всяком случае, в более поздний период эпохи викингов являлись просто более дешевой альтернативой мечам и колющим копьям, а представители высших социальных слоев обычно предпочитали именно это последнее оружие. С другой стороны, в богатых погребениях довольно часто обнаруживались отделанные серебром боевые топоры, и, судя по этому, они, вероятно, так же, как и мечи, выполняли двойную функцию – являлись боевым оружием и одновременно символом социального статуса их владельца. Топорища могли иметь различную форму, и часто бывает довольно трудно отличить боевой топор от обыкновенного. Впрочем, не исключено, что один и тот же топор использовался для самых разных целей.

Колющие копья могут иметь наконечники длиной до полуметра, и некоторые из них снабжены декоративным узором, а втулки часто бывают инкрустированы серебром. Дротики обычно не имеют никаких украшений, но иногда декор встречается на наконечниках, а некоторые из них могли использоваться и как метательные, и как колющие. Разумеется, не исключено, что копья применялись также во время охоты, которая являлась излюбленным занятием знати. Для этой же цели могли употребляться луки и стрелы. От тех времен в первозданном виде сохранился единственный лук длиной в 192 сантиметра, сделанный из тисовой древесины. Он был найден в Хедебю. Наконечники стрел были из железа, а древко из дерева с резьбой и рулевым пером. Особенно хороша связка стрел, найденная в могиле знатного человека в Хедебю. Она была обнаружена в камерном погребении в ладье. Здесь же находился превосходный меч. А наконечники стрел были инкрустированы бронзой.

В войске викингов особенно выделялись даже на расстоянии большие круглые щиты, часто ярко раскрашенные. В Гокстадском погребении были найдены желтые и черные щиты. В литературе того времени описываются красные щиты, а в самом древнем из дошедших до

нас скальдических стихотворений «Рагнарсдрапа» описывается щит, разрисованный сценами из популярных историй о богах и королях. Щит мог защитить тело воина от подбородка до колен, а сохранившиеся полностью щиты в Гокстадском корабле-погребении достигают одного метра в поперечнике. Щиты изготавливались из дерева, края их укреплялись разными способами, а в центре их наружной части имелся умбон – срединная железная бляха полусферической или конической формы, защищавшая руку воина от пробивающих щит ударов.

Во время сражений на воинах обычно были доспехи, укрывавшие голову и тело, но подобного рода предметов сохранилось совсем немного, поскольку их лишь в редких случаях клали в могилу к погибшим. Вместе с тем, на всех изображениях викингов мы видим шлемы. Это остроконечные, конической формы головные уборы, иногда с носовой накладкой. Шлемы такого типа были широко распространены в раннем Средневековье, их, в частности, можно видеть на ковре из Байе, который относится к 1070-м годам. Шлемы были в ходу как у норманнов, так и у англосаксов. Но среди немногих сохранившихся фрагментов шлемов встречаются лишь куполообразные, а не островерхие, и они более сродни шлемам древних времен. Единственный более или менее полностью сохранившийся шлем был обнаружен в богатой могиле в Йермундбю, в Южной Норвегии. Круглый железный головной убор был скреплен железными полосами вдоль и поперек, спереди снабжен защитным приспособлением наподобие очков, а также носовой накладкой. Сзади, вероятно, имелось приспособление для защиты затылка и шеи.

В той же могиле были найдены фрагменты кольчуги. Из всех остатков кольчуг, что нам известны, эти фрагменты относятся к числу наиболее хорошо сохранившихся. Тем не менее, получить представление о том, как такие кольчуги выглядели, мы по ним не можем. Скорее всего, это была рубаха до колен, с длинными рукавами, наподобие тех, которые были распространены в более древние и более поздние времена. Небольшие фрагменты кольчуг были найдены во многих других местах, а сведения почерпнутые из древнескандинавской поэзии, позволяют сделать вывод, что, во всяком случае, наиболее богатые воины являлись обладателями такого воинского доспеха. Кроме того, в Бирке были найдены фрагменты защитной брони несколько иного типа. Он представляет собою сочлененные железные пластины и не случайно, видимо, был обнаружен в Бирке, имевшей связи с Русью и Востоком, где был распространен подобный тип воинского снаряжения.

Из многих кратких или более пространных описаний викингов явствует, что они в битвах сражались, в противоположность франкам, пешими. В период военных действий кони являлись у них в основном тягловой силой. Во время походов по суше коней использовали для перевозки воинов к месту сражения и обратно, а также для отслеживания передвижений неприятеля. Впрочем, это не исключало того, что иногда викинги участвовали в битвах верхом на лошадях. Транспортным средством служили также военные суда, необходимые для сбора войска в определенном месте или во время сражений викингов на чужой территории. Таким способом, например, король Годфред в 804 году собрал близ Хедебю большую силу, чтобы выступить против Карла Великого.

Довольно часто сражения происходили также и на море. Одной из самых знаменитых морских схваток была битва при Сволде, около 1000-го года, когда погиб король Олав Трюггвессон. Обычно во время морских битв (и пиратских набегов) сражение начиналось с того, что неприятеля сперва забрасывали камнями и копьями, а также тучами стрел, после чего к его кораблю приближались вплотную и, взяв его на abordаж, продолжали бой с помощью мечей, копий и боевых топоров.

Перед сражением предводители войска обычно произносили пламенные речи, обращенные к воинам и одновременно имевшие целью утешить неприятеля. Подобные речи произносились и в перерывах между сражениями. Трубы давали сигнал к бою. В противника летел град камней, стрел и копий, после чего вступали в ближний бой, сражаясь мечами, копьями и боевыми топорами. Во главе войска обычно бился король, окруженный самыми испытанными своими воинами, и их главной задачей было охранять его. Тут же,

около короля или предводителя войска находился знаменосец, также особо доверенный человек, следивший за тем, чтобы знамя не упало наземь. В гуще битвы знамя должно было показывать, где в данный момент находится предводитель войска. Знамя стерегли так же самоотверженно, как короля. И все же знамя с изображением ворона (знак бога войны Одина) было захвачено у викингов в Англии в 878 году. А в битве при Диле (на территории нынешней Бельгии) в 891 году у викингов было захвачено 16 королевских боевых штандартов, которые затем были отосланы в Баварию, как свидетельство победы.

Викинги умело использовали преимущества рельефа местности. Например, готовясь к сражению против франков, рыли рвы или занимали позиции, недоступные для конных воинов. На полях сражений также возводились оборонительные укрепления. Западноевропейские источники сообщают, что викинги в качестве военных баз использовали острова, крепости, укрепленные города и каменные церкви. Долгие осады бывали нечасто, но если таковые имели место, то викинги использовали осадные машины, производили подкопы и тому подобное. Часто во время нападений и обороны викинги прибегали к военным хитростям. Мобильность и изобретательность викингов поражали их западноевропейских противников.

Анналы Фульды (Германия) упоминают о том, что викинги обычно, желая предложить неприятелю мир, высоко поднимали щиты. Однажды, когда викинги были осаждены в крепости Элстоо (у реки Маас, близ теперешней границы между Голландией и Бельгией), они использовали этот обычай в качестве военной хитрости. Множество самых разных источников содержат сведения о том, что официальное заключение мира между двумя странами часто сопровождалось клятвой на оружии и взаимным обменом заложниками и дарами. Другие источники рассказывают, что викинги имели обыкновение клясться на священном кольце, а когда войско викингов одерживало победу в чужих землях, они при заключении мира требовали выплаты дани и обеспечения войска провиантом.

Среди сохранившихся находок эпохи викингов оружие составляет немалую часть. Во всех хвалебных песнях и в надписях на многих рунических камнях содержатся упоминания о сражениях и битвах. В них прославляются мужество, сила и радость владения оружием, упоение битвой, верность товарищам по оружию и верность своему господину до смертного часа.

*«Я разъезжал с окровавленным клинком и звенящим копьем, ворон сопровождал меня
Викинги азартно наступали, лихо сражались мы. Многие жилища были в огне, повсюду
валялись окровавленные тела»* (строфа из стихотворения Эгиля Скаллагримссона, около 925 года).

«Сакс воздвиг этот камень в память о своем товарище Эсбене, сыне Токе. Он не бежал с поля боя в битве при Упсале, но сражался, пока рука его могла держать оружие» (надпись на руническом камне в Шерупе, Сконе, около 1000-го года).

Однако подобные идеалы были присущи не только скандинавам. Таковы были общие идеалы того времени. Мы находим их выражение и в англосаксонской героической поэзии, воспевающей битву при Малдоне, где Биртнот нашел смерть вместе со своими людьми. Хотя следует отметить, что как в Скандинавии, так и в других регионах, разумеется, существовали люди, настроенные более миролюбиво.

Старая и новая религия

На протяжении большей части эпохи викингов скандинавы отличались от народностей более южных регионов Европы тем, что у них была иная, нехристианская религия. Христиане называли их уничижительным словом «язычники» («паганос»). Так называли всех иноверцев. За исключением мусульман в Испании и в других регионах Средиземноморья, вся Западная и Южная Европа исповедывали христианство. Лишь среди народностей Северной и Восточной Европы можно было найти тех, кто исповедовал иную

религию. Речь, в частности, идет о славянских, финских и саамских племенах.

Христианство – религия, характеризующаяся миссионерством, и ближайшие соседи скандинавов с южной стороны были окрещены, приблизительно, в начале эпохи викингов. Это произошло с фризями на протяжении 700-х годов. В том же столетии были окрещены и саксы. Оба региона входили в королевство франков. В Саксонии император Карл Великий вводил христианство принудительно, причем, с необыкновенной жестокостью. Затем в последующие годы миссионеры устремились на север и восток, во всех случаях, когда позволяла политическая ситуация, и около 965 года Дания официально приняла христианство. Вслед за этим христианство приняла Норвегия. Это произошло в начале 1000-х годов. А Швеция была обращена в христианскую веру постепенно, в том же столетии.

В этих странах введение христианства явилось звеном в процессе укрепления королевской власти, подобно тому, как это имело место в Польше, в Киевской Руси и в Венгрии; эти страны приняли христианство соответственно в 966, 988 и в 1000-м годах. Незадолго до 1000-го года приняли христианство жители викингских колоний в Атлантике. Христианство стало с необычайной быстротой распространяться по всей Европе. Введение христианства в Скандинавии шло в русле этого процесса, и миссионерская деятельность христиан продолжалась в последующие столетия в регионе Балтики и в Северной Руси. Саамы на севере Скандинавии тоже были обращены в христианскую веру. Их крещение происходило по инициативе скандинавов, которые делали это часто с мечом в руке.

Вместе с тем миссионерская деятельность отнюдь не была координированной, а христианство не было единым, Прежде всего, существовали две христианские организации – римско-католическая, во главе с Папой Римским, и греко-католическая, во главе с патриархом в Византии. Обе эти организации претендовали на то, что именно их религия является истинно христианской. Благодаря тесным связям с Восточной Европой и с Византией, шведы имели возможность познакомиться с греко-католической верой, но в целом в Скандинавии победу одержала римско-католическая церковь. Существовало соперничество между представителями двух религий. Миссионеры обычно посылались из архиепископских резиденций. Престиж, влияние и доходы церкви росли вместе с возникновением новых христианских регионов. Это вызывало противостояние между епископатами. Споры шли о разделе влияния, о тех или иных регионах миссионерской деятельности. И поскольку церковные организации в отдельных странах имели тесную связь с местной королевской властью, то часто миссионерская деятельность и церковная политика были неотъемлемы от политики местной власти. В то же время введение христианства повсюду ознаменовало собой рубеж в развитии культуры. Христианство приносило в жизнь не только новые ритуалы и новые верования, но и приводило к изменению норм морали и к постепенному крушению укоренившихся традиций прежней культуры. Христианство означало европеизацию многих, наиболее существенных сторон жизни.

Старые верования

Почти все сведения о дохристианской религии в Скандинавии содержатся в христианских письменных источниках, а наиболее полные из них появились лишь через много столетий после введения христианства. Самым важным источником являются стихи о богах в Старшей Эдде, созданной в 1200-х годах, а также книга Снорри Стурлусона об искусстве стихосложения, относящаяся приблизительно к 1220-м годам. Здесь собрана вся скандинавская мифология, какой она могла быть записана через 200 лет после введения христианства. Правда, некоторые разрозненные сведения, относящиеся к дохристианскому периоду, содержатся в описаниях арабских путешественников, в рассказах западноевропейских христиан, в хвалебных песнях скальдов, а также в надписях на рунических камнях. Но у нас нет данных о том, что христианские миссионеры обнаруживали какой-либо интерес к древним скандинавским верованиям. Помимо этого, данные о языческих традициях и обычаях можно почерпнуть из древних законодательных актов и

содержащихся там запретов. Тщательное изучение истории 1100-1200-х годов тоже может нам многое дать. С помощью археологии мы можем узнать об обрядах захоронения, о языческих памятниках, о символах богов и жертвоприношениях. Но археология не дает представления о языческих храмах. Представление о церемониях и ритуалах времен язычества дают рисунки и изображения, которые, однако, лишь в редких случаях поддаются точному истолкованию, хотя и подтверждают некоторые истории о богах. Географические названия могут рассказать нам о популярности тех или иных богов в разных местах Скандинавии. Таким образом, картина дохристианских верований и форма их выражения в значительной мере складывается из сведений, почерпнутых из разных источников и сообщаемых людьми совершенно иной религиозной ориентации. Вероятно, именно этим объясняется тот факт, что получаемые нами знания являются несколько противоречивыми, расплывчатыми и примитивными. Представления о дохристианских верованиях менялись с годами и, несомненно, испытывали на себе влияние христианства. Некоторые боги являлись объектом особого поклонения в той или иной социальной среде или в той или иной области обширного скандинавского региона. В частности, в Восточной Швеции могли ощущаться влияния Восточной Европы, как в области религии, так и в области культуры. В отличие от христианства, дохристианская религия была терпима, допуская существование многих богов, и не препятствовала появлению новых. Так, в «Житии Ангария» сообщается, что в Бирке древнему королю Эрику начали поклоняться как богу. В основных своих чертах это была общескандинавская религия.

Боги были главными среди множества сверхъестественных существ, и каждый из них играл свою более или менее четко очерченную роль и был ответственен за какую-нибудь одну, важную сторону человеческого бытия. Их представляли в человеческом облике, и в целом они вели себя, как люди. Жили они в строго организованном обществе и во многом напоминали богатых бондов того времени. Боги разделялись на две семьи: асов и ванов.

Асы были наиболее многочисленной из двух семей. Верховным божеством у них был Один, всеведущий бог воинов, бог мудрости, поэзии и битвы. Вместе с тем, не в пример другим богам, он был необуздан и непредсказуем и обладал многими необычайными способностями, которые позволяли ему совершать мистические и сверхъестественные действия. Они привели Одина к связи со смертью. Один был одноглазым, свой глаз он отдал за возможность испить из источника мудрости. Оружием его было копье, и он ездил верхом на восьминогом коне Слейпнире. У него были два ворона, Хугин и Мунин. Они каждый день летали по всему свету и собирали сведения обо всем, что происходило. Обитал Один в Валгалле, «чертоге мертвых». Сюда валькирии – девы, определяющие судьбу воинов на поле битвы, но которые не были богинями, – приводили к нему воинов с поля боя. Здесь воины проводили время в играх и празднествах в ожидании следующей битвы с силами зла. Так, вероятно, могла проходить жизнь на земле в среде знатного воинства, с той лишь разницей, что в Валгалле не было настоящих женщин. В конце концов Один и его воины проиграли битву. Один был проглочен волком Фенриром. Наступил Рагнарок, конец света. Но затем возник новый мир.

Поклонялись Одину, в первую очередь, короли, воины-хевдинги и их люди. Он мог выполнить все, о чем они просили. Географические названия говорят о том, что в Дании и в Геталанде официально существовал культ Одина. В Норвегии и Исландии он, по-видимому, не пользовался особой популярностью, а вот на одном из готландских (Швеция) рисованных камней изображен восьминогий конь с всадником на спине. По всей вероятности, здесь мы имеем дело с изображением коня Слейпнира с его седоком богом Одinom. В своем сочинении, относящемся приблизительно к 1075 году, Адам Бременский пишет, что одна из трех больших статуй в Упсальском языческом храме «изображает Одина, то есть ярость. Он предводительствует среди воинов и дает людям силу и мужество в борьбе с врагами». Именно из-за многочисленных сверхъестественных способностей Одина и его величия имя его никогда не давалось простым смертным и о нем никогда не упоминалось в надписях на рунических камнях. Однако приблизительно в 700-е годы имя его было вырезано рунами на

обломке человеческого черепа, найденного в Риббе.

Согласно утверждению Адама Бременского, самым могущественным из богов, находившихся в языческом храме Упсалы, был Тор. Он писал: «Говорят, что Тор повелевает в небе и властен над молнией и громом, бурей и дождем, погодой и урожаем. В тех случаях, когда людям грозят мор и голод, они приносят жертву Тору». Тор являлся сыном Одина, но характер у него был совершенно иной. На него можно было положиться во всем и он ко всему относился с пониманием. Он обладал большой физической силой и, как свидетельствуют западноевропейские литературные источники, боролся со злом, олицетворением которого были великаны, а также Мидгордский Змей. Широко распространенная история, известная также по рисункам на камнях из Упланда, Готланда (Дания), и Северо-Западной Англии, рассказывает о том что однажды во время рыбной ловли Тор поймал Змея на крючок, но тот освободился, потому что великан Химер перерезал лесу. Тор ездил в повозке, запряженной козлами, а оружием его был молот Мьеллнир. В обширном мире викингов ему поклонялись многие. Распространенным божественным символом был молот Тора. Украшение в виде миниатюрного молота Тора обычно носили на шее. Это единственный дохристианский символ, который всегда поддается точной идентификации. После введения христианства маленький молот Тора, который носили как амулет, был заменен крестом. Тор упоминается также в целом ряде надписей на рунических камнях. В его честь скальды слагали хвалебные песни, его имя входит как составная часть в некоторые географические названия. Им же нередко нарекаются люди при рождении. В ходу оно и по сей день.

Были и другие боги из семейства асов. Среди них-добрый сын Одина Бальдр. Существовал также страж богов ас Хеймдалль. Третьей статуей в Упсальском языческом храме была статуя бога Фрейра из семейства ванов. Адам Бременский сообщает, что он дарует людям мир и радость. Его статуя выделяется наличием огромного пениса. Во время свадебных празднеств Фрейру приносятся жертвы. Он являлся богом плодородия и воспринимался, в первую очередь, как бог свеев, а в песне об Инглингах, «Инглингаталь», его называют праотцом рода Инглингов. Это был королевский род, и отпрыски его были королями как в Упсале, так и в Вестфолле, Норвегия. Вместе с тенью судья по некоторым географическим названиям и скальдическим песням, ему поклонялись также и в остальных регионах Скандинавии. В ряде историй говорится о том, что в весеннюю пору происходили ритуальные праздники в честь него с поклонением культу плодородия. Адам Бременский рассказывает также, что благочестивый епископ Эгино сокрушил знаменитую статую Фрейра в Вестергетланде, вероятно, в Скаре. Но небольшая фигурка Фрейра из бронзы, относящаяся к более позднему периоду эпохи викингов, дошла до наших дней. Она была найдена в Седерманланде (Швеция). Повсюду в Скандинавии были найдены небольшие пластинки с изображением мужчины и женщины, слившихся в нежном объятии, что было, вероятно, связано с культом плодородия и с поклонением Фрейру и Фрейе.

Фрейя была сестрой Фрейра, его женским воплощением, и она также являлась культом всеобщего поклонения. Она была богиней любви и плодородия, предводительницей дисов – женских созданий, в ведении которых было плодородие в природе и среди людей. В основном дисы были предметом поклонения у свеев, но географические названия свидетельствуют о том, что дисам поклонялись также в Норвегии и целом ряде районов Швеции, и в их честь устраивались культовые празднества.

Помимо двух семейств богов были норны, богини судьбы, которым должны были подчиняться и люди, и боги, а также упоминавшиеся выше валькирии. Существовали также злые великаны, враги богов и людей. Они обитали во внешнем круге Земли, но их можно было встретить в наиболее пустынных местах, наряду с противоречивым, хитрым и коварным Локи, который был отцом змея Мидгорда и волка Фенриса. Локи разъезжал между богами и великанами, строил козни, натравливая их друг на друга, и не однажды обманывал и тех, и других. В пустынных местах обитали также карлики, мудрые и хитроумные, которые были к тому же искусными мастерами-умельцами. Далее существовали эльфы, жившие в глубинах земли, и духи, сопровождавшие человека или его семью. Они олицетворяли то, что мы бы теперь назвали наследственными чертами. С умершими следовало обращаться хорошо. У них была особая форма существования после смерти. Мир был полон существ, которые оказывали влияние на жизнь и судьбу человека, и потому с ними лучше было находиться в дружеских отношениях. Следовало вести себя правильно, воздавать почести богам и другим сверхъестественным существам, отдавая им то, что им принадлежит. Они пряли нить неизбежной судьбы человека.

Многие географические названия говорят о наличии дохристианских культов, однако нам не известно, как конкретно происходило поклонение богам и другим существам. Рассказы Адама Бременского об Упсальском языческом храме, о его священнослужителях и о статуях богов здесь, равно как и в других местах, относятся к 1075 году, времени, когда в Скандинавии уже утвердилась христианская религия. Нельзя исключить предположения, что как сам языческий храм, так и его священнослужители и статуи богов уже испытали на себе влияние поклонения христианскому Богу. Во всяком случае, в более древних источниках не было обнаружено ничего подобного.

В целом культ богов был децентрализованным и находился в ведении местных хевдингов и знатных бондов. В определенных случаях бонды из одной и той же местности собирались вместе, чтобы воздать почести богам во время жертвенных трапез. Обычно это совершалось в большом зале усадьбы местного предводителя бондов или при королевском дворе. Но культ богов существовал также и в отдельных домах.

Так, скальд-христианин Сигват в своем стихотворении «Аустфарервисур», относящемся приблизительно к 1020 году, рассказывает, как однажды вечером он нигде не мог найти пристанища для ночлега, поскольку во всех усадьбах совершались жертвоприношения (это происходило, скорее всего, в Вестергетланде). И какая-то женщина сказала ему, что приносятся жертвы эльфам. О жертвенных трапезах в Хедебю рассказывает арабский автор Ат-Тартучи. Посетив Скандинавию приблизительно во второй половине 900-х годов, он сообщает: «Они отмечают праздник, во время которого, собравшись вместе за пиршественным столом, воздают почести богам, пьют и едят. Убив жертвенное животное, хозяин усадьбы устанавливает у ворот своей усадьбы столб, на котором подвешивает принесенную жертву. Этот может быть кусок говядины или баран, козел или свинья. Теперь каждый прохожий знает, что здесь была принесена жертва, чтобы воздать почести богам».

Поклонение богам и другим сверхъестественным существам могло происходить также

под открытым небом, например, в рощах, в особо святых местах, на холмах и горах, у ручьев. Возможно, были специальные алтари, представлявшие собой кучи камней, находившиеся или на природе, или, позднее, в эпоху викингов, внутри жилищ. Самые большие из каменных поверхностных выкладок – площадки, повторяющие форму ладьи или корабля, – особенно часто встречающиеся в Швеции и Дании, также могли быть местами отправления культа. Здесь редко находят захоронения, но часто встречаются маленькие ямки, заполненные углем и другими пережженными остатками. Достигая в длину 90 метров, они могли вместить множество людей. Пожалуй, самая большая из ладьевидных выкладок находится в Йеллинге. Мы уже упоминали о том, что в некоторых местах, по-видимому, существовал официальный культ Одина. У королей к Одину было особое отношение. Однако сомнительно, чтобы они могли выполнять какие-либо особые функции, связанные с этим религиозным культом, в отличие от других власть имущих. Тем не менее, существовали большие централизованные культовые празднества, проходившие под эгидой королевской власти. До нас дошли описания подобных празднеств, происходивших в Лейре (Дания) и в Упсале. И в том, и в другом месте имеются грандиозные памятники (например, в Лейре обнаружены остатки обложенной камнями ладьевидной площадки, длина которой достигала 80 метров). Культовый праздник в Лейре был описан немцем Тиетмаром из Мерсебурга спустя столетия после официального введения христианства в Дании, тогда как Адам Бременский рассказывает об Упсальском языческом храме как современник, хотя сам он там, впрочем, никогда не бывал.

Оба эти рассказа содержат важные общие элементы, присущие тому и другому месту. И тут, и там встречи происходят один раз в девять лет, и в жертву приносятся и люди, и животные. В Лейре в жертву было принесено 99 человек, а наряду с ними 99 лошадей, собак и петухов. В Упсале было принесено в жертву 9 живых существ мужского пола, и трупы их были повешены в священной роще близ храма. Адам также сообщает, что вся Швеция отмечает этот религиозный праздник, и сам король в том числе, все они присылают дары, а христиане, дабы не участвовать в нем, платят за себя выкуп. Лейре назван самым важным местом в королевстве (*caput istius regni*).

Непосредственно места этих жертвоприношений не установлены (как не установлено и местоположение языческого храма). Но на Готланде и в некоторых других местах в Упланде были обнаружены на дне болот и в другой влажной почве останки людей, которых в эпоху викингов принесли в жертву. Наиболее значительной является находка, сделанная на полях Гудина, на Готланде. Здесь было обнаружено свыше 500 предметов, преимущественно наконечников копий и стрел. Не сохранилось и каких-либо следов культовых церемоний. Вместе с тем, нет сомнений, что на ковре, найденном в Усебергском захоронении, изображено культовое шествие. Мы видим здесь едущих верхом и на повозках и идущих пешком людей. Некоторые из них вооружены копьями и щитами, и среди них находится человек, лицо которого скрыто под звериной маской. Вероятно, люди, изображавшие животных, играли какую-то особую роль в этой культовой церемонии. Подобные изображения были обнаружены также в Швеции, а на тканях, найденных в гавани Хедебю, изображены две очень выразительные треугольные маски животных. Одна из них изображает голову какого-то не очень крупного животного – лисы, собаки или овцы, а другая представляет собою голову быка. На коврах, найденных в Усеберге и в других местах, мы встречаем изображения людей с рогами на головных уборах. Это явно культовые реквизиты, которые не имеют ничего общего с рогатыми шлемами викингов, которые те носили в периоды своих военных походов.

Существовали также особые ритуалы, связанные со смертью людей и их захоронением. О них известно не так уж много, но, несомненно, что они отличались между собою, поскольку разные верования предполагали различные представления о том, что происходит с человеком после его смерти. Традиции погребальных обрядов, которые можно установить по данным археологических раскопок, были весьма различны в зависимости от географических регионов и социальных условий. Письменные источники по-разному описывают царство

мертвых. Источники эти разрозненны и отчасти противоречивы, и дают лишь весьма неполную и маловразумительную картину дохристианских представлений на этот счет.

Царством мертвых был мрачный Хель, отвратительная владычица которого, носящая то же имя, была сестрой Змея Мидгорда и волка Фенрира. В Хель прибывали как мужчины, так и женщины. Как уже отмечалось, чертог мертвых бога Одина был предназначен только для избранных воинов. Вместе с тем, в зале Фрейи также появлялись воины. Сохранились истории о продолжении существования людей в царстве мертвых. Одна из таких историй повествует о женщине, отправившейся к Фрейе. Впрочем, подавляющее большинство дошедших до нас историй посвящено мужчинам. Обряды погребения во многих районах отличались от тех, что были приняты у христиан. Начать с того, что в могилу вместе с умершим клали множество вещей, которые могли понадобиться ему в иной жизни. Набор и количество предметов были различны. В могиле мог находиться один-единственный нож или, с другой стороны, множество великолепных вещей, сопровождавших умерших из числа знати в Бирке или в Усыпальнице Королевы в Усебергском кургане. В Швеции особое значение придавали предметам, необходимым для повседневной работы на пашне, в мастерской, в поварне или ткацкой. Повсюду в Скандинавии по вещам, имеющимся в захоронении, можно определить социальный статус умершего. Так, в захоронениях воинов высшего ранга набор оружия полностью соответствует представлениям о царстве воинов, погибших в бою и находившихся в Валгалле. В Норвегии и Швеции тела умерших представителей высшей знати нередко укладывались в корабли или ладьи. Повсюду в Скандинавии были обнаружены мужские могилы с лошадьми для верховой езды, в то время как женщин из высшего общества помещали в некое подобие повозки. Одновременно в могилу ставили питье и еду, а также предметы, необходимые в дороге. Это свидетельствует о том, что переселение в царство мертвых представлялось как путешествие. Признаки подобных представлений мы обнаруживаем в ряде письменных источников. Особенно невероятным для современного человека является обычай хоронить умершего вместе со спутником. Это могли быть мужчины либо женщины, которых убивали для того, чтобы они последовали в царство мертвых вместе с умершим. Спутники эти, скорее всего, были из числа рабов.

Вместе с тем, едва ли следует искать прямую связь между количеством положенных в могилу предметов и социальным статусом умершего. Далеко не все богатые снабжались множеством вещей при погребении. Среди некоторых групп населения существовал обычай сжигать своих покойников и принадлежавшие им вещи, чтобы затем закопать все, что осталось после огня. Арабский посланник Ибн Фадлан, который встречал викингов на Волге и наблюдал там погребальный обряд, получил следующее разъяснение: «Мы стараемся их сжечь побыстрее, и тогда они попадают прямоком в рай». Кроме того, Ибн Фадлан оставил нам свидетельство очевидца относительно обряда захоронения. Не приходится сомневаться в том, что подобный обряд был наверняка распространен также по всей Скандинавии. Некоторые детали находят свое подтверждение при археологических находках. Рассказ его в сильно сокращенном виде выглядит так: «Когда умирает хевдинг, у его слуг и рабов спрашивают, кто из них хотел бы последовать за ним в царство мертвых. Человек, давший согласие, не может взять своего слова назад. В данном конкретном случае умереть вызвалась женщина, и ее стали готовить к обряду погребения. Наступил день погребения, и корабль хевдинга был вытаскен на сушу. Все присутствующие стали ходить вокруг него, произнося какие-то слова. На корабль внесли носилки, и старая женщина, именуемая Ангелом Смерти, разложила на них одежду и подушки. Она была ответственна за все приготовления. Умерший, который до этого покоился в могиле, был извлечен оттуда и одет в богатую, специально сшитую для данного случая одежду. Его посадили, подперев подушками, в шатер, находящийся на корабле. Сюда же принесли спиртные напитки, еду, благовонные травы и все принадлежавшее покойному оружие. Затем были умерщвлены и принесены на корабль собака, две лошади, две коровы, петух и курица.

Женщина, которой предстояло умереть, заходила в каждый шатер, находившийся в

лагере, и совокуплялась с его хозяином. Затем она совершила еще несколько ритуалов. Ее трижды поднимали над сооружением, напоминавшим дверную притолоку, и она при этом говорила: «Я вижу моего господина, который сидит в прекрасном, зеленом райском саду. С ним вместе сидят мужчины и молодые отроки, и он зовет меня к себе, так что проводите меня к нему». Затем она умертвила курицу, и ее отвели на корабль. Она надела на себя свои украшения, осушила два кубка и стала петь. После этого старая женщина, Ангел Смерти, отвела ее в шатер к ее умершему господину. Вслед за ней в шатер вошли шестеро мужчин и совокупились с ней. После этого она была убита. Ближайший родич умершего хевдинга разжег костер под кораблем. Все остальные стали кидать туда же горящие факелы, и в течение часа все было сожжено дотла. Затем на этом месте возвели курган, посередине поставили столб с именем хевдинга и его корабля, после чего они все ушли».

В Скандинавии могилы находились поблизости от усадьбы, чтобы можно было общаться с праотцами. Однако в деревнях для захоронений нередко отводилось одно общее место. Это было открытое пространство неподалеку от деревни. Могилы могли быть отмечены столбом, несколькими валунами, камнями, выложенными в определенной форме, например, в форме ладьи, или курганом. Но рунические камни, как правило, ставились вне связи с могилами. Памятные камни с вырезанными на них рунами воздвигались в тех местах, где проходило много народа.

Разумеется, для умершего и для его родни богатые погребения являлись вопросом престижа. Часто такие захоронения покрывают курганами. Это, в частности, относится к погребениям в Боре, Усеберге и Гокстаде в Норвегии, в Скопинтулле на острове Адельше вблизи Бирки (Швеция), а в Дании существовал знаменитый курган в Йеллинге, где был захоронен король Горм, первый король новой династии и последний языческий король Дании. Около 958 года его похоронили в большой погребальной камере вместе с лошадьми и упряжью, серебряными кубками, расписными, резными предметами из дерева, сундуками и многим другим. Почти все это впоследствии было расхищено. В память о нем его сын, король Харальд Синезубый, повелел возвести самый большой курган в Дании, который ныне имеет высоту около 8,5 метров, а диаметр – 65 метров.

От язычества к христианству

К тому времени, когда христианство стало в странах Скандинавии официальной религией, многие здесь успели с ним познакомиться заранее. Некоторые скандинавы уже перешли в христианскую веру, еще больше людей имело представление о формах выражения новой религии или было наслышано о ней, а повсеместное введение христианства поддерживалось королевской властью.

Во время викингских походов, торговых и дипломатических поездок в Европу и Византию скандинавы видели церкви и монастыри, имели возможность слушать проповеди епископов и священников и знакомиться с традициями и нормами христианства. У них складывалось впечатление о могуществе этой религии. Они видели величественные соборы из камня, в которых совершались красивые церемонии с песнопениями. Им было известно об огромных богатствах церквей (которые они сами нередко грабили), а также то, что могущественные императоры и короли с почтением относились ко всемогущему Богу и сыну его Христу. Многие викинги принимали крещение на чужбине и зачастую проделывали эту церемонию не однажды. Крещение нередко бывало условием заключения политического союза или мира, при крещении можно было получить новое платье и крестильные дары, после него устраивались праздники. Некоторые скандинавы проходили так называемый обряд первичного крещения. Они принимали крест, как знак первого посвящения, и этот символ христианской веры мог играть положительную роль при общении с христианами, например, при совершении с ними торговых сделок. Вместе с тем, это не мешало скандинавам одновременно поклоняться своим прежним богам. Были и такие, кто узнавал о новой религии от друзей или родственников, побывавших в христианских странах,

например, в Англии, Ирландии или Нормандии. Тамошние переселенцы довольно быстро приобщались к местной религии. До перехода в новую веру население в Скандинавии в течение сотен лет общалось с христианами. Это были торговцы и дипломаты, посещавшие их землю, а также миссионеры, присылаемые сюда церковью. На протяжении эпохи викингов в Скандинавии и за ее пределами выходцы из этого региона по-разному относились к своему переходу в новую веру. Некоторые делали это серьезно, с полным сознанием того, что совершилось, но иные просто включали Христа в многочисленный пантеон своих языческих богов и даже иногда совершали в честь него жертвоприношения.

Особую роль играли миссионеры, которые внедрялись в гущу населения, жили с ним в одинаковых условиях и старались приучать его к ритуалам христианства. Первым миссионером, известным истории, был «апостол фризов» Виллиброрд, который в начале 700-х годов напрасно пытался оказать влияние на короля данов Онгендуса. Архиепископ Реймса Эбо проповедовал христианство в Дании в 823 году. Он окрестил многих данов и, очевидно, не без его влияния император франков Людовик Благочестивый оказал политическую поддержку датскому королю Харальду Клаку. Харальд Клак, первый из скандинавских королей, был в 826 году окрещен в Майнце вместе со своей семьей и свитой, и это событие было отмечено пышным празднеством во дворце императора в Ингельхейме.

Ансгарий, которого часто не совсем точно называют апостолом Скандинавии, последовал за Харальдом Клаком в Данию и проповедовал здесь, пока год спустя этот король не был свергнут с престола. Через несколько лет скандинавы попросили прислать к ним миссионера, и Ансгарий отправился в Бирку с богатыми дарами (но был по дороге ограблен). Его деятельность здесь продолжалась несколько лет при полном одобрении короля. Примерно, в 850 году он миссионерствовал в Дании, где также пользовался благосклонностью короля. Ко времени его смерти он являлся архиепископом вновь открытого Гамбургско-Бременского епископата. Здесь находился отправной пункт для миссионеров, действовавших в Скандинавии. Этот епископат являлся официальной главой скандинавской церкви вплоть до 1103 года, когда епископат был основан в Лунде (Сконе, Швеция). Деятельность Ансгария и его помощников была в основном связана с крупными торговыми центрами, такими, как Бирка, Хедебю и Рибе, где уже было много христиан и куда постоянно прибывали торговцы-христиане. Здесь немало народу перешло в христианскую веру, и здесь же были возведены церкви. В Рибе и Хедебю было даже дано разрешение на колокольный звон, хотя язычники его не переносили. Официальное признание христианства и возможность посещать церковь оживляли международную торговлю, и это подчеркивалось в жизнеописании Ансгария. Именно оживление торговли побуждало королей поощрять миссионерскую деятельность христиан в этих крупных торговых центрах.

Миссионерская деятельность Ансгария в Скандинавии вызывала неоднозначную реакцию приверженцев язычества, и во второй половине 800-х годов политический климат, видимо, был не в пользу христианской миссии. Тем не менее, в 930-е годы архиепископ Унни отправился в Бирку, чтобы продолжать там распространение христианства, а в 934 году датский король, потерпев поражение от германского короля Генриха Птицелова, был окрещен насильно. Миссионерская деятельность христиан усилилась, и в 948 году были назначены епископы в Хедебю, Рибе и Орхусе. Несомненно, это были епископы-миссионеры, на которых возлагалась обязанность распространять христианскую веру.

Миссионеры и христианская религия распространялись на север и на восток. Возникали все новые епископаты и епископские резиденции. Все большие группы населения и целые страны принимали новую веру, хотя в Норвегии и Швеции сторонники языческих верований проявляли недовольство. Обряд крещения означал посвящение человека в новую веру, и иногда он производился впервые, когда человек уже был на смертном одре. Целый ряд памятных камней в Упланде был воздвигнут в память о людях, которые умерли «в белых одеждах». В такие одежды облачали во время обряда крещения, после чего их нужно было

носить еще в течение недели.

Какие доводы приводили миссионеры при агитации в пользу новой веры? Прежде всего, христианство было побеждающей религией, получавшей все большее распространение. Бог и Христос были сильными богами, они помогали человеку и оберегали его. В этом убеждало могущество церкви, ее богатство и великолепие, которое можно было наблюдать в чужих землях. Великолепные картины изображали торжествующего Христа. Вместе с тем, очевидна была и слабость прежней религии. Миссионеры сокрушали языческие святыни, и кара за это на них не обрушивалась. Очевидным было и преимущество поклонения одному Богу, нежели многим, к тому же не приносившим никакой пользы. Времена были жестокие, а христианская церковь проповедовала мир и милосердие к ближнему. Лучшие из миссионеров придерживались этих догматов на практике, ведя жизнь праведников. Они приносили себя в жертву, отдаваясь в рабство вместо пленных или выкупая их из неволи, они раздавали милостыню нищим. Проповедуя отказ от насилия, они говорили, что все люди равны перед Богом и что удача в жизни зависит лишь от поступков самого человека. От него самого зависело, придет ли он «к свету, и к жизни райской», как было сказано на одном из рунических камней в Упланде. Не норны и не воля бога Одина решали участь человека. Все, кто вел праведную жизнь, встретятся в одном и том же царстве мертвых.

К тому же, для королей немаловажным было то обстоятельство, что новая вера означала укрепление центральной власти и в настоящем, и в будущем. Церковь была централизованной организацией, в значительной мере зависевшей от короля. Притом служение Богу теперь осуществляли специальные священнослужители, что устраняло религиозное верховенство местных хевдингов, тем самым ослабляя их власть. Крушение прежних традиций облегчало королям введение новых правил в общественную жизнь и внедрение новых форм правления. Помимо этого, введение христианства помогало налаживать отношения с властными структурами и народами других христианских стран. Если бы король Кнуд Великий оставался язычником, он никогда бы не смог стать королем Англии. Официальная христианская вера не давала возможности правителям других стран осуществлять экспансию под предлогом распространения истинной религии. Добровольный переход в христианство исключал возможность насильственных мер, сопровождавших введение христианской веры.

С целью наибольшего успеха миссионерской деятельности миссионерам приходилось знакомиться с местными обычаями и традициями и осваивать местный язык. Разрешение на ведение миссионерской деятельности обычно приходилось получать от короля или местного владыки. Многие источники сообщают, что миссионеры привозили с собой богатые дары и устраивали празднества. Они считались гостями, и в этом качестве пользовались неприкосновенностью, находясь под защитой местной власти. В христианских источниках перечисляются качества, которые были присущи миссионерам. Они соблюдали заветы Христа, отличались благочестием, ученостью, целомудрием, обладали жизненным опытом, совершали добрые дела, словом, жили в полном соответствии с тем, что проповедовали. Это производило впечатление на язычников. Часто священнослужители выкупали на волю рабов, с тем чтобы обратить их в христианскую веру и сделать их своими помощниками.

Христианство было избранной религией, и потому христиане не считали для себя зазорным сокрушать языческие святыни. До нас дошли рассказы о том, как это происходило в Норвегии и Швеции. Весьма возможно, что такие случаи бывали и в Дании. Адам Бременский указывает, какие соображения могли стоять за этим. Он рассказывает, что благочестивый епископ Адальвард, который около 1060 года миссионерствовал среди свеев в Сиггуне, договорился с епископом Эгино из Сконе вместе отправиться в Упсалу, чтобы разрушить там языческий храм. Потому что «если храм будет разрушен, а еще лучше – сожжен, то обращение населения в христианскую веру произойдет само собою». Однако христианский король Швеции Стенкиль, который пригласил Адальварда в Сиггуну, отговорил их от этого намерения. Он объяснил, что результат будет совсем не тот, какого

они ожидают. Свее предадут их обоих казни, король будет изгнан, а те, кто уже перешел в христианскую веру, вернуться обратно в язычество. Тогда оба епископа отправились в землю гетов и там «сокрушали изображения языческих идолов, и многие тысячи людей были обращены в христианство». Здесь христианская вера уже утвердилась прочно, и потому риск отщепенства за поругание языческих святынь был не так уж велик.

Введение христианства

Сакс Видукинд приводит очень близкий ко времени введения христианства рассказ о том, как Харальд Синезубый и датское королевство приблизительно в 965 году перешли в христианскую веру. Точная дата этого события нам неизвестна. Священнослужитель Поппо (который, судя по всему, не был посланцем архиепископства Гамбургского – Бременского) сотворил чудо, показав тем самым, что Христос могущественнее всех других богов. Он взял в руку кусок раскаленного железа, не причинив себе при этом ни малейшего вреда. «После этого король уверовал и решил поклоняться одному лишь Христу как Богу. И он предложил народу, которым повелевал, отринуть языческих идолов. Впоследствии он оказывал почести священникам и всем служителям Божиим». Вместе с тем, решение Харальда перейти в христианскую веру было одновременно решением политическим. Он стремился укрепить королевскую власть у себя в стране и избежать конфликтов с королевством германцев.

Судя по всему, переход в христианскую веру произошел мирно. И грандиозные монументы, возведенные Харальдом в своей королевской резиденции Йеллинге, где христианские и языческие сооружения соседствуют в поразительном единстве, также показывают, что его программой являлся постепенный переход страны к новой религии. Время создания и значение каждого из этих монументов нам неизвестны, однако, можно утверждать, что самым древним из них, дошедшим до наших дней, скорее всего, является небольшой рунический камень, воздвигнутый отцом Харальда, королем Гормом, в память о своей королеве Тюре. Его первоначальное местоположение неизвестно. Кроме того, имеются остатки площадки, выложенной камнем в виде корабля. Длина ее около 170 метров. И, следовательно, это самая большая площадка такого рода в стране. Она, судя по всему, примыкала к древнему Северному кургану, датируемому бронзовым веком. Северный курган являлся, очевидно, местом захоронения короля Горма и, по данным Дендрохронологического анализа, его погребальная камера относится к 950-м годам. Если быть еще точнее, захоронение появилось здесь в 958 или 959 году.

Южный курган, который по своим размерам превосходит Северный курган, не содержит внутри никакого захоронения. Он накрывает южную часть ладьевидной выкладки и, очевидно, разрушил ее. Причина возведения этого кургана, который, согласно Дендрохронологическим данным, начал создаваться, примерно в 970-е годы, то есть в ранний период христианства, нам неизвестна. Возможно, это был поминальный курган, и не исключено, что на его обширной плоской вершине совершались какие-либо ритуалы. Принято считать, что это был языческий курган, и в этом смысле он является уникальным.

После введения христианства комплекс в Йеллинге претерпел радикальные изменения. Харальд Синезубый воздвиг между этими двумя курганами один из самых великолепных рунических камней, дабы возвеличить своих родителей и самого себя. Надпись, сделанная под большим изображением Христа, гласит, что он обратил в христианство всех датчан. К северу от этого камня король Харальд повелел построить большую деревянную церковь длиной, по меньшей мере, в 22 и шириной в 10 метров, расположенную рядом с богатым захоронением в корабле на востоке. При раскопках, производившихся в 1976-1979 годах, обнаружили в восточной части нефа богатое захоронение. Был найден почти полный скелет человека, а исследования позволили сделать вывод, что он первоначально был погребен в другом месте. Здесь также были найдены золотые нити и роскошные украшения одежды, в которой находился погребенный.

Все говорит за то, что это могила короля Горма и что Харальд повелел перенести

останки своего отца из языческого кургана в новую церковь между курганами и окрестить его. В пользу этого свидетельствует такой факт. Когда погребальную камеру в кургане обследовали, то там не было обнаружено никаких костей. Стало ясно, что задолго до этого в погребальную камеру кто-то проникал, но отверстие сверху, сделанное для доступа в курган, было затем тщательно заделано. Разумеется, вторжение это не было случайным. К тому же ремни для одежды, найденные в могиле при церкви, очень сходны с ремнями, найденными в кургане.

В церковном нефе было оставлено место для еще одной могилы. Нетрудно догадаться, что это место предназначалось для могилы самого Харальда. По замыслу короля, в Йеллинге должен был находиться семейный склеп при церкви, наподобие королевских усыпальниц, имевшихся в других странах. Но, как уже упоминалось, король Харальд умер в изгнании после заговора, который возглавил его сын Свен Вилобородый, Король Харальд был похоронен в Роскилле, в той церкви, на месте которой впоследствии был возведен нынешний Роскильский собор. После изгнания Харальда его резиденция в Йеллинге утратила свое значение. Но церковь между курганами все еще стоит. Это четвертая по счету церковь, возведенная на этом месте.

Первым христианским королем Норвегии был Хокон по прозвищу Воспитанник Адельстейна. Он вырос и был крещен в Англии и, став около 935 года королем языческой страны, стремился сохранять верность своей религии. Скальды в своих стихах рассказывают, что он не разрушал языческих идолов, но привез с собою из Англии священников, а на побережье Западной Норвегии в годы его правления были возведены церкви. Однако в северных районах Норвегии и в Треннелаге для христианства не было почвы. Когда Хокон около 960 года был убит, то его похоронили по языческому обряду в кургане. В своей песне «Хоконармаль» скальд Эйвинд повествует о его последнем сражении и гибели, и о том, как он был принят в Валгалле. Именно в этой песне, посвященной христианскому королю Хокону, дается одно из лучших описаний царства мертвых языческого бога Одина.

Следующим христианским королем Норвегии стал Олав Трюггвессон, вернувшийся в 995 году домой с большим количеством серебра после многих лет викингских походов. Он также был крещен в Англии и так же, как Хокон, привез с собою в страну английских священников. Систематический и достаточно жестокий процесс введения христианства шел рука об руку с борьбой за воссоединение государства. Наибольшего успеха Олав добился в Западной и Южной Норвегии, и около 1000-го года он осуществил крещение Исландии, также, вероятно, с помощью угроз и репрессий. Приблизительно в это время он был убит.

Окончательно процесс крещения Норвегии завершился при Олаве Харальдссоне. Он также был крещен во время похода в чужие земли и, согласно преданию, его крещение совершилось в Руане, в Нормандии. По возвращении в Норвегию в 1015 году он привез с собою английских духовных лиц и среди них епископа Гримкеля, который вместе с ним немилосердно принуждал население к переходу в новую веру. Древние языческие святыни были разрушены, людям приходилось выбирать – принять крещение или подвергнуться преследованиям. На тинге в Мустере, который происходил, вероятно, в 1024 году, всем было предписано принять христианство и отныне жить по христианским заветам. Битва при Стиклестаде в 1030 году, во время которой Олав был убит, была связана не с религиозными проблемами, а с воссоединением государства, которое Олав проводил столь же твердой рукой. Тем не менее, он был объявлен мучеником, а год спустя его перезахоронили в Тронхейме и провозгласили святым. В первую очередь он считался святым викингов, и его культ распространялся от Руси до Исландии. Уже начиная с 1000-х годов его могила в Тронхейме была местом паломничества, и ему поклонялись на протяжении всего Средневековья.

Об окончательном введении христианства в Швецию нам мало что известно. До нас не дошли сведения ни об официальном годе крещения, ни о каком-либо событии, ознаменовавшем переход в новую веру. В этой большой стране новая религия распространялась постепенно, начиная с области Вестергетланд, где около 1020 года в Скаре

была основана резиденция христианского епископа-миссионера. Помимо миссии, связанной с немецким, римско-католическим Гамбургско-Бременским епископством, некоторое время здесь имело место влияние греко-католической церкви с востока. Здесь, так же как и во всех других скандинавских странах позднего периода эпохи викингов, короли видели опору в христианской религии. Вероятно, и здесь это было связано со стремлением укрепить центральную власть и обезопаситься от агрессии извне. Имеются сведения о том, что местный владетель Емтланда, области, расположенной между Швецией и Норвегией, также активно внедрял христианство. На острове Фресе (название это связано с богом Фрейром) он в 1000-х годах повелел воздвигнуть рунический камень в память о своих добрых делах. Надпись гласит: «Эстман, сын Гудфаста, повелел воздвигнуть этот камень и построил этот мост. Он обратил в христианство жителей Емтланда. Асбьерн построил этот мост. Трюн и Стен вырезали эти руны».

Первым христианским королем в Швеции был Олаф Шетконунг, который был королем гетов и свеев в начале 1000-х годов. Он и следующие за ним христианские короли на протяжении целого столетия вынуждены были вести политику балансирования между приверженцами старой и новой веры. В стране свеев большинство населения придерживалось языческих верований. Язычество процветало здесь еще во времена Адама Бременского. Наряду с этим в данном регионе существовала также большая группа христиан. Именно они воздвигли основную часть из многочисленных рунических камней, имеющих в этом регионе. Сведений о том, когда исчез языческий культ в Упсале, месте, где находился языческий храм, у нас нет. Однако уже в начале 1100-х годов Швеция, по всей вероятности, стала в основном христианской страной.

Одновременно с введением христианства в жизнь скандинавских стран вошли совершенно новые обряды и ритуалы, новые верования и множество новых жизненных правил. Речь идет о крещениях и погребениях в освященной земле при церкви без погребальных даров, о колокольном звоне. Провозглашен был единый Бог (или Святая Троица), введены строгие запреты на браки даже с отдаленными родственниками, на избавление от нежелательных детей, на употребление в пищу конины, на поклонение прежним богам, а также многие другие запреты, правила и установления. В связи с политической ситуацией, существовавшей в 1000-е годы, в Дании и Норвегии, в первую очередь, ощущалось влияние христианской церкви Англии, что вызывало большое недовольство и досаду в Гамбургско-Бременском епископате.

Вместе с тем, в сельской местности продолжали существовать древние крестьянские традиции и верования, отмечались праздники плодородия. В доме, в поле и на скотном дворе совершались языческие обряды – либо втайне, либо под видом христианских празднеств. И минуло не одно поколение, прежде чем в Скандинавии выросли христианские храмы, появилось множество священнослужителей и была создана церковная организация с епископством и церковными приходами. Введение христианства явилось эпохальным явлением. Но его реальное внедрение заняло достаточно много времени.

Искусство и поэзия

Искусство викингов было самобытным, исполненным жизни и фантазии. Оно являлось общескандинавским и обладало только ему присущими чертами. Это в равной степени относится как к орнаментике, так и к изобразительному искусству и поэзии. Как вид искусства наиболее долговечной оказалась поэзия. Ее очень ценили в кругах знати в Скандинавии уже в первой половине 1200-х годов, но культ ее в особенности процветал в Исландии. Около 1220 года Снорри Стурлусон, который сам был поэтом, создал свою книгу «Эдда Младшая», посвященную искусству поэзии. Его труд дает ключ к пониманию сложных правил поэзии скальдов. Без пояснений Снорри значительная часть содержания скальдической поэзии осталась бы сегодня для нас непонятной. Но в отношении понимания не менее сложного орнаментального и изобразительного искусства подобного ключа нет, хотя эти виды искусства наверняка также имеют свои правила. Сегодня нам остается лишь познавать их путем внимательного изучения, хотя подлинное содержание мы постигаем редко. Несомненно, орнаментика эпохи викингов имела свое особое предназначение, и привычному глазу открывалась чарующая игра линий, исполненных элегантности, силы и фантазии.

Орнаментальное и изобразительное искусство

Искусство эпохи викингов стремилось к контрастности, краскам и к гармонии движения. Это было яркое, выразительное искусство, и его язык был понят и оценен. В лучших работах детали воспроизводятся столь же тщательно, как и все произведение в целом. Часто орнаментика бывает столь мелкой, что ее восприятие дается лишь путем пристального изучения с близкого расстояния. Лучше всего сохранились образцы прикладного искусства, которое обнаруживается на всевозможных предметах функционального назначения: одежде, пряжках, кораблях, оружии, санях, упряжи, строениях, памятных камнях, настенных коврах, кубках и многом другом. Трехмерное изображение здесь прежде всего проявляется в передаче голов. Как правило, это головы животных, которые завершают и отмечают важные конструктивные звенья на небольших предметах, повозках или ларцах. Чаще всего для изображения декоративного орнамента использовались, вероятно, ткани и дерево, хотя подобных образцов сохранилось немного. Судить о том, что зачастую безвозвратно потеряно, мы можем по узорам тканей из Усебергского захоронения, по орнаментике деревянных вещей, по деревянной резьбе второй половины 1000-х годов, сохранившейся в церкви Урнес (Западная Норвегия).

За исключением рунических камней с острова Готланд, остальные памятные камни стали украшаться орнаментом лишь с середины 900-х годов. Образцом может служить камень, воздвигнутый в Йеллинге королем Харальдом Синезубым. С этого времени все чаще встречаются камни, украшенные орнаментом. Часть из них сохранилась в Дании и Норвегии, но большинство находится в Швеции. Здесь они относятся к позднему периоду эпохи

викингов. На металле, особенно в погребениях и зарытых кладах, в больших количествах встречается мелкий орнамент. Он был распространен на всем протяжении эпохи викингов повсюду в Скандинавии. Кузнечные работы по золоту и серебру ценились особенно высоко и, вероятно, поэтому они поражают своей особой изысканностью. Распространена была также резьба по кости, для которой использовались моржовый зуб, китовая кость и лосиные рога. Великолепными образцами резьбы с использованием этих материалов являются ларцы Бамберг и Каммин, которые сохранились как реликварии в церквях Германии и Польши. Ларец Каммин исчез во время Второй мировой войны, но остались его описания, фотографии, слепки. Сохранилась также резьба по кости, янтарю и гагату (разновидность мелкозернистого каменного угля, «черный янтарь», добываемый на побережье Северной Гренландии). Выполнялись рельефные работы, использовались контрасты между материалами и красками, между тенью и светом на гладкой и орнаментированной поверхности. Так, например, в каком-либо украшении могли применяться позолоченная бронза, которая выразительно контрастировала с серебром и чернью. На стремени мог быть узор из серебра и меди на фоне черного железа.

Было обнаружено так много следов краски (на щитах, мебели, шатровых штангах, рунических камнях, бревнах домов), что не приходится сомневаться в том, что крупные предметы из камня и дерева часто бывали окрашены. Нередко это сочеталось с вырезанным и создающим объемную поверхность декором. Помимо этого, об окрашенных предметах часто упоминается в письменных источниках и стихах скальдов. В частности, в надписях на некоторых шведских рунических камнях говорится о том, что они были окрашены. Распространены были цвета черный, белый и красный, применялись также коричневый и зеленый цвета. На сегодняшний день краски выглядят блеклыми и выцветшими, но когда их удастся восстановить, они обретают яркость, четкость и резкий внутренний контраст. Следы краски, обнаруживаемые на фрагментах одежды и тканях показывают, что и такого рода предметы нередко бывали окрашены.

Чаще всего встречаются стилизованные изображения зверей, и этот мотив можно проследить в развитии, начиная с 300-400-х годов, то есть с последнего периода римского железного века. Затем он, постепенно развиваясь, прослеживается на протяжении всей эпохи викингов. Другим важным мотивом является ленточное плетение и ленточная вязь, а из мира фауны здесь представлены змеи и птицы. Что касается растительной орнаментики, то до середины 900-х годов она встречается редко. Однако в последующих столетиях подобный орнамент под влиянием европейского искусства начинает играть все более важную роль.

Изображения людей сохранились лишь в редких случаях и, в противоположность сильно стилизованной животной и растительной орнаментике, для них характерна натуралистичность изображения. Людей мы видим в сценах на памятных камнях, в частности, на рисованных камнях Готланда, и здесь они, равно как и на Усебергских тканых коврах, принимают участие в каком-то религиозном действе.

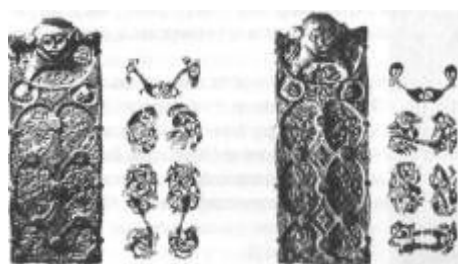
Одним из популярных мотивов на рисованных камнях Готланда является корабль, несущийся с наполненными ветром парусами, со щитами вдоль бортов, с дружиною воинов на борту, который, вероятно, направляется в царство мертвых. Другой сюжет изображает женщину; она встречает всадника и протягивает ему рог с питьем, вероятно, также приветствуя его у входа в царство мертвых. Иногда мы видим изображение битвы, люди сражаются друг с другом мечами, вытасканными из ножен. Эти сюжеты весьма редко поддаются на сегодняшний день расшифровке, однако иногда некоторые сцены из жизни богов или иллюстрации к известным сагам можно распознать, благодаря дошедшим до нас литературным описаниям. Особенно это касается знаменитого сюжета о рыбалке бога Тора, а также сюжетов о жизни и подвигах героя Сигурда, победителя дракона Фафнира. Как правило, не возникает проблем при узнавании сюжетов о Христе. Его легко узнать по распятому на кресте телу с раскинутыми в стороны руками.

Чтобы расшифровать сложный звериный орнамент, следует начать с головы животного, а затем следовать весьма зачастую изысканным изгибам его тела и конечностей.

Для того чтобы проследить развитие искусства эпохи викингов на протяжении трех столетий, целесообразнее всего разделить его на различные стили. Большинство стилей названы по местам находок наиболее известного и лучше всего сохранившегося образца данного стиля. За исключением стилей Борре и Йеллинг, которые имеют приблизительно один и тот же возраст, все остальные стили сменяли друг друга, развиваясь один из другого. Для удобства изложения стили обозначены также римскими цифрами и латинскими буквами А, В, С и так далее.

Не прерывается работа по определению и датированию стилей, по выявлению иноземного влияния, обновления стилей, установлению взаимодействия между искусством, возникшим в Скандинавии и в скандинавских колониях. За последние годы, путем привлечения метода Дендрохронологического датирования, удалось определить многие отправные пункты. Были, в основном, подтверждены прежние датирования и установлены общепринятые понятия.

Как уже отмечалось, искусство эпохи викингов основывалось надревнескандинавских традициях, восходящих к поздне римскому железному веку. Это находит подтверждение в стиле Е, формы выразительности которого были распространены в конце 700-х годов и на протяжении большей части последующего столетия. Стиль Е представляет собою дальнейшее развитие разновидностей звериных стилей А-Д и входит в так называемый стиль III. К числу наиболее ярких образцов этого стиля относится резьба по дереву, найденная в Усебергском захоронении, включая один из пяти столбов, завершающихся трехмерными звериными головами, а также набор из 22 накладок из бронзы с позолотой от уздечек, которые были найдены в мужской могиле в Бруа на Готланде.

Характерной особенностью стиля Е являются сильно вытянутые, почти лентообразные изображения животных или птиц с небольшими, повернутыми в профиль головами и большими глазами. У них извивающиеся, изогнутые тела, равномерно расширяющиеся и изогнутые конечности, связанные с телом открытыми петлями с нитеобразной перевязью. Часто вдоль гармоничных линий туловища существует обрамление, разделяющее поверхность изображения на участки. Вариантом стиля Е является более компактное и совершенно новое изображение зверя. Это так называемый «хватающий зверь». Этот вариант, наряду с самим стилем Е, является составной частью скандинавского искусства. Вместе с тем, этот мотив – живое, полнокровное и органичное изображение животного (или человека), с головой в анфас и ногами, захватывающими все, что находится поблизости, имеет связь с европейским искусством. Однако он был настолько близок скандинавам, что оставался популярным на протяжении двухсот лет.

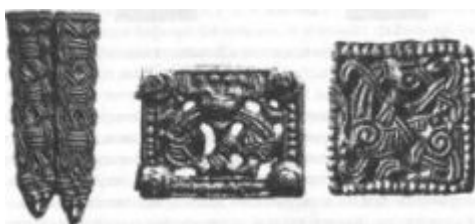
Находки из Усебергского захоронения относятся к первой половине 800-х годов. Дерево из погребальной камеры, датированное методом Дендрохронологического анализа, относится к 834 году, а корабль с декором в стиле Е был построен между 815 и 820 годами. Среди многочисленных предметов из дерева, украшенных резьбой, можно выделить три группы, причем, каждая имеет свои художественные особенности, что, вероятно, связано с художественным почерком разных мастеров. Один из этих мастеров, который украшал второй из пяти столбов, создал особый композиционный прием.

Он, в частности, прибегал к сочетанию различных животных и птиц. Некоторые исследователи полагают, что его работа является столь серьезным обновлением стиля Е, что

заслуживает собственного наименования – «Усебергский стиль».

В Южной Скандинавии, наряду со стилем Е, встречается его краткосрочный вариант, определяемый, как стиль F. Он был навеян англофранкским искусством, которое распространилось в регионе с появлением здесь англосаксонских миссионеров и достигло особого расцвета, в частности, в устье Рейна. Стиль F показывает, что скандинавы, еще до первых, документально доказанных викингских походов, уже имели связи с Западной Европой. Характерной особенностью этого стиля являются мелкие, выразительные и органично связанные между собой животные, а мотивы представляют собою композиции, сплошь покрывающие поверхность, ограниченную определенными рамками.

Следующий стиль, мотивы которого значительно легче поддаются расшифровке, нежели мотивы стиля Е, получил свое название по бронзовой упряжи с позолотой, обнаруженной в кургане в Борре, близ Усеберга. Стиль Борре был, вероятно, широко распространен во второй половине 800-х годов. Его образцы хорошо сохранились в Гокстадском погребении, которое было датировано (приблизительно до 905 года) с помощью Дендрохронологического анализа. Стиль этот сохранялся до конца 900-х годов.

Совершенно новой и характерной для него особенностью является ленточное переплетение с геометрическими фигурами внутри с так называемыми кольцевыми цепями. Он представляет собою два ленточных переплетения, наложенных друг на друга, а в местах пересечения находятся то квадратная фигура, то рифленая, раздваивающаяся лента. Часто ленточное плетение завершается небольшой, изображенной в горизонтальной проекции головой животного. Другим важным мотивом стиля Борре является одинокий хватающий зверь особой формы, то есть с длинной изогнутой шеей, узким туловищем, которое между грудью и бедрами изгибается дугой, достигающей до головы. Третьим отличительным мотивом стиля Борре является компактное, полунатуралистически изображенное животное.

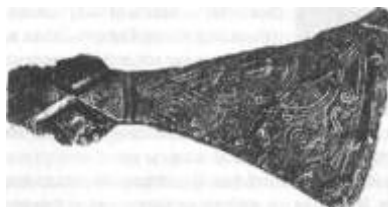
Таким образом, типичный орнамент Борре – это компактное сочетание ленточных и звериных форм. Линии часто подчеркиваются дополнительными штрихами, распространены геометрические фигуры, а на украшениях и других декорированных предметах часто встречаются филигрань и зернь или имитирующее их литье. Стиль Борре был первым из скандинавских стилей, который получил распространение в викингских колониях. Он хорошо известен по находкам на острове Мэн и в Англии, а также в России. Это, несомненно, обусловлено тем, что в период распространения данного стиля в Скандинавии, то есть в конце DC века, в этих регионах стали возникать викингские поселения.

К этому же периоду, в основном, относится и стиль Йеллинг. Он наравне со стилем Борре представлен в Гокстадском захоронении, которое датируется периодом, примерно, до 905 года. Перед 1000-м годом этот стиль исчезает. Яркое представление об этом стиле дают

изображения животных на серебряном кубке высотой всего в 4,3 сантиметра, найденном в кургане в Йеллинге (захоронение, вероятно, относится к 958 – 959 годам). Два лентообразных животных, изогнутых в форме буквы S, с головами, повернутыми в профиль, удлинёнными загривками и завитками на верхней губе, симметрично соединены. Стилизованное животное часто могло быть обрамлено или переплетено изогнутой лентой с отходящими от нее листообразными отростками. Как и в стиле Борре, здесь применялись филигрань и зернь, или имитирующее их литье. Образцы Йеллинг были представлены в русских и английских археологических находках, а в Северной Англии возникло интересное англо-скандинавское искусство, навеянное влиянием стилей Борре и Йеллинг.

Стиль Маммен прекрасно представлен в орнаментике, которой был украшен топор, найденный в захоронении некоего богатого человека в Маммене (Средняя Ютландия). На обеих сторонах и обухе топора изображены исполненные силы птица и пышный плетёный орнамент, выполненный в виде инкрустации серебряной нитью. Стиль является несомненным развитием стиля Йеллинг, так что подчас их бывает трудно отличить друг от друга, но в новом стиле животные и птицы имеют туловище, и большое значение приобретает растительный орнамент. В этом стиле нет симметрии, но он отличается силой и экспрессией. Он представляет собою великолепный синтез скандинавского и западноевропейского искусства, причем последнее привносит часто полунатуралистическое изображение животных и изобилие растительной орнаментики.

Главным памятником этого искусства является большой рунический камень в Йеллинге с изображением крупных животных в движении, обвитых змеей. Кроме того, стиль прекрасно представлен в декоре уже упоминавшихся выше ларцов Каммин и Бамберг. Скорее всего, этот стиль возник приблизительно в середине 900-х годов и просуществовал примерно до 1000-го года. Прекрасным образцом стиля Маммен является крест в Кирк Брэддан, на острове Мэн, но в целом этот стиль на Британских островах был представлен не особенно широко. Это могло быть обусловлено политической ситуацией того времени.

Примерно, на рубеже столетий стиль Маммен сменился стилем Рингерики, отличавшемся особой экспрессией. Здесь еще более отчетливо проявляется западноевропейское влияние «Уинчестерского стиля», распространенного в южных регионах английского королевства Кнуда Великого. Здесь все большее значение приобретает растительная орнаментика по сравнению с изображением животных и птиц. Вместе с тем, немаловажным мотивом является изображение крупного животного, запечатленного в энергичном движении (возможно, развитие звериного мотива стиля Йеллинг), а иногда змей и лентообразных зверей в окружении лозы и листьев, которые буйно произрастают из тел вышеуказанных существ или растут сами по себе. Большинство работ в стиле Рингерики представляют собою композицию вокруг оси, и маленькие растительные усики часто сгруппированы. Стиль был назван по геологическому названию особого вида известняка из района к северу от Осло. Он использовался при создании красиво орнаментированных памятных камней.

К числу лучших образцов стиля Рингерики, среди множества выполненных в этом стиле работ, принадлежит флюгер из Хеггена (Норвегия). Главными изображениями на обеих сторонах флюгера являются соответственно крупное животное и птица с густым оперением. Другой превосходный образец этого стиля можно видеть на надгробной плите, обнаруженной на кладбище Святого Павла в Лондоне. Стиль представлен во множестве других находок из Южной Англии, но за рубежом он встречается в первую очередь в Ирландии. Здесь стиль Рингерики проявился столь ярко, что обрел собственную жизнь. Он использовался для украшения ирландских церквей и просуществовал даже дольше, чем в Скандинавии, где он был распространен до середины XI века.

Стиль Урнес стал последней фазой длительного развития скандинавской звериной орнаментики. Возник он, по всей вероятности, около середины 1000-х годов и был распространен еще в течение целого столетия, то есть частично захватил и Средневековье. Некоторое время он существовал в виде деталей и оказывал влияние на романское искусство, преобладавшее тогда в Скандинавии. Около 1200 года он полностью исчезает. Подобные этапы в своем развитии претерпели и другие формы культуры эпохи викингов.

В стиле Урнес пропадают мощь и энергия стиля Рингерики. Стиль Урнес в высшей степени отличается рафинированностью и изысканностью и, можно сказать, что ему присущи декадентские черты. Название ему было дано по совершенной в техническом и художественном отношении резьбе, имеющейся в церкви Урнес в Западной Норвегии. Она украшает портал с двумя дверями, угловой столб, а также частично и полностью сохранившиеся панели фронтонов. Образцы стиля Урнес, хотя и не столь высокого качества, представлены на декорированной панели церкви Хернинг, в Ютландии. В числе главных мотивов по-прежнему преобладает крупный четырехногий зверь, но здесь он тощий, словно борзая. Далее встречаются змееподобные животные с единственной передней ногой, а также змеи и тонкие стебли растений, иногда увенчанные змеиной головой. Характерной для этого стиля является развернутая асимметричная композиция, и первое впечатление от работ в стиле Урнес – это волнообразное переплетение животных и змей. Петли изображены в форме цифры 8, и для этого стиля характерны равномерные расширения и сужения, без резких переходов. Стиль этот виртуозно используется на многих рунических камнях в Средней Швеции, и при этом волнообразная орнаментика приспособлена к форме камня, а руны вырезаны внутри длинного туловища змей. Поэтому в Швеции стиль Урнес часто называют «стилем рунических камней». Отдельные образцы этого стиля были обнаружены в Англии, а что касается Ирландии, то здесь он был не менее популярен, чем стиль Рингерики.

Выше образцы стилей и их развитие показывались на примерах значительных произведений искусства, часто выполненных из дорогих материалов. Но те же самые художественные принципы можно наблюдать на предметах повседневного употребления,

выполненных из более дешевых материалов и с разной степенью технического и художественного мастерства. Все эти стили, быть может, за исключением стиля Мам-мен, были распространены во всех слоях общества и являлись общескандинавскими. Наряду с языком, религией и многим другим, они создавали ощущение общности всех скандинавов и отличие их от других народов.

Значимые произведения искусства, обновление его форм, вероятно, были делом рук мастеров, связанных с кругами, задававшими тон в обществе: с королями, хевдингами, а в поздний период эпохи викингов – и с церковью. Вместе с тем, новые формы широко распространялись по всей стране. Отчасти это можно объяснить тем, что хотя многое ремесленники жили оседло на одном месте, другие странствовали посещая торговые центры, а некоторые более или менее долгое время находились в услужении в домах знати. Бывая в других странах или видя поступаемые оттуда товары, они могли знакомиться с образцами заморского искусства. Широкое распространение получило копирование, и мастера-умельцы без труда могли создавать серии различных предметов по образцам какого-либо штучного изделия из бронзы, серебра и золотая. Это могли быть, например, овальные фибулы для женской одежды или украшения из благородных металлов с филигранью.

Ремесленники и мастера назывались одним общим словом «smidr», часто употреблявшемся в сочетании со словом, обозначающим материал, с которым они работали или характер изготавливаемого ими изделия. Например, «tresmidr» обозначало мастера по дереву. Хорошие оружейники или кораблестроители ценились особенно высоко. Каков был статус мастеров, изготавливавших украшения и другие предметы, нам неизвестно. Исключение составляют лишь резчики рун. В эпоху викингов они были единственными, кто подписывал свои работы. Впрочем, это происходило, в основном, в районе озера Меларен и лишь в поздний период эпохи викингов. Наследие некоторых резчиков рун достаточно обширно, и их работы встречаются на большой территории. Так, например, подпись Осмунда Корессона мы встречаем более, чем на двадцати рунических камнях, подпись «Фут» имеется на восьми камнях, а подпись «Эпир» – более, чем на пятидесяти. Особенности стиля на целом ряде рунических камней говорят о том, что образцом для их создания послужили работы Эпира и других именитых резчиков рун.

Наряду со стилизованным искусством, известно также некоторое количество рисованных граффити. Как и во все времена, графика эта представляет собою бегло очерченные наброски. Так же, как и руны, они могли изображаться на самых разных материалах и предметах. Это были живые, импрессионистические наброски всего, что, попадалось художнику на глаза. Одним из излюбленных мотивов было изображение элегантных контуров корабля.

Поэзия

В других разделах этой книги мы касались поэзии викингов в связи с историческими событиями, религией, моралью и многим другим. В данном разделе приводится краткое описание самой поэзии, ее социального содержания и формы. Ритмика, стиль и лексика той эпохи отпугивают нетерпеливого читателя от знакомства с эддическими стихами и скальдическими песнями, но одновременно они очаровывают и захватывают того, кто стремится проникнуть в мир этой поэзии, постичь ее образность и форму, воспринять ее ритмику. По форме и содержанию скандинавскую поэзию эпохи викингов можно разделить на три группы: рунические стихи, эддические стихи и скальдические стихи. Говоря о рунических стихах, мы имеем в виду образцы поэзии, запечатленные на рунических камнях и в некоторых других надписях. Образцы этой поэзии можно встретить повсюду в Скандинавии и, в особенности, в Швеции. Почти все они датируются приблизительно 970-1100-ми годами. Это, как правило, краткие хвалебные стихи в память об именитых людях, отличающиеся простым размером и легко доступные для понимания. Так, на камне из Хеллстада в Сконе, относящемся примерно к 1000-му году, стихи предваряет

традиционная фраза: «Эскиль воздвиг этот камень в память о Токе, сыне Горма, своем славном предводителе». Далее следуют стихи:

Он не обратился в бегство
В битве при Упсале.
Воины воздвигли
В память о своем собрате
Камень на кургане,
Вырезав на нем руны.
Те, кто был всего ближе
К Токе, сыну Горма.

По ритмике и стилю, но не по содержанию, большинство рунических стихов напоминает стихи эддические. Эти последние обычно повествуют об общегерманских или скандинавских героях древности или о скандинавских языческих богах. Эти стихи сохранились в немногочисленных рукописях, записанных в Исландии в 1200-1300-х годах. Авторы их неизвестны, и установить, когда они были созданы, в эпоху викингов или позднее, не представляется возможным. Их происхождение неизвестно. Вместе с тем, смысл многих изображений, относящихся к эпохе викингов, можно установить именно с помощью эддических стихов. В первую очередь это относится к историям о Сигурде, убийце Фафнира, в которых рассказывается о мужестве и подвигах, о сокровищах и предательстве, о любви и судьбе. Сюда же можно причислить историю о рыбалке бога Тора, когда он поймал на удочку Мидгордского Змея. На этом основании можно сделать вывод, что подобные саги и мифы уже существовали в эпоху викингов. Строфика эддических стихов воспроизведена на некоторых рунических камнях. Пространная надпись на одном из рунических камней, прекрасном камне Рекстен в Эстергетланде, Швеция, содержит строфу из стихотворения, в котором, по всей вероятности, рассказывалось о европейском герое древности, Дидрике из Берна. Основываясь на этом факте, можно утверждать, что в Скандинавии эпохи викингов существовали стихи о богах и героях древности, содержание, форма, ритмика и стиль которых были те же, что в стихах Эдды, известных нам по исландским рукописям.

Большинство скальдических стихов дошли до нас, благодаря исландским сагам, записанным в конце 1100-х годов и в 1200-е годы. Здесь пространные песни разбиты на отдельные строфы, которые вставлены в прозаическое повествование для усиления его эффекта. Поэтому зачастую трудно бывает представить себе структуру этого стихотворения в целом. Большая часть скальдической поэзии – это восхваление знаменитых королей и хевдингов. Создавались стихи, по всей вероятности, не менее знаменитыми скальдами и были приурочены к определенным случаям. В противоположность эддическим стихам, стихи скальдов повествуют о современных им событиях, и нередко мы имеем возможность соотнести их с тем или другим эпизодом истории того времени. Поэтому скальдические стихи поддаются довольно точному датированию, и можно предположить, что многие из них доносят до нас сквозь даль веков слова и память о том времени, несмотря на то, что созданы они были много лет назад. Стихи скальдов отличаются сложная метрика и особый художественный стиль, и это свидетельствует о том, что создавались они для подготовленного слушателя. Можно утверждать, что многие строфы дошли до нашего времени именно благодаря тому, что скальдическая поэзия считалась одним из наиболее изысканных видов искусства. Единственная, полностью сохранившаяся строфа скальдического стихотворения, относящегося к тому времени, дошла до нас в надписи на руническом камне. Он находится в Карлеви на острове Эланд и датируется около 1000-го года.

Не всегда мы можем провести границу между руническими, эддическими и скальдическими стихами. Необходимо отметить, что большинство сохранившихся строф существует в позднейших записях, сделанных в Исландии. Большая часть известных нам

скальдических стихов также была создана в Исландии. Много таких стихов было и в Норвегии, а что касается Швеции, то в средневековых рукописях стихов эпохи викингов не сохранилось. В Дании подобного рода поэзию можно, по всей вероятности, найти в труде Саксона Грамматика «Gesta Danorum» («Деяния Данов»), относящемся, приблизительно, к 1200-1208 годам. Но здесь эти стихи воспроизводятся на искусной латыни, иногда в гекзаметре, и тем самым форма их полностью трансформирована.

Несмотря на то, что поэзия трех скандинавских стран дошла до нас не в равной степени, можно утверждать, что поэзия являлась общим фактором для всей скандинавской культуры. Содержание этой поэзии, ее форма, ритмика и язык ценились не только в Исландии и Норвегии, но и повсюду в Скандинавии. Мы в полной мере можем воспользоваться этой поэтической сокровищницей, дошедшей до наших дней через Исландию, для освещения многих явлений эпохи викингов, присущих всей Скандинавии. Эта поэзия демонстрирует нам характерное для того времени чувство формы и стиля. В некоторых стихах мы обнаруживаем сведения о событиях древности, а язык их бывает зачастую крайне архаичным. Многие явления эпохи викингов можно адекватно описать, лишь прибегая к древнему словарному запасу Скандинавской поэзии, а некоторые аспекты их деятельности, например, мореплавание и навигацию того времени, можно представить себе лучше всего именно благодаря многообразным формам выразительности, к которым прибегали при их описании авторы скальдических и эддических стихов.

Поэзия была излюбленным развлечением. Древнескандинавское слово «скальд» (происхождение которого неизвестно) встречается уже в самом начале эпохи викингов на некоторых рунических камнях. Интересно, что искусство поэзии не было исключительно прерогативой мужчин. Так, около 930 года в Норвегии была известна поэтесса Йорунд Скальдмэр (последнее означает «девушка-скальд»).

Выше уже отмечалось, что искусство скальдов считалось престижным делом, и в силу этого скальды пользовались особым уважением. Многие скальды были членами дружины короля или хевдинга, нередко они являлись особо доверенными лицами, приближенными к своему господину. Главной задачей скальда было прославлять своего господина, умножая его славу. Свое искусство они демонстрировали перед собравшимися, например, в пиршественном зале, в доме своего господина. Особо ценилась в искусстве скальдов их способность к импровизации. Бывали случаи, когда поэтическая строка рождалась непосредственно в ходе какого-либо драматического события, например, в разгар сражения.

Возможно, некоторые эддические стихи также были творением скальдов. Можно представить себе, что по вечерам, во время традиционных сборов дружины, они, как знающие толк в поэзии, по просьбе собравшихся цитировали стихи Эдды. Эпизод, когда читались стихи Эдды, описан у Снорри Стурлусона около 1230 года в саге об Олаве Святом. Ранним утром, перед знаменитой битвой при Стиклестаде, во время которой был убит король Олав, он попросил скальда своей дружины Тормуда Кольбрунскальда процитировать ему эддическое стихотворение. Тормуд выбрал стихотворение «Бьяркемоль» о великом сражении героя древности, короля Рольфа Краке, и верных ему людей. Тормуд произносил стихи так громко, что вся дружина пробудилась от сна и благодарила его за удачный выбор стихотворения, строки которого оказали им большую моральную поддержку. По всей вероятности, эддические стихи, легко доступные для понимания и повествующие о драматических событиях, были в то время известны и за пределами узкого круга королевского воинства.

Скандинавская поэзия имеет много общего с поэзией других регионов, где в ходу были германские языки. В частности, применялась аллитерация, но в противоположность германскому стихосложению скандинавская поэзия состояла из строф и, как правило, в каждой строке имелось строго определенное число слогов. Заметно стремление иметь минимальное количество слогов в строке. Краткость, сжатость, особая ритмика и стиль поэзии скальдов – явление уникальное, которое больше нигде не встречается. Самые древние из сохранившихся скальдических стихов относятся, вероятно, к концу 800-х годов, и многое

указывает на то, что своеобразный размер и стиль скальдического стиха возникли на раннем этапе эпохи викингов.

Двумя главными размерами эддической поэзии были «fornyrdislag» («размер древних слов») и «ljodahattr» (очевидно, это означает «размер магических песен»), хотя лишь небольшая часть сохранившихся стихов носит магический характер. Первый из размеров встречается в стихах, запечатленных почти на всех рунических камнях, например, на уже упоминавшемся выше камне из Хеллестада. Встречается он и в некоторых скальдических стихах, но у скальдов он особой популярностью не пользовался. «Размер магических песен» вне эддической поэзии встречается крайне редко.

«Размер древних слов», если его коротко охарактеризовать, имеет в строфе восемь коротких строк, где каждая состоит из двух ударных слогов, и изменяющееся (чище два) число неударных слогов. Пары строк соединены аллитерацией и составляют одну длинную строку. Аллитерация в первой части обычно включает два слова, а во второй – одно слово с первым ударным слогом. Строфа разделена на две полустрофы, причем каждая образует единое целое.

Этот размер можно продемонстрировать на третьей строфе стихотворения «Волуспа» («Прорицание Вельвы»). Эта строфа повествует о времени, предшествующем созданию мира. Великан Имир – существо из языческой мифологии, но в стихотворении прослеживается и влияние христианства. Аллитерации не подчеркиваются, а правила аллитерации те же, что характерны для всей скандинавской поэзии: согласные рифмуются с согласными, а все гласные рифмуются друг с другом. Снорри Стурлусон в своем учебнике поэзии рекомендует, чтобы рифмующиеся гласные, по возможности, отличались друг от друга.

В древности
В дни Имира
Не было ни песка, ни моря,
Не было бушующих волн,
Не было земли
И небосвода.
Кругом была пустота,
Нигде не было травы.

Размер лирических стихов представляет собою двустрочный стих, рифмующейся по тем же правилам и сопровождаемый третьей строкой с двумя или тремя ударными слогами, имеющими собственную аллитерацию без связи с двумя другими строками. Обычно такие трехстрочные единства объединяются в шестистрочную строфу. Наиболее важным различием между этими двумя размерами является то, что в размере магических стихов строфа состоит из шести, а не из восьми строк и что строка третья и строка шестая аллитерируются только друг с другом. Все, дошедшие до нас образцы «размера магических стихов», существуют в форме прямой речи. Яркой иллюстрацией такого размера является произведение «Хавамаль» («Речь Высокого»), несколько строф в поэтическом переводе на датский Мартина Ларсена приводилось выше. Здесь ниже приводится почти буквальный перевод одной из строф:

Животные умирают,
Родичи умирают,
Сам умираешь тоже.
Но добрая слава
Не умирает никогда
Для того,
Кто ее заслужил.

Размер скальдической поэзии это, прежде всего «drottkvæt» или «героический размер». Строфа имеет восемь строк, в каждой из которых шесть слогов. Три слога в каждой строке должны быть ударными, а предпоследний слог в строке должен быть долгим и ударным, между тем как последний слог должен быть безударным. Строки попарно связаны аллитерацией, как в ритмике древнего стиха, а первая строка в такой паре должна иметь два слога, связанных аллитерацией. Все строки должны иметь внутреннюю рифму. Таким образом, к метрике героического стиха предъявляются достаточно строгие требования.

Строфа в героическом стихе распадается на две части, и каждая представляет собою единое целое, но порядок слов в каждой полустрофе не имеет ничего общего с нормальной речью или прозой, что затрудняет ее непосредственное восприятие. Кроме того, скальдическая поэзия часто прибегает к парафразам мифов о богах и легенд о героях, поэтому она часто таит в себе загадки, разгадать которые под силу только сведущему слушателю. Эти парафразы являются составной частью искусства скальдической поэзии. Именно поэтому Снорри включил истории о богах и героях в свой учебник поэзии. Он разделяет эти две главные формы поэзии скальдов на хейти (heiti) и кеннинги (kenningar). Хейти – наиболее простая метафорическая форма, которая встречается в поэзии повсюду в мире. Она представляет собою метафоры, выражаемые с помощью синонимов, причем часто употребляются редкие, неестественно звучащие выражения, заменяющие обычные слова. Кеннинги также отнюдь не являются присущими исключительно скальдической поэзии, но здесь они применяются гораздо шире, чем в каком-либо другом поэтическом жанре. Кеннинги – наиболее характерный элемент скальдической поэзии. Кеннинг состоит из двух частей: главного слова и определяющего слова. Последнее употребляется в родительном падеже или является первой частью главного слова. Определяющее слово может само быть двухчастным кеннингом, и, таким образом, метафора может состоять из четырех или даже пяти частей.

Скальдическая поэзия насчитывает многие тысячи образцов кеннингов, в частности, таких, как «море раны» или «пот меча», (то есть кровь), «кормилец воронов» (воин), «конь волн» (корабль), «поле золотого кольца» (женщина), «пламя Рейна» (золото), «бремя карликов» (небосвод). Два последних кеннинга станут понятны, только если знать, что золотой клад, о котором рассказывается в Саге о Волсунгах и который Сигурд отвоевал у дракона Фафнира, покоится на дне Рейна, а небесный купол поддерживается карликами.

По причине сложной ритмики скальдической поэзии, необычного порядка слов и множества изысканных, сложных метафор невозможно быть уверенным в точности перевода поэзии скальдов, которая допускает разные толкования. Но можно приблизиться к пониманию цитируемой строфы из стихотворения Эгиля Скаллаграмссона – типичного образца скальдической поэзии. Строфа взята из саги Эгиля, созданной им в 1200-е годы, и связана с описанием следующего события. Эгиль и его брат Торольф принимали участие в большом сражении на стороне короля Ательстана. Торольф был убит. Во время пира после этой битвы, происходившего в пиршественном зале у Ательстана, король сидел на почетном возвышении, а Эгиль находился напротив него на скамье. У обоих мечи лежали на коленях. Эгиль был в гневе и печали. Спустя некоторое время король снимает с руки большое золотое кольцо и, насадив его на кончик своего меча, направляется к Эгилю и через очаг протягивает ему насаженное на меч кольцо. Эгиль встает с места и выходит из-за стола. Он поддевает кольцо концом своего меча, берет его себе и возвращается на свое место. Затем он снова кладет меч на колени, поднимает рог с питьем и произносит строфу стиха.

Стих в возможно точной передаче, с объяснением кеннингов и с переводом порядка слов на язык нормальной прозы, без учета ритмики, звучит так: «Король повесил мне на руку золотое кольцо, я принял кольцо на свой меч. Король одобрил это». Кеннинги с помощью иносказаний и метафор вызывают ассоциации со сражением и смертью. Ательстан подарил Эгилю золотое кольцо. В песне упоминается Хед. Это один из богов, брат и убийца доброго бога Бальдра. Это создает предчувствие катастрофы.

Скальдическая поэзия не поддается точному переводу. Но классик датской литературы Йоханнес В. Йенсен сделал вольный перевод саги Эгиля:

На окровавленном мече -
Цветок из золота.
Лучший из правителей
Чествует своих избранных.
Воин не может быть недоволен
Столь великолепным украшением.
Воинственный правитель
Умножает свою славу
Своей щедростью.

ЭКСПАНСИЯ

Причины экспансии и ее начало

Основы современной Скандинавии были заложены в эпоху викингов. Никогда прежде здесь не происходило так много преобразований за столь короткое время и никогда, ни прежде, ни потом, скандинавы не играли столь важной роли в мире. Именно это обстоятельство способствовало мифологизации эпохи викингов. И не без основания. Викинги привыкли странствовать по всему свету. Повсюду они чувствовали себя как дома: от Лимерика на западе и до Волга на востоке, от Гренландии на севере и до Испании на юге. Они выступали в самых разных ипостасях: грабителей и разбойников, вымогателей дани, наемных солдат, завоевателей, властителей, военного сословия, крестьян-поселенцев, путешественников, открывателей новых земель, колонизаторов незаселенных регионов, а также выполняли множество других ролей. Благодаря превосходным кораблям и искусству мореходов, география их распространения была обширна, велики были их военные успехи, и высшие классы общества отличались необычайной мобильностью и агрессивностью. Они имели возможность знакомиться с самыми разными культурами, долгие годы общались с самыми разными народами (фризами, саксами, славянами, балтами, финнами, саамами), и в этом, видимо, коренилась их необыкновенная способность приспосабливаться к любым условиям. Но в чем была причина, в чем коренились мотивы этой необычайной волны активности викингов за пределами их собственной земли?

Сразу же после эпохи викингов многие пытались давать этому простые объяснения. Так, например, около 1200 года священнослужитель Дудо из Нормандии высказал предположение, что викингские походы были обусловлены перенаселенностью

Скандинавии, поскольку, по его словам, «скандинавы без меры предавались излишествам, погрязли в беспутстве и в постыдном и незаконном сожителстве со многими женщинами рождали бесчисленное потомство. Полстолетия спустя уже упоминавшийся Адам Бременский писал, что норманны становились викингами по причине бедности, и он утверждал, что именно христианство (организационно подчиненное его епископату) заставило диких данов, норвежцев и свеев прекратить викингские походы. Прежде они могли лишь „точить зубы, как истые варвары, а теперь воспевают хвалу Господу. Взгляните лишь на этих викингов. Прежде мы читали о них, как они нападали на галлов и германцев, а теперь довольствуются жизнью в собственной стране и могут сказать вслед за Апостолом: „Здесь мы имеем не только нынешнее поселение, но также и будущее“. А в исландской литературе 1200-х годов отражена мысль о том, что походы из Норвегии около 900 года были вызваны тиранией королевской власти и стремлением Харальда Прекрасноволосого к воссоединению страны. В 1200-х годах король Норвегии утвердил свое господство над Исландией, которая до этого была свободной.

В этом последнем утверждении есть, вероятно, известный исторический смысл, поскольку не только в Норвегии, но и в других регионах Скандинавии сообщается о хевдингах, королевских сыновьях или других претендентах на трон, которые вынуждены были искать счастья в чужих землях или были попросту изгнаны из страны. Но ничто не указывало на то, что Дудо был прав, говоря о перенаселенности страны, а утверждение Адама Бременского, что причиной викингских походов явилось варварство скандинавов, которое могло быть излечено христианством, явно несостоятельно. Из многих скандинавских скальдических песен и надписей на рунических камнях со всей очевидностью явствует, что главными побудительными мотивами викингских походов были поиски славы и богатства. Западноевропейские письменные источники подтверждают, что викинги искали не только легкого обогащения, но также и торговых баз и новых мест для поселений. В Скандинавии происходили коренные общественные преобразования, и многие стремились избавиться от связывавших их на родине социальных пут и отправиться в чужие земли на более или менее значительное время. Начиная с 840-х годов войска викингов перестали возвращаться на зиму в родные края, разбивая повсюду свои лагеря. Во многих местах были полчища таких искателей приключений, которые не были особенно привязаны к родной земле, имели за плечами долгие годы викингских походов и, в конце концов, селились за пределами Скандинавии, например, в Нормандии или Англии. Те, кто впоследствии возвращались домой с богатством и золотом, использовали добытые на чужбине богатства для утверждения на родине своего могущества и власти. К таким людям можно причислить короля Норвегии Харальда Сурового Правителя. Но викинги совершали набеги и внутри Скандинавии, поскольку короли и хевдинги нуждались в больших доходах, чтобы содержать войско и сохранять завоеванную власть. Походы королей могли также быть звеном во внешнеполитической игре или имели целью завоевание какой-либо одной определенной страны. Это, например, относится к походу Свена Вилобородого на Англию в 1013 году.

Далее, походы могли быть обусловлены и тем, что Скандинавия имела многочисленные связи с Европой еще до эпохи викингов, а в Северной Европе в 700-е годы наблюдался экономический расцвет, и возникали торговые центры на морском и речном побережье Западной Европы, Англии и Балтики, а также прокладывались торговые пути на Русь. Около 840 года, в период активизации походов, уже существовала целая сеть торговых центров, таких, как, например, Квентович, чуть южнее Булони, и Дорестад на Рейне, Хемвик (предшественник Саутхемптона), Лондон и Йорк в Англии, Риббе, Хедебю, Каупанг и Бирка в Скандинавии, а также на южном и восточном побережье Балтийского моря – Ральсвик в Германии, Волин и Трузо в Польше, Гробиня в Прибалтике (нынешняя Латвия) и Старая Ладога на севере Руси, на пути в крупные торговые центры на Востоке.

В обращении находилось гораздо больше, чем прежде, самых разнообразных товаров, что давало больше возможностей для грабежей и вымогательства дани, как в Скандинавии, так и за ее пределами. Таким образом, возник плацдарм для экспансии скандинавов в эпоху

викингов. Политическая структура в большинстве регионов была в значительной степени расплывчатой и нестабильной. В этот период Византия все еще оставалась могущественной державой, однако страны Западной Европы и Британские острова все еще находились в процессе становления и преобразования. Англия, к примеру, оказалась под властью одного короля лишь в 954 году, а огромная империя Карла Великого в 843 году, через 29 лет после его смерти, после целого периода смуты и раздоров, была поделена между его внуками, и эти вновь возникшие государства неоднократно преобразовывались на исходе столетия. В Киевской Руси в 800–900-е годы возникло великое княжество, во главе которого находились князья, имевшие скандинавские корни. Викинги умело пользовались ситуацией. Слухи о возможностях добыть много золота и серебра, о легкой добыче и новых землях распространялись быстро. В самой Скандинавии викинги зачастую вели себя так же, как и в других землях, продолжая набеги.

Близко к истине, вероятно, подошел английский историк Питер Соьер, когда он в 1971 году охарактеризовал бурную активность викингов за пределами Скандинавии лишь как усиление уже имевшего место процесса, но теперь, в силу особых обстоятельств, приобретшего невиданные масштабы. Развитие кораблестроения, появление кораблей, пригодных для дальних морских походов, общий расцвет экономики, использование периодов ослабления и внутренних распрей в других странах – именно эти обстоятельства и явились причиной расширения викингской экспансии. К этому, возможно, следует добавить общественное развитие в самой Скандинавии, а также условия жизни в этом регионе. Сами по себе эти факторы едва ли могут считаться решающими, тем не менее, они, несомненно, могли побуждать в людях жажду приключений, веру в свои силы и фатализм. На карту ставилось само существование, и для многих скандинавов викингские походы и путешествия в чужие земли стали образом жизни.

В Грипсхольме, в Седерманланде (Швеция), в 1040 году был воздвигнут рунический камень в память об одном из многих, кто последовал за хевдингом Ингваром из Средней Швеции в его неудачный, но, тем не менее, знаменитый и воспетый во многих сагах поход на восток и на юг в Серкланд, то есть в страну сарацинов (здесь, вероятно, имеется в виду арабский халифат со столицей в Багдаде). Надпись гласит: «Тола воздвигла этот камень в память о своем сыне Харальде, брате Ингвара» и заканчивается стихами:

Они мужественно
Пустились в далекий путь
За золотом.
И там, на востоке,
Стали пищей для орлов.
Они погибли на юге,
В Серкланде.

Во время сражения избежал гибели некий Скарде, в честь которого король Свен Вилобородый воздвиг рунический камень неподалеку от Хедебю: «Король Свен воздвиг этот камень в память о своем дружиннике Скарде, который отправился в поход на Запад (то есть в Западную Европу и Англию), но теперь он нашел смерть близ Хедебю».

А вот для того, кто некогда, в конце эпохи викингов, торжествуя вырезал стихи рунами на серебряном шейном обруче, который был найден на острове Сенья в Северной Норвегии, все наверняка завершилось благополучно: «Мы отправились, чтобы встретиться с воинами из Фрисландии, но именно нам довелось делить военную добычу». Вместе с тем, подчас жестокие набеги викингов не должны заслонять того факта, что на протяжении всей эпохи викингов скандинавы поддерживали мирные связи с внешним миром, согласно общепринятым тогда нормам общения и в соответствии со специальными договоренностями. Международная торговля процветала, а вместе с ней и скандинавские города и торговые центры. Существовали дипломатические контакты, посещения официальными

скандинавскими посланниками других стран, откуда в Скандинавию также приезжали представители. Среди них были и миссионеры. Дружины викингов, находившиеся за пределами Скандинавии, почти не имели связи с родиной, так что местные короли или предводители не могли нести ответственность за чинимые ими за рубежом грабежи и насилия. Так, король Южной Англии, Уэссекса, Альфред Великий, принимал у себя в качестве гостя норвежца Оттара из Холугаланда и расспрашивал его о жизни в родных краях. И это происходило около 890 года, когда викинги еще представляли серьезную угрозу.

Далеко не все скандинавы, поселявшиеся за пределами своей страны, приходили в чужие земли как завоеватели, с мечом в руке. На пустынных землях Северной Атлантики они появлялись в качестве поселенцев, а во многих других местах они были лишь одними из немногих представителей других народов. Представление о связи определенной культуры с определенным регионом возникло гораздо позднее. Многие викинги также нанимались на службу к иноземным государям и часто занимали высокие должности при дворе. Приобщившись к христианской вере, викинги могли служить как в Западной Европе, так и на Британских островах, а также заключать браки с королевскими дочерьми. Религия была важнейшим культурным водоразделом между скандинавами и христианами.

Во многих местах набеги викингов имели катастрофические последствия и, главным образом, в локальном плане. Но зачастую на них напрасно возлагали вину или приписывали им ответственность за бедствия, обрушившиеся в этот отрезок времени и, чаще всего, обусловленные междоусобной борьбой между местной знатью и властителями. Например, противостоящие друг другу ирландские группировки не хуже викингов грабили и жгли монастыри, и повсюду шла внутренняя борьба. Нередко заключались договоры с профессиональными и мобильными отрядами викингов о поддержке той или иной стороны. Мятежные представители знати и претенденты на трон также часто присоединялись к войску викингов или к викингскому государству, чтобы сообща выступить против законного правителя собственной страны. В некоторых регионах викинги обосновывались лишь на короткое время и являлись здесь единственной чужой этнической группой, которая участвовала в исторических событиях того или иного государства. В военные походы отправлялись и мавры из арабского государства в Испании, и мадьяры из Венгрии, и им также приходилось давать отпор.

Одной из причин гиперболизированных представлений относительно опустошений, производимых викингами, являлось то, что письменные источники приводили преувеличенные данные о численности войск и флотилий викингов. Обычно эти данные округлялись, и авторы предпочитали приводить огромные цифры в силу моральных соображений и литературной занимательности. Так, например, «Вертинские анналы» – рукопись из аббатства Св. Бертина на севере Франции – повествуют о том, что король Дании Хорик в 845 году послал в морской поход на Эльбен флотилию из 600 кораблей (одно скандинавское судно могло вместить около полусотни человек). Или, например, уже упоминавшийся священник Аббо рассказывает, что войско викингов, участвовавшее в осаде Парижа в 885-886 годах, насчитывало 40 000 человек, в то время как защитников города было две сотни или даже того меньше. А в Хронике Регино говорится, что после победы Алана из Бретани в 890 году лишь 400 викингов из пятнадцати тысяч вернулись к своим кораблям. Войско или «лид» насчитывало обычно около сотни или несколько сот человек. Но когда войска объединялись, а это происходило время от времени, то численность их могла быть гораздо больше, как, например, во время похода на Англию в 865-880-х годах. А войско, завоевавшее всю Англию в начале 1000-х годов, было, вероятно, гораздо больше. В 840 году, когда викинги направились в разные регионы, то их общая численность могла быть достаточно большой.

Викингам приписывалась необычайная кровожадность и жестокость, и это обычно объяснялось моралью их языческой религии. Во многих христианских письменных источниках того времени рассказывалось о грабежах, чинимых язычниками, во время которых они убивали множество народа. Однако и христиане не менее рьяно грабили и

убивали друг друга. Представление о неистовых викингах давали христианские саги и исторические документы, которые уже тогда создавались христианами. Так, классический якобы пример особой жестокости – вырезание викингами орла на спине жертвы – возник в 1100-х годах. Причиной, скорее всего, явилось неправильное истолкование сложного скальдического стиха, где об этом будто бы говорится конкретно, на самом же деле это характерная для скальдического стиха поэтическая метафора. Речь шла о том, что король Элла был убит Иваром (исторической предпосылкой было завоевание викингами Йорка в 866 году), и приводится захватывающая история том, как на его спине была вырезана фигура орла. В более поздних источниках «вырезание орла» уже описывается как языческий ритуал во славу бога Одина и говорится о том, что спина жертвы вскрывается, ребра загибаются и наружу вытаскиваются легкие, таким образом, что все это напоминает орла. Этот «литературный» языческий садизм впоследствии завораживал многих,

Викингская экспансия стала серьезной угрозой для Западной Европы и Британских островов в конце 700-х годов. «Англосаксонская хроника» повествует, что во времена короля Бритрика (король Уэссекса в 786-802-е годы) в Англии появились первые корабли с данами (несомненно, здесь имеются в виду викинги). Они прибыли на трех кораблях, и когда королевский наместник прискакал к ним, полагая, что это купцы, и пригласил последовать вместе с ним к королевскому двору, они его убили. Уже в 792 году Оффа, король другого английского королевства, Мерсии, был занят организацией обороны в Кенте против язычников, которые приплыли морем на кораблях. А в 800 году император Карл Великий организовал оборону вдоль северного побережья Франции до Сены «против морских разбойников, которыми кишит море, принадлежащее галлам».

В 793 году произошло нападение, которое традиционно знаменует собою начало эпохи викингов. Речь идет о разграблении монастыря в Линдисфарне, на небольшом острове у побережья Северо-Восточной Англии. Вот как об этом сообщается в «Англосаксонской хронике»: «В этом году были жуткие знамения в Нортумбрии (третьем королевстве Англии), которые безмерно напугали всех жителей. Кружили сильные вихри, сверкала молния, а в небе видели летящих драконов, изрыгающих пламя. Вскоре после этих знамений начался сильный голод, а в том же году, 8 июня, полчища язычников разграбили и разрушили Божий храм в Линдисфарне и убили много людей». Ученый Алкуин из Йорка, который руководил придворной школой Карла Великого в Аахене, был потрясен и направлял в Англию послания. В них он увещевал вести праведную жизнь, дабы избежать кары Божьей, которой и были набеги викингов. Королю Нортумбрии Этельреду он написал следующее: «Подумай о том, что почти 350 лет мы и наши праотцы жили в этой прекрасной стране, и никогда прежде не обрушивались на Британию столь ужасные бедствия, как те, что навлекли на нас язычники. Никто и думать не мог, что такая напасть может случиться. Взгляни только, церковь Святого Кутберта запятнана кровью слугителей Господа, она разграблена и лишилась всех своих сокровищ. Место, священное для всех британцев, отдано на разграбление язычникам»...

В 795 году викинги достигли Шотландии и острова Йона, где они напали на монастырь досточтимого Св. Колумбаса, а затем добрались до Ирландии. В 799 году был разграблен монастырь Св. Филиберта на острове Нормонтъе в устье реки Луары. В последующий период викинги совершали набеги на все Британские острова, на материк и колонизовали острова Северной Атлантики и регионы, которые были почти лишены населения. Поселения викингов в Исландии появились, очевидно, около 870 года. Колонизация Фарерских островов началась, вероятно, несколько раньше, а поселения в Гренландии выходцев из Исландии возникли впервые примерно в 985 году. Около 1000-го года скандинавы из Гренландии достигли берегов Америки.

На востоке выходцы из Средней Швеции и Готланда стали селиться на восточном побережье Балтийского моря еще до начала викингских походов на запад, и в течение 800-х годов колонисты появились в разных районах южного побережья Балтийского моря и в Восточной Европе. Возникли связи с Византией и Халифатом, а викинги доходили на юге до

Черного и Каспийского морей.

Западноевропейский континент

Исторические предпосылки

Первое зафиксированное вторжение на западноевропейский континент относится к 810 году. Об этом упоминается во франкских государственных анналах, и касалось оно Фрисландии, которая затем в течение многих лет была в центре интересов викингов. Поход, о котором говорится во франкских анналах, был, несомненно, государственным мероприятием. Он явился результатом конфронтации между Данией во главе с Годфредом и Францией, управляемой Карлом Великим, куда входила также Фрисландия. Этот поход был предпринят спустя два года после того, как Годфред начал возведение пограничного вала, и год спустя после того, как были прерваны переговоры, и на границе была возведена крепость франков. Именно в этом году Карл Великий планировал начать военный поход против Годфреда. Согласно имеющимся данным, флотилия викингов состояла из 200 кораблей, то есть их было много. Фрисландия была разграблена и обложена данью. Было выплачено 100 фунтов серебра. Император Карл Великий собрал войско и разбил лагерь у реки Весер, где он стал поджидать Годфреда с его войском. Однако Годфред был убит одним из своих приближенных, а его наследник заключил с императором мир. Сам Карл Великий умер в 814 году, и ему наследовал его сын Людовик Благочестивый.

Первое зафиксированное нападение с моря (если не считать эпизода на острове Нормонтье в 799 году) имело место в 820 году. Согласно анналам, флотилия состояла из 13 судов, которые сначала попытались высадиться на побережье Фландрии, но их нападение было отбито береговой стражей. Затем викинги намеревались разорить район в устье Сены, но и здесь их вынудили отступить. Удача сопутствовала им лишь на юге Франции, на побережье Аквитании, где они захватили большую добычу. В целом же оборона побережья, организованная Карлом Великим, оказалась весьма эффективной.

Затем франки прибегли к другой форме береговой обороны. Викингам стали раздавать земли близ устьев больших рек с тем, чтобы они охраняли их от нападения других морских разбойников. Так, Харальд Клак получил в 826 году в лен, то есть в пожизненное пользование на условиях несения службы, Рюстринген, район близ истока реки Весер, на границе между Фрисландией и Саксонией. Он был одним из трех датских королей и долго служил франкам. Его положение на родине было шатким, и Рюстринген был для него своего рода запасным плацдармом, где он рассчитывал укрыться в случае своего свержения, которое на самом деле произошло уже в 827 году. Вскоре он, а вслед за ним многие другие, стал использовать междоусобную борьбу, разыгравшуюся во Франции.

Борьба происходила между Людовиком Благочестивым и его тремя сыновьями – Лотарем, Людовиком и Карлом. Борьба эта длилась много лет. Людовик Благочестивый в 833 году был взят ими в плен и свергнут с престола, но поскольку сыновья никак не могли между собой договориться, то он сохранил формальное верховенство в стране. Однако ему не удалось сплотить вокруг себя могущественных представителей знати. Оборона страны ослабла, и этим воспользовались викинги. В 834 году, а затем в 835, 836 и 837 годах подвергся разграблению Дорестада, находившийся на берегу одного из рукавов Рейна. Это был один из крупнейших торговых центров в Северной Европе. Дорестада был важным звеном в сети торговых центров, он был связан с другими странами, а также с Хедебю и с Биркой. Король Хорик Датский в 838 году заявил, что он не несет ответственности за эти нападения, и сообщил императору, что он захватил и казнил предводителя морских разбойников. За это он потребовал отдать ему Фрисландию, но получил отказ.

Мятежный Лотарь и Харальд Клак, наверняка, стояли за этими и другими грабительскими походами. Организация обороны посредством строительства крепостей отнимала много времени у Людовика Благочестивого в последние годы его правления (он

умер в 840 году) и помешала ему решить другие задачи. Около 841 года «Бертинские анналы» сообщают следующее: «Харальд (то есть Харальд Клак), который вместе с другими датскими разбойниками много лет в угоду ему (Лотарю) навлекал на Фрисландию и другие христианские районы на побережье столь много бед, чтобы нанести урон его (Лотаря) отцу, получил за эту услугу от него (Лотаря) Вальхерен и несколько других близлежащих территорий. Это поистине постыдное деяние, достойное презрения – поставить во главе христианской страны, народа и церкви Христовой тех, кто навлек на христиан столь много бед».

Дар был поистине огромен, поскольку с острова Вальхерен, который находился в Зееланде, куда впадают такие большие реки, как Рейн, Маас и Шельда, можно было не только охранять, но и использовать и держать под своим контролем крупные торговые операции. Два года спустя, а именно в 843 году, большая франкская империя формально была поделена на три государства. К Лотарю отошли земли от Италии до Фрисландии («Срединное королевство»), Людовик Немецкий получил Восточно-Франкское королевство от Саксонии до Баварии, а Карлу Лысому досталось Западно-Франкское королевство.

К тому времени викингские походы стали для многих весьма прибыльным занятием, и их невозможно было остановить. В 835 году был предпринят поход в Южную Англию. Многие отправились в этот поход, а в Ирландии грабежи возобновились с новой силой. Монастырское подворье на острове Нормонтъе, центр торговли солью и вином, к тому времени уже переместилось в более безопасное место. В 841 году викинги поплыли вверх по Сене и стали там требовать дани, а затем разграбили Руан. Год спустя они напали на Квентович, центр торговли с Англией, а в 843 году, в день Св. Иоанна они разграбили Нант. День был выбран удачно, поскольку в связи с церковным праздником здесь находились толпы народа и были устроены большие торги. Говорили, что это нападение было совершено по договоренности с мятежным графом, который не желал верховенства над собою Карла Лысого и сам стремился захватить Нант. Лотарь и Людовик Немецкий также, очевидно, время от времени использовали союзы с викингами, чтобы ослабить власть своего брата Карла. К 843 году относятся первые сведения о том, что войско викингов перезимовало на европейском континенте. Это произошло в Нормонтъе, и в «Вертинских анналах» сообщается, что викинги перевезли на остров дома и стали устраиваться, словно собирались поселиться здесь навечно. Викинги в Нанте были названы «вестфолдингами», то есть «людьми из Вестфолла», области близ Осло-фьорда. Других викингов называли датчанами, хотя среди них, несомненно, были также выходцы из Швеции. Походы теперь приобретают интернациональный характер и осуществляются с учетом политической конъюнктуры и обороноспособности в разных регионах континента и на Британских островах. Прежде всего, от нападений викингов страдало Западно-Франкское королевство Карла Лысого. Но викинги не оставляли в покое и другие королевства, и теперь они добрались до Средиземного моря.

845 год оказался судьбоносным. Были разграблены районы Сены, Париж и даже укрепления на острове Ситэ. Это произошло в день Пасхи, 28 марта, и Карл Лысый выплатил викингам 7 000 фунтов серебра для того, чтобы они убралась восвояси. Это была первая из его многочисленных выплат викингам. Впрочем, радости от этой добычи им было немного. Предводитель викингов Регнар (который увез с собою в качестве сувенира засов от городских ворот Парижа), а также все его спутники умерли по пути домой или уже дома, «пораженные слепотой и безумием», от эпидемии, воспринятой как «кара Божья». Датский король Хорик, который в том же году разорил Гамбург, тоже посчитал, что за этим скрывается «Божий промысел», и предложил освободить всех пленных христиан и возможно даже вернуть награбленные сокровища. Он, вероятно, также принимал участие в большом походе на франкские державы.

Однако эпидемия не остановила викингов. Не помогло также совместное послание королю Хорику, отправленное в 847 году от всех трех франкских королей, в котором они пригрозили ему войной. В 860 году монах Эрментариус из Нормонтъе ярко живописал беды, которые принесли стране викинги: «Число кораблей растет. Бесконечный поток викингских

полчищ не иссякает. Повсеместно христиане становятся жертвами убийц, повсюду пожары и грабежи. Викинги сокрушают все на своем пути. Никто не в силах остановить их. Они захватили Бордо, Периге, Лимож, Ангулем и Тулузу. Анже, Тур и Орлеан они сравнивали с землей. Бесчисленная их флотилия плывет вверх по Сене, по всей стране вершится зло. Руан разрушен, разграблен и сожжен. Захвачен Париж, Бове и Мийо, крепость Мелен сравнена с землей, осажден Шартр, Эвре и Байе разграблены. Все города осаждены».

Жертвами стали не только города, церкви и монастыри. Пострадали также сельские жители. Много раз налагались контрибуции на население, «в том числе и на бедняков», только чтобы откупиться от викингов. Викинги занимались грабежами и многих угоняли в рабство. В некоторых местах они основывали свои поселения, но неизвестно, долго ли они просуществовали, и сколько их было. В 845 году они «мирно осели на земле». Это было в Аквитании. А в 850 году им предоставили землю для поселения после того, как они разграбили побережье Сены. Причиной было то, что Лотарь готовил нападение на брата, и тогда Карл Лысый вступил в союз с грабителями.

В это время здесь орудовали самые разные отряды викингов, и в 861 году король Карл пообещал большую сумму денег войску викингов под предводительством Веланда, чтобы тот изгнал другое войско викингов, занявшее один из островов Сены. Веланд осадил это войско, солдаты которого страдали от голода и лишений.

Войско выплатило Веланду много золота и серебра, а само распалось и рассеялось, основав зимние лагеря на различных участках вдоль Сены. На следующий год Веланд примкнул к Карлу и был окрещен, а большая флотилия викингов уплыла восвояси. Но в 863 году Веланд был убит другим викингом. Политика натравливания викингов друг на друга, проводимая Карлом Лысым, на некоторое время была прекращена. В 864 году на всеобщем собрании в Питре были обнародованы указы короля. Отныне королевским вассалам было запрещено присваивать себе лошадей и другую собственность свободного населения с тем, чтобы оно могло оказывать помощь королю в его борьбе против викингов. Одновременно под угрозой смерти было запрещено передавать лошадей и оружие викингам. Наиболее эффективным способом обороны против викингов явились укрепленные мосты через реки, а также укрепление городских стен и строительство новых крепостей в стране. Их начал сооружать еще Карл Великий и теперь активно продолжали его наследники. Результаты сказались уже во время долгой осады Парижа в 885-886 годах, которую столь ярко живописал священник Аббо. Несмотря на все усилия, викингам пришлось от Парижа отступить. Но устья рек и береговые районы Карл Лысый защитить не мог. Здесь находились базы викингов.

Некоторые из воспетых сагами походов викингов достигли Средиземноморья. Первая достоверно установленная экспедиция в Испанию состоялась в 844 году. При этом была, в частности, захвачена Севилья, но мавры быстро обратили викингов в бегство. Наиболее прославленный поход проходил под предводительством хевдингов Бьерна Йернсиде и Хастинга. Они вышли из Луары в 859 году на 62 судах и вернулись обратно лишь три года спустя, побывав во многих местах, в том числе, и в Испании, в Северной Африке, долине Роны и Италии и захватив большую добычу и множество пленных. Многого они лишились на обратном пути, но слух об их подвигах распространился далеко. Об этом походе повествуют «Вертинские анналы», арабские источники и более поздние источники Скандинавии и Нормандии. Об этом же Дудо сообщает в своей книге о нормандских завоевателях. Он говорит, что два хевдинга захватили небольшой итальянский городок Луна, полагая, что это Рим. История эта забавна, но вряд ли правдоподобна. Столь опытные воины, как викинги, не могли допустить такую ошибку. Вместе с тем известно, что они основали зимний лагерь в дельте реки Роны, и отсюда совершали набега по всей стране, а в Италии они разграбили Пизу и другие города, в том числе, возможно, и Луну, которая находилась всего лишь на 60 километров севернее.

В 870 году продолжилось дробление империи Карла Великого. Лотарь разделил свои владения между сыновьями, и ту часть «Срединного королевства», которая отошла к его

сыну Лотарю II (она получила название Лотарингия), впоследствии разлепили между собой Людовик Немецкий и Карл Лысый. Владения Карла Лысого доходили теперь по побережью до Рейна, и он сразу же заключил союз с хевдингом викингов Рюриком, который, по всей вероятности, был племянником Харальда Клака и давно уж утвердился в Дорестаде и во Фрисландии.

Как уже отмечалось, политика короля Лотаря и его наследников заключалась в том, чтобы обеспечить безопасность внутренних областей страны посредством договоренности с хевдингами викингов, которые основали свои базы близ устьев рек. Так, Харальд Клак в 841 году получил во владение Вальхерен и другие земли. А когда другой хевдинг, Рюрик, начал свои набеги в долине Рейна, и Лотарь не смог ему воспрепятствовать, он взамен на обещание верности отдал викингу во владение Дорестад и другие графства. Это произошло в 850 году. Политические взаимоотношения между тремя франкскими королевствами, Данией и хевдингами викингов до конца еще не ясны. Достоверно известно лишь то, что Фрисландия не раз давала приют датским притязателям на трон, которые наживали здесь серебро и получали высокие должности и также, как другие представители франкской знати, пользовались здесь значительной независимостью. Как уже отмечалось, Харальд Клак был в свое время изгнан из Дании, а в 855 году Рюрик и его родственник Годфред на короткое время приобрели власть над частью этой страны, но затем им вновь пришлось вернуться в Дорестад и во Фрисландию. Однако эти хевдинги не могли или не хотели противостоять набегам других викингов на данный регион.

После первых набегов, имевших место в 834-837 годах, Дорестад вновь подвергся нападениям в 846, 847, 857 и 863 годах, а вскоре город вообще утратил свое значение, возможно, в силу ряда таких причин, как, например, постоянные набеги викингов, изменение русла реки или небольшие наводнения. Грабежи имели место и в других районах Фрисландии. В 867 году Рюрик был изгнан жителями Фрисландии. Но оставалось опасение, что он вернется с подкреплением из датских дружин. Последние сведения о нем датируются 873 годом.

Карл Лысый умер в 877 году, и в течение последующих 11 лет в Западно-Франкском королевстве сменилось 11 властителей, и постоянно шла междоусобная борьба. После некоторого периода спокойствия, когда большинство викингов было занято завоеванием Англии, нападения возобновились с новой силой. В основном их активность была особенно велика на побережье, но теперь они стали вторгаться и в глубь страны, во Фландрию и вдоль течения Рейна. Так, например, в 880 году набегами подверглись Торнау и монастыри близ реки Шельды, в 881 году произошло вторжение в район между реками Шельда и Somma. Сохранился рассказ, относящийся к 882 году, в котором сообщается, что знаменитый Хастинг из Луары напал на прибрежные районы, а другие викинги сожгли Кельн и Трир, а также множество монастырей вдоль рек Маас, Мозель и Рейн. Тогда младший сын Людовика Немецкого, Карл Толстый, который в то время носил титул императора, заключил союз с хевдингом Годфредом, который был окрещен и получил в лен Фрисландию и другие земли, которыми прежде владел Рюрик. Другим хевдингам он отдал золото и серебро из числа сокровищ, отнятых у церквей и монастырей. Именно этого и искали викинги в первую очередь – несметных богатств, накопленных за столетия, а также рабов и золота в городах.

Большие суммы можно было получить в качестве выкупа за плененных именитых людей. Но Годфред был человеком с большими амбициями. Его жена Гисла была дочерью Лотаря II, и ее брат уговорил Годфреда поднять мятеж против императора. Согласно сведениям, содержащимся в Хронике Регино, ему была обещана половина королевства в случае успеха мятежа. Но Годфред послал гонцов к императору, заявив, что будет хранить ему верность, и защищать его земли от нападений, но взамен потребовал «Кобленц, Андернах, Синцих, а также многие другие королевские поместья, те, в которых было много вина, в то время как земли, которые он получил прежде, не содержали ни капли вина». Аргумент относительно производящих вино областей использовался во многих других случаях при разграничении владений во Франции, но в действительности цель Годфреда была иная – получить опорные пункты в стране или, в случае, если такое требование будет отвергнуто, оправдать свое неповиновение. Годфред рассчитывал на получение помощи с родины (вероятно, Дании). Но его замысел был раскрыт, а сам он был убит в 885 году. Это было в последний раз, когда викингский хевдинг властвовал во Фрисландии.

Викинские набеги продолжались, но вместе с тем возводились все новые крепости, и оборона все больше укреплялась и была все лучше организована. К концу 800-х годов удачные времена для викингов миновали. В 890 году викинги попытались воспользоваться междоусобной борьбой в независимой Бретани, однако здесь потерпели поражение и отправились на север. В 891 году они были разбиты германским королем Арнульфом в битве при реке Диле, притоке Шельды. В том же году в письменных источниках упоминается о нескольких построенных крепостях, которые, вполне вероятно, относились к числу больших «круглых» крепостей, имеющих вдоль побережья современной Северной Франции, Бельгии, Зеландии, Южной Голландии, и, в частности, в Соубурге на острове Вальхерен. После нескольких удачных набегов в 892 году войско викингов отправилось в Англию вместе с семьями и со всем имуществом, видимо, намереваясь осесть там. То же самое сделал викинг Луары Хастинг. Но в Англии король Альфред организовал эффективную оборону, в результате в 896 году войско викингов вынуждено было отступить, а затем распалось. Часть войска отправилась в Восточную Англию, в Нортумбрию, королевство, находящееся под властью викингов, а другие вернулись на свои привычные места в район реки Сены.

Начиная с этого времени, сведения о пребывании викингов на западноевропейском континенте почти исчезают, но некоторые группы, возможно, продолжали здесь находиться. Последнее, что нам известно, это то, что король Западно-Франкского государства Рудольф в 926 году заплатил им дань. Из Бретани, где викинги целый ряд лет сохраняли свое могущество, они были окончательно изгнаны около 937 года. Но в Нормандии их власть была еще сильна. В 911 году король Карл Простоватый прибегнул к испытанному, но опасному способу привлечения викингов к обороне против других викингов. Хевдинг Ролло и его люди получили во владение город Руан и близлежащие земли у реки Сены до самого моря и, возможно, также некоторые участки вверх по реке. Судя по всему, Ролло был вдобавок крещен. Это положило начало герцогству Нормандия.

На протяжении 900-х годов западноевропейские государства окрепли, и укрепилось равновесие сил. Южная граница Дании подвергалась опасности и постоянно нарушалась германцами. В конце столетия, когда возобновились походы на запад, викинги совершили несколько грабительских набегов. Целью их набегов была привычная и заманчивая Фрисландия. Но в основном их активность сосредоточилась на Англии. Время набегов на Западную Европу миновало. В их руках оставалась лишь Нормандия.

Археологические данные и значение викингских походов

Не будь письменных источников, мы бы сегодня мало что знали об активности викингов на западноевропейском континенте. Лишь в Нормандии сохранились географические названия скандинавского происхождения и некоторые признаки влияния и

языке. Археологических данных о пребывании здесь викингов крайне мало, найдено всего лишь несколько предметов из драгоценных металлов в Дорестаде, и это несмотря на интенсивные раскопки, которые велись в этой местности. Тем не менее, было обнаружено несколько кладов серебра в Верингене (Голландия), одна женская могила с набором типичных овальных фибул в Питре близ Руана, богатая мужская могила в корабле на небольшом острове Иль де Груа на южном побережье Бретани, приблизительно в ста километрах к северо-западу от Нормонтье. Сюда можно также причислить несколько разрозненных находок оружия, в том числе мечи, найденные в руслах рек, и, возможно, крепость в Бретани. Погребальный ритуал свидетельствует о том, что хевдинг, захороненный на острове Иль де Груа, был норвежцем. Однако обнаруженные в его могиле вещи представляют собою сочетание скандинавских и западноевропейских предметов. Это говорит о том, что погребенный здесь человек принимал участие во многих походах, до того как в середине или в первой половине 900-х годов обрел последний приют на этом острове вместе с личностью неустановленного пола. Он был, вероятно, одним из последних викингов в этих местах.

Уже упоминалось о том, что викинги часто строили укрепления на месте зимних лагерей или даже в полевых условиях. Сейчас такие укрепления обнаружить невозможно, так как большинство из них полностью исчезли. Но не исключено, что круглое сооружение Камп де Йеран в Бретани близ Сент-Брие использовалось одной из сторон в периоды противостояния. Датирование с помощью естественно-научного анализа показывает, что это крепостное сооружение было разрушено как раз в то время, когда викинги были окончательно изгнаны из Бретани, то есть в 930-е годы. А одна монета, найденная здесь, была чеканена между 905 и 925 годами в королевстве викингов в Англии, в Йорке.

В силу увлечения эпохой викингов количество находок, относящихся к этому периоду, вероятно, несколько преувеличено. Так, например, ни один из украшенных резьбой корабельных штевней, найденных на реке Шельде, не может быть с достоверностью отнесен к эпохе викингов, хотя они и плавали по этой реке. А целый ряд так называемых викингских находок в Голландии оказался подделкой. Среди множества мечей, ранее приписываемых эпохе викингов, большинство из которых также было найдено на дне рек, едва ли с полдюжины можно считать бесспорно принадлежащими к ней. Но не исключено, что раскопки, которые сейчас ведутся, например, в Нормандии, в районе Луары и Фрисландии, помогут получить новые данные о поселениях, базах, лагерях и торгах, как это произошло в Англии, Шотландии и Ирландии. В письменных источниках о них почти ничего не сказано, однако косвенные следы пребывания викингов можно отыскать во множестве оборонительных сооружений, и сюда же, вероятно, относятся «круглые» крепости на побережье Фландрии и Зеландии. Но необходимо точное датирование, которое могло бы явиться предпосылкой для идентификации подобных сооружений.

Не так – то просто определить значение викингских походов для Западной Европы. Их невозможно изолировать от множества других факторов, которые сыграли свою роль в происходивших здесь преобразованиях. Разумеется, для множества отдельных личностей и небольших общин, населявших побережье и долины больших рек, свирепые набеги, грабежи, убийства и угон в рабство имели катастрофические последствия. К тому же, многие вынуждены были вносить свою лепту в счет громадных сумм откупа от викингов. Церкви и монастыри лишались своих сокровищ, а некоторые монастырские общины, как, например, в Нормонтье, вынуждены были искать прибежища в другом безопасном месте. Многие епископские резиденции на некоторое время опустели, а в других местах церковные организации распались. Нет сомнения в том, что набеги викингов способствовали политическому распаду Западно-Франкского королевства, но начался он еще до их появления, и, именно благодаря ему, активность викингов здесь стала вообще возможной.

Вместе с тем, истории о том, что викинги опустошали целые местности, относятся к более позднему периоду и были, несомненно, навеяны мифами о викингах. Большинство жителей Западной Европы находились под влиянием этих мифов, и им, по сути, безразлично

было, кто их грабил – викинги или какая-либо из сторон, принимавших участие в междоусобных распрях. Лишь в Нормандии, где сильный род скандинавских властителей оказался в состоянии утвердиться на этой земле и распространить здесь свою власть, мы находим достоверные свидетельства о долговременных поселениях. В этих краях влияние викингов сказалось самым убедительным образом, а их потомки, благодаря завоеваниям в южной Италии и Англии, оказали и здесь сильное влияние.

В Скандинавии связи с Западной Европой также оставили глубокий след. Особенно сильное влияние ощущалось в Дании. Многие предметы роскоши также поступали сюда из Западной Европы, главным образом, посредством торговли. Менее заметное влияние оказали воинские набеги, хотя добыча от них была колоссальной и, несомненно, должна была иметь большое значение. Сохранились письменные данные о том, что в 800-е годы викингам было официально выплачено в общей сложности 44 250 фунтов золота и серебра. Сюда можно приплюсовать и незафиксированные доходы от продажи рабов или их выкупа, получаемого за знатных пленников. Много драгоценных металлов было переплавлено в золотые и серебряные украшения в скандинавском стиле, а многое оставалось в Европе и использовалось викингками на месте. Но повсеместно, особенно в Дании, было найдено множество отделанных серебром франкских мечей и многих других предметов, напоминающих о знаменитых походах в Западную Европу. Об этих походах упоминают также некоторые рунические надписи. Но самым великолепным напоминанием является богатый клад из Хона в Южной Норвегии, который содержит 2, 5 килограмма золотых вещей, а также некоторое количество серебра и жемчуга. Вероятно, этот клад был зарыт где-то в 860-х годах, в самый разгар викингских походов.

Нормандия

В Нормандии развитие шло особым путем. Ролло и его род сосредоточили власть в своих руках и расширили свои владения, чего не удавалось другим хевдингам, получившим земли в Западной Европе. Постепенно многие скандинавы переселились в этот богатый и плодородный край. Сохранились интересные и полулегендарные истории о первых властителях Нормандии, они были записаны в начале 1000-х годов уже неоднократно упоминавшимся Дудо. Впрочем, в них содержится не так уж много достоверных фактов. Например, не совсем ясно происхождение Ролло. Дудо называет его датчанином, но в более поздних норвежско-исландских источниках говорится, что он был норвежцем, сыном Рагнвальда Мэреярла, прародителя Оркнейских ярлов. Здесь заметную роль играло имя дочери Ролло, Гейрлауг. Считалось, что это имя норвежское, но новейшими исследованиями было установлено, что оно общескандинавское. Тем самым отпадает важный аргумент в пользу того, что Ролло был норвежцем.

Неизвестно также точное содержание договора с Карлом Простоватым, который был, вероятно, заключен в Сент-Клер-сур-Эпт. Неизвестно также, каково было соотношение сил в этом регионе. Во всяком случае, Ролло не был тогда удостоен герцогского титула. Первые достоверные сведения о титуловании владетелей Нормандии относятся к 1006 году, то есть ко времени царствования Ричарда II, правнука короля Карла Простоватого. Первые здешние властители назывались графами Руанскими. Ролло не получил сразу всю территорию, которая стала называться впоследствии Нормандией. Эта территория складывалась на протяжении 900-х годов, в ходе многочисленных войн, причем, самые важные завоевания относятся к 924 и 933 годам. Владение было утверждено франкским королем.

В первой половине столетия власть рода Ролло была, однако, далеко не прочной. Как и в других викингских государствах и областях здесь появлялись все новые ватаги викингов, которые искали добычи и земель и вели войны с франкским королем и другими владетелями. Названия «Нормандия» (*terra Normannorum* или *Nortmannia*) встречается впервые в начале 1000-х годов. Это слово означает «земля норманнов», что отражает этническое происхождение ее правителей. В течение этого столетия была четко определена и укреплена

граница с франкским государством. Здесь установилась необычайно сильная и централизованная власть, и Нормандия сохраняла независимость в значительной степени, пока не была завоевана французским королем Филиппом Августом в 1204 году. Но, по всей вероятности, все правители до Вильгельма Завоевателя (герцога Нормандии в 1035-1087 годах) и включая его, а также все правители после него признавали формальное верховенство французского короля.

Ролло и его род, очевидно, присвоили себе особенно много земли в новой стране, но, в целом, викинги, вероятно, переняли и стали развивать дальше многие формы организации, введенные франками. Архиепископ Руана оставался на своей должности, несмотря на то, что после 911 года власть здесь была в руках язычников. Ролло и в особенности его сын, Вильгельм Длинный Меч, возрождали к жизни и укрепляли церкви и монастыри, монастырские общины с помощью множества богатых даров. Оба ими были похоронены в Руанском соборе, и, вероятно, прошло не так уж много времени до того, как большинство викингов стали христианами. Руан процветал, в частности, благодаря оживленной торговле с викингами, которые сбывали здесь свою добычу. Возобновилась чеканка монет, и на них значилось имя Вильгельма, а не короля франков.

В чем выражалось здесь скандинавское влияние, определить трудно. Вначале оно было, по всей вероятности, значительным, но постепенно ослабло во франкском окружении. В 1000-е годы интерес к скандинавской культуре, вероятно, начал исчезать при Руанском дворе. А верховенство скандинавского языка прекратилось еще до этого времени. Он очень отличался от языка франков, и потому все слои населения предпочли, в конце концов, один язык, и это оказался язык франков. Поэтому скандинавское влияние на язык Нормандии было незначительным и прослеживается лишь в сферах рыболовства и мореходства. Характерно также то, что ни один правитель Нормандии после Ролло не носил скандинавского имени. До 1106 года их звали либо Вильгельмами, либо Ричардами и Робертами. Последнее – французский вариант имени Ролло.

Между тем географические названия со скандинавскими элементами показывают, что викинги прибыли в Нормандию из разных мест – в основном, из Дании, но некоторые – также из Норвегии и из кельтскоговорящих районов Англии. Такие географические названия встречаются, главным образом, в районе между Руаном и морем, то есть в центральной части Нормандии, а также вдоль побережья и на полуострове Готентин. Признаки пребывания викингов, явившихся из Англии, чаще всего прослеживаются в географических названиях вокруг Байе, а признаки тех, кто прибыл из мест, говорящих на кельтском наречии, встречаются на полуострове Готентин. Не исключено, что многие местные названия, отмеченные английским влиянием, возникли благодаря группе викингов, которые под началом ярла Туркетиля прибыли сюда из Англии в 916 году.

Сугубо скандинавские окончания «бю» (то есть «поселение»), здесь, правда, не встречаются, но зато имеются названия с окончанием «торп» (надел земли) и имеется множество окончаний «тот» или «тофт» («участок земли»). Некоторые географические названия являются чисто скандинавскими, но гораздо больше таких, которые представляют собою сочетание франкского слова и скандинавского элемента. Чаще всего встречается франкское окончание «вилль» и впереди – норвежское имя (почти всегда мужское). Например, Кветтевилль (первая часть – скандинавское имя Кетиль) или Аубервилль (скандинавское имя Асбьерн). Конкретная основа всех этих изменений неизвестна, как, впрочем, и многое другое из древней истории Нормандии. Но основной функцией этих названий являлось, очевидно, утверждение нового владельца-скандинава. Скандинавские слова встречаются в обозначениях природного ландшафта, например, «ручей», «роща», «холм». Имеются характерные топографические названия, например, «лунд» («роща») в слове «Эталондес». Эти названия говорят о том, что многие поселенцы из Скандинавии не только владели землей, но и осваивали и возделывали ее.

Около 1020 года «норманны» и другие викинги стали внедряться в районы Южной Италии и прочно утвердились здесь к середине столетия. В 1066 году герцог Вильгельм

завоевал Англию, но уже как властитель Нормандии. Связи со Скандинавией были прерваны. В связи с образованием могущественных государств в Нормандии, Южной Италии и Англии постепенно возник приукрашенный, поэтизированный образ норманнов, как народа, наделенного особыми чертами: энергичного народа-завоевателя с большими организаторскими способностями, действовавшего решительно повсюду, где бы он ни появлялся. Этот миф о норманнах имеет немало общего с современным мифом о викингах.

Шотландия и остров Мэн

Большинство викингов, которые в конце 700-х годов напали на Линдисфарн, Йону и другие пункты вдоль побережья Северной Англии, Шотландии и Ирландии, очевидно, добирались до этих мест через Шетландские и Оркнейские острова. Именно через эти архипелаги проходил путь из Норвегии. От Норвежского западного побережья можно было при попутном ветре доплыть до Шетландских островов приблизительно за сутки. А отсюда недалеко было до Оркнейских островов, и дальше до мыса Кайтнесс на северной оконечности Шотландии. Можно было избрать и другой путь вдоль восточного побережья Шотландии до Северной Англии или плыть вдоль западного побережья Гебридских островов и Йона до острова Мэн, Ирландии и западного побережья Англии. Так же, как и у берегов Норвегии, на большей части пути до Ирландского моря путников отделяла от Атлантического моря гряда островов и шхер, где можно было высаживаться на берег при непогоде и повсюду можно было добыть себе провиант. Путь из Западной Норвегии до Ирландии был не длиннее и не труднее, чем путешествие Оттара из Северной Норвегии до Скирингесхила, которое он совершил за один месяц. Иными словами, викинги без особых затруднений могли за один летний сезон, то есть от начала мая до конца сентября, добраться до Ирландии или Северной Англии и вернуться обратно в Норвегию.

Норманны поселялись на Шетландских, Оркнейских и Гебридских островах, на острове Мэн и на других островах, а также во многих местах Шотландии. Природные условия и возможности для пропитания здесь были такие же, как и у них дома. Но интерес викингов к этим регионам был также тесно связан с возможностями грабить, торговать и, наконец, найти пристанище в Ирландии и Северной Англии, из которых можно было осуществлять связь с Исландией. На всем пути было оживленное движение, а многочисленные, пользующиеся спросом товары сулили большие доходы. Здесь можно было создавать удобные базы для набегов. Оркнейские острова находились в центре, и во второй половине 800-х годов на архипелаге утвердился могущественный род ярлов. За исключением факта нападения на островок Йону, в нашем распоряжении нет достоверных сведений о том, когда викинги прибыли в Шотландию и на остров Мэн, или о том, когда они здесь поселились и какое значение это имело для коренного населения. Население исповедовало христианскую религию, но если даже события того времени были где-то зафиксированы, то эти записи были утеряны, а относящиеся к тому периоду ирландские и англосаксонские источники почти не содержат каких-либо данных по этому периоду. Самые ранние скандинавские письменные источники, касающиеся этой темы, относятся к концу 1100-х годов, то есть ко времени, отстоящему от происходивших событий на триста-четырееста лет. Вполне понятно, что они во многих отношениях носят противоречивый характер. Так, например, в Саге об Эгиле, относящейся к первой половине 1200-х годов, говорится, что многие люди бежали из Норвегии в годы правления Харальда Прекрасноволосого и поселились в пустынных, безлюдных местах, в частности, на Шетландских, Гебридских, Оркнейских островах. Между тем написанная на латыни история Норвегии, *Historia Norvegiana*, относящаяся к концу 1100-х годов, повествует о том, как норвежцам на Оркнейских островах приходилось вести борьбу с местным населением. Археологические исследования подтвердили, что здесь, как и в остальных местах, обитало коренное население и что усадьбы местных жителей часто присваивались викингами и перестраивались ими. Можно догадаться что это был вовсе не добровольный процесс. На Гебридских островах также обнаруживаются следы

противоборства, и различные норвежские могилы содержат предмете шотландского происхождения, вероятно, из числа награбленного. Уже в 807 году монастырская община на Йоне пришла к выводу, что оставаться в этих местах опасно (разграбления монастыря имели место в 795, 802 и 806 годах), и начала переселение в Ирландию, в Кельс. Кельс находился в глубине суши (к северо-западу от Дублина) и казался более надежным прибежищем, чем небольшой островок, лежавший на пути у викингских кораблей.

Географические названия и языковая ситуация показывают, что скандинавы полностью завладели Оркнейскими и Шетландскими островами, но превратилось ли местное население в рабов или просто лишилось в большинстве своем земель и самостоятельности, – этот вопрос продолжает оставаться предметом дискуссий. Предполагается также, что викинги искоренили и уничтожили местное население, но находки, сделанные на Оркнейских островах, показывают, что если такое и случалось, то отнюдь не повсеместно.

Различные скандинавские источники дают понять, что завоевание Оркнейских островов произошло в конце 800-х годов, во времена правления короля Харальда Прекрасноволосого. Однако они же повествуют, что здесь были не постоянные поселения, а базы викингов, откуда совершались набеги. Базы эти находились и здесь, и в других местах, а когда власть ярлов была установлена формально, нам неизвестно. В произведении «*Orkneyinga Saga*», относящемся к концу 1100-х годов, в котором речь идет о ярлах 800-х годов, рассказывается, что Харальд Прекрасноволосый отправился на запад морем, чтобы основать викингские базы на Оркнейских и Шетландских островах, и что он во время этого похода подчинил себе не только эти архипелаги, но также Гебридские острова и остров Мэн. Возвращаясь домой, он оставил Оркнейские и Шетландские острова ярлу из Западной Норвегии Рагнвальду Мэре, а тот передал их брату Сигурду, который распространил свою власть на многие другие районы Шотландии. Затем титул ярла перешел к сыну Рагнвальда Эйнару, который стал основателем знаменитой династии ярлов на Оркнейских островах. Однако сага несомненно проецирует многие события 1100-х годов на 800-е годы, и весьма сомнительно, чтобы Харальд Прекрасноволосый когда-либо совершил подобный поход. Вместе с тем, данные о судьбе сыновей Рагнвальда иллюстрируют широту интересов западно-норвежских хевдингов, даже если не все здесь соответствует истине. Так, Ролло стал правителем Нормандии, Ивар был убит во время похода Харальда Прекрасноволосого на Запад, Эйнар стал ярлом на Оркнейских островах, Халлад, который ранее был здесь ярлом, не смог обеспечить мир в своих владениях и возвратился домой. Туре остался дома, а Роллауг отправился в Исландию.

Вопрос о том, когда возникли поселения в Шотландии и на острове Мэн, на сегодня не решен. Многие, не учитывая позднейшие письменные источники, полагают наиболее вероятным, что скандинавские поселения на Оркнейских и Шетландских островах возникли около 800 года или в самом начале 800-х годов, а остальные шотландские районы и остров Мэн оказались во власти викингов немного позднее. Здесь могли сыграть свою роль, как близость Норвегии, так и потребность викингов в остановке на пути в известные им районы набегов в Северной Англии и Ирландии. Но, как подчеркивалось, этих районов можно было достичь прямо из Норвегии. Пока мы не располагаем точными археологическими данными о столь ранних норвежских поселениях, поскольку в данном случае должно было пройти немало времени, прежде чем викинги основали поселения в Англии и Ирландии. Но в том, что это произошло в 800-е годы, причем с большинством поселенцев преимущественно из Норвегии, сомневаться не приходится. Не исключено, что прежде, чем здесь возникли поселения, как и повсюду в других местах существовал определенный период, когда викинги совершали набеги и создавали военные базы. Возможно, доказательством этого может служить серебряный клад в небольшой церкви на острове Св. Ниниана, у юго-западного побережья Шетландского архипелага. Многие викинги, впервые попавшие сюда, оставались здесь некоторое время, а затем отправлялись в Исландию или в другие викингские колонии и поселялись там надолго.

В противоположность условиям в Нормандии, в Шотландии и на острове Мэн имеется

множество археологических следов пребывания здесь викингов, и влияние скандинавов здесь было длительным и существенным. Коренное население говорило на кельтском наречии, за исключением области на юго-востоке, где преобладал английский язык, а вся Шотландия была поделена на множество государств, которые в эпоху викингов претерпевали постоянные изменения, как внутренние, так и внешние. Скотты жили в Далриаде, в западной части, бритты – на юго-западе, а пикты – на Шетландском и Оркнейском архипелаге, а также в северной и северо-восточной части Шотландии, приблизительно до Эдинбурга, англы жили на юго-востоке, а манксмэны – на острове Мэн. К середине 800-х годов шотландское государство расширило свои владения на восток, и под его властью оказались пикты, а затем оно овладело и южной частью. Распространение скандинавских географических названий, обнаружение скандинавских захоронений, кладов и усадеб – все это согласуется с позднейшими письменными источниками, и в результате создается, несомненно, правдивая, но, разумеется, лишь самая общая картина викингских поселений в этом районе. Находились они в основном на островах и во многих местах на побережье Шетландского, Оркнейского архипелагов, в Кайтнесе, на западной части островов (больше в краевой части Гебрид, чем внутри), а также, возможно, вдоль шотландского материка, на сильно изрезанном побережье и на острове Мэн. Могила викинга была обнаружена даже на небольшом островке Сент-Кильда к западу от Гебрид. А множество женских захоронений, содержащих характерные овальные бронзовые фибулы, показывают, что здесь поселилась семья из Скандинавии.

Нигде, ни в Шотландии, ни на острове Мэн, до прибытия сюда викингов не было городов, и в период их могущества они так нигде и не возникли. Экономическими центрами являлись Йорк и Дублин, но существовали еще резиденции хевдингов и ярлов. В одном из таких центров частично были произведены раскопки. Это Бирсей на Оркнейских островах. В эпоху владычества викингов монеты нигде не чеканились, если не считать острова Мэн, где приблизительно в 1025-1040-х годах производилась чеканка монет. Но как здесь, так и в Шотландии, были найдены в большом количестве серебряные браслеты, относящиеся приблизительно к 950-1050-м годам. Они имели очень простую форму со стандартным весом около 24 грамм, что соответствовало скандинавской весовой единице «эйрир». Возможно, браслеты служили средством оплаты. Это облегчало товарооборот в обществе, которое, так же как и норвежское, не знало денег и предпочитало обмен или оплату серебром по весу. О благосостоянии этого региона свидетельствуют многочисленные обнаружения кладов серебра и некоторого количества золотых кладов. Но они относятся лишь к 800-м или началу 900-х годов, то есть к периоду, когда викинги обосновались здесь прочно и когда Дублин стал их важнейшим большим торговым центром на Западе.

Особое богатство Оркнейских островов подчеркивается обнаружением серебряного клада на западном побережье самого большого острова Мейнленд. Он был зарыт в самом начале 950-х годов и содержит большие подковообразные фибулы с прекрасным декором в скандинавском стиле, браслеты, шейные обручи, булавки и разнообразный серебряный лом, а также 21 монету. Его вес достигал 8 килограмм (некоторая часть его утеряна), что соответствует самым крупнымкладам, известным в Скандинавии.

Как уже отмечалось, Оркнейские и Шетландские острова были завоеваны викингами полностью. Оркнейский архипелаг состоит примерно из 70 островов, а Шетландский архипелаг насчитывает около 100 островов, но не все они сегодня обитаемы. Пиктских географических названий сохранилось крайне мало. Почти все названия – скандинавские. Это относится к островам, усадьбам и другим природным объектам: Эгильсей (остров Эгиля), Вестнес (западный мыс). Язык стал также «скандинавским», и особый диалект «норн» присутствовал до 1700-х годов. Оркнейский архипелаг (в настоящее время входит в состав Великобритании) принадлежал Норвегии вплоть до 1468 года. А Шетландский – до 1469 года, когда король Дании и Норвегии Кристиан I отдал его шотландскому королю Джеймсу III в качестве приданого его жены принцессы Маргрете. Вероятно, острова никогда не были возвращены обратно, но в столице Шетландского архипелага Леруике (Лервик –

окончание названия от скандинавского «вик» – «залив») жители ежегодно отмечают свое скандинавское происхождение праздником, который устраивают в последний четверг января. Праздник длится всю ночь, и его ритуал заключается в сожжении большой модели викингского корабля в память о языческом захоронении воина. В своем нынешнем виде праздник восходит к концу прошлого столетия. Но он наверняка имеет очень древние корни.

На Оркнейском и Шетландском архипелагах были произведены раскопки многих викингских усадеб. Классическим примером является усадьба «Ярлсхоф» («Подворье ярла»), которая находилась в защищенной от ветров бухте на южной оконечности Шетланда близ Сумбурга. Ее величественное название, однако, не связано с эпохой викингов, но придумано в прошлом веке писателем Вальтером Скоттом в его викингском романе «Пират». Развалины имеют очень живописный вид, но это обусловлено тем, что они относятся к бронзовому веку и существовали много столетий и до, и после эпохи викингов.

Самая древняя из найденных в этих краях скандинавская усадьба имела распространенные размеры и устройство: главный жилой дом длиной около 23 метров, имеются конюшня, амбар и некоторые другие постройки. Впоследствии усадьба была расширена. Первоначально ее обитатели занимались сельским хозяйством, но постепенно все большее значение начинало приобретать рыболовство. То же самое можно наблюдать и в других местах, и в этой связи интересно отметить, что при раскопках во Фресвике на Кайтнесе были обнаружены обширные площадки для обработки рыбы. Через них прошли колоссальные количества рыбы, в частности, трески огромных размеров, какие почти не встречаются сейчас. Это позволяет предположить, что речь шла о систематическом рыболовецком промысле с продажей рыбы на месте. Это происходило в тот период, когда Кайтнесс принадлежал скандинавам, но относится ли это непосредственно к эпохе викингов или ко времени после нее, сказать трудно.

Особую роль в поздний период эпохи викингов играл Бирсей на Оркнейских островах. Это небольшой остров северо-западнее Мейнленда, с которым он был непосредственно связан в часы отлива. Отсюда открывался хороший обзор морских просторов, и остров являлся надежной защитой от врагов. Здесь в течение многих лет производились раскопки и, так же как «Ярлсхоф» и ряд других усадеб, поселения существовали здесь в течение многих лет. Но многое безвозвратно поглотило море, поскольку берег постоянно разрушался. Бэкквой на шотландском берегу находится как раз напротив, и оба пункта являются древними поселениями пиктов. Бирсей был резиденцией ярла Торфинна в 1065 году и его ближайших наследников. В «*Orkneyinga Saga*» особо подчеркивается, что Торфинн покончил с викингскими набегами (о его предшественниках здесь ничего не сказано), и упоминается также о том, что он предпринял паломничество в Рим и основал первый епископат на Оркнейском архипелаге. По возвращении домой Торфинн построил на Бирсее церковь Христа как епископский храм. Впрочем, едва ли это та самая церковь, руины которой можно видеть на развалинах еще более древней церкви. Возможно, епископский храм находился на Мейнленде. По прошествии около ста лет религиозный центр переместился в Киркуолл, где в 1136 году начали строить новый большой собор в память о ярле-мученике, святом Магнусе, убитом около 1117 года. И сам остров Бирсей больше не являлся епископской резиденцией.

Когда Оркнейское графство приняло христианство, точно неизвестно, поскольку едва ли можно доверять сообщению саги о том, что король Олав Трюгтвессон принудительно крестил островитян около 995 года. Возможно, это происходило постепенно как здесь, так и повсюду в Шотландии, и по свободному выбору в течение 900-х годов, когда мало-помалу исчезает языческий ритуал захоронения умерших. Постепенно появляются христианские надгробия, которые в погребениях знати представляют собою крест с орнаментикой или камень с рунической надписью. Такие надгробия обнаружены на острове Йона и, подобно скандинавским памятным камням, содержат традиционные надписи типа: «Кали Элвисон воздвиг этот камень в память о своем брате Фогле». Все имена на таких надгробиях скандинавские.

Местоположение острова Мэн особенно удобно с точки зрения военной стратегии и торговли. Он находится посреди Ирландского моря, между Ирландией и Англией. Остров имеет длину всего лишь с полсотни километров и ширину – около 15 километров. Но нигде в другом месте, где находились викингские колонии, нет такого обилия следов эпохи викингов. Так же, как и о Шотландии, письменных источников того времени об этой территории почти не сохранилось. «Хроника острова Мэн и других островов», относящаяся к 1200-м годам, начинает свое повествование с 1066 года и сообщает полулегендарную историю о Годреде Кроване, который участвовал в судьбоносном сражении при Стамфорд Бридж, уцелел и прибыл на остров Мэн. В 1079 году он создал здесь королевство. Затем оно было расширено и включило все острова, в том числе, и Гебриды, и в течение почти всего периода своего существования находилось под властью Норвегии. Потерпев поражение в битве при Ларгсе в 1236 году, Норвегия в 1266 году отказалась от владения островом Мэн и другими островами в пользу шотландского короля. Но как бы в наследство от времен независимости, остров Мэн и сегодня во многом наделен статусом самостоятельности в рамках королевства Великобритании, хотя английская королева и носит титул лорда острова Мэн.

Остров управляется парламентом, тинвальдом (то же слово, что и исландский тингвеллир), который по традиции, очевидно восходящей к эпохе викингов, ежегодно собирается на искусственно созданном холме, Тинвальд Хилл, вместе с представителями короны на острове и представителями церкви, и официально утверждает тоны, выработанные до этого в течение года.

Как уже отмечалось, мы не располагаем достоверными сведениями о времени появления викингов на острове Мэн. Но едва ли остров избежал ограблений, когда викинги в конце 700-х годов начали свои набеги на Ирландию. Здесь обнаружено много могил, относящихся к 800-м годам (их найдено более дюжины) и это дает основание для вывода о том, что викинги селились здесь на протяжении столетия. С течением времени сюда, вероятно, прибыли те из викингов, которые первоначально находились в Ирландии. Остров имел тесные связи со скандинавами и одно время находился под их властью. Другие скандинавы, как полагают, переселились сюда из Европы и Англии.

На острове Мэн было раскопано лишь небольшое количество построек, восходящих к эпохе викингов, но географические названия показывают, что сюда прибывало множество иноземцев, и они преобладали на острове, поскольку давали новые названия практически всему вокруг. (Лишь Дуглас и Рушен являются названиями кельтского происхождения довикингской эпохи.) Многие из этих скандинавских географических названий существуют и поныне. Так, например, Снаефелль, самая высокая точка острова. Другие названия, кельтские, появились позднее. Эти последние стали преобладать, во всяком случае, на протяжении Средневековья.

В известной мере викинги-язычники уважали христианские верования, поскольку некоторые из них захоронены на древних кладбищах. Например, один хевдинг похоронен в корабле и при оружии. Но и он, и другой хевдинг погребены под курганом, а в могиле второго находится также убитая рабыня. Сильный удар топором снес женщине часть черепа. На протяжении 900-х годов викинги, вероятно, приняли христианство, поскольку языческих могил, относящихся к тому времени, совсем немного. Зато имеется большое количество каменных крестов с красивым орнаментом. Рунические надписи на некоторых из них показывают также, что временами между викингами и местным населением устанавливались дружеские взаимоотношения, так как скандинавы давали некоторым своим сыновьям кельтские имена.

Примером может служить надпись на одном камне в Кирк Брэддан, возведенном Торлейфом в память о Фиассе. Вероятно, мать его была кельтской девушкой с острова Мэн или из Ирландии, говорящей на кельтском наречии. Но на острове Мэн были также скандинавские женщины – во всяком случае, об этом свидетельствует одна из богатых могил на западной оконечности острова Св. Патрика. Руны сами по себе уже говорят о том, что в

этот период существовали тесные связи с Норвегией.

Кресты – с небольшой выпуклостью, сделаны из мягкого сланца, а форма их навеяна искусством Ирландии. Однако орнаментика их восходит к скандинавскому искусству. В первую очередь, здесь проявляются стили Борре и Маммен, но можно наблюдать также стили Йеллинг и Рингерике в сочетании с локальными деталями. Самый древний крест относится примерно к первой половине 900-х годов, а более поздний – к началу 1000-х годов. Древний художник со скандинавским именем Гаут с гордостью подписал два сделанных им креста. На одном из них, в Кирк Микаэль, он завершил надпись словами: «Но Гаут сделал этот крест и все другие кресты на острове Мэн». На кресте, стоящем в Кирк Андреас, он сообщает более подробные сведения о себе, а именно то, что его зовут Гаут Бьернсон (то есть он был сыном скандинава) и что он живет в Кули, местности, видимо, относящейся к острову Мэн. Возможно, какое-то время он являлся одним из ведущих мастеров на острове, но после него появилось много крестов, исполненных другими, в частности, Торлейфом. Выполненный им крест является прекрасным образцом стиля Маммен.

На крестах острова Мэн нередко изображены известные сцены, относящиеся к эпохе викингов. Некоторые, вероятно, включают мотивы из языческой мифологии и в этом случае являются прекрасными примерами сочетания язычества и христианства в переходный период. Другие без сомнения изображают сцены из знаменитой героической саги о Сигурде, убийце Фафнира. Это самые древние из сохранившихся изображений данной группы саг, которые были записаны позднее.

Ирландия

Эпоха викингов в Ирландии началась с отдельных набегов в 790-е годы и завершилась в 1170 году завоеванием Дублина английскими норманнами. События той эпохи освещаются в довольно многих письменных источниках, в особенности, в Ульстерских анналах. Кроме того, об активности викингов в Ирландии свидетельствуют некоторые важные археологические находки, отдельные скандинавские географические названия и языковые заимствования.

Большой остров находился в конце долгого пути из Норвегии и Исландии через Шетландские, Оркнейские и Гебридские острова и остров Мэн. Он был расположен поблизости от Англии и Европейского материка. Походы и поселения в Ирландии играли большую роль и оказали влияние на ситуацию в других регионах, как экономическую, так и культурную. Скандинавские поселения в Ирландии имели свои особенности по сравнению с поселениями в других регионах Западной Европы. Здесь в основе экономики лежали обширные торговые связи. Ясно, что здесь поселенцы не были заинтересованы в крупных земельных владениях и усадьбах или практических возможностях для развития сельского хозяйства. На протяжении всего периода многие викинги получали здесь большие доходы, благодаря своему военному ремеслу. После первых больших набегов их военное умение и их мобильные корабли нередко участвовали в междоусобных столкновениях в самой Ирландии, и зачастую викингов использовали в борьбе за власть в районах, окружавших Ирландское море, в Шотландии или Северной Англии. Викинги также обогащались, благодаря грабежам, а то и кладам, зарытым ирландцами в той земле, что переходила во владение к викингам. Подобная, традиционная для викингов экономика была осуществима здесь дольше, чем в других районах Западной Европы, вследствие перехода власти из одних рук в другие. Деятельность викингов в Ирландии имела огромное экономическое и культурное значение для Скандинавии, в особенности для Норвегии и Исландии, и более поздние ирландские саги представляют этот период почти в романтическом ореоле.

Викинги в Ирландии

История пребывания викингов в Ирландии может быть поделена на четыре фазы, которые, в основном, соответствуют периодам активности викингов в других местах. Это взаимодействие не может, однако, быть четко прослежено, поскольку письменные источники приводят не так уж много имен хевдингов, действовавших в Ирландии, а между тем лишь благодаря им, мы можем говорить об активности викингов на этом острове.

Первая фаза – примерно, от 795 года до начала 830-х годов – характеризуется краткими набегами разрозненных и едва ли больших банд, которые нападали, как правило, на изолированные монастырские общины, находившиеся на маленьких островках побережья. В 795 году они напали на Инисмюррей и Инисбофин у северо-западного побережья, а в конце 812-813 годов добрались до юго-западных районов Ирландии. В 820-х годах они действовали вокруг острова, и настроение, царившее в одном из таких изолированных монастырей, отражено в стихотворении, которое некий монах написал на полях рукописи. Он благословляет ненастные ночи, бури и шторма, которые мешают викингам выходить в море. В 832 году викинги трижды за один месяц грабили большой и богатый монастырь Армак, который стоял несколько в глубине материка, а его настоятель был главой всей ирландской церкви. Защититься от подобных молниеносных набегов было почти невозможно, но несколько раз ирландцам все же удавалось обращать викингов в бегство.

Причиной их «внимания» к монастырям была отнюдь не особая ненависть язычников к религиозным институтам христиан. Все было гораздо проще. Здесь их ожидала большая добыча. В тот период в Ирландии не было городов в собственном понимании этого слова. Но

многие монастыри были своего рода монастырскими городами, важными экономическими и политическими центрами, иногда с большим количеством жителей, и тут могли скапливаться большие богатства, храниться много ценностей. Кроме того, общины были хорошо организованы, они могли пережить не одно нападение, и их можно было грабить раз за разом. Так было, например, и в Армаке. Церковные предметы не были основной целью наживы для викингов, поскольку они не имели большой ценности. Обычно только маленькие орнаментированные накладки были из золота или серебра. Многие изготавливались из позолоченной бронзы, хотя и были красиво украшены. Викинги срывали эти накладки и увозили домой в качестве сувениров, которые они затем дарили женам и возлюбленным. Часть из них переделывалась на украшения. Огромное количество таких накладок от реликвариев (ларцов с мощами святых), священных книг и других церковных вещей из Ирландии, а также Шотландии и Северной Англии попало в захоронения Норвегии, откуда, собственно, и совершалось большинство набегов. Интерес представляли также красивые мирские предметы, как, например, ирландско-шотландская застёжка с красивыми навершиями, которая была найдена в Усебергском кургане. Была ли эта вещь добыта грабежом или куплена, сказать трудно. Но в целом викинги, как и повсюду в других местах, прежде всего искали золото, серебро, рабов и славы.

Викинги были далеко не единственными, кто занимался в Ирландии грабежами. Так, ирландские анналы отмечают 26 викингских набегов в первой четверти столетия. Но в тот же период времени было зафиксировано 87 набегов, совершенных самими ирландцами. Ирландское общество было очень воинственным. На территории Ирландии было множество мелких государств, каждое со своим королем и со своими сложными династическими правилами. И эти государства постоянно вели между собой борьбу, в частности, за верховную власть. В тот период авторитетом, распространявшимся на всю Ирландию, обладали только аббаты из Армака. Политическая власть постоянно менялась, и, ввиду особого экономического положения монастырей, а также их весьма тесной связи со светскими властителями, грабежи и поджоги монастырей являлись составной частью междоусобной борьбы, которая велась в Ирландии. Имели место также враждебные действия одного монастыря против другого и войны между монастырями, принимавшими сторону разных королей.

Вторая фаза истории завоевания викингами Ирландии охватывала годы с 803 по 902. В 830-х годах набеги участились, как в государствах франков, так и в Англии. Обширные пространства подвергались ограблениям, огромные флотилии викингов плыли по рекам Эрн, Шаннон, Лиффей и Войн. В 839 году флотилия викингов действовала в озере Лох-Ней в Ольстере, а в 840-841 годах викинги здесь перезимовали. В 841 году они основали укрепленные базы в Дублине и чуть севернее, на восточном побережье, где к ним присоединились новые флотилии. В 845 году набеги достигли высшей точки. Была основана укрепленная база у озера Лох-Ри, в самом центре острова, и здесь повсюду было много викингских отрядов, но, по всей вероятности, они были столь же независимы друг от друга, как и ирландские королевства внутри страны.

Самым знаменитым хевдингом викингов в этот период считался Тургесиус, который в 845 году был захвачен в плен ирландским королем Маэлем Сехнаиллом и утоплен в море. Это, в основном, все, что о нем достоверно известно. Его невероятная слава была связана с выходом 250 лет спустя политико-пропагандистского сочинения под названием «Война против чужеземцев». Драматические повествования о его неслыханных подвигах, в действительности, имели целью воспеть великого ирландского короля Бриана Бору, весь его род и его приверженцев. В этом сочинении Тургесиус представлен как языческий супервикинг, который действовал повсюду и был предводителем всех викингов в Ирландии. Рассказывается также, что он захватил монастырь Армак, присвоил себе сокровища аббатства и попытался приобщить ирландцев к поклонению богу Тору, а его жена Ота совершала языческие ритуалы в главном алтаре монастыря Клонмакноисе.

Постепенно набеги, совершаемые викингами в 840-е годы, стали встречать отпор со

стороны многих ирландских королей, однако к этому времени викинги уже прочно утвердились на острове. Сюда прибывали все новые флотилии, теперь также и датские, которые, возможно, являлись из Англии и Франции, грабежи и набеги продолжались, и, подобно ирландским королевствам, викингские отряды враждовали между собою. В глубине суши территории не захватывались, но во многих местах на побережье возникли базы, где викинги жили небольшими сообществами, и самым важным поселением был Дублин. Вместе с тем, во многих местах викинги изгонялись, либо на время, либо навсегда, но в конце 800-х годов отпор, даваемый им в Ирландии, настолько возрос, что некоторые из них предпочли отправиться в другие страны.

Между тем примерно к середине столетия жизнь викингов на острове постепенно стабилизировалась. Военный профессионализм викингов, их превосходное владение оружием, приобрели известность, и они вскоре оказались вовлеченными в междоусобную борьбу, которая велась в Ирландии. На этот счет не существовало никаких моральных предрассудков. С этого времени стали множиться примеры мирных социальных и культурных связей и, в частности, участились браки между ирландцами и скандинавами, и новому поколению стали давать кельтские имена. Большинство скандинавов со временем перешло в христианскую веру. Ассимиляция нашла, в частности, отражение в том, что большие традиционные ирландские круглые фибулы становятся в среде викингов, как на Западе, так и в Норвегии, излюбленным аксессуаром мужских плащей. Часто такие фибулы были сделаны из серебра. В этих же регионах в моду входят новые разновидности небольших булавок для одежды из бронзы, также в ирландском стиле. С другой стороны, благодаря викингам, ирландцы совершенствовали свое оружие.

Вероятно, в это же самое время в ирландской среде, где отсутствовали традиции торговли с другими странами и обмен товаров на серебро, появляются викинги-купцы. Викинги были опытными торговцами, и у них повсюду были налажены деловые связи, они вели коммерческие операции на обширной территории. У них было много разных товаров и суда, на которых эти товары можно было перевезти. Обнаружение кладов золота и серебра, а также больших подковообразных фибул и других предметов из благородных материалов, показывает, что в Ирландию прибывало из Скандинавии большое количество драгоценного металла. Вместе с тем, мы пока еще не располагаем более конкретными сведениями о характере и содержании мирного экономического взаимодействия между скандинавами и ирландцами того периода. Можно лишь предполагать, что скандинавы получали провиант и рабов, а сами сбывали оружие и предметы роскоши.

Ни сельских, ни военных поселений викингов, восходящих к данному времени обнаружено не было. Известны лишь некоторые опорные пункты викингов. База в Аннагассане, относящаяся к 841 году, – это естественная возвышенность, огражденная с двух сторон излучиной реки, а с третьей стороны – земляным валом. Возможно, второй базой является Данралли Форт у реки Барроу. Не обнаружена до сих пор и предполагаемая большая Дублинская база. Во всяком случае, она не находилась на месте центра современного Дублина, где производились раскопки. Возможно, она находилась подальше, у реки Лиффей, в районе Килмэйнхэм – Айлендбридж, где во время строительства железной дороги в прошлом столетии при проведении земляных работ были обнаружены скандинавские захоронения, относящиеся к 800-м годам. Здесь были и мужские погребения с оружием (найдено сорок мечей и тридцать пять наконечников копий) и женские погребения с овальными фибулами. Эти могилы, а также некоторые захоронения, обнаруженные на острове, показывают, что наряду с семьями, образованными вследствие смешанных браков, здесь жили и скандинавские семьи, подобно тому, как это было и в других местах викингских поселений.

В 853 году в Дублине объявились хевдинги Улав Белый и Ивар и стали здесь королями. Улав был норвежец, а Ивар – датчанин, и при них королевство достигло большого могущества.

Однако после смерти Ивара в 873 году началась многолетняя междоусобная борьба, и в

902 году викинги были изгнаны из Дублина (но не из всей Ирландии) с помощью создавшейся ирландской коалиции. Не исключено, что многие из этих изгнанных викингов отправились на остров Мэн и Гебридские острова, в Северо-Западную Англию и Исландию. Другие могли попытаться счастья на оставшихся викингских базах. Викинги, которые, по той или иной причине, еще раньше покинули Ирландию, вероятно, отправились в те же регионы.

Третья фаза пребывания викингов в Ирландии началась в 914 году и продолжалась до 980 года. Сюда стали прибывать флотилии за флотилией, и по всему острову возобновилась волна набегов и грабежей. Все происходило, как в 840-е годы, и вновь здесь действовали многочисленные, разрозненные, не объединенные общей целью отряды. Навряд ли это были викинги из Скандинавии. В основном, они, вероятно, прибывали из поселений в Северо-Западной Англии, на острове Мэн и в Шотландии, а некоторые из них могли прибыть с баз, находившихся на континенте в Западной Европе, где для них возможностей становилось все меньше, особенно в конце 911 года, когда в районе южного течения Сены властелином стал Ролло. Не исключено, что это были также викинги из Восточной Англии, где Уэссекские короли продолжали расширять свои владения на север. Досконально известно, что одна из групп прибыла из Бретани через Уэльс и Западную Англию, и здесь потерпела неудачу. Ирландия оставалась одним из немногих регионов в Западной Европе, где для викингов все еще открывались большие возможности. Даже если ирландские короли давали викингам отпор и время от времени побеждали, то прошло немало лет, прежде чем сопротивление викингам здесь стало по-настоящему действенным. Нескончаемые смуты, вероятно, побудили монастырские общины к строительству храмов из камня, а не из дерева, которое быстро становилось добычей огня. Впрочем, характерные высокие, круглые, отдельно стоящие каменные башни к викингам не имели никакого отношения. Их архитектура возникла, благодаря веяниям, пришедшим из континента. В период этой третьей фазы викинги также основывали многочисленные базы, и в 917 году был вновь восстановлен город Дублин.

Дублинские короли стремились утвердить свою власть над всеми викингскими в Ирландии, но это им не удавалось. Их устремления были направлены на богатую столицу Нортумбрии, город Йорк, овладение которым могло умножить славу короля. К этому прилагалось немало усилий и подчас такие короли, как Улав Годфредссон, Рагнвальд и Олав Куаран одерживали победы. Но у других королей были те же амбиции, и в 954 году Йорк оказался под властью англичан. Таким образом, мечта королей Дублина не осуществилась.

Вместе с тем, в Ирландии были богатые возможности для торговли, и их важно было использовать. Кроме Дублина возникли такие города, как Уиклоу, Арклоу, Уэксфорд, Уотерфорд, Лимерик и, возможно, также Корк. В окрестностях Дублина и во многих других местах викинги овладели нагорными районами, а некоторые из них, возможно, занялись земледелием, но едва ли в особо больших масштабах. Преобладали все же интересы международной торговли, грабежей, взимания дани, политики. Обитали викинги главным образом вдоль побережья и по берегам рек.

К середине 900-х годов Дублин превратился в процветающий торговый центр, и при короле Олаве (Анлафе) Сигтрюгссоне по прозвищу «Куаран» (годы правления 950-980) под властью города была обширная территория. Но с точки зрения военно-политической, звезда этого и других викингских королевств стала закатываться. Поворотным пунктом явилась битва при Таре в 980 году, где Олав потерпел поражение от короля Мита (государство в Восточной Ирландии к северу от Дублина) Маэля Сехнайля II. Политическая самостоятельность была утрачена. С этого времени власть перешла к ирландцам, и теперь уже викинги платили им дань. Но они оставались в Ирландии, как в Дублине, так и в других городах, сохранили своих королей и контроль над все более растущей международной торговлей. Ирландцы, вероятно, отдавали ей должное, но сами заниматься ею не желали.

За время, прошедшее до 1170 года, когда Дублин стал английским, викинги стали составной частью ирландского общества. Города процветали, производство предметов повседневного быта и художественных изделий оживляло экономическую жизнь и

оказывало влияние на ирландское искусство. Об этом можно, в частности, судить по большим раскопкам, проводившимся в Уотерфорде и особенно в Дублине. В культуре все больше проявлялись ирландско-скандинавские черты, и ирландские короли все активнее участвовали в жизни городов. Некоторых здесь посвящали в королевский сан (в Дублине 1052 года), а некоторые имели в городах свои резиденции. Дублин давно уже стал важнейшим торговым центром в западной части Британских островов, а с 997 года здесь стали чеканить монеты, причем за образец брались монеты из Англии.

Ирландские короли стремились овладеть политической властью над всем островом, и легендарная битва при Клонтарфе в 1014 году в действительности была борьбой между двумя соперничавшими ирландскими династиями. Королевство Мюнстер (в Юго-Западной Ирландии) одержало победу над королевством Лейнстер (в Восточной Ирландии к югу от Дублина), и как во многих противостояниях викинги находились по ту и по другую сторону враждующих. На стороне Лейнстера, вероятно, были викинги с острова Мэн и островов, находящихся на севере. Среди множества убитых был также король Мюнстера Бриан Бору. Об этой битве рассказывалось затем во многих исландских сагах, о ней поведали также предания и повести об истории Ирландии. Между прочим, во всех этих источниках честь окончательной победы над викингами в Ирландии приписывалась именно Бриану Бору. На самом деле викингов победил, как уже говорилось, король Мита за 34 года до этого в битве при Таре. Примечательно, что король Дублина Сигтрюг Шелковая Борода и его люди не принимали участия в битве при Клонтарфе, которая происходила всего лишь в нескольких километрах от их города, и лишь после взятия Дублина англичанами в 1170 году наследники викингов и скандинавское сообщество потерпели сокрушительное поражение.

Огромное количество кладов драгоценных металлов из Ирландии эпохи викингов (их найдено больше, чем в Шотландии) ясно показывает, какие несметные богатства поступали на этот остров. Клады закапывались в течение всего периода пребывания викингов в Ирландии, но наибольшее их количество приходится на 900-1000-е годы. Наиболее примечательным является клад золота, найденный в Лох-Ри на Заячьем острове. Здесь неоднократно устраивались базы викингов. Этот клад был зарыт во второй половине 800-х годов или в первой половине 900-х годов. В нем имеются широкие золотые браслеты в количестве 10 штук. Общий вес клада около 5 килограммов. Это вдвое больше веса клада Хон в Норвегии, самого большого из всех известных кладов золота, принадлежащих викингам. Он был найден в 1802 году и вскоре переплавлен. Остались лишь некоторые рисунки и краткие описания. Как это свойственнокладам викингского периода, они в большинстве своем содержат серебряные браслеты и другие украшения, слитки и монеты, а также их фрагменты, и условия, в которых они были обнаружены, свидетельствуют о том, что многие из них попали в руки ирландцев и были зарыты именно ими. Интересно отметить, что, как показывают некоторые письменные источники, большие монастыри, такие, в частности, как Кельс в королевстве Мит и Глендалох в Лейнстере в 900-1000-е годы стали важными центрами внутренней торговли. Содержание кладов, включающих различные монеты, показывает, что связи с Англией в период приблизительно с 925 по 975 годы осуществлялись главным образом через Честер, то есть напрямую через Ирландское море, между тем, как позднее, путь к югу от Уэльса по направлению к Бристолу оказался предпочтительнее. Кроме того, в более поздние годы все большее развитие получила торговля с Францией. Путь по направлению к Бристолу отражен также в скандинавских географических названиях вдоль южного побережья Уэльса.

С течением времени ирландцы стали перенимать многие скандинавские имена собственные (и наоборот). В Дублине и других городах скандинавский язык был принят повсеместно вплоть до английского вторжения в 1169-1170-х годах. Он оказал определенное влияние на ирландский язык, в котором имеется ряд скандинавских заимствований, например, *margadh* (от скандинавского *markadr*) – рынок. Но большинство из заимствований связано с мореплаванием, к примеру, слово «лодка». Число скандинавских географических названий невелико, в противоположность Шотландии и острову Мэн, а многие из них

пришли сюда через английский язык, который стал преобладающим после 1170 года. Сюда относятся, например, такие названия, как Уэксфорд и Уотерфорд. Что касается названия города Лимерик, то он непосредственно происходит от скандинавского слова «Nlýmrekr». Название «Дублин» чисто ирландское («dub» и «linn» – «черный водоем»). С другой стороны, предместье «Howth» – норвежского происхождения (от слова «hoved» – «голова», что означает выступающую часть суши).

Многие жители Ирландии, вероятно, говорили и на скандинавском, и на кельтском наречии, а некоторые, несомненно, хотели оставить по себе память у обоих народов. Последнее относится к Тургриму, чей крест находится в Киллалое близ Шаннона (чуть севернее Лимерика). Здесь текст написан рунами и старой ирландской системой письменности «ogham».

Если не считать скандинавских могил в Килмэйнхам – Айлендбридже, то, в остальном, викингских захоронений не так уж много. Во всей Ирландии их можно насчитать около дюжины, то есть гораздо меньше, чем имеется в Шотландии и на острове Мэн. Вероятно, это объясняется более быстрым внедрением христианства в Ирландии. Первой церковью здесь была Троицкая церковь, которая была построена около 1030 года на том месте, где стоит современный Дублинский собор, церковь Христа. А во многих местах острова имеются церкви, посвященные памяти Олава Святого.

Раскопки в Дублине

Обширные раскопки, производившиеся в центре города, особенно вокруг церкви Христа и вниз до Вуд Куэй и реки Лиффей, подтвердили, что город Дублин, столицу Ирландии, основали викинги. Именно здесь они обосновались, когда в 917 году возвратились в Ирландию после 15 лет изгнания. Они выбрали для своего поселения склон на южной стороне реки Лиффей, близ места слияния ее с притоком, и вскоре город был поделен на небольшие земельные участки-парцеллы и окружен земляным валом. Этот вал впоследствии много раз восстанавливали, а в 1100 году его заменила городская стена из камня. С течением времени северная часть города и укрепления расширились и в районе реки Лиффей, которая тогда была гораздо шире, чем сегодня.

Планировка города производилась с учетом природного рельефа и поэтому не имеет регулярной системы. Однако парцеллы, огороженные оградой из плетня, сохранялись в течение всего времени пребывания здесь викингов. Что было затем, неизвестно, поскольку верхние слои во многих местах были разрушены глубокими погребями, вырытыми при более поздних постройках. Внутри огороженного пространства позволялось строиться как угодно, поскольку можно видеть, что жилые дома и небольшие надворные постройки отличались и по размерам и по своему местоположению внутри участка.

Отдельные дома не отличались особой привлекательностью с точки зрения сегодняшнего дня. Но стандарт построек вполне отвечал тому, который существовал в городах того времени, таких, как Хедебю, Бирка и Йорк. Дома более поздней постройки не схожи со скандинавскими и, по всей вероятности, они были ирландскими или, во всяком случае, были созданы под влиянием строительных традиций, существовавших в районе Ирландского моря. Почти все викингские дома имели плетневые стены, а несущие конструкции крыши изнутри подпирались столбами. Дома квадратные, но с закругленными углами. Самые большие строения в среднем достигали площади около 8,5х4,75 метров. Внутри дом был поделен на две части, в одной в центре находился открытый очаг, в другой, жилой, вдоль каждой из продольных стен шли неширокие лавки. На фронте иногда имелись небольшие отверстия в виде люков. Многие из этих домов, по всей вероятности, использовались как жилые помещения, мастерские или склады для товаров. В Дублине периода викингов не было скотных дворов, и весь имеющийся археологический материал свидетельствует о том, что мясо покупалось на стороне.

Находки, сделанные при раскопках в Дублине, настолько многообразны и отличаются

столь высоким качеством, что в этом отношении превосходят находки, сделанные во всех других городах, находившихся под властью викингов. Они свидетельствуют об экономическом могуществе Дублина, которое особенно возросло к концу 900-х годов. Из числа импортируемых вещей можно назвать моржовый зуб, янтарь, сосуды из мыльного камня и другие вещи, например, фибулы из Скандинавии, керамику, мечи, гагат и металлические украшения из Англии, керамику и стекло из Западной Европы, шелка Востока и множество монет, а также золотые браслеты. Далее, было обнаружено большое количество монетных кладов. Разумеется, было много и других товаров, которые не оставляют следов в археологии, например, меха и вино. Письменные источники могут рассказать о Дублине, как о центре работоторговли, и вполне возможно, что рабы, кожи и ткани были важнейшими товарами, вывозившимися на экспорт из Ирландии.

Как уже упоминалось, Дублин был также центром ремесленного производства и изготовления художественных изделий. При раскопках были обнаружены кораблестроительные площадки, следы плотницких и столярных работ, мастерские по производству гребней (из оленьих рогов) и резьбы по кости, медное и бронзовое, а также кузнечное производство, производство обуви и других изделий из кожи. Выполнялись работы по обработке янтаря и, наверняка, серебра, золота, олова и свинца.

Некоторые рунические надписи на обломках костей и на других предметах подтверждают скандинавские элементы в городской жизни. Но, как уже отмечалось, основные характерные черты Дублина со временем перестали быть чисто скандинавскими. Но примечательно и то, что ремесленники создавали прекрасные вещи в стиле, который соответствовал вкусам скандинавов, живших в Ирландии, но мало-помалу стал цениться также ирландцами. Этот стиль был местной разновидностью скандинавских стилей. Это искусство можно изучать по так называемым пробным образцам. Найдены сотни обломков костей и некоторое количество камней, на которых мастера или их ученики создавали пробные изображения скандинавских и ирландских мотивов, чтобы затем вырезать их на кости или камне. При раскопках были также найдены многочисленные, богато декорированные изделия из дерева, однако можно предположить, что большая часть их была произведена в другом месте. В соответствии с вышеозначенным определением скандинавских стилей можно утверждать, что примеров стиля Борре встречается совсем немного, лишь на пробных образцах и на некоторых других предметах, а стиль Йеллинг, по-видимому, вовсе не представлен в пробных образцах. Зато довольно широко представлены стиль Рингерики и стиль Урнес, хотя и в своей ирландской разновидности. Несмотря на это, они легко узнаваемы. Эти стили применялись при изготовлении некоторых ирландских церковных предметов, таких, как, например, посох аббата из Клонмакноиса и крест из Конга. Мастерские, где выполнялись подобные работы, существовали, как в Дублине, так и в других местах. Ирландские разновидности этих стилей просуществовали гораздо дольше, чем сами эти стили на их родине, в Скандинавии.

Англия

Огромная, богатая Англия стала для викингов одним из самых лучших источников наживы и обогащения. Их слава в этих краях была громче, чем где бы то ни было. Они совершали здесь грабежи, вымогали дань (так называемый Данегельд) и выступали в роли наемных солдат и торговцев. Они поселялись на землях Англии, занимаясь здесь земледелием, и сыграли большую роль в основании городов. Это был единственный регион, где они завоевывали уже сложившиеся королевства и утверждались на троне, как во многих мелких королевствах в 800-е годы, так и по всей Англии после ее воссоединения. С 1018 по 1042 годы (за исключением одного пятилетия) у Англии был общий с Данией король. Глубокое внедрение в жизнь Англии на протяжении почти всей эпохи викингов имело большое значение, как для этой страны, так и для Скандинавии.

Исторический материал, в котором содержатся сведения о том времени, необычайно богат и разнообразен. Имеется много письменных источников, важнейшими из которых являются различные версии «Англосаксонской хроники». Богат и разнообразен также археологический материал, включающий находки с обширных территорий Британских островов и большое количество географических названий, имен собственных и языковых заимствований. Все это создает основу для проведения интенсивных исследований викингского присутствия в Англии во всех сферах.

Разбой, завоевание и поселения

Если не считать уже упоминавшихся набегов на Южную Англию и проводившихся здесь мероприятий по защите от набегов с моря незадолго до 800 года, а также нападения на монастырь в Линдисфарне в 793 году, то сохранилось лишь одно свидетельство присутствия викингов в Англии до 835 года. Речь идет об ограблении в 794 году монастыря Донемутан, который, возможно, находился близ устья реки Дон в Южном Йоркшире (наверяд ли здесь речь идет о знаменитом монастыре Ярроу). Эти отряды, явившиеся, очевидно, из Норвегии, спустя некоторое время, должно быть, пришли к выводу, что в Шотландии и Ирландии гораздо больше возможностей для разбоя.

Но в 835 году, в период интенсификации викингских набегов на Западную Европу и на Ирландию, викинги снова устремились в Англию, и в «Англосаксонской хронике» содержится короткое сообщение: «В этом году язычники опустошили Шеппэй». Это явилось началом более чем двухсотлетней активности скандинавов в Англии, причем на сей раз главенствующую роль играли датчане. Военные эпизоды записаны в Хронике, их можно проследить год за годом. Однако имеются и другие письменные источники, в частности, «История короля Альфреда Великого Уэссекского», записанная Ассером.

Шеппэй – остров в устье Темзы, и в первые годы от набегов викингов особенно страдали Южная и Восточная Англия и, в частности, большие города Хэмвик (Саутхемптон) и Лондон. Страна в те времена была поделена на четыре королевства: Нортумбрию к северу от Хэмбера, Мерсию в Средней Англии, Восточную Англию и на юге – Уэссекс. Эти королевства впервые воссоединились в 927 году, а затем снова в 954 году. Далее идет кельтскоговорящий Уэлльс, который являлся самостоятельным государством почти на всем протяжении средних веков. Так же как и во Франции, здесь существовали процветающие города (хотя их было не так уж и много), и, кроме того, большие богатства были сосредоточены в руках знати, так что в Англии можно было грабить не только монастыри.

Вначале разбой чинился по той же схеме, что и в других местах. Сперва кратковременные набеги на острова и на различные районы побережья, которые совершались из укрепленных баз на европейском материке, из Ирландии или прямо из Скандинавии, а затем викинги стали оставаться здесь на зимовку. Первое сообщение о подобном зимнем лагере викингов относится к зиме 851 года. Лагерь находился на острове Танет у восточного побережья Кента. Спустя несколько лет викинги основали зимний лагерь на острове Шеппэй. Вскоре происходят их набеги в глубь Англии, и в 865 году отряд,

стоявший лагерем на острове Танет, заключил мир с жителями Кента, которые заплатили викингам большой выкуп. Это была одна из первых многочисленных выплат англичанами «Датской подати» («Данегельд»).

Далее события стали развиваться все активнее. В 865 году в Англию явилось «большое войско язычников». Вопрос о его численности не решен, однако полагают, что в нем насчитывалось 2 или 3 тысячи человек. Они разбили зимний лагерь в Восточной Англии, получили от местных жителей лошадей, после чего был заключен мир. В следующем году войско устремилось в Нортумбрию (где происходила междоусобная борьба), и первого ноября викинги захватили столицу королевства Йорк, заключили мир с его жителями, возвели на трон послушного себе короля и здесь зазимовали. Вероятно, около этого времени был разграблен и разрушен монастырь Уайтби. При раскопках здесь были найдены металлические накладки, содранные с церковных вещей, а географические названия на этой территории свидетельствуют о том, что монастырские земельные угодья перешли во владения викингов. В 867 году войско отправилось в Мерсию и обосновалось на зимний постой в Ноттингеме, заключив с этим королевством мир. В 868 году викинги вновь оказались в Йорке и оставались там в течение года, а в 869 году они пересекли Мерсию и направились в Восточную Англию. Убив короля Эдмунда, которого впоследствии жители стали почитать как святого мученика, и захватив все королевство, викинги зазимовали в Тет-фьорде. В 870 году наступила очередь Уэссекса. Викинги направились в Ридинг и в 871 году, по утверждению «Англосаксонской хроники», обосновались именно там. Произошло девять крупных сражений, не считая мелких стычек, и во время этих сражений были убиты девять ярлов и один король, пока королевство Уэссекс не заключило мир с викингами. Это было как раз в том году, когда на Уэссекском троне воцарился король Альфред Великий.

Подобное положение, то есть постоянная смена зимних лагерей и многочисленные мирные договоры, продолжалось еще некоторое время. В 871-872 годах викинги обосновались лагерем в Лондоне, а в последующие годы в Торксее, (Мерсия), и в этот период Мерсия заключила с викингами мир. Но в 873-874 годах викинги разбили лагерь в Рептоне, изгнали короля Мерсии и посадили вместо него на трон перебежчика.

Это событие оказалось поворотным пунктом в развитии дальнейшей экспансии викингов. В 874 году войско викингов разделилось. Хевдинг Халфдан с частью войска отправился в Нортумбрию, перезимовал у реки Тайне, захватил в следующем году все королевство и стал грабить его на западе и на севере. Источники сообщают также, что монастырская община Св. Кутберта в Линдисфарне покинула остров в 875 году, чтобы найти более надежное пристанище. Монастырская община в течение нескольких лет скиталась с места на место с мощами Святого Кутберта и другими реликвиями и, по всей видимости, не подвергалась больше разбою, хотя в Нортумбрии было много викингов.

В 876 году в Хронике появилась широко известная запись: «В этом году Халфдан стал раздавать земли нортумбрийцев, и они (викинги) стали возделывать их и собирать урожай».

Таким образом, викинги взяли себе землю и обосновались на ней. Сам Халфдан умер, вероятно, год спустя.

Вторая часть войска, которая в 874 году покинула Рептон в пору правления королей Гудрума, Оскетиля и Анунда, направилась в Кембридж и оставалась там в течение года. Затем войско переместилось в Уэссекс, последнее независимое королевство Англии, и король Альфред был вынужден заключить с викингами мир. В 875-876 годах зимний лагерь викингов находился в Уэйрхэме, а на следующий год в Эксетере. В конце лета 877 года викинги отправились в Мерсию «и разделили ее, и часть выделили во владение Кеолвульф» (послушному им королю). Но на этом они не остановились. Они основали базу в Глостере, сразу после нового года вернулись обратно в Чиппенхем и захватили власть на большей части королевства Уэссекс. Король Альфред с горсткой своих сторонников бежал в болотистую местность в Ательнее. В течение весны 878 года ему удалось собрать войско, и в битве при Эдингтоне он одержал победу над викингами. При заключении мира викинг обещали покинуть Уэссекс, а их король Гудрум обещал креститься. Он, действительно, был вскоре окрещен вместе с тридцатью своими приближенными из числа знати, а король Альфред стал его крестным отцом. С ними обошлись самым дружеским образом, и они получили множество крестильных даров.

В 878-879 годах викинги зазимовали в Кирнесестере. Затем они отправились в Восточную Англию, и в Хронике говорится, что в 880 году они обосновались здесь и стали раздавать земельные угодья своим соплеменникам. Вместе с тем, одна группа викингов отплыла на континент, в Гент, и в последующие годы викингские набеги и грабежи происходили именно там.

После пятнадцати лет кочевой жизни в Англии викинги завоевали три из четырех королевств и присвоили себе землю, на которой поселились и стали ее возделывать. Гудрум, очевидно, скоро нарушил свой договор с королем Альфредом Великим, но в 886 году или чуть позднее был заключен новый договор, текст которого сохранился. В нем устанавливается граница между королевствами Альфреда и Гудрума (граница с другими викингскими королевствами осталась без изменений). Были установлены правила мирного сосуществования двух этнических групп. Граница проходила по реке Ли, от ее устья у Темзы (чуть восточнее Лондона, который Альфред отвоевал в 886 году) и шла на северо-запад до ее истока, а отсюда до Бедфорда и по реке Уз до Уотлинг Стрит, старой римской дороги между Лондоном и Честером.

Мы не имеем точных данных о том, когда именно викинги, появившиеся в Англии в 865 году, решили поселиться здесь. В первые несколько лет они вели себя традиционно: грабежи и разбой, вымогательства и быстрые перемещения. Население, обитавшее вокруг постоянно меняющихся викингских баз и зимних лагерей, несомненно, должно было кормить большое войско (и было, вероятно, в состоянии делать это довольно часто). Многочисленные «мирные договоры» предусматривали выплату дани, прокорм войска, а также обмен заложниками и подкрепление договора клятвами. Существовали и отдельные договоры, очевидно, касательно зимних постоев. Впрочем, эти соглашения уместнее было бы называть «договоренностью», а не «заключением мира».

Множество найденных кладов, относящихся к этому времени, свидетельствует о смутных временах и о перемещениях викингов по всей Англии. Одна из многих ценных вещей, попавших в руки викингов, поддается точной идентификации и относится к 800-м годам. Это великолепно украшенная рукопись Евангелия «Codex Aureus». Есть сведения, что рукопись была выкуплена у язычников в обмен на золото. Но наиболее драматические следы от завоевателей остались на месте зимнего лагеря 873-874 годов в Рептоне, где в 700-е годы были похоронены многие короли Мерсии. Крепость и языческие могилы викингов, клады монет, зарытые именно в эти годы, можно объяснить только так и не иначе.

Викинги выбрали холм у реки Трент и огородили его полукруглым защитным рвом, оба конца которого отходили от церкви Святого Уайстана, которая таким образом играла роль воротной башни. Площадь укрепленного участка составляла около 1,5 гектара. Вокруг

церкви были обнаружены многочисленные викингские могилы с богатым содержимым – монетами, мечами, молотом Тора. А за пределами защитного рва, неподалеку от него, находится несколько погребальных курганов, из которых один был исследован. Он был насыпан над богатым захоронением, окруженным множеством остатков человеческих скелетов, которые первоначально были захоронены в другом месте. Курган был, к сожалению, раскопан в 1680-е годы, и с этого времени главной могилы больше нет. Согласно описаниям, относящимся к 1727 году, речь идет о богатыре, ростом в 9 футов (около 2 метров 70 сантиметров), который находился в каменном гробу. Остальные кости принадлежат не менее чем 249 индивидам, из которых 80% составляют сильные мужчины, кости которых лишь в немногих редких случаях носят следы незалеченных ран, и это говорит о том, что они явно не были убиты во время сражения. В этой могиле также были найдены монеты, и, по всей вероятности, здесь погребена часть воинов, которые умерли в предыдущие годы и во время зимовки в Рептоне, в частности, от эпидемии, а затем были перезахоронены в кургане вокруг своего умершего хевдинга. Кто был этот человек, можно лишь гадать, но захоронение находится в руинах когда-то очень величественного строения. Уровень пола чуть ниже земной поверхности, а низкий погребальный курган, покрывающий все это, имеет не круглую форму, как обычно, а почти четырехугольную.

Если истолкование этих захоронений соответствует истине, то можно предположить, что зима, отмеченная неисчислимыми бедствиями, и смерть большого хевдинга вызвали у многих желание покончить с превратностями викингской жизни и осесть на земле. Именно этот процесс и начался в Англии спустя два года. Речь, вероятно, не шла о возвращении в Скандинавию, поскольку в Дании найдено не так уж много вещей английского происхождения, относящихся к 800-м годам. Правда, в Норвегии таких вещей было обнаружено немало, но они, вероятно, происходят из Нортумбрии и их едва ли следует связывать с разбоем, чинимым викингами именно этого погибшего войска.

Вместе с тем, на континенте, в Западной Европе, викинги продолжали следовать своему традиционному стилю жизни. Но для них настали трудные времена, и в 892 году в Англию прибыло большое войско из Булони, а из района реки Луары привел свое войско хевдинг Хастинг. Викинги привезли с собой все имущество и, вероятно, готовы были осесть здесь навсегда, подобно своим удачливым собратьям. Это войско получило поддержку со стороны английских государств, где королями были викинги, но король Альфред организовал эффективную оборону и начал строительство оборонительных сооружений. Он собрал войско, которое в любой момент можно было выставить против неприятеля. Он разместил на побережье корабли, специально предназначенные для морских сражений с викингскими судами. Большое войско викингов из Дании также систематически получало энергичный отпор. Когда в 893 году викинги попытались найти прибежище в Честере, король Альфред приказал уничтожить все съестные припасы в округе, а когда викинги два года спустя укрепились у реки Ли, король Альфред отправился туда осенью и сделал все, чтобы им не достался собранный урожай. Он одерживал победы во многих сражениях, и к тому же в стране началась эпидемия, погубившая многих людей и животных. Одни устремились в Нортумбрию, другие в Восточную Англию. А лишенные денег и богатств викинги сели на корабли и отправились морем к берегам Сены.

Скандинавы в Англии

Альфред Великий умер в 899 году, но его наследники – дети и внуки – оказались столь же умелыми правителями. Викинги все еще оставались постоянной угрозой, как для властителей на европейском континенте, так и для королей в Ирландии и Англии. Постепенно Уэссекское королевство стало распространять свою власть все дальше на север, подкрепляя ее строительством укрепленных городов и крепостей. В 917– 918 годах король Эдуард (годы правления 899-924) завоевал всю территорию до реки Гумбер, а в 920 году он был официально провозглашен королем Нортумбрии. Однако это продолжалось недолго. В

королевстве власть переходила из рук в руки, она оказывалась то у викингских королей, то у английских. Так продолжалось до 954 года.

В Нортумбрии и Йорке примерно до 880 года на троне находились послушные викингам короли. Затем власть перешла к королям-викингам самого разного происхождения. Начиная со второго десятилетия 900-х годов, Ирландией правили, в основном, короли датской династии. Они обосновывали легитимность своей власти тем, что происходили от легендарного Ивара, который прибыл в Дублин в 857 году, а умер в 873. Он, по всей вероятности, был братом Халфдана и великим викингским королем. Его внук Сигтрюг женился на дочери короля Эдуарда, но вскоре после этого, в 927 году, умер. Его правнук был тем самым Олавом Годфредссоном, который умер в 941 году, однажды или дважды побывав до этого королем Йорка. Он и его шотландские союзники в 937 году потерпели поражение от сына короля Эдуарда Ательстана (годы правления 924-939) в битве при Брунанбурге (место не установлено), в котором участвовали многие короли и ярлы и которая была прославлена как в английских, так и в скандинавских письменных источниках. Сам Олав отправился в Дублин, но в 939 году возвратился обратно. Наконец, одно время в Нортумбрии правил король Эрик Кровавая Секира, изгнанный из Норвегии. Он царствовал в Йорке в течение двух коротких периодов, пока в 954 году не был отвергнут нортумбрийцами и убит в Стейнморе, после чего английский король Эдуард захватил власть и стал королем страны.

О внутренней политике викингских королей известно мало, но так же, как и повсюду в английском королевстве, власть утверждалась с помощью укрепленных городов и крепостей, «бургов», как старых, так и новых. Между двумя королевствами – Восточная Англия и Нортумбрия – была территория, которую занимали так называемые «Пять Бургов», куда входили Линкольн, Ноттингем, Дерби, Лестер и Стамфорд. Они имели иную структуру. В этот период скандинавы были связаны с определенными бургами.

Термин «область датского права» («Данелаг») часто используется для всего региона, между тем, как она («область») никогда не отличалась политической целостностью. После того как власть в Англии захватили викинги, английские короли позволили скандинавским группам населения руководствоваться собственными законами, то есть теми, которые были, несомненно, созданы под влиянием датчан или других скандинавов. Сообщение о географическом разграничении районов, входящих в «Область датского права» впервые было обнародовано в документах, относящихся к 1000-м годам и более позднему времени. Местности, на которые распространялась «область датского права» и где у власти стояли викинги, имели много общего. Там же были широко распространены скандинавские географические названия. Возможно, что многие правовые акты в тех районах, которые на юге четко очерчиваются древней дорогой Уолтинг Стрит, в 1000-е и 1100-е годы воспринимались как датские, хотя на самом деле они могли иметь иное происхождение.

Викинги сыграли большую роль в развитии городов в Англии – как прямо, так и косвенно. Многие укрепления, которые король Альфред и его потомки возвели именно для борьбы с викингами, преобразовались в города, поскольку к ним перешли многие функции центра, а в некоторых крепостях они уже существовали. Так, например, церкви и королевская резиденция уже существовали в старом римском городе Уинчестере, где затем были обновлены крепостные стены и создана новая городская планировка.

Почти все «бурги» викингов также переросли в города, и их было гораздо больше, чем упоминавшаяся выше пятерка. В частности, так возникли Кембридж, Бедфорд и Нортгемптон. В большинстве из этих населенных пунктов уже существовали функции центров, то есть, в частности, там был главный церковный храм или резиденция правителя, и многие из этих поселений, возможно, стали городами лишь тогда, когда власть перешла в руки англичан. Но раскопки показали, что важные городские структуры, входившие в «область датского права», Линкольн и Йорк, возникли в период присутствия там викингов. Город Линкольн стал особенно активно развиваться незадолго до 900 года или около этого времени. Тогда же появилась новая сеть городских улиц и новые поселения внутри старых городских стен. Активизировались торговые связи со всей Англией, с Рейнской областью и

даже с более отдаленными регионами. Многие названия улиц имели типично скандинавское окончание «гате» (улица), например, Флаксенгате. Этот фактор, а также некоторые детали городской планировки явно свидетельствуют о скандинавском прошлом этого региона.

Город Йорк был основан римлянами, и многочисленные каменные строения и стены превратились в руины после того, как римляне ушли из Англии в 400-х годах. Но здесь вскоре возникла королевская резиденция англосаксов, а после того, как король Нортумбрии в 600-е годы принял христианство, здесь были построены церкви. Тем не менее, римская планировка и укрепления, а также военный лагерь римлян налагают свой отпечаток на структуру города и поныне. К тому времени, когда викинги завоевали Йорк в 866 году, он уже давно был процветающим торговым центром, но развивался он за пределами римских стен, к юго-востоку, на другом берегу реки Фосс.

После завоевания викингами этого города, который они называли «Йорвик» вместо англосаксонского наименования «Эофорвик», торговое поселение вновь переместилось на мыс, к месту слияния рек Уз и Фосс. Это место было защищено отчасти реками, а отчасти старыми крепостными стенами. Они теперь были отреставрированы, а старая планировка была приспособлена к новым требованиям. Так же, как и в Линкольне, многие улицы теперь получили названия со скандинавским окончанием «гате». В особенности раскопки на улице Коппергате («улица Медников») дают представление о развитии, жизни и культуре Йорка в эпоху викингов, которые носили явно скандинавский отпечаток. По сути дела, речь идет не о чисто скандинавских, но об англо-скандинавских чертах, подобно тому, как в Дублине отмечены черты ирландско-скандинавские.

После ухода римлян район улицы Медников был заброшен, но с появлением здесь скандинавов он снова ожил. Около 935 года он был нарезан длинными, узкими и типично городскими парцеллами, разделенными плетнями. Дома были построены из дерева, оплетенного вокруг основы из столбов. Древняя улица, вероятно, находилась под современной улицей Медников, и потому ее обследовать невозможно. Средняя ширина домов была приблизительно 4 метра, а длина свыше 6, 8 метров. Граница между отдельными парцеллами сохранилась до наших дней. В обнаруженных при раскопках дворовых участках производились разного рода работы по металлу – со свинцом или железом, бронзой, серебром и золотом.

Изготавливалось множество предметов повседневного употребления, например, ножи и украшения. Были найдены отходы металла, которые образуются при чеканке монет, и свинцовые оттиски от пробных болванок. Здесь, на улице Медников, либо чеканились монеты, либо мастера делали штампы и пробные образцы, которые затем отдавались в чеканку.

Год 954, когда был побежден последний скандинавский король, не был отмечен ничем особенным. Ничто не предвещало, что этот год будет рубежом для владычества норманнов. Соотношение сил менялось прежде часто и много раз, и единство Англии уже давно стало свершившимся фактом. Йорк все еще находился под сильным скандинавским влиянием. Около 975 года на улице Медников появились новые типы домов. У них были бревенчатые стены, а в двух случаях были обнаружены еще строения, находившиеся позади домов на расстоянии нескольких метров. Находки показывают, что здесь были мастерские, а дома перед ними были жилые. (Часть их находилась за пределами раскопа.) Имелись также дома, которые функционировали как торговые лавки. Ремесленники постепенно освоили столярное дело, изготовление изделий из янтаря, а также изготовление медных сосудов, что, возможно, и дало улице название.

Раскопки улицы Медников также явно свидетельствуют о том, что здесь велась торговля, как местная, так и иноземная. Кроме товаров английского производства здесь были найдены предметы из Скандинавии, Ирландии и Шотландии и из многих мест. Византия представлена шелком, а Средний Восток (Красное море и Аденский залив) – раковинами «фарфоровой» улитки каури, которые использовались в древности у народов Азии и Африки в качестве так называемых раковинных денег и для изготовления украшений. Йорк был

центром международной торговли, где, кроме собственной ремесленной продукции, продавались предметы роскоши из стран всего мира, а также, несомненно, многие товары из окрестных регионов.

Существование на этой улице было далеко не комфортным. У местных жителей встречались вши и блохи, а исследования отхожих мест показали, что почти у всех обитателей имелись глисты. Ремесленники жили жизнью, обычной для городов того времени, но, с точки зрения современного человека, их жизнь была нелегкой. Высшие классы, о которых можно прочесть в письменных источниках, в частности, Халфдан, короли Дублина, Эрик из Норвегии и последующие ярлы и их семьи и приближенные, вероятно, жили гораздо лучше. Местопребывание знати еще не было найдено при раскопках, но городские названия говорят о том, что скандинавские короли жили у восточных ворот римского форта, неподалеку от улицы Медников, а позднее обитали сразу же за пределами западной стены. Позднее резиденции правителей, вероятно, находились здесь, и именно здесь ярл Сигвард, умерший в 1055 году, повелел построить церковь Святого Олава.

Интерес, который скандинавские короли-викинги проявляли к торговле, подтверждается тем, что они чеканили монеты. Так, например, Гудрум из Восточной Англии за короткое время своего правления с 880 по 890-е годы успел наладить чеканку монет. Незадолго до 900 года монеты чеканились в районе Фемборга и в Йорке, а с первой половины 900-х годов многие монеты, особенно из Йорка, имели своеобразные изображения мечей, знамен, птиц, молота Тора и так далее.

Такой город, как Йорк, который в 1066 году предположительно насчитывал свыше 10 тысяч жителей, разумеется, испытывал потребность в доставке потребительских товаров и сырья для работы ремесленников. С другой стороны, население страны и знать были в состоянии приобретать профессионально изготовленные товары и предметы роскоши. Нам мало что известно о том, как здесь жили скандинавские пришельцы, поскольку, неизвестно, кто жил в нескольких усадьбах эпохи викингов, найденных при раскопках в Йоркшире, – скандинавы или англосаксы. Речь идет об усадьбах Уоррам, Перси, Рибблехэд и Сими Фолдз.

Однако сильное скандинавское влияние на английский язык и многие скандинавские географические названия говорят о том, что влияние прибывших сюда скандинавов было велико, и число их, вероятно, было значительным. Причиной могли быть продолжающиеся контакты со Скандинавией и с другими скандинавскими поселениями на Британских островах, а также появление новых выходцев из Скандинавии, даже тогда, когда на протяжении 865-899-х годов войска викингов были вытеснены из Англии.

Так, в английском языке имеется около 600 скандинавских заимствований, и характерно то, что обычно они относятся к словам, связанным с предметами повседневной жизни, например, нож, шкура, крыша, окно, яйцо, болеть, умирать. Сюда можно причислить ряд важных грамматических элементов, например, множественные числа. Примечательно то, что и в английских диалектах имеется немало скандинавских слов, и в частности, термины из области земледелия, например, «сеновал», «телка», «нога», но сейчас они исчезают вместе с диалектами. Сильное воздействие на местный язык было обусловлено еще и тем, что многие древнеанглийские и древнескандинавские слова были схожи друг с другом. Так что известная степень понимания между двумя языками уже была налицо заранее, хотя схожесть едва ли была так уж велика. Возможно, уже в скором времени, в районах, где действовала «область датского права», возник смешанный диалект. Кроме того, из языковой ситуации можно понять, что после 1066 года многие осевшие здесь скандинавы сами возделывали землю и разводили скот, в противоположность тем, кого называли «норманнскими грабителями». А многие скандинавские заимствования в корабельном деле, которые очень быстро привились в английском языке, были, вероятно, обусловлены техническим превосходством в этом скандинавов. Во многих районах Восточной и Северо-Западной Англии отмечается особенно большое количество скандинавских заимствований, и их распространение помогает понять, где именно находились поселения викингов. Так, около

850 географических названий имеют окончание «by» от норвежского «бю» во многих разновидностях поселений (Derby, Holtby, Sweinby, Ormesby), и имеется много окончаний, совпадающих со скандинавским словом «торп» («thorp»). В слове Тоуторп – первая часть слова связана со скандинавским мужским именем «Тове». Есть также слово «Виганторп» и множество других. Нередки также географические названия, где первая часть обозначает скандинавское имя, а вторая часть имеет английское происхождение. Например, Тоутон – имя Тове и английское окончание. В некоторых географических названиях слегка изменилось произношение, с тем чтобы приблизить его к скандинавскому языку. Так, Цессвик превратился в Кесвик, а Шиптон – в Скиптон. Бывали также переводы: «Чарчтаун» в «Чюркбю» («Церковный город»).

Вопросы наименования часто становятся предметом дискуссии, но на сегодняшний день общераспространенным является мнение о том, что наделы, усадьбы и поселения, которые хевдинги выделяли воинам своих отрядов, сохраняли прежние названия. Многие говорят за то, что основная масса географических названий, во всяком случае, тех, в которых первая часть представляет собой имя, а вторая – слово «поселение» («бю»), возникли, возможно, несколько позднее, в связи с разделом крупных земельных наделов на более мелкие. Они были отданы в собственность некоторым частным лицам и потому получили их имена. Поскольку власть находилась в руках скандинавов, и именно они принимали участие в разделе, то они и оказывали влияние на присвоение названий. Было основано также несколько новых усадеб с норвежскими названиями на окраинных землях. Их было, однако, не так много, поскольку плодородная земля была уже, как правило, роздана. В связи с тем, что скандинавские имена оказали влияние на язык и топонимику в «области датского права», то нет сомнения, что некоторые скандинавские названия могли возникнуть спустя долгое время после возникновения здесь викингских поселений. Это, в первую очередь, относится к названиям угодий и географическим названиям, которые содержат определения, связанные со скандинавской природой, а затем внедренные в английскую речь.

Географические имена говорят и о том, что скандинавские поселения на востоке преимущественно были датскими, что соответствует данным о пребывании здесь больших отрядов, хотя частично они принадлежали и норвежцам.

Примерно с 900 года появились норвежские поселения также и на северо-западе Англии, и географические названия показывают, что норвежцы и датчане поселялись именно здесь. Многие из них, вероятно, прибыли сюда через Ирландию, Шотландию, остров Мэн или Восточную Англию.

Пожалуй, одной из наиболее важных находок в Восточной Англии, относящейся эпохе викингов, является колоссальный клад серебра, весом около 40 килограммов, который был зарыт приблизительно в 905 году в Куэрдейле (Ланкашир). Это самый большой из известных нам викингских кладов. И весьма вероятно, что часть богатства была добыта в Ирландии одним из тех, кто был изгнан из Дублина в 902 году, потому что среди серебряного лома имеются крупные подковообразные фибулы и браслеты того типа, который был особенно популярен в Ирландии. Клад содержит около 7 000 монет из самых разных мест. Большинство их относятся к викингским королевствам в Англии, но есть и монеты, относящиеся к независимым королевствам Англии, а также из западноевропейских стран и Хедебю, не считая арабских монет, пришедших через Русь. Кроме этого, имеется свыше 1300 фрагментов других серебряных изделий, несколько целых вещей и серебряный лом от бывших украшений, а также серебряные слитки.

Повсюду в районах, относящихся к «области датского права», встречаются языческие могилы викингов. Они найдены в 20 или 30 местах. Это единичные захоронения, в том числе и могилы женщин из Скандинавии. Как и в других местах, здесь среди прибывших в Англию скандинавов были и женщины. Вместе с тем, общее количество найденных захоронений не столь уж велико, если учесть численность поселенцев и их религию. Но многие викинги, несомненно, довольно быстро перешли в христианскую веру, особенно в Восточной Англии, где первый викингский король Гудрум был крещен уже в 878 году. Он отметил свой переход

в новую веру, повелев в 880-х годах вычеканить на монетах свое христианское имя Ательстан, данное ему при крещении, а около 895 года в Восточной Англии стали чеканить монеты с именем Святого Эдмунда, то есть в память того короля, которого сами же викинги убили в 869 году. С началом нового столетия письменные источники больше не называют викингов Юго-Восточной Англии язычниками, из чего можно сделать вывод, что к этому времени христианство уже было принято здесь официально.

В Северной Англии вырисовывается несколько более сложная картина. Годфред, который в 880 или в 881 году стал королем Йорка, был христианином и добрым другом монастырской общины Святого Кутберта. В Йорке в течение всего периода пребывания на троне королей скандинавов были архиепископы, хотя некоторые из этих королей оставались язычниками. В целом церковь в Северной Англии, вероятно, испытывала определенные трудности, поскольку на церковных кладбищах были обнаружены захоронения с множеством предметов, то есть произведенные в соответствии с языческим ритуалом. Такие погребения некоторое время были здесь обычным явлением. Не исключено, что многие церкви были заброшены, и нам точно известно, что часть монастырских подворий была покинута монахами, например, в Линдисфарне и в Уитби. У некоторых монет из Йорка, относящихся к первой половине 900-х годов, на одной стороне вычеканен молот Тора, а на другой – имя Святого Петера, и это свидетельствует об одновременном существовании обеих религий. Но к этому времени и в самих скандинавских странах начался процесс перехода в новую веру, так что многие скандинавы, находящиеся в Северной Англии, были, несомненно, крещены еще до середины 900-х годов. Остальные очень скоро последовали их примеру.

Это явилось основой для расцвета искусства резьбы по камню и для появления здесь целого ряда наиболее заметных и интересных следов пребывания скандинавов в Англии. До их появления здесь каменная скульптура была почти исключительно связана с монастырями, но образцов ее почти не осталось. Однако новые поселенцы, особенно в Северной Англии, обнаружили большое пристрастие к созданию памятников из камня. Они, однако, стремились к новым формам и новым сюжетам в соответствии со своим вкусом и своими обычаями.

Большинство изделий из камня, относящихся преимущественно к 900-м годам, представляют собою кресты и надгробия в форме домов. Последние получили названия «hogbacks», то есть крутых горных хребтов, по изогнутым конькам крыш, которые были характерны для мирских строений того времени. В одном только Йорке имеются остатки свыше 500 крестов и надгробий. Многие из них декорированы в скандинавском или, вернее, в англо-скандинавском стиле. Здесь прослеживаются стили Борре, Йеллинг и их вариации. Некоторые сюжеты относятся к известным героическим сагам или к скандинавской мифологии. Так, например, супергерой Сигурд, убийца Фафнира, изображен на одном из крестов из Хальтона в Ланкашире. На камне из Госфорта в Кумбрии, близ Ирландского моря, можно видеть сцену, изображающую рыбалку Тора, который хочет поймать Мидгордского змея, а на одном из наиболее богато декорированных крестов, также из Госфорта, сцена, вероятно, представлена с целью противопоставления языческой мифологии и христианства. Многие изображенные на камнях сюжеты сегодня не поддаются расшифровке. Тем не менее, не приходится сомневаться в том, что речь здесь идет о христианских монументах, хотя в декоре видны языческие элементы, а некоторые сюжеты явно носят мирской характер. Это, в частности, относится к изображению коня на надгробном камне в Соккбэрне, а также изображению воина в полном вооружении, со шлемом, щитом, мечом, копьем и боевым топором в Мидлтоне, а сверху крест декорирован изображением растянутого, ленточной формы, животного в стиле Йеллинг.

Количество каменных изваяний и значительные различия в степени мастерства их изготовления говорят о том, что они были распространены среди достаточно широких слоев населения, и, возможно, также у англичан. Некоторые из прекрасных каменных надгробий были обнаружены в могильнике около собора в Йорке, относящегося к викингскому

периоду. Но с другой стороны, многие изваяния, находящиеся вблизи сельских церквей, представляют собой грубые поделки, декор которых подчас выполнен по шаблону. В некоторых случаях работы осуществлены на достаточно высоком уровне, но сюжеты и орнамент нанесены на них методом просверливания в камне небольших отверстий. Этот метод известен больше в английском искусстве, и к скандинавскому искусству не относится. На многих камнях неровности и неудачные места скрыты под слоем гипса. Все каменные изваяния, вероятно, были ярко окрашены, поскольку часто обнаруживаются следы краски, так же как и на рунических камнях в Скандинавии.

В заключение следует отметить, что в Йорке было весьма высоко ценимо скальдическое искусство, во всяком случае, во времена царствования здесь короля Эрика Кровавая Секира. Согласно саге, исландец Эгиль Скаллагримссон слагал стихи в его пиршественной зале, подобно тому, как он ранее слагал стихи в пиршественной зале английского короля Ательстана, однако здесь едва ли многим было понятно его искусство. После смерти короля Эрика неизвестный скальд сочинил в память о нем величественную песнь под названием «Эйриксмаль».

Новые походы и завоевания

На протяжении большей части 900-х годов многие скандинавы удовлетворяли свою жажду серебра в Восточной Европе. А усилия северных королей по укреплению безопасности своих стран поставили заслон воинственной агрессивности многих викингов. Теперь возможность вернуться живыми и в добром здравии из викингских походов в западноевропейские земли становилась все более проблематичной. Благодаря этому, данные территории отныне в большей или меньшей степени были избавлены от нашествия викингов. Но около 970-980-х годов картина кардинально изменилась.

Изменения, происходившие на Востоке, привели к тому, что поток арабского серебра около 970 года внезапно прекратился, и это привело к далеко идущим последствиям в Скандинавии. В 978 году король Англии Эдуард был убит при загадочных обстоятельствах, и королем стал его брат Этельред, в возрасте всего десяти лет. Управление страной отмечалось внутренними противоречиями, и уже в 980 году на английской земле вновь появились викинги. В основном они устремились на южное и западное побережье Англии, их набеги происходили в 980 году и в два последующих года, хотя поначалу они не носили массового характера. «Англосаксонская хроника» повествует, что в 980 году Саутгемптон разорили викинги, прибывшие на 7 кораблях, а в 983 году викинги прибыли на трех кораблях в Портленд, и не исключено, что некоторые их отряды явились из Ирландии.

Но уже начиная с 991 года, на территории Англии стали появляться большие викингские флотилии. В этом году поход на Англию совершил Олав Трюггвессон (который в ту пору еще не был королем Норвегии). Хроника повествует, что он приплыл к берегам Юго-Восточной Англии на 93 кораблях «со своими датскими людьми». Он беспощадно грабил население, одержал победу в битве с англичанами и в сражении при Малдоне в Эссексе убил героического Биртнота. Этот герой был прославлен в знаменитой скальдической песне. Было решено, что войско («датские люди») получат откуп в 10 000 фунтов серебра за то, чтобы прекратить опустошение Англии. Это был первый случай из многочисленных выплат «данегельд» на данном этапе пребывания викингов в Англии. Начиная с этого времени и до того, как в 1016 году Кнуд Великий стал единым королем Англии и Дании, Хроника почти ежегодно повествует о неслыханных бедствиях, навлекаемых на страну викингами. Повествование пестрит сообщениями о предательствах, трусости, неумелой организации, ошибочных решениях короля Этельреда и его людей и вообще о серьезных неудачах, которые переживает английская сторона. В целом это было отражением реальности, но одновременно и попыткой оправдать задним числом гибель английского королевства. Эти разделы хроники были написаны после окончательного завоевания Англии, и записи были сделаны автором, испытывающим в полной мере горечь

поражения своего народа.

В 994 году на сцене вновь появляется Олав Трюггвессон, на этот раз в союзе с датским королем Свеном Вилобородым. Их флотилия насчитывала 94 корабля. Они безуспешно пытались захватить Лондон и совершали опустошительные набеги, пока не было заключено соглашение о том, что они получают 16 000 фунтов серебра и провиант. Набеги проходили по классической схеме, и войско викингов обосновалось на зимний постой в Саутгемптоне. С Олавом было заключено особое соглашение. Он был крещен, получил от короля богатые дары, а взамен обещал больше никогда не появляться в Англии с враждебным умыслом. Хроника подчеркивает, что он сдержал свое обещание. Но ничего не говорит о том, что причиной было, вероятно, другое. Вернувшись с добычей в Норвегию, Олав стал там королем, а около 1000-го года был убит. Погиб он в сражении со своим прежним союзником Свеном Вилобородым. Вскоре после возвращения в Скандинавию Олав и Свен (а также шведский король Олоф) стали чеканить монеты, которые впервые в Скандинавии были сделаны по образцу хорошо известных и ценимых повсюду английских монет.

С 997 года активность «датского войска» снова возросла. В 1000-м году был перерыв, возможно, из-за того, что многие отправились домой, чтобы принять участие в скандинавских междоусобицах. Но Хроника сообщает, что в этом году войско викингов находилось в Нормандии и что английский король Этельред сам подверг опустошительному разграблению Северо-Западную Англию и остров Мэн, возможно, чтобы разделаться с обитавшими там норманнскими поселенцами. Год спустя викингское войско снова появилось в Англии и в 1002 году получило дань в размере 24 000 фунтов серебра. В том же году король Этельред укрепил родственную связь с правителями Нормандии женитьбой на Эмме, сестре герцога Ричарда, после чего 13 ноября приказал убить всех датчан, находившихся в Англии. Едва ли в его намерения входило убить поголовно всех людей скандинавского происхождения, чьи семьи долго проживали в стране. Но, тем не менее, погибли многие, в том числе сестра Свена Вилобородого и его зять Пал-лиг, который прежде служил в войске короля Этельреда, но в 1001 году предал его и примкнул к завоевателям.

В два последующих года король Свен подверг разграблению большие территории в Южной и Восточной Англии. Возможно, это был акт мести. В 1005 году флотилия отправилась в Данию в связи с жестоким голодом, поразившем Англию. В 1006 году викинги возвратились в Англию и год спустя получили в виде дани 36 000 фунтов серебра. А в 1009 году в страну явился могущественный датский хевдинг Торкиль Длинный, а вслед за ним и другие хевдинги с многочисленным флотом. Жители Восточного Кента сразу же выплатили им 3 000 фунтов серебра, после чего викинги отправились на остров Уайт, который, как и много раз прежде, стал их базой, откуда они совершали набеги на Южную Англию. Войско двинулось дальше, продолжая разбой и грабежи и опустошая все вокруг, и в 1011 году король Этельред и его советники снова принимают решение откупиться от викингов. Но прежде чем им удалось собрать деньги для выкупа, был разграблен Кентербери, и архиепископ оказался пленником норманнов. В ярости оттого, что он отказался заплатить за себя выкуп, викинги убили его. (Позднейшие источники утверждают, что викинги потребовали 3 000 фунтов серебра). Хроника красноречиво описывает, как викинги, упившись вином и захмелев, приказали привести архиепископа к месту своего пиршества (вероятно, это был праздничный ужин их предводителей). Они швыряли в него костями и бычьими головами, а один из пирующих ударил его по голове обухом топора «и таким образом послал в царствие Божие его светлую душу». Вскоре после Пасхи 1012 года была выплачена огромная сумма в 48 000 фунтов серебра. Войско викингов после этого распалось, но 45 кораблей под командованием Торкиля поступили на службу к королю Этельреду, и Торкиль пообещал защищать королевство.

Набеги на Англию происходили по классической схеме. Разрозненные нападения небольших отрядов, затем – появление огромного мобильного войска, зимовки, быстро растущая сумма дани от 10 000 фунтов серебра в 991 году до 48 000 в 1012 году, а затем – поступление викингов на службу к королям, чтобы воспрепятствовать набегам других

викингов. Но в 1013 году Свен Вилобородый выступил с большой флотилией, намереваясь завоевать всю Англию. Его сопровождал сын Кнуд, которому еще не исполнилось и 20 лет. Некоторые из судов выглядели так, как корабли № 2 и № 5, найденные в Скульделе. 25 лет спустя флот этот был ярко описан в литературе. Войско высадилось в Сэндвиче, в Кенте, и в течение нескольких месяцев после молниеносного нападения страна была поработана. Затем войско захватило районы, находившиеся в пределах «области датского права», население которых проявило полную покорность и тем самым избежало грабежей. Викинги двинулись отсюда на юг, на запад и на север. Вся страна покорилась им, а король Этельред с женой Эммой и сыновьями нашли прибежище в Нормандии. Свен стал королем Англии и потребовал дани и содержания для своего войска. Того же потребовал и Торкиль Длинный, который не примкнул к королю Свену и флот которого стоял на Темзе.

3 февраля 1014 года Свен Вилобородый умер. Войско избрало королем его сына Кнуда, однако англичане вновь призвали на трон Этельреда. Было собрано английское войско, и Кнуд с его людьми были изгнаны из Англии. По пути домой, в Данию, корабли пристали к берегу в Сэндвиче и оставили здесь заложников, которых Свен получил в связи с заключением договоров, но теперь у этих людей были отрублены руки, отрезаны уши и носы. Войско Торкиля Длинного получило от Этельреда 21 000 фунтов серебра. Возможно, английский король предчувствовал, что вскоре ему могут снова понадобиться услуги Торкиля.

В Дании королем стал брат Кнуда Харальд. Он помог восстановить вернувшуюся домой флотилию, так как вовсе не был заинтересован в том, чтобы его честлюбивый брат с огромным войском оставался в королевстве. В 1015 году Кнуд вновь выступил в поход на своих кораблях.

Скальд Оттар Черный написал в честь Кнуда стихотворение «Кнудсдрапа», в котором есть такие строки:

Юный воин! Ты
Вывел в море корабли.
Никто в мире еще
Не отправляйся в воинский поход
Столь юным, как ты,
Полным отваги и дерзости.
Ты был во главе флотилии.
В гневе пристал ты к берегу,
Кнуд, с красным щитом.

На сей раз оборону Англии возглавил энергичный сын Этельреда Эдмунд, который наследовал королевский трон после смерти Этельреда в апреле 1016 года. Однако страна была ослаблена бесчисленными изменами, и в большом сражении при Ассандуне победу одержал Кнуд. «Англосаксонская хроника» говорит об этом времени: «Погибла вся английская знать». После этого Эдмунд и Кнуд заключили соглашение о разделе страны, однако еще до конца 1016 года Эдмунд умер, а Кнуд стал единодержавным королем Англии.

Войско Свена и Кнуда прославилось тем, что завоевало всю Англию, но оно было, безусловно, организовано по тому же принципу, что и другие викингские войска, действовавшие за пределами Скандинавии. Оно состояло из военных отрядов, и во главе каждого был предводитель, а король являлся главой всех предводителей. Но количество отрядов в войске Свена и Кнуда было, вероятно, достаточно велико, а сами они ясно представляли себе конечную цель похода и были, по всей видимости, выдающимися военачальниками.

Очевидно, в 1013 и в 1015 годах собрать войско для походов на Англию было делом несложным, поскольку скандинавским викингам было уже давно известно, что богатства этой страны почти неисчерпаемы и добыть их не так уж трудно. В отрядах были люди со

всей Скандинавии, так же, как и в войске, совершившим поход на Англию в 911 году. Так, например, Олав Харальдссон (Святой), будущий король Норвегии, находился в войске Торкиля Длинного во время походов в 1009-1012 годах. Многие проявили отвагу в сражениях и вернулись домой с серебром, овеянные славой. Они могли бесконечно рассказывать о своих подвигах в Англии, В Швеции, где существовал обычай воздвигать памятные камни во времена походов на Англию и позднее, когда ветеранов этих походов уже не было в живых, многие викинги были увековечены в рунических надписях, как, например, Ульф из Иттергерде в Упланде. Памятная руническая надпись о нем заканчивается такими словами: «И Ульф получил в Англии плату трижды. Сперва заплатил Тосте. Затем заплатил Торкиль. Затем заплатил Кнуд». Тосте был, вероятно, шведским хевдингом. Торкиль – это знаменитый предводитель похода на Англию по прозвищу Длинный. А Кнуд – это король Кнуд Великий. Другие неплохо прожили на чужбине прежде, чем закончить там свои дни. Это, вероятно, относится и к тем, в память о ком был воздвигнут рунический камень в Валлеберга, в Сконе. Надпись на нем гласит: «Свен и Торгот воздвигли эти памятные камни в честь Манне и Свенне. Да поможет Бог их душам. Но они лежат в Лондоне». (Возможно, эти погибшие викинги находились в войске Кнуда, после того, как он стал королем Англии). А некоторым так и не удалось побывать в походах. На руническом камне в Хусбю-Лихундра в Упланде, четверо вспоминают о своем брате Свене, который «умер в Юлланде, когда он должен был отправиться в Англию». Одно лишь намерение отправиться в Англию оказалось достойным того, чтобы быть запечатленным на руническом камне.

Правление Кнуда Великого и последующий период

В первые годы своего правления королю Кнуду предстояло многое сделать. Страна была поделена на четыре «ярлства» в соответствии с прежними королевствами. Кнуд сохранил за собой Уэссекс, Торкиль Длинный получил Восточную Англию, норвежец Эрик Ярл, принадлежащий к могущественному роду трендских ярлов, получил Нортумбрию, а английский перебежчик ольдерман Идрик Стреона, который находился то на одной, то на другой стороне, получил в управление Мерсию. Но уже в 1017 году Кнуд приказал убить его и, как отмечает английский источник, «это было справедливо». Другие представители английской знати также были убиты, и среди них сын Этельреда от первого брака Эадвиг. Многие родовитые люди были изгнаны из страны. В том же году Кнуд женился на вдове Этельреда Эмме, два сына которой находились в Нормандии. Таким образом, он породнился с древним английским королевским домом. Эмма родила ему двоих детей – сына Хардекнуда и дочь Гунхильду. При этом у Кнуда была и другая жена Эльфгифу (или Альфива) из Нортгемптона, от которой у него было два сына, Харальд и Свен. Большое войско викингов продолжало находиться в Англии, но в 1018 году ситуация в стране настолько стабилизировалась, что оказалось возможным его распустить. Это произошло после того, как викинги получили в виде дани неслыханную доселе сумму в 72 000 фунтов серебра, один только Лондон выплатил им 10 500 фунтов серебра. Однако Кнуд оставил себе 40 кораблей. Это были отборные отряды – верные своему королю, прекрасно вооруженные, отважные скандинавские воины, и Кнуд, которого многие все еще считали викингским узурпатором, мог рассчитывать на них, как на опору своей власти.

В период его правления в Англии появилась новая аристократия, обязанная своим возвышением королю Кнуду. В бесконечных сражениях, происходивших после 991 года, погибли многие представители древних родов, а некоторые были казнены королем по подозрению в измене или изгнаны из страны. Кнуду пришлось вновь воссоздавать структуру королевской власти, но его приближенные не относились к числу тех, кто служил королю Этельреду. В связи с этим происходило перераспределение земельных угодий, и имели место изменения в управлении страной.

В 1018 году умер король Дании Харальд, и зимой 1019/1020 года Кнуд отбыл туда,

чтобы наследовать датский престол после брата, а бразды правления в Англии он передал в руки Торкиля Длинного. Из Дании Кнуд отправляет послание к английскому народу, рассчитывая, что оно будет оглашено по всей стране. В нем он как бы отчитывается о результатах своего правления. Он напоминает, что защитил Англию от угроз со стороны датчан, подчеркивает свою роль как английского короля-христианина и говорит о своем авторитете среди английских подданных. Позднее Трокиль Длинный стал представителем Кнуда в Дании и правил страной за малолетнего Хардекнуда. В 1020-х годах Кнуд стал предъявлять свои притязания на Норвегию, и в 1028 году он отвоевал страну у Олава Святого. Вскоре после этого страной стала править его жена Эльфгифу вместе со своим сыном Свеном. В 1027 году Кнуду покорился шотландский король, и в очередном послании к английскому народу, которое Кнуд отправил во время своего путешествия в Рим в 1027 году, он именует себя королем всей Англии, Дании, а также королем норвежцев и некоторой части сеев, то есть шведов. В Риме он присутствует на коронации императора Священной Римской империи Конрада, и ему оказывают королевские почести. Он заключает договоры, выгодные для англичан и скандинавов, и договаривается о браке между сыном Конрада Хенриком, который впоследствии стал императором, и своей дочерью Гунхильдой (Кунигундой). Брак был заключен в 1036 году, но через несколько лет Гунхильда умерла.

Кнуд был, в первую очередь, английским королем. Он отправлялся в Скандинавию лишь тогда, когда возникали какие-либо проблемы, а также для того (как он сам писал в своих посланиях), чтобы воспрепятствовать новым нашествиям викингов на Англию. Он обеспечил мир в стране, в течение многих лет подвергавшейся разграблениям, и внутри королевства также не было никаких признаков волнений. Мир оплачивался содержанием его войска, но англичанам это казалось более безболезненным и дешевым выходом, чем грабежи и выплаты «дагенгельд» неприятелю, разорявшему страну.

Кнуд уважал древние английские законы и приносил богатые дары церкви. Он стал подлинно английским королем и нередко публично приносил извинения за старые грехи викингов. Во искупление за мученическую смерть короля Восточной Англии Эдмунда в 869 году, он повелел построить большую церковь в монастыре Святого Эдмунда в Бери. В 1012 году он устроил пышную церемонию перенесения тела убитого викингами архиепископа из Лондона в Кентерберии. А как искупление за кровавую бойню в Ассандуне он повелел в 1016 году построить церковь на месте этого сражения. Многие церкви получили от него богатые дары, и передача одного из них, позолоченного алтарного креста церкви Нью-Минстер в Уинчестере около 1031 года, была изображена на рисунке в церковной поминальной книге. Кнуд и Эмма подолгу жили в Уинчестере, и здесь же в 1035 году после своей смерти в возрасте сорока лет Кнуд был погребен во втором по величине главном городском соборе Олд Минстер. Этому очень юному викингскому королю удалось изменить свой имидж и стать английским королем, который достойно правил страной. Описание Кнуда, сделанное гораздо позднее в произведении «Кнютлинге Сага», относящемся к середине 1200-х годов, которому хочется верить, гласит: «Кнуд был очень высокого роста и очень сильный. На вид он был очень пригожий, несмотря на то, что нос у него был тонкий, курносый и немного кривой. Он был светловолосый, с красивыми волосами и широкими плечами, но лучше всего были его глаза, красивые и с острым взглядом».

С кончиной Кнуда со стабильностью в стране было покончено, и большая «империя» сразу же распалась. Хардекнуд был в Дании, и, несмотря на отчаянное сопротивление Эммы и других, королем Англии стал сын Эльфгифу Харальд. Альфред и один из двух сыновей Эммы от Этельреда прибыли из Нормандии, но были убиты, Эмме пришлось бежать. Харальд умер в 1040 году. Хардекнуд и Эмма вернулись в Англию, где Хардекнуд потребовал колоссальную дань для 60 кораблей, которые сопровождали его. Хардекнуд умер в 1042 году. Хроника сообщает: «Он стоял с хмельным напитком в руках, но вдруг упал и забился в страшных судорогах». В другом сообщении о смерти Хардекнуда говорится: «За все время правления он не сделал ничего, достойного короля».

Все четверо детей Кнуда умерли без наследников, и поэтому королем стал второй сын

Эммы от Этельреда, Эдуард, который вошел в историю под именем Эдуарда Исповедника. Эмма была женой двух королей, матерью двух королей и видела на английском троне каждого сына от обоих своих мужей. В годы правления Хардекнуда она поручила одному из монахов монастыря Св. Омера в Фландерне создать историю о Кнуде и его подвигах, чтобы передать ее двум оставшимся в живых сыновьям. Сохранился рисунок, на котором изображены эти сыновья с матерью и монахом, передающим ей свой труд. Именно в этом труде содержится яркое описание флотилий Кнуда и Свена, отплывающих из Дании на завоевание Англии. В этом труде ничего не говорится о проблемах, с которыми сталкивались Этельред и Англия. Эмма умерла в 1052 году, и так же, как Кнуд и Хардекнуд, была погребена в Уинчестерском соборе Олд Минстер.

Эдуард Исповедник женился на Эдит, дочери могущественного ярла Годвина, который был связан родственными узами с датским королевским домом и был обязан ему своим возвышением. Но с появлением на английском троне Эдуарда, который вырос в Нормандии, нормандское влияние начинает вытеснять скандинавское. В 1051 году Эдуард отменяет пошлину на содержание войска. За счет этих денег прежде содержались все скандинавские наемные солдаты с тех самых пор, как Торкиль Длинный в 1012 году перешел на службу к королю Этельреду. Теперь все они были отосланы домой.

Эдуард умер бездетным в 1066 году, и королем Англии стал брат Эдит, ярл Гарольд Годвинссон. Однако другие также имели виды на английский трон, и в сентябре король Норвегии, Харальд Суровый Правитель, выступил в поход на Англию. Подобно Свену Виллобородому, он решил начать завоевание английских земель с Северной Англии, где среди населения процент скандинавов был достаточно велик. Но в битве при Стамфорд Бридж войско его было разбито королем Гарольдом, а сам он был убит.

Спустя десять дней на берегах Южной Англии, также с целью завоевания английской земли, высадился герцог Вильгельм Нормандский, и Гарольд Годвинссон поспешил на юг. Однако в битве при Гастингсе его войско потерпело поражение, а сам он погиб, и в день Рождества 1066 года потомок нормандских викингов Вильгельм был коронован в Англии на царство. Спустя десять лет судьбоносная битва при Гастингсе и все, связанные с ней события, были изображены в нормандской версии на настенном ковре, который затем оказался в соборе Байе в Нормандии.

С воцарением Вильгельма в Англии возникло новое правление и появилась верхушка франко-нормандской знати. Это вызвало ряд волнений в стране. В 1069 году вспыхнуло большое восстание в Северной Англии. Оно было подавлено с необычайной жестокостью. На этом фоне незамеченным прошло появление больших викингских флотилий в 1069, 1070 и 1075 годах под предводительством членов датского королевского дома. В 1085 году король Дании Кнуд собрал огромный флот для завоевания той страны, где некогда царствовал его тезка и брат его прабабки. Однако Вильгельм также собрал в Англии огромную военную силу. Впрочем, флот Кнуда так и не тронулся с места. Самого его задержали беспорядки на южной границе королевства, а осенью часть флота распалась. Тех, кто повернул домой, стали ожесточенно преследовать приближенные короля Кнуда. Возникла смута, и в результате король Кнуд был убит. Это произошло в церкви английского великомученика Святого Албана в Оденсе в 1086 году. Из-за своей мечты о завоевании Англии король Кнуд стал, таким образом, первым королем-святым в Дании, однако он так и не стал викингским королем в Англии. Такова была последняя попытка скандинавов завоевать Англию.

Почти в течение ста лет расстановка сил в Англии определялась скандинавами. Свен, Кнуд и Хардекнуд были английскими королями. Многие другие скандинавы также участвовали в управлении страной, многие служили в королевских флотилиях. На этом отрезке времени реальное вторжение в Англию успеха не имело. Вместе с тем, появление новой правящей верхушки из числа норманнов наложило известный отпечаток на искусство и культуру Англии, особенно в южных ее областях, где обреталось большинство выходцев из Скандинавии.

Знаменитые скальды прославили в своих стихах Кнуда Великого, и, в частности,

упоминавшийся выше исландец Оттар помимо этого сочинил также песнь в честь Олава Святого, короля Норвегии, и Олафа Шетконунга, короля Швеции. Скандинавский вкус явно прослеживается в орнаментальном искусстве и на предметах, производившихся в Англии. В период, когда в Англии и Дании были общие короли, господствующим являлся стиль Рингерики, который сам возник под влиянием английского искусства, и потому был близок вкусу англичан и не представлял особых трудностей для английских мастеров. Один из превосходных примеров этого стиля можно видеть на камне, находящемся на кладбище при главной церкви Лондона, соборе Святого Павла.

В Уинчестере и во многих других местах Южной Англии были найдены предметы, орнаментированные в стиле Рингерики. Этот стиль был очень распространен, и в некоторых случаях его можно видеть в оформлении церковных книг. Стиль Урнес, который к середине 1000-х годов сменил в Скандинавии стиль Рингерики, также представлен в Англии. Его, в частности, можно наблюдать в каменной резьбе храмов, таких, как Йевингтонский собор в Эссексе, Саузвелл Минстер в Ноттингемшире и собор Норвич в Восточной Англии. Прослеживается этот стиль также на различных металлических изделиях и, в частности, на епископском посохе из Дюрхэма. Пристрастие к викингским стилям сохранялось до 1100-х годов, но стили Рингерики и Урнес так и не стали преобладать в английском искусстве или оказывать на него влияние, как это происходило с более древними скандинавскими стилями за сто лет до этого в Северной Англии.

Для Скандинавии этот период в истории Англии имел колоссальное значение. Все события были более тесно связаны со Скандинавией, чем викингские походы 800-х годов, и в них участвовали выходцы из всех скандинавских стран. Те, кто выжил в сражениях, получили свою долю от огромных сумм серебра, выплачивавшихся англичанами в качестве «данегельд» и «воинских пошлин» до 1051 года, а также от грабежей, имевших место в 991 – 1016-е годы, хотя львиную долю, само собою, получили предводители викингов. Были выплачены миллионы монет. Сегодня обнаружена лишь часть этих богатств, но и она производит впечатление. Свыше 40 000 английских монет было найдено в Скандинавии, и число находок постоянно растет. Около 3 300 было найдено в Норвегии, 5 300 – в Дании и 34 000 – в Швеции, но соотношение их численности наверняка обусловлено экономическими системами в разных районах, а вовсе не числом участников походов в Англию из этих стран и не размерами их доходов. Нет ничего удивительного в том, что английские монеты еще долгое время после 995 года служили образцом при чеканке скандинавских монет.

Помимо монет в Скандинавии были найдены и многие другие предметы английского происхождения. Впрочем, не исключено, что кое-какие из этих вещей могли оказаться здесь в результате торговых связей. Так, один из английских письменных источников, относящихся к 1000 году, указывает, что Йорк был богатым городом, поскольку большие богатства привозились сюда купцами, которые прибывали отовсюду и, в особенности, из Дании.

Влияние английской церкви было значительным, особенно в Норвегии и Дании. Английские духовные лица занимали церковные должности в этих странах. Популярностью пользовались английские святые, и в скандинавском языке имеются многочисленные заимствования английских церковных терминов. Английское влияние прослеживается в древней норвежской каменной архитектуре, несомненно, привнесенное представителями высших классов, которые полжизни провели в Англии. Во времена правления Кнуда Великого Англия, Норвегия и Дания во многих отношениях представляли собой единый культурный регион, и те, кто задавал тон в культуре, ездили из страны в страну в сопровождении большой свиты. События, связанные с Англией, более, чем когда бы то ни было, способствовали вовлечению Скандинавии в международный исторический процесс.

Исландия, Фарерские острова, Гренландия и Америка

Эпоха викингов сыграла основополагающую роль для районов и островов Северной Атлантики. Исландия, Фарерские острова и Гренландия были колонизованы скандинавскими земледельцами, и потому данные территории на сегодняшний день относятся к Скандинавии. Здесь речь не шла о викингской экспансии в буквальном смысле, поскольку, если не считать возможного присутствия нескольких отшельников в Ирландии, Исландии и на Фарерских островах, эти территории не были заселены, а в тех районах Гренландии, которые начали осваиваться в то время скандинавами, люди вообще не обитали (эскимосы жили на территориях, расположенных дальше к северу). Здесь некого было завоевывать и грабить. Но земли здесь было много, и на ней можно было жить и добывать пропитание. Викинги привозили с собой семьи, скот и все движимое имущество. Они преуспели в создании здесь новых общин. В Гренландии, где природные условия едва ли позволяли успешно вести сельское хозяйство, к концу средневековья скандинавские поселения прекратили свое существование. Но большая часть жителей современной Исландии и Фарерских островов является прямыми потомками викингских поселенцев. Сюда следует прибавить и то, что скандинавы были первыми европейцами, ступившими на землю Америки. Это были земледельцы из Гренландии, которые достигли берегов североамериканского континента. Но земля тут была уже обитаема, и поселения скандинавов здесь едва ли могли возникнуть.

Те, кто дерзал переплыть море, чтобы обзавестись землей на этих новых территориях, были по преимуществу норвежцы, и даже если природные условия там могли оказаться суровыми, они во многом напоминали условия большинства районов Норвегии. К тому же земля здесь лежала нетронутая. В основном, экономика напоминала ту, к которой они привыкли дома. Это было сочетание скотоводства, рыболовства, охоты на птиц, морских и лесных животных, а также сбора лесных ягод. Что касается выращивания зерна, то оно в северных широтах, разумеется, играло куда меньшую роль. И так же, как в Северной Норвегии и Шотландии, здесь не было почвы для возникновения городов или международных торговых центров. Единственным главным отличием от Норвегии было то, что здесь не было бескрайних лесов с хорошей древесиной, а лишь кустарники и мелкие деревья. Жителям приходилось обходиться плавником, то есть деревьями, выкидываемыми морем. Эта древесина, по всей вероятности, не была приспособлена для строительства эластичных викингских судов.

Основной причиной, которая могла побудить переселенцев обитать изолированно, на самом краю известной в ту эпоху земли, была тяга к хорошей плодородной земле, на которой легче было прокормиться с семьей, нежели у себя на родине, где земля могла быть истощенной или неплодородной, либо, возможно, по закону переходила в руки других наследников. Вместе с тем, политические притязания и жажда приключений, несомненно, также играли свою роль. В исландской литературе, как уже отмечалось, вероятно не без основания, указывается еще один мотив исхода из родных краев, а именно – стремление к свободе.

Многие крупные землевладельцы отплыли от берегов Норвегии, дабы не попасть под власть к королю Харальду Прекрасноволосому. В поселениях на Северной Атлантике не

было ни короля, ни ярла, и еще долгое время после эпохи викингов здесь сохранялось сообщество крупных землевладельцев с известной формой демократии и достаточно высоким уровнем политической самостоятельности. Впрочем, время от времени имело место и переселение в другие регионы. На новых землях открывались большие возможности, и многие впервые учились справляться с трудностями бытия на новом месте. Осуществимость путешествий в Северную Америку с целью освоения новых земель обеспечивалась для скандинавов, благодаря прекрасным судам и мастерскому кораблевождению. А укрепление связей с окружающим миром было необходимо для выживания в рамках традиционной крестьянской экономики со скандинавскими корнями. Для плавания в Северную Америку непригодны были узкие, легкие военные корабли. Здесь нужны были прочные торговые суда, на которых можно было пускаться в открытое море в штормовую погоду и на которых можно было перевозить множество людей с домашними животными и всем тем, что было необходимо для жизни на колонизованных землях. Их можно было нагружать большим количеством местных изделий, за которые потом можно было выручить средства на покупку необходимых товаров. Возможно, это были торговые суда типа корабля № 1 из Скульделев. Именно такие суда использовались поселенцами и их потомками. Но, несмотря на высокое качество судов и выдающееся мастерство мореходов, сохранилось немало рассказов о кораблекрушениях и о людях, выпавших за борт, а также о судах, которые из-за несовершенства навигации сбивались с курса и часто приплывали совсем не к той земле, куда направлялись.

Обычно поселенцы отплывали из родных мест с группами домочадцев, со своими рабами и во главе с предводителями. Суда, помимо сырьевых материалов, заполнялись всем необходимым, чего могло не быть там, куда они отправлялись. Перевозилось огромное количество животных, создававших затем новые популяции на новом месте. В особенности много брали коз, коров, лошадей, собак, но в первую очередь, овец. Возможно, на новое место привозились зерно и семена для выращивания овощей. Скорее всего, поселенцы в первые годы, пока поголовье скота не увеличивалось, а посевы не начинали давать урожай, должны были кормиться рыболовством, охотой, дикими растениями и ягодами, а также молочными продуктами. Условия жизни в Северной Атлантике были крайне примитивными, как и у тех, кто поселился в Америке. Классовое разделение общества существовало еще дома, и на новых территориях выделялась группа предводителей, которые захватывали себе земли, зачастую огромные угодья, образуя новый высший класс. Постепенно жизнь обретала черты, присущие скандинавским традициям, но с отпечатком местных условий и статуса поселенцев. Общехозяйственное устройство было вопросом выбора среди многих возможностей.

В имеющихся письменных источниках нет никаких сведений о том, когда и как появились самые первые поселения на Фарерских островах, в Исландии и Гренландии. К тому же, письменных источников эпохи викингов, которые сообщали бы о колонизации Северной Атлантики, Шотландии и окружающих островов, сохранилось крайне мало. Некоторые из них, такие как, например, описание, сделанное Адамом Бременским около 1075 года, подчеркивают, главным образом, удаленность этих мест от западноевропейских центров. Адам Бременский, в частности, рассказывает об исландцах: «Они живут исключительно разведением скота и одеваются в звериные шкуры. У них не растет зерно, и очень мало деревьев. Кроме того, они живут в землянках и делят кров, ночлег и пищу со своими животными. Таким образом, живут они в святой простоте и не требуют больше того, что может им предложить сама природа». Вероятно, Адам имеет в виду непонятную ему вулканическую деятельность, когда он пишет о том, что «снег такой черный и сухой от старости, что может гореть, если его подожгут». О населении Гренландии Адам пишет: «Из-за соленой воды люди здесь зеленые, и потому земля эта была так названа (гренланд – зеленая земля)». Далее он рассказывает, что архиепископ Гамбургско-Бременский, который был церковным главой Исландии и Гренландии, отправил послание их жителям, в котором обещал в скором времени посетить их. Едва ли можно поверить, что он и вправду

намеревался это сделать.

Вместе с тем, сохранилась богатая литература, созданная в 1100-1200-е годы, или позднее, и посвященная описанию эпохи викингов в Северной Атлантике. Это, в основном, исландская литература, творившаяся в среде, задававшей тон в эти изменчивые времена. Сюда входят и саги, и произведения исторического характера, и своды законов. В то же время поэтических произведений, посвященных этим регионам, существует не так уж много. Именно в этих письменных источниках мы находим целую галерею персонажей и описание многих драматических событий, которые составляют яркую часть истории этих краев. Истории эти отражают интересы того времени, исторические взгляды и литературные традиции тех лет. Некоторые из них были частично сфабрикованы на основе географических названий, наблюдений за природными явлениями и представлений о существовавших когда-то поселениях или оставшихся от них развалин. Лишь изредка можно было проследить прямую связь между произведениями исландской литературы и реальными археологическими находками, относящимися к эпохе викингов. Хронологически они отделены друг от друга длительным отрезком времени – тремя или четырьмя столетиями. Но даже если допустить, что истории об Эрике Рыжем и его семье, поселившихся в Гренландии, или о Лейфе Счастливым, достигшем берегов Америки, содержат лишь едва различимую крупицу исторической истины, то все же не следует не принимать во внимание этих явно беллетризованных версий отдельных, наиболее увлекательных, эпизодов эпохи викингов. В то же время их следует, в основном, воспринимать как литературные произведения и иметь в виду, что это отнюдь не свидетельства очевидцев.

Поселения в Исландии и на Фарерских островах

Исландия – это вулканический остров, площадью 103 500 кв. километров и протяженностью около 500 километров с востока на запад. Самая северная часть страны почти достигает Полярного круга, но ответвление Гольфстрима смягчает здесь климат. Остров расположен на расстоянии примерно 570 морских миль (около 1050 километров) от Норвегии, и путь оттуда идет через безбрежные морские пространства. Единственная возможность высадиться на сушу во время этого пути – это зайти на Фарерские острова, а если повернуть чуть южнее, то можно приблизиться к Шетландским островам. Исландия – страна, «неуютная» для поселенцев из-за частых землетрясений, горячих источников, гейзеров, а также многочисленных вулканов, которые уже в ту пору были активными. Однако с изрезанным побережьем, обширными территориями глетчеров (ледников) и пустынными горами поселенцы из Норвегии были уже знакомы у себя дома, но зато здесь, в Исландии, были хорошие пастбища для скота, множество птиц, моржи, тюлени, много рыбы в море и реках. Были также леса, хотя и не очень густые, где росли карликовая береза, верба и кустарник. Вдоль побережья была масса плавника – выброшенной морем древесины, которая могла пойти на строительство домов и других построек.

Открытие Исландии и ее древнейшая история описаны в сагах. Наиболее важным письменным источником является знаменитое сочинение Ари Торгильссона «Книга исландцев», созданное около 1120 – 1130-х годов. Ари, по прозвищу Ученый, принадлежал, вероятно, к наиболее знающим и образованным кругам жителей острова, а его труд явился результатом серьезных исследований истории страны, примерно до 1120 года. Это небольшое сочинение с четкой хронологией. Вот что пишет Ари о начале колонизации Исландии: «Исландия была впервые заселена людьми из Норвегии в годы правления Харальда Прекрасноволосого, сына Халфдана Черного. По рассказам моего воспитателя Тейта, мудрейшего из всех, кого я знал, сына епископа Ислейфа, моего дяди Торкеля Геллессона, который помнил стародавние времена, а также Турид, дочери Снорре Доброго, мудрой женщины, знания которой были достоверны, это произошло в ту пору, когда Ивар, сын Рагнара Лодброка убил Эдмунда Святого, короля англов. Это было через 870 зим после Рождества Христова, так написано в его истории. Ингольф – так звали человека из Норвегии,

и о нем правдиво рассказано, что он первым отправился в Исландию сперва, когда Харальду Прекрасноволосому сравнялось 16 зим, а потом опять спустя несколько зим. Он поселился к югу от Рейкьявика».

Ари также рассказывает, что спустя 60 лет страна была заселена, то есть это произошло около 930 года. Как и позднее, поселения, очевидно, возникали вдоль побережья, на просторах Южной Исландии и, помимо ее южной части, по долинам рек в других районах страны. Во многих местах были обнаружены языческие могилы, относящиеся к концу 880-х годов или к 900-м годам. Таким образом, это согласуется с сообщением Ари о том, когда в Исландии появились первые поселения скандинавов. О самом открытии Исландии рассказано в «Книге о поселенцах», пространном труде, который восходит к 1100-му году, но дошел до нас в более поздних редакциях и который подробно излагает историю колонизации Исландии. Здесь сообщается приблизительно о 430 предводителях поселений, а также об их предках и потомках. Целью этого труда было, вероятно, составление регистра земельных владений и поддержки притязаний на землю тех родов, которые находились у власти в 1100-е годы.

Здесь повествуется и о человеке по имени Наддод, который достиг берегов Исландии еще до Ингольфа из-за того, что его корабль сбился с курса. Другие, которых звали Гардар Сварварссон и Флоке Вильгердарссон, очевидно, также были одними из первых, кто посетил Исландию, и не исключено, что люди бывали здесь и еще раньше. В различных письменных источниках, относящихся к началу 300-х годов, упоминается остров под названием Туле, который должен находиться далеко к северу от Британии, где море к северу от него покрыто льдом. Туле упоминается, в частности, в географическом труде, относящемся к 825 году и написанном ирландским монахом Дикуилом. Он рассказывает об ирландских отшельниках, нашедших прибежище на Туле, где в середине лета было так светло, что ночью можно было искать вшей не хуже, чем днем. Описание Туле вполне подходит к Исландии. У Ари тоже есть рассказ об ирландских монахах, которые спешно покинули страну, когда туда явились норманны. Археологических следов поселений, более древних, чем скандинавские, здесь не обнаружено, несмотря на многочисленные попытки, и можно предположить, что сведения Ари основаны на его знакомстве с некоторыми церковными предметами, которые попали в Исландию вместе с викингами из Ирландии. Хотя все источники утверждают, что поселенцы явились, в основном, из Западной и Северной Норвегии, в них упоминается также о том, что часть их прибыла из скандинавских поселений на Британских островах, в частности, из Шотландии и Ирландии. Некоторые из них были женаты на кельтских женщинах, а иные привезли с собой кельтских рабов. Об этом свидетельствуют также географические названия, где первая часть – слово кельтского происхождения, например, «Брьянслекр» (от имени «Бриан») или имена собственные, такие, как Ньял, главный герой знаменитой саги о Ньяле, написанной около 1280 года, где упоминается о битве при Клонтарфе близ Дублина в 1014 году.

Среди примерно трехсот языческих захоронений эпохи викингов, которые были обнаружены повсеместно в Исландии, безусловно, есть такие, в которых погребены первые колонисты, хотя ни один из них персонально не был идентифицирован. Усадеб, которые наверняка можно было бы датировать ранним периодом, также не удалось обнаружить при раскопках. Хотя Хвитархолт в Южной Исландии, несомненно, относится к эпохе викингов, а археологические исследования показали, что поселения в Рейкьявике очень древние. На сегодня не существует точных данных в отношении датирования усадьбы Стренг и других усадеб, раскопанных в 1939 году на обширной южноисландской долине Тьорсардалур. Долгое время считалось, что усадьбы были засыпаны пеплом во время большого извержения вулкана Гекла в 1104 году и после этого покинуты. Но новейшие исследования показывают, что здесь были поселения и после этого года. Едва ли случайно то, что Ингольф высадился именно в Рейкьявике. Здесь была удобная гавань, обширные луга, много птиц, лежбища тюленей, изобилие рыбы в реках и озерах вблизи побережья, а также водились киты. Имелись здесь и горячие источники, что позволяло выращивать ячмень и варить пиво.

Согласно сообщению Ари Торгильссона именно вблизи Рейкьявика был создан старейший из всех известных исландских общественных институтов, тинг Кьяларнес. Инициаторами его создания были, вероятно, сын Ингольфа Торстейн и другие окрестные хевдинги, и Ари полагает, что это произошло немного ранее или около 900-го года. К тингам поселенцы привыкли еще дома. Это были общественные собрания свободных людей, которые под предводительством хевдингов устанавливали законы, решали правовые споры и дела, представлявшие общий интерес. Тинг Кьяларнес был, по утверждению Ари, прямым предшественником альтинга, который был учрежден во время собрания на Поле тингов, что чуть восточнее Рейкьявика, около 930 года и который стал всеобщим тингом для всей Исландии. Сюда съезжались хевдинги со своими людьми в середине лета на две недели. Здесь вырабатывались и утверждались новые законы, обсуждались политические и другие вопросы, с помощью законов решались споры, заключались договоры и происходили торги. Именно на альтинге встречались жители со всех районов Исландии, это всеобщее собрание выполняло многие социальные и культурные функции.

Чтобы не допускать распространения распрей за пределы своей округи, жители позднее поделили Исландию на округа, каждый из которых имел три или четыре местных тинга. Предводители этих тингов были главами местных родов и назывались «годи», их общественные функции были, в первую очередь, связаны с тингами. В большом своде законов, который по неизвестным причинам был назван «Серый Гусь» и который содержит многие уложения, относящиеся к 1100-м годам и сохранившиеся в рукописях конца 1200-х годов, можно, по мнению исследователей, почерпнуть много сведений о древней общественной организации Исландии и о ее правовой базе, созданной в 900-е годы, а также о культурно-исторических условиях. В эпоху викингов у Исландии были многочисленные связи с внешним миром. И, в первую очередь, с Норвегией и Британскими островами. В «Книге поселенцев» указывается время плавания – от пяти до семи суток (вероятно, при благоприятной погоде). Исландцы посещали также Гренландию, которая была колонизована преимущественно ими, и многие другие регионы. Ездили они много и часто. Некоторые отправлялись в торговые поездки, чтобы привезти домой все необходимое для жизни. Продавали, главным образом, шерстяные изделия, но исландские соколы также пользовались большим спросом. После открытия Гренландии торговля велась и с этим регионом. Некоторые отправлялись время от времени в качестве воинов или в своего рода познавательные поездки ко дворам знаменитых королей. Особую категорию представляли исландские скальды. Приходилось исландцам также выезжать для улаживания дел по наследству или для заключения политических договоров с норвежскими королями, у которых очень скоро пробудился интерес к большому свободному государству в Атлантическом океане. Под сильным нажимом Улава Трюггвессона на альтинге в 1000 (или 999) году было решено перейти в христианскую веру, но с некоторыми модификациями. В годы правления Олава Харальдссона (Святого), который в исландской литературе носит прозвище «Толстый», в Исландию были посланы епископы-миссионеры, которые попытались внедрить на острове устои христианской жизни. Первым исландцем, ставшим епископом, был Ислейф, сын которого был одним из информаторов Ари Торгильссона и который был посвящен в сан в Бремене в 1056 году. Рассказывается, что он сперва посетил папу в Риме и германского императора Генриха Третьего, которому он преподнес редкостный подарок – гренландского белого медведя. В конце 1000-х годов в Скальхолте, на юге страны, был основан первый епископат в Исландии, а в 1106 году создан еще один епископат - в Холаре, на севере страны.

Начиная с 1000-х годов, были также заключены договоры с норвежскими королями, призванные уладить некоторые внутренние проблемы, а в 1261-1264 годах исландцы признали формальное верховенство Норвегии над страной и при этом обязались платить налоги норвежскому королю. Период так называемой свободной страны остался в прошлом. С 1380 года Исландией, как и Норвегией, правил датский король. В 1944 году Исландия снова избрала форму существования как независимая республика.

Фарерские острова – представляют собою самую высокую часть подводного горного хребта, который связывает Исландию с Шотландией. Архипелаг насчитывает 18 островов и несколько небольших островков и шхер, общая площадь которых составляет 1399 кв. километров. Они протянуты с севера на юг на расстоянии свыше 113 километров. Климат смягчается течением Гольфстрим. Здесь очень много хороших пастбищ и богатая птичья фауна, а в море – изобилие рыбы и водятся киты. В период заселения архипелага здесь была обширная кустарниковая растительность, а на побережье скапливалось большое количество плавника.

У нас нет достоверных сведений о том, когда были колонизованы Фарерские острова, но их местоположение заставляет предполагать, что скандинавские крестьяне стали селиться на Оркнейских и Шетландских островах, возможно, еще до или одновременно с заселением Ирландии. Упомянувшийся ранее ирландский монах Дику-иль писал в 825 году, что ирландские отшельники жили уже почти сто лет на некоем безымянном архипелаге к северу от Британии, где было бесчисленное количество овец и множество морских птиц. Но затем они вынуждены были переселиться отсюда из-за скандинавских морских разбойников. Но хотя название «Фарерские острова» (Фореойене) и означает «Овечьи острова», пока что нет достоверных сведений о том, что описание Дикуиля относится к данному архипелагу, и так же, как в Исландии, не обнаружено следов, которые говорили бы о том, что до появления викингов тут жили люди.

Постепенно здесь производились раскопки усадеб, могил и так далее, относящихся к этому периоду. Выяснилось, что многие из самых древних усадеб исчезли на дне моря из-за опускания суши и эрозии. Так, например, в Квивике осталась лишь верхняя часть усадьбы викингского периода. Вместе с тем, поселения в Тофтанесе и Лейрвике настолько древние, относящиеся к 900-м годам или ранее, что по многочисленным сделанным здесь находкам можно прояснить вопрос о том, когда были колонизованы Фарерские острова и как жили их первые обитатели.

В целом же сведения о Фарерских островах эпохи викингов разрознены и часто недостоверны. «Фарерская Сага», основное действие которой происходит в десятилетия до и после 1000 года, сообщает, что первым поселенцем на островах был Грим Камбан и что он прибыл сюда в пору правления Харальда Прекрасноволосого. Сага повествует о блестящем герое по имени Сигмунд Брестессон, который ввел на островах христианскую веру, о его недруге Тронде из Гете, а также об отношениях фарерцев и норвежских королей и о многом другом. Однако сага была сочинена, вероятно, в XIII веке, а точнее, приблизительно в 1200 году. Вместе с тем, географические названия, языковые и другие факторы говорят о том, что часть норвежских поселенцев прибыла сюда из кельтскоговорящих регионов (прозвище Грима – «Камбан» кельтского происхождения), а также из Исландии и из тех мест, о которых говорится в «Фарерской Саге». Но основная часть поселенцев, без сомнения, была из Норвегии. Внешние связи также главным образом осуществлялись с Норвегией и Британскими островами, и немало поселенцев, возможно, задержались на архипелаге по пути в Исландию или обратно, Экспорт с Фарерских островов, прежде всего, был связан с шерстью и шерстяными изделиями. Так же, как Исландия и скандинавские поселения в Шотландии, Фарерские острова попали под власть Норвегии. Это произошло, скорее всего, в 1000-х годах. В 1380 году острова вместе с Норвегией отошли к датской короне.

Поселенцы в Гренландии и открытие Америки

Колонизация скандинавами Гренландии освещена гораздо лучше, чем заселение Фарерских островов. Самыми важными источниками являются «Книга об исландцах» Ари Торгильссона (сведения в ней основаны на рассказах дяди Ари, который, в свою очередь, слышал их от человека, сопровождавшего Эрика Рыжего во время путешествия в Гренландию), а также «Книга о поселенцах». Сюда можно также причислить две красочные исландские саги: «Сагу о гренландцах» и «Сагу об Эрике Рыжем», в которых говорится о

первых поселениях в Гренландии и прежде всего о путешествии в Винланд (то есть в Америку). Но саги эти были созданы не ранее начала 1200-х годов и, подобно любой другой литературе такого рода, внутренне противоречивы и фантастичны. Но там, где содержание их совпадает, мы, во всяком случае, имеем дело с устной традицией, которая лежит в основе этих повествований, поскольку едва ли можно предположить, что сочинители были знакомы с трудами друг друга. Кроме этих сочинений, в нашем распоряжении имеются результаты археологических раскопок, которые также освещают эпоху викингов в Гренландии и путешествия их в Америку.

Как известно, большая часть территории Гренландии покрыта материковым льдом и снегом, однако южная ее оконечность находится гораздо южнее Исландии, на одной широте с Шетландскими островами и городами Норвегии Осло и Бергеном. Вдоль Юго-Западной Гренландии, по берегам фьордов, глубоко врезающихся в сушу, имеются плодородные пастбища. Именно здесь находятся районы, лучше всего приспособленные для ведения сельского хозяйства, хотя они почти примыкают к материковому льду. Здесь около 985 года обосновались первые поселенцы, прибывшие на кораблях, во главе с Эриком Рыжим из Брейди-фьорда в Северо-Западной Исландии. В «Книге об исландцах» говорится, что Эрик назвал страну «Гренландией» (то есть «Зеленой страной») так как полагал, что красивое название скорее привлечет сюда новых поселенцев.

Гренландия была, вероятно, открыта человеком по имени Гунбьерн, корабль которого сбился с курса (очевидно, это был обычный вариант открытия новых земель в Северной Атлантике). Сага рассказывает, что территория эта была тщательно обследована Эриком Рыжим до того, как он и сопровождавшие его исландцы, отправились туда на поселение, и эти сведения, скорее всего, соответствуют действительности. Согласно «Книге о поселенцах», 25 кораблей вышли из Исландии, но лишь 14 из них достигли берегов Гренландии. Остальные либо погибли, либо повернули обратно. Эрик и его жена Тьодхильд взяли себе землю у берегов самого живописного фьорда, которому они дали название Эрикс-фьорд, и здесь они построили усадьбу Братталид (В районе современного Квагссиарссука неподалеку от аэропорта Нарссарссуака). Здесь, по берегам Эрикс-фьорда раскинулись плодородные пастбища, а сама усадьба Братталид находилась на большой, по гренландским условиям, плодородной равнине, а позади нее была цветущая зеленая долина. От усадьбы Братталид недалеко до Гардара (Игалико), второго из лучших сельскохозяйственных районов Гренландии, где с 1125 года находился епископат страны. Вскоре были заселены так называемые Восточный поселок (в районе современного Квакворток/Юлианехоб) и Западный поселок (вокруг района Нуук/Годтхоб). Сельское хозяйство основывалось на разведении овец, коз и крупного рогатого скота. Одной из главных причин, из-за чего Гренландия казалась столь привлекательной, были ее обширные пастбища, которых не было в Исландии. Там, после почти столетнего использования почвенный слой, вероятно, утратил свои качества или даже вообще мог исчезнуть. Но в Гренландии земля была свежей и нетронутой. Здесь никогда прежде не жили крестьяне. Климат был несколько мягче, по сравнению с сегодняшним, и так же, как на Фарерских островах, часть низменности, делавшей этот край столь привлекательным, впоследствии была поглощена морем. К тому же, в те годы здесь было довольно много плавника.

Разумеется, кроме сельского хозяйства, поселенцы занимались рыболовством, тюленьим и китовым промыслом, охотой на диких северных оленей, медведей и птиц. И необходимый ввоз металлов, в первую очередь железа, а также древесины, зерна и предметов обихода мог оплачиваться товарами, особенно высоко ценимыми в Европе. Это были шкуры белых медведей и полярных лис, охотничьи соколы, моржовый зуб или зуб нарвалов, шедший на изготовление художественных изделий, канаты из моржовых шкур. Ценился китовый ус, который вшивался в одежды для придания ей формы и плотности. Но самое главное, отсюда вывозились живые белые медведи. Многие из перечисленного приходилось добывать, отправляясь в опасные путешествия далеко на Север.

Население в Гренландии страдало от частых эпидемий среди животных и людей,

недорогов, долгих периодов непогоды и даже небольших климатических колебаний. В конце средних веков поселенцы здесь вымерли по до сих пор не установленной причине. Но в эпоху викингов им здесь жилось неплохо, и они активно поддерживали связи с внешним миром. Около 1000-го года здесь было введено христианство. Письменные источники не имеют единого мнения о том, как это произошло, исходила ли инициатива из Исландии или из Норвегии – двух стран, с которыми у гренландцев были наиболее тесные связи.

Археологами на месте усадьбы Братталид была раскопана крохотная церквушка с толстыми стенами из дерна, шириной всего в 2 метра и длиной в 3, 5 метра. Возможно, это самая древняя церковь в Гренландии, построенная во времена Эрика Рыжего или несколько позднее, и, возможно, Тьодхильдой, о которой рассказано в саге об Эрике Рыжем. Здесь также рассказывается, что церковь была построена поодаль от жилых домов, поскольку Эрик не признавал христианской религии. Но это наверняка не более чем домысел сочинителя. Во всяком случае, церковь находилась близко от того строения, которое вполне могло быть главным жилым домом усадьбы во времена Эрика Рыжего. Но в период создания саги она в самом деле была расположена далеко от главного дома. Возможно, ко времени написания саги местоположение самого старого жилого дома усадьбы забылось, но осталась память о том, где находилась самая древняя церковь. Вокруг церкви захоронено 155 человек – 64 мужчины, 37 женщин и 34 ребенка. Имеется еще 20 скелетов, пол которых идентифицировать не удалось. Имеется также общая могила для 12 человек и десятилетнего ребенка, которые, скорее всего, умерли в другом месте, а потом были перенесены сюда. На этом кладбище, несомненно, покоятся многие из первых поселенцев и, возможно, даже некоторые из тех, память о которых так хорошо сохранилась, благодаря сагам. Люди, жившие в Гренландии, были высокого роста и могучего телосложения. Средний рост женщин достигал 160 сантиметров, а мужчин 173 сантиметра, и многие из них были ростом в 184-185 сантиметров.

Это вполне согласуется с тем, что было установлено и в других регионах Скандинавии, в том числе и средняя продолжительность жизни. Если не считать 12 умерших из общей могилы, то 7 из 52 мужчин были в возрасте 20-40 лет, 23 – в возрасте 40-60 лет, а возраст 12 умерших неизвестен, но приблизительно они были чуть старше двадцати лет. Четырнадцати женщинам было от 20 до 40 лет, двенадцати – от 40 до 60 лет, трем – более шестидесяти лет и последним восьми – несколько более двадцати. Ни у кого не было обнаружено кариеса, хотя зубы были достаточно стерты. Большинство людей старшего возраста страдали подагрой. У многих было искривление позвоночника и отсутствие гибкости в ногах. Но и это не было особенностью, присущей лишь поселенцам Гренландии. Скандинавских языческих могил обнаружено не было, и единственным дошедшим до нас свидетельством дохристианской веры, которая здесь просуществовала не более 15 лет, был маленький молот Тора, вырезанный на предмете из мыльного камня, найденном на месте усадьбы Братталид.

В сагах говорится, что Америка (Винланд) была открыта во время одного из долгих путешествий в Гренландию из Исландии или Норвегии, когда суда сбились с курса. Но «Сага о гренландцах» приписывает честь открытия Америки Бьярне, сыну Херйолфа, который отправился в путешествие вместе с Эриком Рыжим (Бьярне, однако, не остался на американской земле), в то время как «Сага об Эрике Рыжем» говорит о том, что Винланд был открыт Лейфом Счастливым, сыном Эрика. Открытие новой земли было весьма престижным подвигом. Саги рассказывают о двух посещениях Америки и они, во всяком случае, едины в том, что Лейф там присутствовал и что предводителем второй экспедиции был исландец Торфин Карлсефне.

Вместе с тем, восточное побережье Северной Америки имеет большую протяженность, и предметом многих споров был вопрос о том, какие районы носили названия Винланд, Маркланд (Лесная Земля) и Хеллуланд – Стенландет или Клиппеландет (Каменистая или Скалистая Земля). Возможно, речь идет о Ньюфаундленде или острове Баффинова Земля на севере. На северной оконечности Ньюфаундленда найдены, безусловно относящиеся к скандинавским поселениям эпохи викингов в Америке, большие строения скандинавского

облика со стенами из дерна, такие же, как в Исландии и Гренландии, а также многие предметы скандинавского происхождения, например, булавка для застегивания одежды из тех, которые были в ходу у викингов в Ирландии. Здесь добывалось железо из местной руды и производились кузнечные работы, а также разнообразные работы, материалом для которых служила древесина из здешних густых лесов. Здесь были ресурсы, о которых поселенцы могли лишь мечтать: земля, пригодная для земледелия, хороший климат, охота и рыболовство и, в первую очередь, то, что, например, в Гренландии приходилось возить издалека: железо и хорошая древесина для строительства кораблей.

Однако со временем новые поселенцы в Северной Атлантике достигли обитаемых районов, и местные индейцы или эскимосы, которых скандинавы называли «скреллингами», были настроены враждебно. Это обстоятельство, а также оторванность от родни и друзей, несомненно, послужили причиной того, что путешествия к американскому материку остались всего лишь экспедициями и не привели к созданию постоянных поселений. Тут саги, судя по всему, правы. Но эти путешествия продолжались и в средние века, поскольку отсюда, по крайней мере, можно было привозить нужное сырье.

Постройки в районе Мидоус использовались лишь короткий период, и хотя они датируются временем знаменитых экспедиций, описанных в сагах, вполне возможно, что они были возведены отнюдь не теми, кто нам известен из саг. Существуют также теории о том, что поселение Мидоус было этапным для походов дальше на юг и что Винланд в действительности находился, возможно, в районе залива Святого Лаврентия, который одновременно является и северной границей произрастания винограда. Но если не считать норвежской монеты времен короля Олава Кюрре (1066-1080), которая была найдена в индейском поселении в штате Мэйн, дальше на юге нет никаких следов пребывания скандинавов, в том числе, и в средние века. Однако к этому времени относятся некоторые находки на местах эскимосских поселений в арктической части Канады, которые говорят об известной связи между двумя народностями, если только эти предметы не были подобраны среди обломков затонувших судов, взяты у убитых скандинавов, гренландцев или были подобраны в их временных сезонных поселениях на далеком севере.

Путешествия в страну Винланд поражают воображение. Неужели скандинавы могли добраться столь далеко и открыть Америку задолго до Колумба? Энтузиасты этой теории даже представили себе, что викинги исследовали весь американский континент. Находки различных древнескандинавских предметов, которые были привезены в Америку в более позднее время, подогревали ажиотаж, а многие сооружения и предметы искусства в Северной Америке, Мексике и даже Южной Америке ошибочно были истолкованы как следы пребывания здесь викингов. Более того, в разных местах имеются поддельные рунические камни (например, Кенсингтонский рунический камень) и другие псевдоскандинавские предметы.

Скандинавское население Гренландии «У края земли» признало верховную власть Норвегии в 1261 году, а в 1380 году перешло под юрисдикцию Дании. В Европе их помнили еще долгое время после того, как связь с ними была прервана. Так в 1712 году король Дании и Норвегии послал в Гренландию экспедицию во главе со священником Хансом Эгеде, с тем чтобы распространить среди потомков викингов христианскую веру. Но на этой территории никого из них не осталось, ее уже давно заняли эскимосы, предки нынешних гренландцев. Только их и обнаружил приехавший в Гренландию Ханс Эгеде. Вместе с тем, эта экспедиция явилась началом возобновления контактов между Гренландией и Данией.

Регион Балтийского моря, Русь, Византия и Халифат

Походы скандинавов на восток и на юг в корне отличались от колонизации ими территорий на побережье Северной Атлантики, простиравшихся «до самого края земли». Отправляясь на восток и на юг, можно было достичь крупнейших культурных и торговых

центров того времени – Византии и арабского Халифата. Находившаяся на востоке Русь также обладала немалыми богатствами, поскольку отсюда в страны Востока и Юга направлялись товары, пользовавшиеся большим спросом, в том числе, ценная пушнина и рабы.

К тому же походы скандинавов в эти края не требовали многодневного плавания в открытом море. Путь от берегов Дании и Швеции до восточного побережья Балтийского моря был не так уж и долог. А отсюда берут свое начало большие реки, ведущие в глубь европейского континента. По их берегам возникали торговые центры, например, Волин и Трузо на Одере и Висле. Некоторые реки вели к торговым центрам Руси, таким, как Старая Ладога в 12 километрах к югу от впадения реки Волхов в Ладужское озеро, Новгород у истока Волхова из озера Ильмень, Киев на Днепре, Булгар в месте слияния Волги и Камы. Этими водными путями плыли скандинавы, и в русском княжестве они иногда (но не всегда) встречали поселенцев из восточной части нынешней Швеции. Плывя дальше, по Черному и Каспийскому морям, скандинавы доплывали до сказочной Византии, которой правили восточно-римские императоры, или Халифата и Багдада, многолетней резиденции халифов, города, своим величием и пышностью затмевавшего даже Византию. Те, кто отваживался на поход в Восточную Европу, Византию и Халифат, могли добыть здесь много золота, серебра, богатых товаров и вдобавок покрыть свое имя неувядаемой славой. Среди них были торговые люди, викинги, предводители дружин со своей личной стражей и наемными воинами. Некоторые из скандинавов поселялись на землях Руси и становились земледельцами.

Между тем плавание по рекам таило в себе немало трудностей и опасностей. В некоторых местах суда приходилось тащить по суше, чтобы перебраться на другую реку или миновать опасные, порожистые и каменистые участки пути с бурным течением. В таких местах путники были более всего уязвимы для вражеских набегов, и риск подвергнуться нападению племен, живших по берегам этих рек, был здесь особенно велик. Для того, чтобы суда легче было тащить волоком, а при путешествии по рекам этого было не избежать, скандинавы обычно предпочитали отправляться в такие походы на небольших, легких ладьях, наподобие тех, что были найдены в озере Тингстеде, на Готланде, или тех, которые были изображены на готландских памятных камнях. Во всяком случае, попытка воссоздать копию ладьи «Краппмаккен» и пройти на ней по рекам путями скандинавов, доказала, что это было вполне возможно. Так что для подобных походов древние скандинавы вероятнее всего использовали местные, речные ладьи, а не большие корабли викингов, бороздившие моря.

Обширный восточноевропейский регион, куда направлялись скандинавы, был в тот период населен многочисленными и самыми разными племенами и народами. К югу от Балтийского моря обитали западные славяне, земли которых на западе граничили с Саксонией и Данией. Территорию на восточном побережье Балтики, вплоть до Финского залива, занимали балты и финно-угорские племена. Их владения простирались на север и на восток до Финляндии. В 900-е годы возникло польское государство, и в 968 году в Польше было принято христианство, между тем, как остальные народы на побережье Балтийского моря приобщились к христианской вере лишь в XI-XII веках.

К востоку от балтов и западных славян, и дальше на юг, жили восточные славяне, которые находились под властью скандинавского рода «русь». В 900-е годы их государство со столицей Киевом стало одним из самых могущественных в Восточной Европе, а в 988 году они приняли христианство. От них-то и произошло название страны «Русь». На юго-востоке находились владения тюркских хазар, простиравшиеся от Аральского моря на востоке и до Днепра на западе, от Кавказа на юге и до излучины Волги на севере. Столицей их царства был Атиль (или Итиль) в устье Волги. Официально хазары исповедовали иудейскую веру, но в их стране было немало и других религий. Государство хазар распалось во второй половине 900-х годов. Столицей тюркских приволжских болгар, которые в 920-е годы приняли исламскую веру, был торговый центр Булгар в излучине Волги. В те времена

это был крупнейший центр торговли пушниной. Ценные меха привозились сюда из холодных северных регионов. Спрос на них был велик как на юге, так и на востоке, и торговым людям приходилось проделывать долгий путь по рекам или по караванным дорогам. Здесь шла торговля с арабами и другими восточными народами, и в обращении ходило огромное количество серебряных монет.

Письменные источники, содержащие сведения о народах и племенах на обширной территории Восточной Европы и о походах скандинавов на восток, разрозненны, неравноценны и во многом отличаются от тех, которые повествуют о ситуации в Западной Европе. К тому же, они написаны на самых разных языках и порою с трудом поддаются истолкованию, поскольку для Восточной Европы скандинавы были лишь одними из многих прибывавших сюда чужеземцев, и их этническое определение не всегда бывает четким. Дополнительные трудности связаны с тем, что до последнего времени лишь немногие западноевропейские ученые получали возможность познакомиться и изучить скандинавские археологические находки на территории бывшего Советского Союза. Зачастую многие воззрения и истолкования свидетельств пребывания скандинавов на Руси и, в частности, их роли в создании древнерусского государства, были продиктованы националистическими пристрастиями. Следует, однако, признать, что в последние годы дискуссии по этому вопросу приобрели более взвешенный характер. Важнейшим письменным источником по истории Руси являются летописи Нестора, известные как «Повесть временных лет», написанная в Киеве в первые два десятилетия XII века. Однако отдельные сведения можно найти и в арабских географических сочинениях. Так, арабский историк Ибн Фадлан в 922 году рассказал о пребывании скандинавских купцов на Волге и описал погребальный обряд после смерти одного из них. Немаловажные данные содержат византийские источники. А в западноевропейских хрониках говорится преимущественно о западных славянах. Особую группу письменных источников представляют собою скандинавские памятные камни с руническими надписями, в которых часто встречаются упоминания о походах викингов в Восточную Европу и Византию. Почти все они относятся к Швеции XI века. Следует также сказать о поэзии скальдов и об исландских сагах, в которых походы викингов в восточные страны окрашены ореолом романтики и приключений.

По другую сторону Балтийского моря

Задолго до эпохи викингов выходцы из районов нынешней Швеции селились на южном и восточном побережье Балтийского моря. В Гробине (Курляндия, ныне Латвия) были обследованы скандинавские погребения, относящиеся приблизительно к 650-850-м годам, а в Эльблонге у Гданьской бухты, в районе Вислы, были обнаружены захоронения эпохи викингов или даже еще более раннего периода, вплоть до 700-х годов. В обоих местах были найдены многочисленные, типично готландские украшения, а также другие предметы скандинавского происхождения, что свидетельствует о пребывании выходцев из Швеции также и в этом районе.

Гробиня, вероятно, соответствует городу Сеебургу, о котором упоминается в «Жизнеописании Ансгария». Здесь мы находим рассказ о неудачном походе данов и о победоносном походе свеев против куршов. Это произошло примерно в 850 году, во время второй поездки Ансгария в Бирку. Сообщается, что курши до этого уже находились под владычеством свеев. Теперь они были вновь поработены ими, и король Бирки Олав обложил их данью. Будучи предводителем этого похода, он захватил не только Сеебург, но также и Апулию. Речь здесь, вероятно, идет об Апуоле, находящемся примерно в 40 километрах юго-восточнее Гробиня. Об этом свидетельствует сходство названий и, кроме того, здесь находится большое укрепление, относящееся к эпохе викингов. Вблизи Эльблонга находилось торговое поселение Трузо, куда прибыл купец из Хедебю Вульфстан после семи дней пути по морю. Рассказ о его путешествии, равно как и о походе северонорвежского хевдинга Оттара, был включен в новое издание всемирной истории древнего мира,

написанной испанцем Оросиусом и повторно опубликованной в 890 году английским королем Альфредом.

На протяжении всей эпохи викингов письменные источники содержат разрозненные сведения о военных и торговых походах скандинавов в страны Балтийского региона. Сообщается о взимании ими здесь дани, о заключении военных и политических союзов, о торговых сделках. Однако ни один из этих письменных источников не восходит непосредственно к данному региону. С другой стороны, о контактах со Скандинавией свидетельствуют археологические находки, сделанные на месте многих из тех торговых центров, которые возникли на южном и восточном побережье Балтийского моря. При раскопках здесь были обнаружены также следы скандинавских поселений. Следует, однако, подчеркнуть, что скандинавы никогда не были в этих местах преобладающей частью населения, хотя кое-где они и обладали некоторое время политической властью. И нигде на всем побережье Балтийского моря не удалось обнаружить свидетельств того, что скандинавы занимались здесь земледелием. Очевидно, они, подобно многим другим чужеземцам, являлись сюда, главным образом, торговать. Наряду с торговыми людьми, прибывавшими сюда из самых разных стран, они стремились принять участие в процветающей торговле на Балтике. Они покупали местные товары, такие, как соль, янтарь, воск, мед, шкуры, меха и рабов. Средневековый историк Адам Бременский пишет в 1075 году о городе Юмне, который, вероятно, соответствует городу Волин в устье Одера. Он называет этот город крупнейшим из всех городов Европы (что было, несомненно, некоторым преувеличением) и сообщает, что в городе живут славяне и другие народы, такие, как, например, греки (то есть византийцы), варвары и даже саксы, которым, однако, приходится скрывать свою принадлежность к христианской религии. Вполне возможно, что некоторые скандинавы, жившие и умиравшие в этих торговых центрах, служили наемниками в войске местных властителей, как они делали это и во многих других странах. Несомненно также и то, что многие из этих торговых центров подвергались разграблению скандинавами на всем протяжении эпохи викингов, хотя об этом почти никогда прямо не упоминается в письменных источниках того времени.

Здесь на Балтике сходились важные торговые пути. Это были и сухопутные тракты, и речные пути Восточной и Центральной Европы, и морские пути от Скандинавского полуострова вдоль побережья Балтийского моря и через него. Здесь нередко вырастали богатые торговые центры. В частности, на пути с запада на восток возникли Ольденбург и Старый Любек, Рерик, чье точное расположение является предметом споров, и одна из версий предполагает Гросс Стремкендорф у бухты Висмар. Все эти центры находились на территории нынешней Германии, включая Ральсвик на острове Рюген и Менцлин близ истока реки Пене. В Польше находились Волин, Колобжег и Трузо, в русском княжестве – Вискнаутен (Вишнево) и в Латвии – Гробин, а у Финского залива, там, где река Волхов впадает в Ладожское озеро, находилась Старая Ладога, контролировавшая большую часть торговли Древней Руси. Во всех этих, равно, как и во многих других местах, археологические раскопки свидетельствуют о связях со Скандинавией, и в орбиту этих обширных торговых связей были вовлечены также шведские торговые центры Бирка и Хедебю.

В поздний период эпохи викингов повсюду на территории Швеции воздвигались рунические камни в память о тех, кто принимал участие в сражениях и походах на восточное побережье Балтийского моря.

Так, в Мервалла, в Седерманланде, некая Сигрид воздвигла камень в память о своем муже Свене, и на нем были высечены такие слова:

Он часто ходил морем
До Семигалии
На богатых судах,
Огибая мыс Домеснес.

Мыс Домеснес это опасная северная оконечность Курляндии, которую суда огибали перед входом в Рижский залив, близ устья Двины, а Семигалия – равнина в Латвии к югу от нижнего течения Двины. На других камнях можно встретить упоминания о Самланде (у юго-восточной оконечности Балтийского моря), о Виндой (Виндау, гавань чуть южнее мыса Домеснес), об Эстланде, Вирланде (северо-восточная часть Эстонии, у Финского залива), Финляндии (вероятно, речь идет о юго-западной части нынешней территории страны), а также о Тавастеланде (Тавастландия, северная часть внутренней Финляндии). О тесных связях между Швецией и Финляндией свидетельствуют также многочисленные археологические находки. Вместе с тем, захваты земель шведами и их поселения здесь имели место лишь в 1200-х годах, и письменных свидетельств о Финляндии эпохи викингов и раннего Средневековья сохранилось чрезвычайно мало.

Многочисленные связи с востоком оставили в Швеции заметный след, особенно в ее восточной части. Одним из таких свидетельств является обнаружение множества украшений, привезенных сюда из восточных земель. Влияние это обнаруживается и в Дании. Кроме того, через эти земли проникало на Скандинавский полуостров влияние великой культуры Востока. Сюда же стекались многочисленные сокровища из Восточной Европы, Византии и Халифата. В частности, речь может идти об арабском серебре.

Вполне естественно, что тесные связи существовали также между датчанами и самыми западными из западных славян, которые были их соседями. Изредка в западноевропейских письменных источниках встречаются довольно подробные сведения об этом, но лишь в тех случаях, когда это непосредственно касается интересов самих западноевропейских государств. После завоевания франками Саксонии в конце 700-х годов как даны, так и словене оказались соседями государства франков. Франкские хроники начала 800-х годов повествуют о союзе между данами, которыми правил король Годфред, западнославянскими племенами вильцев, с одной стороны, и королевством франков и западнославянским племенем ободритов, с другой стороны. В 808 году, то есть в тот год, когда король Годфред напал на приграничные земли саксов, он при поддержке вильцев предпринял также большой военный поход против славянского племени ободритов. Он обложил данью треть племени, разорил их торговый центр Рерик, получив от населения множество сокровищ, а уцелевших купцов переселил в шведский торговый центр Хедебю. Год спустя предводитель ободритов Траско был убит людьми Годфреда в Рерике (который, вероятно, еще не совсем прекратил свое существование). В 817 году ободриты заключили союз с сыновьями Годфреда, а после смены королей на датском троне они опять перешли на сторону франков.

В 983 году славянские племена, объединившись в большой союз, вместе с данами предприняли военный поход против германского государства, расширившего свои владения на восток и на север, и германцы были вытеснены из захваченных ими земель. В этот же период нередко заключались браки между скандинавскими королями и дочерьми западнославянских князей. Так, король данов Харальд Синезубый был женат на дочери князя ободритов Мистивоя. Жена его воздвигла рунический камень в Южном Виссинге (Средняя Ютландия) в память о своей матери, имя которой неизвестно. О себе же она сообщила следующее: «Туве, дочь Мистивоя, жена Харальда Доброго, сына Горма». А сын короля Харальда Свен Вилобородый женился на принцессе из недавно возникшего польского королевства, которая до этого была замужем за королем сеев Эриком Победоносным.

Начиная с этого времени и почти до конца XII века, Восточная Дания и Швеция испытывали на себе сильное влияние западных славян. Несомненно, оно проявлялось очень широко, однако на сегодняшний день о нем можно судить в основном по керамическим изделиям и украшениям. Но не исключено, что скандинавы учились у славян строительству мостов, а те в свою очередь учились у скандинавов искусству кораблестроения. Вероятно, часть славян поселилась на островах Южной Дании. В 1000-е годы военное превосходство оказывается на стороне славян, и после смерти короля данов Кнута Великого начинается долгий период военных походов славян на суше и на море. Один из таких славянских набегов был остановлен на пустоши Лирсков Хеде королем Норвегии Магнусом Добрым, который в 1042-1047 годах был одновременно и королем Дании. Легенды гласят, что одержать победу в этом сражении Магнусу помог его покойный отец, Олав Святой. В честь этого события Магнус велел отчеканить в Хедебю специальную монету с изображением Олава с топором, атрибутом его святости. Это самое древнее изображение короля Олава как святого. Но он был также викингом, прославившимся своими подвигами во время походов на восток и на запад. Одно время он вместе со своим малолетним сыном Магнусом были изгнанниками и нашли приют при дворе русского князя. Их история показывает, что норвежцы также предпринимали походы в восточные земли.

На пути к богатствам Востока

С эпохой викингов началось проникновение скандинавов на территорию Руси. Как уже отмечалось выше, они основывали колонии в разных местах на южном и восточном побережье Балтийского моря. Однако самые ранние находки следов пребывания скандинавов в России были сделаны при раскопках в Старой Ладоге, причем, в древних слоях, относимых к 700-м годам. Находки эти, впрочем, весьма немногочисленны, и одновременно раскопки показали, что здесь обитали также финно-угорские, балтийские и славянские племена. Более многочисленные находки, включая те, что были обнаружены в захоронениях, относятся уже ко второй половине 800-х годов и к последующим столетиям. Такие открытия были сделаны и в других регионах Руси. В этот период Старая Ладога, которая в древних скандинавских сагах называется Альдейюборг, становится хорошо известным пунктом на пути из Скандинавии в глубь Руси.

Находка в Старой Ладоге клада древних арабских серебряных монет – дирхемов чеканки 749 и 786-х годов наряду с отдельными монетами чеканки 700-х годов -свидетельствует о том, что торговать сюда приезжали издалека и что арабское серебро играло одинаково важную роль в экономике Руси и скандинавских стран на протяжении почти всей эпохи викингов. Следует отметить, что в период с 800 по 1015 годы в страны Скандинавии поступало огромное количество этих серебряных монет. Многие из них были переплавлены в украшения, но даже при этом их в Скандинавии было найдено свыше 85 тысяч, причем большая их часть была обнаружена в Швеции, в особенности на острове Готланд. Они датируются в основном 900-ми годами.

Свыше 80 тысяч арабских монет найдено в Швеции, между тем как в Дании их известно всего около 4 тысяч, а в Норвегии и вовсе не более четырехсот. Эти цифры говорят

о степени вовлеченности разных стран в торговлю на Балтике и на Руси, а что касается Дании и Швеции, то это также свидетельствует о близости экономических систем, поскольку и там и тут было принято рассчитывать при торговых сделках не товарами, а серебром и монетами. Отсюда столь распространенное хождение монет в этих странах и в этом причина обнаружения большого количества кладов серебряных монет на Готланде. Монеты были также в ходу на побережье Балтийского моря и в Киевской Руси. Но приток их не был постоянен, как не были постоянными и пути, по которым они прибывали в эти регионы. Временами поступление монет прекращалось.

Письменные источники, в которых содержатся сведения о походах скандинавов в Восточную Европу, не дают цельной и связной картины этого процесса. Притом лишь немногие из них относятся непосредственно к тому времени. Однако с помощью археологических находок и, в частности, многочисленных кладов серебра, можно очертить некоторые общие тенденции. Следует также учесть, что походы скандинавов на восток, несомненно, имеют общие черты со столь хорошо изученными походами викингов на запад.

Арабские монеты появились на Руси примерно около 800-х годов. Они пришли сюда с Ближнего Востока, с территорий нынешних Ирака и Ирана через Кавказ и Каспийское море и использовались при торговых сделках в хазарском каганате, находившемся у нижнего течения Волги и Дона. Отсюда они распространялись дальше, и самые древние известные нам клады арабских монет, относящиеся к началу 800-х годов, были обнаружены на побережье Балтийского моря и в Скандинавии.

Интересно отметить, что в зарытых здесь кладах, относящихся к 800-м и началу 900-х годов, встречаются русские серебряные шейные гривны (так называемые пермские гривны), но здесь они чаще всего закручены в спирали, так что их можно было использовать как браслеты. Они имеют определенный вес – 100, 200 или иногда 300 граммов, что соответствует 1/4, 1/2 или 3/4 «гривны» в русской весовой системе. Кстати, первоначально «гривна» и означала, по сути дела, «шейный обруч». Видимо, эти обручи использовались одновременно и как украшения, и как средство оплаты, подобно браслетам в Шотландии. В качестве шейных обручей они были особенно широко распространены в районах Перми и Кирова.

Однако в период приблизительно с 875 до 900-х годов поступление арабских монет на Русь, а следовательно, и в Скандинавию, прекратилось. Возможно, это было связано с ослаблением торговых связей между Халифатом и Русью. А к тому времени, когда эти связи вновь укрепились, картина уже была совершенно иной. Монеты, которые стали поступать в этот период, приблизительно до 970-х годов, чеканились в исламском царстве Саманидов в Средней Азии, севернее реки Окс, в частности, в Самарканде и Ташкенте. Здесь находились большие серебряные рудники, и здесь же чеканилось огромное количество монет высшего качества, которые миллионами поступали на Русь и применялись для оплаты дорогостоящего товара. Часть их проникала дальше, в Скандинавию. Именно в это время город Булгар в излучине Волги стал не только крупным торговым центром для торговли пушниной, но и местом, где имело хождение это, столь высоко ценившееся серебро.

Между тем вскоре после 965 года мощный поток серебра в Скандинавию неожиданно иссякает. Причины этого неясны, однако несомненно, что острая нехватка серебра вызвала серьезный кризис. Не исключено, что именно вследствие этого кризиса в 975 году прекращает свое существование Бирка, а король данов Харальд Синезубый в 974 году вынужден уступить превосходящей силе германцев. Вероятно, не что иное, как этот дефицит серебра вынудил многих скандинавов обратить свои взоры на запад, к богатой Англии. К

концу 900-х годов приток арабского серебра в Скандинавию возобновился, но в весьма малых количествах, а уже к 1015 году он иссякает окончательно.

Трудно предположить, что все эти огромные количества серебра арабские купцы оставляли в Скандинавии в уплату за скандинавские товары или за те товары, что поступали сюда из Западной Европы. Все то, что могла предложить Скандинавия, а восточные купцы захотели бы купить, в избытке имелось в Восточной Европе, находившейся гораздо ближе. Там продавались и меха, и моржовый зуб, рабы, воск, мед и янтарь. Как уже отмечалось, скандинавы были здесь лишь одними из многих торговых людей, а предметы роскоши из Западной Европы доходили до Руси, Византии и Халифата либо через Средиземное море, либо через Европу. Речь идет о большом торговом пути из Майнца через Прагу до Киева, а оттуда дальше на восток или на юг.

Впрочем, вполне возможно, что скандинавы продавали на Руси мечи собственного или западноевропейского производства. С другой стороны, из письменных источников явствует, что скандинавы вынуждали местное население платить дань либо серебром, либо товарами и вдобавок регулярно совершали опустошительные набеги. Так, в 860 году они даже попытались захватить Византию, когда там отсутствовал император. Они не оставляли подобных попыток и позднее. Те же источники сообщают о военных походах скандинавов через Каспийское море и о торговых поездках до самого Багдада. Здесь, так же, как и в Западной Европе, существовали большие торговщища, на которых скандинавы могли сбывать полученную дань или добычу от удачных набегов, получая за это серебряные монеты. Наряду с этим, в 900-1000-е годы многие скандинавы нанимались на службу в войско русских князей или византийских императоров. Здесь они также получали плату серебром, которое затем привозили домой, в Скандинавию. Одним из таких людей был, вероятно, и тот, кто вырезал руны на мраморной балюстраде главной святыни византийских и всех восточно-римских христиан, константинопольской церкви святой Софии. Среди написанного можно различить скандинавское имя Халвдан.

Арабы называли скандинавов «русами», и византийцы также употребляли это название. Происхождение его неизвестно, а иногда оно применялось и к другим племенам. Самое древнее упоминание русов встречается в западноевропейской хронике – «Бертинские анналы». В одной из историй, относящихся к 839 году, здесь упоминается о русах из племени свеев. В ней повествуется о том, что русы, прибывшие с посольством от своего короля к императору Византии, опасаясь нападения варваров и диких племен, не решались возвращаться домой тем же путем, которым они прибыли сюда. Поэтому они присоединились к посольству из Византии, которое направлялось в Ингельхейм к королю Людвигу Благочестивому. Но поскольку его королевство как раз в это время подвергалось свирепым набегам викингов, король, прежде чем выполнить просьбу императора Византии и отправить русов домой, пожелал удостовериться в том, что они не являются согладателями, потому что в этом случае он намеревался отправить их обратно в Византию. В других письменных источниках русами называют вообще всех выходцев из Скандинавии.

Название «русь» мы встречаем также в «Повести временных лет», в частности, в повествовании о трех братьях – Рюрике, Труворе и Синеусе, которых в 862 году призвали на княжение племена северной Руси и Эстонии. Синеус и Трувор умерли два года спустя, после чего Рюрик взял «под свою руку» также и подвластные им земли. Он считается основателем древнерусского княжеского рода, и после его смерти в 882 году его родич Олег, опекавший его малолетнего сына Игоря, стал княжить в Киеве. Киев стал столицей русского княжества, которое вскоре расширило свои владения и достигло большого могущества. Знаменитая легенда о призвании варягов, являющаяся предметом многих дискуссий, гласит:

«В год 6367 (то есть с Сотворения мира. Византийское и древнерусское летоисчисление берет как исходный пункт данное событие, и год 6367 соответствует году 859-му после Рождества Христова. – Э.Р.) варяги из заморья взимали дань с чуди, и со словен, и с мери, и с кривичей... В год 6370 изгнали варяг за море, и не дали им дани, и начали сами собой владеть. И не было среди них правды, и встал род на род, и была у них усобица, и стали

воевать друг с другом. И сказали себе: „Поищем себе князя, который бы владел нами и судил по праву. И пошли за море к варягам, к руси. Те варяги назывались русью, как другие называются шведы, а иные норманны и англы, а еще иные готландцы – вот так и эти. Сказали руси чудь, словене, кривичи и весь: „Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Приходите княжить и владеть нами. И избрались трое братьев со своими родами, и взяли с собой всю русь, и пришли, и сел старший, Рюрик, в Новгороде (некоторые летописи называют Ладогу, то есть Старую Ладогу, и, возможно, что это так, но не исключено также, что речь идет о городище на реке Волхов, в 2 км к югу от нынешнего Новгорода. – Э.Р.), а другой, Синеус, – на Белоозере, а третий, Трувор, – в Изборске. И от тех варягов прозвалась русская земля. Новгородцы же – те люди из варяжского рода, а прежде были словене».

Разумеется, эти события, относящиеся к 800-м годам, носят легендарный характер, поскольку, как уже говорилось, «Повесть временных лет» была написана в Киеве в начале XII века. Но в тот период данная версия была принята, а скандинавские имена старейших представителей княжеского рода могут означать, что они и в самом деле происходили от скандинавов: Рюрик (в то время в Фрисландии был известен датский предводитель по имени Рюрик. Однако это едва ли одно и то же лицо), Олег (Хельге), Игорь (Ингвар), его жена Ольга (Хельга). А Олег, Игорь, Ольга известны нам по надежным историческим источникам. Начиная с сына Игоря и Ольги, Святослава (который княжил в 957-973 годы), русские князья стали носить уже славянские имена. В 988 году сын Святослава Владимир принял христианство по византийскому образцу, а в период княжения его сына Ярослава Мудрого (1019-1054) связи со Скандинавией упрочились, благодаря бракам между семьями властителей. Сам Ярослав был женат на Ингегерд, дочери шведского короля Олафа Шетконунга, а его дочь вышла замуж за короля Норвегии Харальда Сурового Правителя, который совершил много подвигов и добыл большое богатство, служа в войске императора Византии. При дворе Ярослава Мудрого нашли прибежище король Олав Святой и его малолетний сын Магнус, когда они были изгнаны из своей земли в 1028 году королем Кнудом Великим.

С конца 800-х годов устанавливаются тесные связи между Киевской Русью и Византией. В 907, 912, 945 и 971-м годах были заключены договоры с Византией (они приводятся в «Повести временных лет»), которые регулировали торговые и военные отношения между государствами, а после того, как на Руси было введено христианство, эти связи еще более упрочились. Сильное влияние Византии и Востока, проявлявшееся в Скандинавии, в особенности в Восточной Швеции и на Готланде, шло, вероятно, скорее, через Киев, а не прямо из Византии и Халифата. Как уже упоминалось, это влияние, в частности, обнаруживается в наличии множества импортируемых вещей и в стиле одежды у высших классов Бирки, а также в известном влиянии восточно-римской церкви. Вот один из ярких примеров. Расписные пасхальные глиняные яйца как символ Воскрешения, которые изготавливались в окрестностях Киева, можно было также найти во многих местах Швеции.

На Руси жили не только скандинавы королевской крови, но и многие другие. В письменных источниках, таких, как, например, названные выше договоры, упоминаются лица, носящие скандинавские имена. Интересно, что в славянских языках можно встретить целый ряд скандинавских заимствований, которые в ходу и по сей день. Так, допустим, слово «ларь» (сундук, ящик) происходит от скандинавского «лар». Многие из этих скандинавов умирали на Руси, и в их числе было немало женщин, захоронения которых можно опознать по овальным фибулам на одежде. Они, равно, как и мужчины, были погребены на обычных кладбищах вместе с местным населением, и это свидетельствует о том, что отношения между местными жителями и пришлыми скандинавами были вполне дружескими. Такие кладбища с единичными или групповыми захоронениями скандинавов встречаются в разных местах вдоль рек в центральной России, а также нередко близ городов или торговых поселений. В частности, у Старой Ладogi и в Юго-восточном Приладожье, у истоков Волги, к югу от озера Ильмень, у Ярославля, в верхнем течении Волги, и неподалеку от торгового центра Булгар. Подобные могильники были также найдены около Гнездова на Верхнем Днепре, неподалеку

от Двины, близ Чернигова, у притока Днепра Десны и в Киеве.

В этих, и во многих других местах, вплоть до Южной России и Украины, были найдены многочисленные предметы скандинавского происхождения, либо отдельно, либо на месте поселений. Они включают, в частности, 12 арабских монет с вырезанными на них рунами и еще не менее пяти других рунических надписей, из которых одна, найденная в Старой Ладоге, представляет собою стихотворение, а другая вырезана на руническом камне небольшого острова Березань в Черном море около устья Днепра.

Скандинавских находок очень много как в России, так и на Украине. Одних только овальных фибул найдено, по меньшей мере, 187, то есть гораздо больше, чем по всей Западной Европе. По аналогии с условиями в Западной Европе, где скандинавские бонды захватывали земли и начинали возделывать их, можно предположить, что и на Руси некоторые скандинавы становились земледельцами, особенно там, где ландшафт напоминал им окрестности шведского озера Меларен и откуда было рукой подать до родных краев. Одним из таких мест был, к примеру, район Ладожского озера. Однако следует отметить, что большинство скандинавских поселений в Восточной Европе носили все же явно временный характер. Это были своего рода торговые подворья, где скандинавы поселялись на время, только для того, чтобы скупить местные товары и отправиться с ними на большие торговщища, где они также задерживались на некоторое время, поскольку путь домой был долог. Некоторые из таких поселений, вероятно, представляли собой сочетание торгового двора и военного лагеря, наподобие тех, которые существовали в завоеванной викингами Ирландии. В таких поселениях жили и женщины. Вместе с тем, повторяем, некоторые из скандинавов, вероятно, поселялись на землях Киевской Руси навсегда.

Что касается искусства, то в нем выделялись, прежде всего, художественные стили Борре и Йеллинг, они же использовались и мастерами-ремесленниками в Восточной Европе. Здесь, как и в других местах, начало возникать смешанное искусство, однако поскольку скандинавские и славянские формы выразительности резко отличались друг от друга, то смешение двух стилей создавало своеобразное, гротескное искусство необычайной силы, фантазии и выразительности.

Великие водные пути и памятные камни

На сегодняшний день едва ли возможно обнаружить на территории России и Украины географические названия скандинавского происхождения. Но в эпоху викингов скандинавы обычно называли по-своему крупные города и, что особенно характерно, Днепровские пороги в нижнем течении реки южнее Киева, которые многим из них приходилось миновать по пути в Византию. Название самого опасного из них, порога Айфур, встречается, например, в сочинении византийского императора Константина Багрянородного, относящемся примерно к 950 году, а также на одном из готландских рунических камней, где сказано: «Они дошли до Айфура». Между тем на славянском языке он назывался Ненасыть (или Ненасытецкий).

Эти сведения можно найти в труде императора Константина «De administrando imperio»

(«Как управлять империей»). Он, в частности, рассказывает о том, как русы ездили из Киева в Византию. В июне месяце (когда вода достаточно спадает после таяния снегов) путешественники съезжаются со всех мест в Киев, а оттуда уже все вместе отправляются в путь. Южнее Киева Днепр течет широко и спокойно, но, прежде чем достичь Черного моря, приходится миновать семь порогов. Через некоторые из них с уда лишь проводятся с особой осторожностью, но, чтобы преодолеть другие, такие, как, например, Айфур, суда приходится тащить волоком или нести на себе по сухопутью. И на этом пути во многих местах путников подстерегают опасности нападения. Миновав последний порог, они делают привал на одном из островов и приносят жертвы, в том числе живых петухов, а также бросают жребий перед тем, как принять то или иное решение. Перед тем как пуститься в плавание по Черному морю, они опять делают привал, на этот раз на острове Березань, а затем продолжают путь на Византию, мимо дельты Дуная.

Автор ничего не сообщает о том, какие товары они везли помимо рабов. Но в завершающем разделе повествования говорится, что в ноябре русы отправляются из Киева за платой к своим данникам, а в апреле возвращаются обратно. Скорее всего именно эти товары, полученные в качестве дани, они и продавали. Ничего нельзя также узнать о том, чем они занимались в Византии, однако в одном из упоминавшихся выше договоров с Византией сказано, что русам предоставляется право покупать там шелк за строго установленную плату, и большая часть шелка, появлявшаяся в Скандинавии в эпоху викингов, вероятно, поступала оттуда именно таким путем. Следовательно, эти товары, пользовавшиеся большим спросом, имели экспортные ограничения, а те товары, которые привозились на север, без сомнения, облагались пошлиной как в Киеве, так и во всех других местах, где торговля поддавалась контролю.

Путь от Византии до Балтийского моря кратко описан в «Повести временных лет». Он шел через Черное море до Днепра, а от верховьев Днепра через волок до реки Ловать, впадающей в озеро Ильмень. Далее по реке Волхов, впадающей в Ладожское озеро, а оттуда по Неве, к Балтийскому, «Варяжскому», морю. На этом пути скандинавы миновали Киев, Новгород и Старую Ладугу. Однако, как отмечалось, можно было избрать другой путь и от Днепра повернуть к Западной Двине, а оттуда через Рижский залив к Балтийскому морю. Восточный путь к Волге и стоявшему на ней городу Булгар, должно быть, проходил от Ладожского озера по реке Свирь до Онежского озера, а оттуда путешественники, свернув на юг и пройдя отрезок пути по суше, выходили к той реке, что вела к Белоозеру и городу, носящему то же название. Именно в этом краю, согласно легенде, в 862 году утвердился брат Рюрика Синеус. Отсюда путь лежал по реке до самой Волги, которая в этом месте уже достигала километра ширины. Можно было выйти к Волге также от озера Ильмень, но и здесь приходилось пройти отрезок пути по суше.

Некоторые из тех, кто в X веке сумел добыть для себя на Востоке богатства, золото или заслужить славу, часто упоминаются в рунических надписях на памятных камнях, особенно в Восточной Швеции. Многие из них, возвратившись домой с большой добычей, использовали завоеванное богатство разумно и с толком. Об одном из таких людей рассказывает надпись на камне в районе Веды (Упланд): «Торстейн воздвиг этот камень в память об Эрнмунде, сыне своем, и купил эту усадьбу, и добыл свое богатство на востоке в Гардарике» (то есть на Руси).

Другие надписи рассказывают о павших героях. Такова руническая надпись в Туринге (Седерманланд), высеченная в память о хевдинге Торстене и его брате: «Братья были лучшими из мужей в стране и в воинском походе. Они заботились о своих дружинниках. Он пал в битве на востоке в Гардарике. Предводитель дружины, лучший из сородичей».

В некоторых из рунических надписей упоминается Новгород (Холмгард), но нигде нет упоминания о Старой Ладогге и Киеве. С другой стороны, часто встречается упоминание о Византии («Греция»). В частности, на камне в Эде, к северу от Стокгольма, рассказывается о герое, возвратившемся домой. Надпись гласит: «Рагнвальд велел вырезать эти руны в память о своей матери Фастви, дочери Онэма. Она умерла в Эде. Да поможет Господь ее душе. Руны

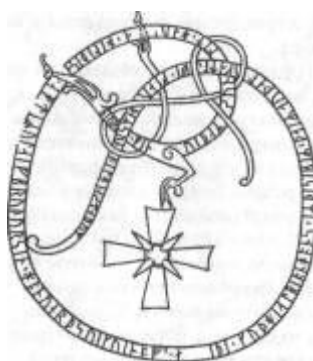
повелел вырезать Рагнвальд. Он был в Греции и был предводителем дружины». По всей вероятности, Рагнвальд служил в личной страже императора. Часто можно найти упоминания о неудачном походе 1040 года под предводительством Ингвара на Серкланд (очевидно, Халифат). Почти никто не вернулся живым из этого похода, а в память об Ингваре и его людях в Швеции было воздвигнуто 25 рунических камней.

Особенно печальной была участь погибшего готландца Родфоса, и его родители воздвигли в память о нем камень в Шонхеме. Надпись на этом камне гласит: «Валахи его предали, когда он был в походе. Да поможет Бог душе Родфоса. Да отвернется Бог от тех, кто предал его». Валахи жили, вероятно, на территории нынешней Румынии.

Но самым великолепным руническим монументом в память о походах викингов на восток является огромный мраморный лев, который не одну сотню лет стерег вход в афинскую гавань Порто Леоне в Пирее. На плече этого льва какой-то швед оставил длинную руническую надпись, вырезанную внутри переплетающихся змеиных тел, так, как это было принято у него на родине. К сожалению, ветры и непогода, а также происходившие в гавани сражения сделали свое дело, и прочесть эту надпись невозможно. Теперь этот лев стоит в Венеции, куда он был перевезен в качестве военного трофея в 1687 году.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мир викингов

Мир викингов был огромен. Он распространился по всей Европе от Скандинавии до Средиземного моря, на восток и на запад, на северо-запад до Исландии, Гренландии и Америки. В эпоху викингов многие искали счастья на чужбине. Иные так и остались в чужих землях, а иные вернулись домой. Суровая действительность требовала своего. Никогда, ни прежде, ни потом, не поминали столь многих скандинавов у них дома за их заморские

подвиги. Их память была увековечена на памятных камнях, в стихах, а позднее – в сагах. Многие из них играли значительную роль на европейской арене. Хевдинг Гастинг был известен своими деяниями в районе Луары, Средиземного моря и в Англии; Годфред завоевал земли во Фрисландии и получил руку королевской дочери, но так и не добыл полцарства. Улав Годфредссон пытался объединить королевства Дублина и Йорка, Кнуд Великий стал королем всей Англии, Дании, Норвегии и части Швеции. Ингольф захватил землю в Рейкьявике, Эрик Рыжий привез землепашцев в Гренландию, Рюрик, Олег и Игорь правили на Руси. Но Ингвар в стране сарацинов и Родфос с острова Готланд, которого предали валахи в южных землях, – какую роль сыграли они?

Огромный мир, многообразие иных культур обусловили множество разных влияний, и колоссальные богатства поступали в этот период в Скандинавию. Никогда прежде развитие не было столь стремительным. Ко времени завершения эпохи викингов скандинавы разительно отличались от тех грабителей, которые совершали разбойничьи набеги в 800-е годы на Линдисфарн, Ирландию, Францию, на Балтику и во многие другие регионы. Теперь в Скандинавии было три больших государства со все углубляющейся центральной властью, со множеством городов и со все ширящейся специализацией. Норвегия и Дания были христианскими странами, а Швеция почти приобщена к христианству, и знаменосцы новой веры усердно стремились искоренить прежний образ жизни и приобщить ее к новым идеалам.

Большие перемены произошли также и в Европе. Возникли новые могущественные государства, а другие перестали существовать. На Руси и в Нормандии властвовали представители скандинавских родов. Теперь в состав Скандинавии входили Юго-Западная Гренландия, Исландия, Фарерские, Шетландские и Оркнейские острова, Гебриды и остров Мэн. Скандинавские территории были в Ирландии, и скандинавы жили во многих местах на южном и восточном побережье Балтийского моря, а также на Руси. В Англии и Нормандии жили многочисленные потомки скандинавских поселенцев, а в самой Англии некоторое время был общий с Данией король.

Если попытаться установить хронологическую границу, отмечающую завершение эпохи викингов, то следует остановиться на 1066 году, хотя время скандинавов к этому периоду уже повсюду завершилось. Походы на западноевропейский континент были в прошлом, и минуло почти столетие с тех пор, как поток арабского серебра иссяк. В 1051 году английское серебро также перестало поступать в Скандинавию. Последние наемные солдаты были отосланы домой, а возможностей обогащаться в других местах больше не было. В 1066 году

был совершен последний большой викингский поход, и в этот период судьба Англии и ее отношения со Скандинавией решились на поле сражения во время двух больших битв, где встретились викинги с самых разных мест, принадлежавшие к разным родам. Силы сражающихся были неравны.

С одной стороны, были норвежцы во главе с королем Харальдом Суровым Правителем, сводным братом Олава Святого, зятем киевского князя Ярослава Мудрого, шурином королей Венгрии и Франции. В прошлом он пережил множество приключений, был начальником в войске византийского императора и принимал участие в сражениях в Сицилии, а под конец стал телохранителем в личной страже императора. Возвратившись с Востока в 1045 году, он привез домой несметные богатства. Спустя 21 год выступил во главе огромной флотилии для завоевания Англии. К нему примкнул английский ярл Тосте, и ему оказали помощь оркнейские ярлы Поул и Эрленд и другие. 25 сентября Харальд Суровый Правитель был убит в сражении, разыгравшемся при Стамфорд Бридж, в 12 километрах к востоку от Йорка. С ним вместе погибла большая часть его войска. Согласно рассказу Снорри Стурлусона, он перед сражением, по обычаю викингов, произнес стихотворение. Первой строфой он был недоволен, а вторая была в скальдическом стиле и звучала так:

Мы в битве
Не прячемся за щитами
Из страха сломать оружие.
Так повелела нам женщина.
Та, чью шею украшает ожерелье,
Просила меня высоко держать голову
В битве, где сшибаются
Мечи и шлемы.

Победителем в битве при Стамфорд Бридж стал король Англии Гарольд Годвинссон, брат Тосте. Он принадлежал к преуспевающему английскому роду. Но стра-юой правили датские короли, в жилах которых текла кровь северян.

Третьим главным персонажем был герцог Вильгельм из Нормандии, потомок того самого Ролло, который в 911 году основал герцогство и который, согласно сагам, был одного рода с Оркнейскими ярлами. 28 сентября 1066 года он высадился в Южной Англии, и в битве при Гастингсе 14 октября Гарольд Годвинссон, который в рекордное время совершил марш

из Северной Англии, был разгромлен и убит. Англия была завоевана потомком викингов, ставшим французом.

Наследниками Харальда Сурового Правителя в Норвегии стали его сыновья Магнус и Олав, а три года спустя Олав стал единодержавным королем. Он получил прозвище «Кюрре», то есть «Мирный». Норвежские короли отказались от экспансионистской политики, главным устремлением их внешней политики было теперь сохранение власти над северными островными территориями – Фарерскими и Оркнейскими островами, островом Мэн и Гебридами, а также сохранение своих интересов в Исландии. Отдельные викингские походы, в том числе из Швеции и Дании, все еще продолжались, но особого значения они не имели.

Новый период экспансии Дании и Швеции приходится на 1100 – 1200-е годы, с походами и завоеваниями на южном и восточном побережье Балтики и в Финляндии. Теперь они получили название крестовых походов. Покоренное население побуждалось к принудительному крещению, а Швеция утвердила свою власть над Финляндией. Но датские завоевания в западославянских регионах и в Эстонии не привели к образованию датских поселений или к сколько-нибудь значительному влиянию здесь датской культуры. Колоссальный избыток энергии, характерный для эпохи викингов, благодаря которому огромные массы людей периодически распространялись по всем уголкам Европы, больше не существовал. Но уже тогда события эпохи викингов дали импульс развитию скандинавской литературы, истории и политики, и вплоть до сегодняшнего дня способствуют национальному самосознанию и чувству единства у скандинавов.
